Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ЧитГУ)

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 4 (55)

CHITA STATE UNIVERSITY JOURNAL

ЧИТА 2009

Основан в 1995 г.

Учредитель:
Читинский государственный университет

Журнал зарегистрирован как СМИ 29.11.2005, регистрационный номер: ПИ № ФС 13 – 2010

Журнал участвует в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Периодичность издания: 6 раз в год

Научные направления журнала, рекомендованные ВАК РФ для публикации результатов исследований на соискание ученой степени кандидата и доктора наук: *искусствоведение, культурология, науки о земле, педагогика, политология, право, психология, филология, философия*

Подписку на журнал «Вестник ЧитГУ» можно оформить в любом почтовом отделении. Подписной индекс по федеральному почтовому Объединенному каталогу Пресса России и интернет-каталогу «Российская периодика» www.palt.ru: 82102.
Подписка осуществляется и через редакцию. Также журнал можно приобрести в розницу. Цена 250 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-69-06
E-mail: rik@chitgu.ru
Web: **www.journal.chitgu.ru**

Все материалы, опубликованные в научном журнале «Вестник ЧитГУ» являются авторскими и защищены соответствующими правами. Перевод материалов и их переиздание в любой форме, включая электронную, возможны только с письменного разрешения Редакционной коллегии.
Вопросы, касающиеся использования материалов журнала, направляйте к главному редактору по электронной почте, либо по почтовому адресу: 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, «Вестник ЧитГУ»

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
Качество иллюстраций соответствует качеству представленных оригиналов

SSN 1999-9976
ISSN (on-line) 2071-7938

Вестник ЧитГУ
теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

Резник Ю. Н. – гл. редактор, д-р техн. наук, профессор, ректор ЧитГУ;
Малышев Е. А. – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе ЧитГУ;
Романова Н. П. – научный редактор, д-р социол. наук, доцент;
Шалавина А. А. – литературный редактор;
Витовская М. А. – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: Ю. Н. Резник, д-р. техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Читинского государственного университета.

Члены редакционного совета: *Н.А. Абрамова, д-р филос. наук, профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита), И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита), И.П. Глазырина, д-р эконом. наук, профессор (Чита), С.А. Иванов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Н.Б. Иметинов, канд. техн. наук, профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. наук, профессор (Чита), Е.А. Кудряшов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Чита), В.И. Летунов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Л.М. Любимова, канд. филол. наук, профессор (Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита), В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск), И.И. Осинский, д-р филос. наук, профессор (Улан-Удэ), А.Б. Птицын, д-р техн. наук, профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Академии наук Киргизии (Хабаровск), Н.Я. Смольников, д-р техн. наук, профессор (Волгоград), В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент (Чита), И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита), М.Л. Титаренко, д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Москва), М.Н. Фомина, д-р филос. наук, профессор (Чита), И.И. Швецова, к. физ-мат. наук, доцент (Чита), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. наук, профессор (Чита).*

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент.

Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-издательского совета ЧитГУ.

Вестник Читинского государственного университета
(Вестник ЧитГУ) № 4 (55). – Чита: ЧитГУ, 2009. – 225 с.
Chita State University Journal. № 4 (55). – Chita St. Univ. Pr. 2009.

© Читинский государственный университет, 2009

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги, прежде всего, поздравляем Вас с началом учебного года. Желаем Вам творческих исканий и плодотворной работы. «Вестник Читинского государственного университета» продолжает свою работу и публикует научные материалы по различным направлениям.

Публикуемые материалы, согласно уже сложившейся в нашем журнале традиции, призваны познакомить читателя с разными научными школами. В этом номере своими мыслями о научных достижениях делятся молодые ученые из Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Твери, Омска, Барнаула, Казани и др.

Продолжают номер рубрики «Юбилейные даты», «Научная жизнь», «Работа диссертационных советов ЧитГУ» в первом полугодии 2009 г. В них мы рассказываем об особенностях системы подготовки научных кадров в ЧитГУ.

Настоящим выпуском значительно расширяется содержание журнала. Мы планируем публикацию официальных документов Федерального агентства по образованию и других материалов, касающихся планирования и организации научной деятельности.

Мы ждем от читателей откликов на публикации, предложений по улучшению не только внешнего облика журнала, но и его рубрик.

Желаю вам приятного чтения!

Ю.Н. Резник, *д- р техн. наук, профессор, ректор ЧитГУ, заслуженный деятель науки*

Юбилейные даты

К 50-летию

Заслуженного деятеля науки и техники Читинской области, Почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, первого проректора ЧитГУ, профессора

Иванова Сергея Анатольевича

ВСЮ ЖИЗНЬ РАБОТАТЬ ТОЛЬКО НА ОТЛИЧНО

29 августа 2009 г. исполняется 50 лет со дня рождения первого проректора Читинского государственного университета, профессора, основателя Забайкальской школы ученых-теплоэнергетиков – Сергея Анатольевича Иванова.

Сергей Анатольевич – коренной читинец. Здесь он родился, окончил школу и политехнический институт (ныне – ЧитГУ). Окончив институт с красным дипломом, он получил направление в аспирантуру ленинградского политехнического института имени Калинина, а после успешной защиты кандидатской диссертации вернулся в свой родной вуз.

Пройдя путь карьерного роста, характерный для многих вузовских руководителей, а именно, преподаватель – доцент – заведующий кафедрой тепловых электрических станций – декан энергетического факультета, в 2000 г. Сергей Анатольевич стал директором энергетического института – одного из важнейших структурных подразделений университета. В 2004 г. по предложению ректора ЧитГУ Юрия Николаевича Резника занял должность первого проректора, где в полной мере пригодились его организаторские способности, лидерские качества и способность принимать самостоятельные решения, проявившиеся еще в первые годы работы на кафедре. А еще надо сказать, что Сергей Анатольевич по своей природе *отличник* с обостренным чувством ответственности за результаты своего труда – все, за что он берется, должно быть четко спланировано, качественно выполнено и, по возможности, доведено до совершенства.

Круг обязанностей одного из первых руководителей университета очень широк, и, сознавая свою высокую ответственность за состояние дел в университете, Сергей Анатольевич отдает административной работе много сил и времени. Положение в системе образования сейчас такое, что останавливаться в своем развитии университету нельзя. Чтобы доказывать свою состоятельность и подтверждать статус классического университета, ему нужно приспосабливаться к новым социально-экономическим условиям. В соответствии с концепцией модернизации высшей школы в университете открываются новые, наиболее востребованные специальности в самых разных направлениях, усиливается классический университетский блок, ведется активная работа по переходу на двухуровневую систему подготовки специалистов.

Несмотря на огромную загруженность, связанную с непосредственным участием в решении стратегических задач, стоящих перед университетом, Сергей Анатольевич продолжает и свою научно-педагогическую деятельность – читает лекции для студентов различных форм обучения по дисциплине «Турбины ТЭС и АЭС», занимается научно-исследовательской работой, работает над докторской диссертацией, активно участвует в научных конференциях и семинарах, осуществляет руководство аспирантами. Под его руководством дважды выигрывались гранты среди вузов России по разделу «Теплоэнергетика». Он является автором более 70 научных публикаций, среди которых несколько авторских свидетельств на изобретения и патентов. Одним из наиболее значительных результатов деятельности С.А. Иванова является «Учебно-научный центр кафедры ТЭС», занимающийся внедрением в производство энергосберегающих мероприятий, дающих значительный экономический эффект. При его непосредственном участии разработана программа «Энергосбережение Читинской области», которая реализуется с 2003 г. В рамках Федеральной программы «Энергосбережение Минобразования» успешно выполняется программа внедрения энергосберегающих технологий в Читинском государственном университете.

Человек активной жизненной позиции, Сергей Анатольевич Иванов активно участвует в работе общественных организаций, являясь действительным членом Международной Академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, членом-корреспондентом Российской Академии естественных наук. Эффективную работу на благо родного города он проводит в качестве депутата Читинской городской Думы.

За заслуги перед областью, многолетний добросовестный труд, большой личный вклад в подготовку специалистов для народного хозяйства С.А. Иванову присвоено Почетное звание «Заслуженный деятель науки и техники Читинской области», кроме того, он награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». В 2007 г. он стал лауреатом Всероссийского проекта федерального уровня «Профессиональная команда страны» по разделу «Образование, наука, культура».

Поздравляя нашего юбиляра, который находится сейчас в самом расцвете творческих сил, мы желаем, чтобы реализовались все его самые смелые планы и замыслы, чтобы университет, с которым связана вся его трудовая жизнь, развивался и процветал на благо Забайкальского края, истинным патриотом которого является он – коренной читинец, выпускник Читинского политехнического института, а ныне первый проректор Читинского государственного университета – Сергей Анатольевич Иванов.

И.А. Бондарь, *помощник ректора*

Научная жизнь

III Межрегиональная выставка-ярмарка «ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ – 2009»

27-29 мая 2009 г. в Выставочном Центре «Забайкальский» прошла III Межрегиональная выставка-ярмарка «Природные ресурсы – 2009». Организаторами выставки выступили Министерство природных ресурсов и экологии Забайкальского края, Министерство промышленности и энергетики Забайкальского края, Выставочный Центр «Забайкальский».

Читинский государственный университет совместно с Читинским филиалом Института горного дела СО РАН представили на выставке самую большую экспозицию, в подготовке которой приняли активное участие сотрудники горного института и геологического научного центра.

Представленные методики, устройства, способы, технологические схемы и другие научно-технические разработки охватывали широкий круг вопросов в области поисков, разведки, добычи и переработки полезных ископаемых.

Профессор В.П. Мязин представляет Министру природных ресурсов и экологии Забайкальского края А.Н. Тарабарко (слева) научно-технические разработки ЧитГУ и Читинского филиала ИГД СО РАН

Геологоразведочным организациям были предложены: методика прогнозирования рудных месторождений на основе модели стадийной двухфазной миграции химических элементов в полях тектонических напряжений и закономерностей изменения ядерно-геохимических параметров первичных ореолов; методика эксплуатационного оконтуривания с прогнозным выделением переходных зон.

Вниманию горнопромышленных предприятий были представлены технологические схемы кюветно-кучного активационного выщелачивания и активационного стадийного сорбционного выщелачивания металлов при разработке природных и техногенных месторождений; технологии активационного окисления сульфидных минералов с дисперсным золотом, активационного подземного выщелачивания золота, электросорбционного доизвлечения из промышленных стоков ценных компонентов и др.

Особую наглядность экспозиции придали макеты тонкослойного разделителя гидровзвеси и промывочного прибора для обогащения золотосодержащих песков, подготовленные кафедрой обогащения полезных ископаемых и вторичного сырья.

Представленные научно-технические разработки защищены патентами РФ и США.

В рамках выставки Министерство природных ресурсов и экологии Забайкальского края провело круглый стол, посвященный вопросам выделения государственного памятника природы краевого значения «Красная сопка». Данное местонахождение содержит уникальные захоронения, по своему составу не имеющие аналогов в мире.

С целью ознакомления широкой общественности с данным объектом Геологическим научным центром университета была подготовлена соответствующая экспозиция, центральное место в которой заняли отпечатки органических остатков из местонахождения.

По итогам работы III Межрегиональной выставки-ярмарки «Природные ресурсы – 2009» Читинский государственный университет награжден Дипломом I степени.

Т.Б. Бердникова, *начальник ИАО НИУ*

Работа диссертационных советов ЧитГУ в первом полугодии 2009 г.

В первом полугодии 2009 г. работу по рассмотрению и проведению защит диссертационных работ соискателей ученых степеней проводили три диссертационных совета Читинского государственного университета:

– Д 212.299.01 (специальности: 25.00.11 – Геология, поиски и разведка твердых полезных ископаемых, минерагения; 25.00.13 – Обогащение полезных ископаемых; 25.00.22 – Геотехнология подземная, открытая и строительная);

– Д 212.299.02 (специальность 25.00.36 – Геоэкология);

– Д 212.299.03 (специальности: 22.00.08 – Социология управления и 23.00.02 – Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии).

В диссертационном совете Д 212.299.01 успешно защищены пять диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата наук.

1. *А.С. Абушкевич (ООО «Востокгеология»)* представил к защите диссертационную работу на тему «Закономерности размещения полезных ископаемых в рудоконтролирующих складчато-надвиговых структурах Забайкалья по дистанционным методам» на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук по специальности 25.00.11 – Геология, поиски и разведка твердых полезных ископаемых, минерагения.

Научный руководитель д-р геол.-минерал. наук, профессор А.И. Трубачев.

В диссертационной работе соискателем решена важная, имеющая существенное значение для геологической отрасли научно-практическая задача по выявлению закономерностей размещения полезных ископаемых в складчатых и надвиговых структурах Забайкалья дистанционными методами.

2. *С.Р. Таранов (Научно-исследовательский геотехнологический центр ДВО РАН)* выступил с защитой диссертации «Обоснование эффективных физико-химических режимов переработки нетрадиционного и труднообогатимого минерального сырья Камчатского региона» на соискание ученой степени кандидата технических наук по специальности 25.00.13 – Обогащение полезных ископаемых.

Научный руководитель д-р техн. наук, профессор А.С. Латкин.

В работе решена актуальная научно-производственная задача по обоснованию технологических режимов физико-химического обогащения нетрадиционного и труднообогатимого минерального сырья Камчатского региона, установлению возможности его промышленного освоения с использованием конденсатов высокотемпературных геотермальных теплоносителей.

3. *Ю.А. Тюменцев (ООО «ЗабНИИ-Технология»)* защитил диссертацию на тему «Предпроектная сравнительная оценка эффективных методов обогащения кварц-антимонитовых руд месторождения Жипкоша» на соискание ученой степени кандидата технических наук по специальности 25.00.13 – Обогащение полезных ископаемых.

Научный руководитель д-р техн. наук, профессор А. В. Фатьянов.

Объект исследования – кварц-антимонитовые руды месторождения Жипкоша. Цель исследования – разработка высокоэффективных комбинированных схем обогащения кварц-антимонитовых руд при освоении мелких месторождений.

4. *А.В. Кудрявцев (ОАО «Атомредметзолото»)* представил к защите диссертационную работу «Обоснование надежности технологических схем строительства и эксплуатации тоннелей (на примере железнодорожных тоннелей трасс Абакан-Тайшет и Абакан-Междуреченск)» на соискание ученой степени кандидата технических наук по специальности 25.00.22 – Геотехнология подземная, открытая и строительная.

Научный руководитель канд. техн. наук, профессор С.А. Вохмин.

Цель работы – повышение эффективности технологических схем строительства, реконструкции и эксплуатации тоннелей в сложных горно-геологических, горнотехнических и природно-климатических условиях на основе учета фактора надежности.

5. *С.Н. Тимощенков (ОАО «Артель старателей «Бальджа»)* защитил диссертационную работу «Обоснование и разработка эффективной технологии скважинного подземного выщелачива-

ния золота из глубокозалегающих россыпных месторождений (на примере Южного Забайкалья») на соискание ученой степени кандидата технических наук по специальности 25.00.22 – Геотехнология подземная, открытая и строительная.

Научный руководитель д-р техн. наук, профессор Ю.Н. Резник.

Цель работы – инженерно-физическое обоснование и разработка технологии скважинного подземного выщелачивания (СПВ) золота с использованием активного хлора из золотоносных россыпей.

В диссертационном совете Д 212.299.02 проведены защиты трех диссертационных работ (одной докторской и двух кандидатских) по специальности 25.00.36 – Геоэкология.

1. *Т.Н. Александрова (Институт горного дела ДВО РАН)* защитила диссертацию «Развитие методов оценки и управления эколого-технологическими системами при рудной и россыпной золотодобыче и использовании вторичного сырья в Дальневосточном регионе».

Научный консультант: д-р техн. наук, профессор Г.В. Секисов.

Цель работы – достижение значительного снижения негативной нагрузки рудной и россыпной золотодобычи на окружающую среду обоснованием, разработкой и реализацией рациональных методов оценки и управления эколого-технологическими системами и использованием вторичного сырья.

2. *А.С. Воронкова (ГУ «Госэкспертиза», г. Чита)* выступила с защитой диссертации «Инженерно-экологическая оценка содержания тяжелых металлов в поверхностном слое вскрышных отвалов угольных разрезов».

Научный руководитель д-р техн. наук, профессор Ю.М. Овешников.

Объект исследования: территория угольных разрезов «Восточный», «Харанорский», «Тигнинский» Забайкальского края. Цель исследования: оценка степени загрязнения территории угледобывающего предприятия на основе дифференцированного подхода, заключающегося в установлении различных пороговых значений концентрации тяжелых металлов с учетом расстояния от карьера («источника загрязнения»), возраста отвала и установленной категории использования земель после проведения ее рекультивации.

3. *О.В. Сташок (Братский государственный университет)* выступила с защитой диссертации «Методы и анализ оценки атмосферного загрязнения промышленных центров (на примере г. Братска)».

Объект исследования: выбросы в атмосферный воздух от основных промышленных предприятий города: ОАО «Русал – Братск» (Братский алюминиевый завод), ООО «Илим – Братск «Деревообрабатывающий комбинат»», ОАО «Целлюлозно-картонный комбинат», подразделений ОАО «Иркутскэнерго», автотранспорта.

Основная идея работы: для оценки степени атмосферного загрязнения промышленных центров следует использовать вероятностную методику, позволяющую смоделировать возможные зоны загрязнения вредными ингредиентами, поступающими в воздушный бассейн города, с указанием длительности пребывания в атмосфере города повышенных концентраций, превышающих соответствующие экологические нормативы. На основе указанной методики возможно проведение зонирования жилого сектора и разработка градостроительных мероприятий для каждой выделенной зоны.

В диссертационном совете Д 212.299.03 прошли защиты семи диссертационных работ.

По специальности 23.00.02 – Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии к защите на соискание ученой степени кандидата политических наук было представлено три диссертации.

1. *Будаев Б. С. (Бурятский государственный университет)* выступил с защитой диссертации «Институциональные факторы развития современных политических партий в российских регионах (на материалах Республики Бурятия)».

Научный руководитель д-р социол. наук, профессор Э.Д. Дагбаев.

Цель диссертационной работы – выявление и обоснование институциональных факторов развития современных политических партий в российском регионе.

2. М.В. Пантелеева (Дальневосточный государственный технический университет) представила к защите диссертационную работу «Лоббизм в органах государственной власти (на примере парламентов современной России и Японии)».

Научный руководитель канд. филос. наук,

профессор Н.Н. Меньшенина.

Цель диссертационной работы – исследование лоббистских технологий в парламентах современной России и Японии.

3. *А.В. Петров (Иркутский государственный университет)* выступил с защитой диссертации «Демократические выборы как инструмент формирования многопартийности в Сибирском федеральном округе».

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор Ю.А. Петрушин.

Цель исследования – анализ развития многопартийности в Сибири и особенностей электоральных процессов на основе выборов депутатов представительных органов государственной власти субъектов России, входящих в Сибирский федеральный округ.

По специальности 22.00.08 – Социология управления защищено четыре диссертационные работы на соискание ученой степени кандидата социологических наук.

1. *Н.С. Павлова (Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского)* выступила с защитой диссертации «Социальная безопасность молодежи: организационно-управленческое обеспечение».

Научный руководитель д-р социол. наук, доцент М.Б. Лига.

Цель диссертационного исследования – выявить оптимальные механизмы организационно-управленческого обеспечения социальной безопасности молодежи в регионе (на примере Забайкальского края).

2. *А.В. Щеткин (Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского)* защитил диссертационную работу «Качество жизни населения региона как объект социального управления».

Научный руководитель д-р социол. наук, доцент М.Б. Лига.

Цель исследования: выявить и обосновать оптимальные механизмы социального управления качеством жизни населения региона.

3. *А.Н. Ядрищенский (Генеральный директор ОАО "Водоканал-Чита")* выступил с защитой диссертации «Роль управленческой культуры в формировании адаптивного поведения работников (на примере Забайкальского края)».

Научный руководитель д-р пед. наук, профессор К.Г. Эрдынеева.

Основная цель исследования заключается в выявлении условий эффективной управленческой деятельности, в формировании адаптивного поведения субъекта труда.

4. *М.А. Якимов (Глава муниципального района «Приаргунский район» Забайкальского края)* представил к защите диссертационную работу «Управление развитием профессионального ресурсного потенциала муниципальных служащих (на примере муниципальных районов Забайкальского края)».

Научный руководитель д-р социол. наук, доцент Н.П. Романова.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении личностных профессиональных ресурсов муниципальных служащих, обосновании количественных критериев их оценки, выработке основных направлений их развития и совершенствования.

Н.П. Котова, *гл. ученый секретарь*

Искусствоведение

УДК 7.01

Маточкин Евгений Палладиевич
Evgeny Matochkin

ПРОБЛЕМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ НАРОДОВ СИБИРИ

PROBLEMS OF CONTINUITY IN THE FINE ART OF SIBERIA PEOPLE

Статья посвящена проблемам преемственности в зародившемся в XX в. профессиональном изобразительном искусстве коренных народов Сибири, вопросам его синтеза с традициями национального художественного мышления. В рамках системного подхода приводится аналитическое рассмотрение уровней идейно-образного и формально-стилистического плана, на которых происходит претворение художественно-поэтического наследия и традиций

Article is devoted to continuity problems of Siberia people's professional fine art which have arisen in the 20-th century, and questions of its synthesis with traditions of national art thinking. The idea-imagery and formal-stylistic levels of continuity are considered within the limits of the system approach

***Ключевые слова**: изобразительное искусство, наследие, традиции*

***Key words**: fine art, heritage, traditions*

Проблемы преемственности в изобразительном искусстве коренных народов Сибири в конце XX – начале XXI вв. вышли едва ли не на уровень главнейших творческих задач. Поиск преемственных связей, которые бы объединили в один непрерывный историко-художественный процесс развитие изобразительного искусства, осознаётся как насущная культурная задача. Она в то же время является большой и важной научной проблемой, изучение которой позволит яснее представить реальную картину истории искусства Сибири в целом и вскрыть в ней те духовные и художественные традиции, которые наследовались или передавались из века в век.

Мировоззренческий кризис послеперестроечного времени определил широту поиска ценностно-смыслового поля и эстетических пристрастий. Многие художники обратились к далёкому прошлому, к памятникам старины, фольклору, народному искусству, находя точки опоры в исторической памяти.

Прошедшая в 2005 г. в Омске межрегиональная западносибирская выставка «Сибирский миф. Голоса территорий. Образы и символы архаических культур в современном творчестве» широко показала линию преемственности в живописи, графике, скульптуре. Знаменательно здесь слово «миф», которое изначально постулирует признание в совре-

менном эстетическом сознании некой мифологической картины мира. С её помощью появляется возможность, как считал известный этнограф-сибириевед А.М. Сагалаев, адекватного толкования возникшей в иные эпохи мифоритуальной культуры [1; С. 26-27]. Сложение нового живописно-пластического мифа о мифе, надо полагать, и есть основная проблема в выстраивании линии преемственности. Она связана, прежде всего, с эстетическим освоением художественного наследия, требующим больших усилий для изучения археологического материала, проникновения в его образную суть, поскольку полного и цельного изложения истории искусства Сибири, её народов в настоящее время не существует. Многие художники (Н.Я. Третьяков, В.Ф. Капелько, Н.И. Рыбаков, И.И. Ортонулов) для соприкосновения с древностью участвовали в археологических экспедициях.

Подходы к современной интерпретации культурного наследия могут быть совершенно различными. Тут неизбежно встаёт проблема общего и особенного: воплощение вертикальных исторических связей и вечных духовных ценностей. Прямое цитирование источников может привести к сухой реконструкции и этнографизму, а отстранённость от региональной характерности и стремление к мировым универсалиям – к интеллектуальной игре, к отсутствию связей с традициями национального художественного мышления.

В своём конкретном проявлении проблемы преемственности выливаются в проблемы синтеза народного и профессионального искусства, претворения древнего наследия и этнических традиций. Однозначного решения здесь не существует. Ясно лишь, что увлечение чисто формальными особенностями изобразительного языка примитивов, как это было в европейской культуре начала XX в., или доминирование технологических экспериментов отдаляет от преемства этнической поэтики.

Ранее всего проблемы преемственности встали в творчестве первого профессионального художника среди коренных народов Сибири – алтайца Григория Ивановича Чорос-Гуркина. Крутые социальные сдвиги были еще впереди, и в своих дореволюционных произведениях Гуркин отразил образы и представления своего народа, во многом сложившиеся ещё в эпоху мифопоэтического мышления. Ученик И.И. Шишкина, воспитанник передвижнической системы, он искал такие средства выразительности, которые бы отразили видимую и невидимую ипостась мира, традиции национального художественного мышления. Подчас Гуркин напрямую сопоставлял элементы условной изобразительности с академической школой, что не было в полной мере органично («Вечер на озере Ак-Кем», 1915). В то же время стремление передать глубинную эпику фольклорных образов не всегда в должной мере отвечало стилевому поиску и осознанию скрытого этнокультурного подтекста человеком, давно утратившим языческое мироощущение и не знакомым с духовными ценностями аборигенных культур. Не случайно Гуркин в каталогах давал пояснения к своим произведениям, чтобы пробудить реновацию мифа. Тем не менее, знаменитое полотно «Хан-Алтай» (1907) было воспринято томскими коллегами лишь как замечательный реалистический пейзаж без учёта его национального своеобразия.

Не могла быть приемлемой и насаждавшаяся в советское время форсировка трансформации традиционного сознания. Показательна в этом плане история с иллюстрациями к роману А.Л. Коптелова «Великое кочевье». Писателю пришлось отказаться от рисунков Гуркина, поскольку они мало соответствовали духу советского времени, той новой мифологии, которую несли социалистические преобразования.

Самобытным путём шёл второй мастер алтайского искусства Николай Иванович Чевалков, с успехом дебютировавший на выставке «Новой Сибири» в 1927 г., хотя и не получивший академического образования. Направляющей линией его творчества стало соединение архаики с достижениями западного и

русского авангарда. Общей точкой соприкосновения здесь была, говоря словами П.Д. Муратова, «близость каких-то самых общих законов формообразования народного и профессионального искусства» [2; С. 58].

При обсуждении проблемы «сибирского стиля» на конференции «Новой Сибири» у всех на устах было творчество Поля Гогена как образец синтеза европейского и «туземного» искусства. Дискуссия, столь оживленно развернувшаяся на первом съезде сибирских художников, так и осталась незавершённой, и многое здесь было осуждено поверхностно и отвергнуто вместе с тем ценным, чем жила тогда эстетическая мысль.

В советском искусстве проблемы преемственности ставились на уровень главных идеологических задач: «В национальной культуре в прошлом надо уметь отбирать те её элементы, которые действительно жизнеспособны и не противоречат нашим классовым, социалистическим критериям, которые помогают идти вперёд» [3; С. 52]. Такая политика в отношении национальных «элементов», дозволенных к отбору, привела к тому, что зародившееся на Алтае и в Бурятии самобытное творчество художников из коренных народов Сибири – алтайца Н.И. Чевалкова, бурятов Ц. Сампилова, Р. Мэрдыгеева, И. Дадуева, Г. Эрдынийна, А. Хангалова, так ярко заявивших о себе в 1920-х гг., вскоре утратило оригинальную национальную окраску.

В конце XX в. в связи с процессами возрождения культур народов азиатской России вновь встали на повестку дня проблемы преемственности и освоения начинаний первых аборигенных станковистов. Их поиски находят продолжение в наши дни у многих деятелей искусства.

В своей работе профессиональные мастера привносят на полотно рефлексию современности и обращаются к тому или иному пласту художественного наследия в основном сознательно, в соответствии с решаемыми задачами, с той или иной степенью творческой переработки. В этом плане возникают вопросы: на каких уровнях – идейно-образных и формально-стилистических решаются проблемы преемственности?

Несомненно, подобное аналитическое рассмотрение нельзя считать чётко разграниченным, поскольку форма и содержание художественного произведения взаимосвязаны и в конечном итоге неразделимы. Условно в рамках системного подхода можно выделить три последовательных уровня в претворении профессиональными художниками своего национального наследия. В каждом конкретном случае преемственность может быть реализована каким-то одним определённым путём или же их совокупностью. Здесь многое зависит от творческого замысла художника. Например, этнический примитив кумандинца Н. Чепокова – плоть от плоти фольклорного видения мира, в котором и идейно-образное содержание, и его художественное воплощение реализуются в русле преемственности, охватывающей все вводимые нами подразделения. Также и в искусстве хантыйского художника Геннадия Райшева смелые и оригинальные выразительные средства созвучны современным живописным открытиям и близки языку народного творчества, а образы – национальной поэтике, символическим иносказаниям и развёрнутым метафорам.

Решение проблем преемственности в сфере чисто художественной формы можно классифицировать в пределах трёх иерархических уровней: на уровне отдельных художественных приёмов, на уровне методов стилизации и на уровне особенностей изобразительного мышления.

В оформлении алтайского героического эпоса И. Ортонуловым можно выявить все три уровня творческого отношения к наследию. Цитирование отдельных художественных приемов наблюдается в изображении животных с вывернутыми крупами, помеченными знаками-запятыми. Уровень, приводящий к определенной стилизации образов, просматривается в рисунках, навеянных декоративизмом кудыргинских и скифских древностей. Более

высокий уровень виден в графических вариациях на тему вымышленных звериных существ, где вновь апробируется способ анималистического фантазирования.

Чаще всего сибирские мастера обращаются к методам стилизации художественной формы памятников древности и традиционной изобразительности. У Чечек Монгуш сосуществуют традиции ламаистских танок и этнографических рисунков тувинцев. Народная струя преобладает у С. Ланзы и Н. Саая, у юкагира Н. Курилова, вырезающего оленей в русле многовековой анималистики. Если хакас А. Ултургашев тяготеет к знаковости форм народного творчества, то его соотечественник В. Кызласов оперирует стилистикой мастеров эпохи бронзы.

В идейно-образном плане творческая интерпретация наследия и решение проблем преемственности происходит на уровне отдельных мотивов /образов, сюжетов/, на уровне художественных концепций и на более высоком уровне этнокультурных особенностей художественно-образного мышления.

Непосредственное обращение к наследию наблюдается тогда, когда художник работает над созданием исторических произведений (например, у якута П. Романова, алтайцев М. Чевалкова, И. Ортонулова). Жива у сибиряков, особенно у тувинских художников и резчиков по камню, анималистическая тематика. У алтайцев это исполненные тонкой наблюдательности линогравюры М. Бабакова, решённые в авангардном ключе графические листы В. Тебекова. Традиционный мир оленеводства восстаёт в аппликациях Н. Курилова, в акварелях нганасанина М. Турдагина, долганина Б. Молчанова и мн. др. Среди антропоморфных персонажей, пожалуй, наиболее популярным героем становится шаман – таинственная фигура, олицетворяющая мудрость народа (в произведениях М. Турдагина, Н. Саая, В. Кызласова, алтайцев В. Чукуева, А. Учина, В. Тебекова).

Более высокий уровень творческой переработки наследия можно связать с преемственностью художественной концепции поминальной каменной скульптуры в окружающем пространстве. Она прослеживается в искусстве Алтая у Н. Чевалкова, в жанровой линогравюре И. Ортонулова, в портретах В. Запрудаева, в скульптурах-воспоминаниях К. Басаргина, в гравированных природных камнях А. Гурьянова, у бурята А. Даржаева, тувинца В. Ховалыг. Условно-знаковое представление человека в окуневских стелах восстаёт в композициях В. Кызласова.

Высший уровень – определённая преемственность мышления, возвращение к этнокультурным особенностям образного мировосприятия (у Г. Гуркина и Н. Чевалкова, у ненца К. Панкова, у бурятки А. Дугаровой и мн. др.). Поэтика идеальной фольклорной модели мира тюрков нашла воплощение в творчестве кумандинца И. Никифорова. Одухотворение природы современными художниками – эта древняя языческая традиция возрождается ныне в искусстве в качестве глубокого поэтического императива. Наследуемые в национальной культуре архаические представления о Вселенной (у Г. Райшева, Б. Молчанова, В. Кызласова) активно включаются в поэтику изобразительных образов, в арсенал символов и метафор.

Линия преемственности в изобразительном искусстве, столь разнообразно решаемая современными мастерами, объединяет в творческом движении художников всех национальностей, в том числе и русских, проживающих в азиатской России. Этот феномен во многом определяет единство культурного пространства Сибири и является важным консолидирующим фактором.

Литература

1. Сагалаев, А.М. Урало-алтайская мифология: символ и архетип [Текст] / А.М. Сагалаев. – Новосибирск: Наука, 1991. – 155 с.

2. Муратов, П.Д. Художественная жизнь Си-

бири 1920-х годов [Текст] / П.Д. Муратов. – Л.: Художник РСФСР, 1974. – 143 с.

3. Тугенхольд, Я.А. Изобразительное искусство народов СССР [Текст] / Я.А. Тугенхольд // Искусство народов СССР. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. – С. 32-53.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Маточкин Е.П., канд. искусствоведения, ст. научный сотрудник, Национальный музей Республики Алтай
pallady@ngs.ru

E. Matochkin, candidate of science (art criticism)

Научные интересы: древнее и современное изобразительное искусство народов Сибири

Research interests: ancient and modern fine art of Siberia people

Науки о земле

УДК [504.064.36:622] (571.55)

Барабашева Елена Евгеньевна
Elena Barabasheva

Стремецкая Елена Олеговна
Elena Stremetskaya

ПРОБЛЕМЫ РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В ГОРНОДОБЫВАЮЩИХ РАЙОНАХ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ
(НА ПРИМЕРЕ КЛИЧКИНСКОГО РУДНОГО УЗЛА)

EFFICIENT NATURE MANAGEMENT IN MINING AREAS OF ZABAICALSKY KRAI
(BY THE EXAMPLE OF KLICHKINSKY ORE NODE)

Представлены актуальные вопросы природопользования в горнодобывающих районах Забайкалья. Детально проанализирован вещественный состав пород и руд с акцентом на геохимию элементов для Кличкинского рудного узла. Показано влияние химических элементов (Pb, Zn, Cd, Hg, As, Sb) на здоровье и развитие болезней населения. Ставится вопрос о проведении на территории рудника Кличка геологического, биологического и социального мониторингов

The article describes nature management issues of current importance in mining areas of Zabaicalsky krai. A detailed analysis of rock and ore material composition was made with the emphasis on geochemistry of elements for Klichkinsky ore node. The article also shows the influence of chemical elements (Pb, Zn, Cd, Hg, As, Sb) on population's health and course of diseases. The article raises the question of geological, biological and social monitoring of Klichka mine territory

Ключевые слова: *техногенез, мониторинг, техноландшафт, геохимия элементов*

Key words: *technogenesis, monitoring, technolandscape, geochemistry of elements*

Недра Забайкальского края содержат многочисленные полезные ископаемые, обеспечивающие нужды не только нашего региона, но и России в целом. Здесь ведется добыча бурых и каменных углей, урановых, железных, медных, свинцово-цинковых, молибденовых, вольфрамовых, редкометалльных руд, благородных металлов, небокситового алюминиевого сырья, плавикового шпата, асбеста и других видов минерально-сырьевых ресурсов.

Разведка и промышленное освоение месторождений приводит к интенсивному развитию техногенеза в Забайкалье. При этом зна-

чительно истощаются природные ресурсы, изменяются ландшафты, загрязняются атмосфера, природные воды, почвы, уничтожаются леса. В связи с этим резко возрастает смертность в районах добычи, снижается средняя продолжительность жизни, увеличивается перечень вновь возникающих болезней.

Особенности геохимической среды в ряде случаев являются причиной эндемических заболеваний (уровская болезнь, эндемический зоб, флюороз и др.).

По В.Н. Иванову (1991), в Читинской области выделяется 14 биогеохимических провинций с повышенным содержанием цинка, меди, фтора, свинца, титана, кобальта, молибдена с золотом, мышьяка, бора, радиоактивных элементов. В пределах этих провинций выделен 81 район, где возможно комплексное влияние на организм названных элементов. При добыче руд наряду с основными элементами в отвалы горнорудных предприятий в значительном количестве поступают элементы-спутники: ртуть, свинец, медь, мышьяк, уран, селен, сурьма и другие токсиканты.

В связи с чем становится необходимым мониторинг тяжелых и радиоактивных элементов и других токсикантов в отвалах и хвостохранилищах, а также непосредственное разграничение природных и техногенных ореолов.

Наибольшую опасность представляет возможность загрязнения земель, поверхностных и подземных вод токсичными веществами из хвостохранилищ. В хвостах обогащения руд содержатся высокие концентрации ряда металлов, являющихся, с одной стороны, основными промышленными и попутными компонентами руд, а с другой стороны – токсичными веществами.

В связи с экономической необходимостью остановки и закрытия многих рудников в период перестройки были прекращены даже те минимальные мероприятия по поддержанию относительно безопасного состояния хвостохранилищ, которые проводились ранее.

В экологическом аспекте одним из наиболее неблагоприятных районов полиметаллического оруденения Забайкальского края является Кличкинский рудный узел.

Для кукульбейских гранитоидов этих рудопроявлений характерно высокое содержание летучих компонентов, сопровождающих Pb-Zn-Sn минерализацию.

Геологическое строение Кличкинского рудного узла изучалось разными исследователями, но сих пор нет единого мнения о его стратиграфии и тектонике.

В объяснительной записке к геологической карте масштаба 1:50000 хребет Почекуй и территорию гор Кличка и Ольга слагают отложения нортуйской свиты рифея, представленные мраморизованными доломитами, известковистыми и кремнистыми доломитами, строматолитовыми и удоканиевыми известняками с пачками углеродисто-кварцевых и слюдистых сланцев. Мощность свиты колеблется 900…2000 м. Северные склоны хребта Почекуй сложены преимущественно сланцами различного состава быркинской свиты рифея, общей мощностью 3800 м. Образования свит рвутся кварцевыми диоритами, габбродиоритами Савинского штока, возраст которого варьирует в широких пределах – от палеозойского до позднеюрского. Это два тела с мелкими апофизами, вытянутых в субмеридиональном направлении, размерами в 250 и 600 м при мощности 50…250 м.

Кличкинский рудный узел характеризуется блоковым строением и объединяет рудные поля различного генезиса: скарновый, гидротермальный или кварцево-галенитовый и грейзеновый.

Описание минералогии кличкинских руд приводится в многочисленных работах С.С. Смирнова, Б.П. Санина, В.В. Архангельской, Г.М. Мейтува и др. Главными минералами являются пирротин, пирит, арсенопирит, сфалерит, галенит, аксинит, флюорит, цеолиты, кварц, карбонаты. Более редки борнит, кубанит, магнетит, касситерит, самородное серебро и золото. Всего в кличкинских рудах определено более 60 минералов. Некоторые минералы содержат в значительном количестве

примеси кадмия, висмута, индия (например, сфалерит). Примесь висмута, кадмия, индия растет с глубиной примерно до 30 раз.

По данным Института геохимии СО РАН, установлена значительная примесь ртути в пирите, пирротине, арсенопирите, кальците, флюорите Кличкинского месторождения. Аномальные содержания ртути фиксируются на контакте разнородных пород, например, сланцев и известняков или известняков и диоритов в зонах трещиноватости. Совместно с ртутью в трещинах установлены барий, стронций, мышьяк, свинец, цинк. Аномалии ртути обнаружены в трещинах на расстоянии около 200 м от рудного тела (Санин, Зорина, 1968).

Общим для всех месторождений Кличкинского рудного узла является «зараженность» редкими элементами – литием, рубидием, стронцием, цезием, бериллием, фтором на фоне субкларковых концентраций никеля, кобальта, висмута. Сфалериты, галениты и пириты обогащены индием, кадмием, мышьяком. В рудах верхних горизонтов содержание кадмия составляет 290 г/т. Основной минерал – носитель кадмия сфалерит, затем галенит, пирит, арсенопирит.

По данным Б.П. Санина и Л.Д. Зориной, руды нижних горизонтов месторождения образовывались в условиях высоких температур, что способствовало накоплению индия, кадмия, тантала, тогда как скопления мышьяка, сурьмы, серебра и галлия характерны для более высоких горизонтов. Концентрации цинка приурочены к нижним горизонтам, свинца – к верхним. На месторождении Савинское-5 концентратором олова и сурьмы является галенит, мышьяка – сфалерит и пирит, меди – сфалерит и пирротин, марганца – все четыре минерала. По всему Почекуевскому хребту к западу от горы Кличка в окремненных доломитах наблюдается повышенное содержание свинца, цинка, меди, мышьяка, сурьмы, марганца, бора, бария, стронция, ртути, цинка, причем в аномальных количествах отмечаются сурьма, мышьяк, серебро. В скарнах Савинского-5 обнаружены повышенные содержания лития, рубидия, бора, бериллия, в грейзенах – фтора, цинка, стронция, мышьяка, сурьмы.

Промышленную ценность представляет месторождение скарнового типа Савинское-5, остальные имеют лишь минералогический интерес.

Кличкинское месторождение – это серия прерывистых жил сфалерит-галенитового ряда, вытянутых к юго-западу от горы Кличка на протяжении 2 км. Особенностью руд является выдержанное содержание кадмия, мышьяка, меди. В пределах этой полосы известны отработанные рудники – Кличкинский, Савинский-2, 4, Колчеданный.

На территории Кличкинского рудного поля флюоритовая минерализация известна с 1861 г. В 1959-1960 гг. открыто Гарсонуйское флюоритовое месторождение. Средняя мощность жил флюорита до 4,7 м (редко до 10 м), простирание до 600 м. Флюориты содержат бериллий, бор, олово, литий, свинец, цинк, алюминий, барий, стронций. В Начирском участке для флюоритов определены повышенные содержания магния, бериллия, меди, мышьяка, серебра.

Согласно закону «О недрах», при частичной или полной ликвидации или консервации подземные и наземные выработки должны быть в таком состоянии, чтобы обеспечить безопасность жизни и здоровья людей, зданий, сохранить месторождение.

Однако для основных промышленных объектов Кличкинского рудного узла эти рекомендации не выполнены. Основными источниками загрязнения здесь являются следующие объекты:

1) отвалы на восточных, юго-восточных, южных и юго-западных окраинах шахты месторождения Савинское-5. Средние размеры отвалов 150х80 м при высоте 7…10 м;

2) техногенно-бытовые отвалы, располагающиеся полукругом вокруг отвалов шахты Савинское-5. Размеры свыше 500х300 м при высоте до 10 м;

3) отвалы карьера на площади 250х300 м, здесь же отстойник площадью 200х200 м в

пойме ручья Кличка;

4) карьер на правом борту руч. Кличка выше шахты Савинское-5, размеры 150х120 м;

5) Гарсонуйская шахта, ее отвалы и скальная подрезка на левом борту руч. Кличка, размеры 100х120 м;

6) Екатерининское месторождение, восточный склон горы Кличка – старые выработки и шахты, их отвалы, новые отвалы и отстойник обогатительной фабрики ТОО «Кварц». Площадь техногенного ландшафта 750х100 м;

7) Начирский участок, юго-западные окраины горы Кличка – четыре открытых входа в штольни, магистральные канавы, глубокие (свыше 10 м) шурфы. Отвалы дробилки и обогатительной фабрики на площади свыше 1000х1500 м;

8) Кличкинская обогатительная фабрика. Вокруг здания фабрики – техногенно-бытовые отвалы (площадь свыше 400х1000 м) и хвостохранилище – верхний (первый) отстойник площадью 500х500 м, нижний (второй) – площадью 400х400 м.

Геологический мониторинг на заброшенных Кличкинских шахтах и штольнях должен состоять из мониторинга горных пород, мониторинга экзогенных геологических процессов (выветривание, деятельность временных и постоянных водотоков, ветра, озер, болот, подземных вод, почвы), геохимического мониторинга, мониторинга биоценозов, мониторинга атмосферы, мониторинга горно-добывающих предприятий (Прозоров, Экзарьянц, 2000).

На южных склонах техногенных отвалов месторождения Савинское-5 активизируется оврагообразование. Овраги дренируют отвалы, продукты разрушения сносятся в руч. Кличка, который, в свою очередь, впадает в р. Урулюнгуй.

Если посмотреть данные спектрального анализа проб, взятых из русловых оврагов, то обращает на себя внимание большое количество в пробах свинца, цинка, мышьяка, титана, марганца, а также постоянное присутствие бария, сурьмы, фосфора, циркония. Концентрация титана достигает 1 %, что крайне необычно для кличкинских руд. Титан входит в состав ильменита, рутила, брукита, биотита, пироксена, сфена, амфибола и других минералов. Основная масса титана адсорбируется глинистыми частицами.

На южных склонах горы Кличка активными являются действия процессов выветривания и деятельности временных водотоков, особенно в местах старых отвалов штолен, канав, шурфов, что приводит к образованию конусов выноса. Интенсивность выветривания фиксируется для зон сильно трещиноватых пород. По данным спектрального анализа проб Начирского участка, отмечается увеличенное содержание цинка до 1 % и марганца до 0,3 %.

Опасными для здоровья являются тяжелые металлы, которые в избытке присутствуют как в рудах, так и в продуктах разрушения отходов рудника. Это свинец, цинк, кадмий, ртуть, мышьяк и др.

Отравление свинцом (свинцовая болезнь, или сатурнизм) выражается в повышенной утомляемости, ухудшении зрения, малокровии, нервных параличах, поражении почек, болях в сердце, преждевременных родах, выкидышах. Свинец откладывается, в основном, у взрослых в костях, а у детей – во внутренних органах и мозговой ткани. Свинец активно накапливается в почве, в растениях, снижает процесс фотосинтеза, нарушает минеральное питание растений.

Избыток цинка – причина раковых заболеваний и анемии. Он способствует делению раковых клеток, угнетает окислительные процессы в организме.

Кадмий – наиболее токсичный из всех тяжелых металлов. Он попадает в растения, накапливается в табаке, грибах, в почве, гумусе, очень слабо выводится из организма. Поражает почки, нервную и половую системы, отрицательно действует на органы дыхания. Вызывает деформации и хрупкость костей, сопровождающиеся сильными болями.

Ртуть опасна своими парами, которые вызывают рвоту, тошноту, кровавые поносы, крошение зубов, нервно-психические рас-

стройства. Основная концентрация элемента происходит в головном и костном мозге. Особенно токсичны ртутьорганические соединения, отравления которыми фиксируются спустя несколько недель. Они усиленно аккумулируются в капусте, горьком перце, фасоли и других овощах.

Мышьяк – яд комплексного действия, накапливается в почве, особенно в гумусовом слое. Оказывает влияние на полное отравление организма, блокируя все его функции.

Из почвы быстро вымываются такие подвижные элементы, как уран, литий и другие, в то время как для ртути, свинца, кадмия, мышьяка, кобальта, никеля и других почва становится подлинным барьером, фильтром, накапливающим их в значительных количествах.

По рекомендациям ООН в системе контроля по окружающей среде должны постоянно наблюдаться ртуть, кадмий, мышьяк, свинец, цинк, фтор. Именно эти элементы присутствуют в значительных количествах в рудах и отвалах Кличкинского рудного узла. Это требует незамедлительной постановки геохимического мониторинга, как на самом Кличкинском рудном узле, так и на прилегающих территориях.

Геохимические исследования первичных ореолов велись только с точки зрения поисков скрытого оруденения, а геохимические особенности вторичных ореолов, обусловленных техногенезом, зачастую содержащие токсичные химические элементы, находились вне внимания геохимиков и экологов.

Для выделения современных геохимических ореолов рассеивания химических элементов необходим мониторинг горных пород, экзо- и эндогенных геологических процессов, которые следует проводить в районах Савинского-5, Гарсонуйского, Екатерининского, Начирского месторождений Кличкинского рудного узла.

Созданный на территории узла техногенный ландшафт – карьеры, отвалы, шурфы, канавы, дамбы, отстойники, штольни, шахты характеризуются деградацией и уничтожением почв, зонами проседания, интенсификацией оврагообразования на общей площади около 20 км^2.

Среди угнетенной травянистой и кустарниковой растительности техногенного ландшафта аномально появление нормально развитых особей цветковых, тополей и ильмов, что объясняется их приспособлением к почвам техноландшафтов. Однако на старых отвалах не произрастает никакая растительность в силу их высокой токсичности. Геохимические исследования овощей, ягод, мяса животных с приусадебных хозяйств рудничных поселков не проводились. В цепи «горные породы – почвы – растения – животные – человек» для Кличкинского рудного узла нарушены первые четыре звена, что, несомненно, скажется и на оставшихся двух.

Последствия в зонах затопленных шахт достаточно непредсказуемы, что также требует своевременной постановки геоэкологического мониторинга, охватывающего не только техногенную территорию Кличкинского узла, но и прилегающий Почекуйский хребет и отроги Кличкинского хребта. Параллельно с геоэкологическим мониторингом в районе надлежит создать географический, биологический и социальный мониторинги.

Литература

1. Геологические исследования и горнопромышленный комплекс Забайкалья [Текст] / Под ред. Г.А. Юргенсона. – Новосибирск: Наука, 1999. – 573 с.

2. Геологическое строение Читинской области. Объяснительная записка к геологической карте масштаба 1:500000. – Чита, 1997. – 239 с.

3. Перельман, А.И. Геохимия ландшафта: учеб. пособие [Текст] / А.И. Перельман. – М.: Высшая школа, 1966. – 392 с.

4. Прозоров, Л.Л. Введение в геоэкологию: учеб. пособие [Текст] / Л.Л. Прозоров, В.Н. Экзарьян. – М.: Пробел, 2000. – 207 с.

5. Санин, Б.П. Геология и геохимия Кличкинского рудного узла и прогноз оруденения [Текст] / Б.П. Санин, Л.Д. Зорина. – Новосибирск: Наука, 1978. – 184 с.

Коротко об авторах / *Briefly about authors*

Барабашева Е.Е., канд. геол.-минерал. наук, доцент кафедры гидрогеологии и инженерной геологии, ст. науч. сотрудник Геологического научного центра Читинского государственного университета (ЧитГУ)
раб. тел. 35-58-56

Научные интересы: геоэкология, охрана геологической среды, музееведение

Стремецкая Е.О., аспирантка, ст. науч. сотрудник Геологического научного центра Читинского государственного университета (ЧитГУ)
раб тел. 35-58-56

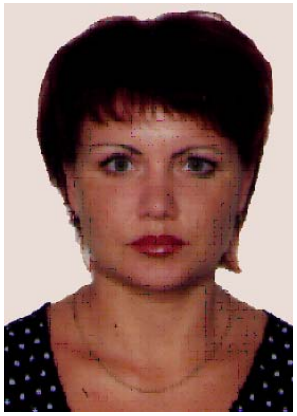
Научные интересы: геоэкология, охрана геологической среды, музееведение

E. Barabasheva, senior research assistant of Chita State University Geological Scientific Centre, candidate of geological and mineralogical science, assistant professor

Research intersts: geoecology, geological environment protection

E. Stremetskaya, senior research assistant of Chita State University Geological Scientific Centre, post-graduate student

Research intersts: geoecology, geological environment protection, museology



УДК 631.95 (571.61)

Донцов Александр Владимирович
Aleksandr Dontsov

Родоманская Светлана Александровна
Svetlana Rodomanskaya

МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РАЗРАБОТКИ КАРТЫ ЭКОЛОГО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЙОНИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

METHODOLOGY OF ECOLOGICAL AND ECONOMICAL ZONING MAP DEVEPOLMENT OF AMUR REGION AGRYCULTURAL AREAS

Схема эколого-хозяйственного районирования представляет собой своеобразную модель организации территории, при которой естественно-историческая взаимосвязанность природных и организационно-хозяйственных элементов предопределяет функциональную взаимосвязанность земельных участков (структуру земель, угодий, посевных площадей). Разработка карты эколого-хозяйственного районирования осуществлялась распределением земельных участков: по комплексу факторов и режимов, определяемых относительной высотой местности и формой рельефа; по факторам и режимам увлажнения; по факторам устойчивости; по факторам и режимам питания растений

The scheme of ecological and economical zoning is a kind of a territory organization model, under which natural-historical correlation of its natural and organizing and economical elements determines zones' functional interconnection (the structure of agricultural land and planted areas). The ecological and economical zoning map development was realized by distribution of plots according: the complex of factors and modes, defined by relative height of terrain and the relief form; the humification factor; the stability factor; the plants feeding factor

Ключевые слова: *районирование, земельный участок, фактор, карта-схема*

Key words*: zoning, plot of land, factor, sketch map*

Процесс оценки земель по агроэкологическим признакам осуществляется соответственно тому, какие требования к условиям жизнеобеспечения предъявляют культивируемые растения и в какой мере они способны адаптироваться к меняющимся условиям среды, и отзываться на технические средства улучшения лимитирующих (находящихся в минимуме) агроэкологических факторов.

Для этого в процессе разработки карты эколого-хозяйственного районирования осуществлялось распределение земельных участков:

– по комплексу факторов и режимов, определяемых относительной высотой мест-

ности и формой рельефа, с которыми связано распределение тепла и осадков по территории, и оценивается относительная благоприятность для возделывания сельскохозяйственных культур, особенности организации территории и устройства сельскохозяйственных угодий;

– *по факторам и режимам увлажнения* – от заболоченных и болотных к автоморфным, соответствующим зональному типу увлажнения;

– *по факторам устойчивости* – от стабильных в условиях равнинных водоразделов до разной степени эрозионно-опасных на склоновых землях;

– *по факторам и режимам питания растений* – от относительно богатых глинисто-суглинистых отложений до крайне бедных – песков и скелетных отложений в горных условиях.

Примерные шкалы оценки земель по однородности экологических условий применительно к мелкомасштабному картографированию выглядят следующим образом.

В качестве признаков однородности рельефа, помимо высотного положения и формы, приняты густота и глубина расчленения, а также преимущественная крутизна склонов, которые обусловливают соотношение равнинных и склоновых поверхностей, конфигурацию и размеры нерасчлененных массивов, эрозионную опасность и другие производственно-техноло-гические признаки земель, важные для организации территории и устройства угодий. Информация для установления границ между ареалами с разными геоморфологическими признаками получена посредством анализа топографической карты М 1:500000 для территории Российской Федерации и аналогичных карт М 1:50000 по ключевым участкам, а также спутниковых карт поисковой системы Google. ru.

Границы между ареалами с разными геоморфологическими признаками проводили по горизонталям, обозначающим существенную смену условий для произрастания культивируемых и иных растений, организации производительного использования земель, применения систем машин и способов защиты от развития негативных процессов (эрозии, оползней и др.). При сопряжении признаков рельефа между собой и с другими признаками местоположения выделялся контур агроэкологического однородного ареала.

При разработке шкалы оценки однородности земель по признакам грунтового увлажнения исходили из того, что территориям с разными признаками грунтового увлажнения соответствует распространение почв с разной степенью выраженности переувлажнения или автоморфности (сухости). Поэтому диагностика и дифференциация земель по увлажнению осуществлена посредством совмещения с почвенной картой контуров, однородных по рельефу. Границы ареалов, однородных по условиям увлажнения, проведены по фактическому распространению автоморфных и гидроморфных почв. Для этого были использованы Государственная почвенная карта СССР М 1:1000000 (ГУГК, 1949-1977), аналогичные карты по Амурской области в целом и обследованным ключевым участкам, а также карты распространения сезонной и многолетней мерзлоты, которая существенным образом определяет избыточную влажность земель области.

Состав и сложение пород (отложений) в корнеобитаемом слое, как известно (табл. 1, 2), определяют потенциальное плодородие почв, а также процессы поглощения, выщелачивания или накопления веществ благодаря их щелочно-кислотным, поглотительным и фильтрационным свойствам.

В этой связи учет литологического фактора составляет необходимое звено всей оценки природно-ресурсного потенциала земель и прогноза их возможного состояния, в том числе под влиянием техногенной деятельности. Исходя из этого, составлена шкала оценки земель по агрофизическим признакам земель. Выделение контуров по признакам состава и сложения подстилающих пород осуществлено

с использованием карт четвертичных отложений, почвообразующих пород, Государственной почвенной карты СССР М 1:1000000 и карт аналогичного содержания по Амурской области. Результат сопряжения разнородных характеристик в границах определенной территории может быть представлен в виде таблицы-матрицы, которая наглядно показывает соподчиненность природных признаков между собой, взаимосвязанность однородных участков в пространстве и возможности их взаимного дополнения в производственном процессе, обеспечивающего устойчивость сельскохозяйственного комплекса в целом.

Такая таблица представляет собой систему территориального деления земельного фонда на однородные ареалы и является составной частью системы информационного обеспечения для принятия технико-технологических решений по использованию земельных участков. Она раскрывает основные природные признаки земель. В левой (вертикальной) ее части расположены категории, группы и подгруппы земель, выделяемые по признакам высотного положения, форме рельефа, глубине и густоте расчленения, а также по крутизне склонов. В верхней (горизонтальной) части таблицы показаны группы земель по увлажнению. Каждая из выделенных в таблице групп и подгрупп дополнительно подразделяется по составу подстилающих пород и отложений, закономерно связанных с генезисом территории, степенью увлажнения и другими признаками земель. В клетках на пересечении морфологических, морфографических, морфометрических и литологических признаков земель с признаками увлажнения выявляются агроэкологически однородные ареалы и их порядковый номер.

Таблица 1

Схема эколого-хозяйственного районирования Амурской области

Природно-сельскохозяйственные зоны и провинции	**Агроэкологически однотипные районы**	**Основные типы земель**	**Агроэкологически однородные ареалы**
Равнинные территории			
4. Южно-лесная зона			
4.6. Дальневосточно-Сахалинская провинция	4.6.1. Верхне-Зейский	Эрозионно-мерзлотные в сочетании с аллювиальными	4,13
	4.6.2. Зейско-Селемджинский		1,7,10,11
	4.6.3 Томь-Селемджинский		3,6,16,18
	4.6.4. Верхне-Зейско-Амурский (Магдагачско-Тыгдинский)	Эрозионно-мерзлотные	4,8,12,14,20
	4.6.5. Зейско-Тыгдинский приречный	Эрозионные, повышенного влияния коренных пород, в сочетании с аллювиальными	5,9,19
4.7. Дальневосточно-Амуро-Уссурийская провинция	4.7.1. Зейско- Амурский приречный левобережный	Аллювиальные (речные) и древнеаллювиальные	5,15
	4.7.2. Зейско-Буреинский	Эрозионно-делювиальные	23,24,25,26,27
	4.7.3. Зейско- Амурский правобережный	Эрозионные, повышенного влияния коренных пород, в сочетании с аллювиальными	5,9,17,28,29

Окончание табл. 1

Горные территории			
Г-5. Южно-Сибирская горная область (умеренный пояс)	Г.5.1. Верхне-Амурский горно-таежный	Горно-мерзлотные эрозионно-корразионные	21,30
	Г.5.2. Олекминско-Становой горно-таежный		22,30,31,32
	Г.5.3. Хингано-Буреинский горно-таежный		30,32

Таблица 2

Агроэкологические однородные ареалы по опасности развития деградации

Показатели	**Земли относительно заселенных территорий**			**Земли слабозаселенных территорий**	
	Избыточно влажные мелиорированные		Эрозионно опасные	Избыточно влажные немелиорированные	Эродированные, включая делювиальный, коллювиальный смыв, а также корразию
	массивы осушенных и окультуреных земель	*участки выборочного осушения и (или) культуртехнического улучшения*			
Земли преимущественно сельскохозяйственного назначения					
Относительно обеспеченные элементами питания – пригодные под зерновые (пшеница) и технические культуры (соя)					
Близкие к слабокислым, предрасположенные к переуплотнению и переувлажнению	15				
Кислые, предрасположенные к дефляции при переосушении и сработке торфа	5,8, 9				
Кислые, предрасположенные к переуплотнению и сезонному переувлажнению			23,24,25,26		
Земли сельско- и лесохозяйственного назначения					
Обедненные элементами питания, пригодные под зерновые (пшеница) и кормовые культуры					
Кислые, предрасположенные к переуплотнению сезонному и переувлажнению		16,17	28,29		
Земли преимущественно лесохозяйственного назначения					
Бедные элементами питания – пригодные под зерновые (серые хлеба) и кормовые культуры					
Кислые, избыточно влажные, предрасположенные к софлюкции		12		11,13,14	
Кислые с укороченным почвенным профилем, предрасположенные к переуплотнению				18	27
Кислые с укороченным почвенным профилем, предрасположенные к переувлажнению и софлюкции		19,20			

Окончание табл. 2

Кислые, предрасположенные к переувлажнению и пучению					
Очень бедные элементами питания- непригодные под сельскохозяйственные культуры					
Кислые, предрасположенные к пучению		1		2,3,4,6,7,10	
С комплексом ограничивающих факторов					21,22
То же, включая недостаток физически доступной влаги					30,31,32

На карте однородные ареалы показаны линиями и индексами (арабскими цифрами). Выделение агроэкологически однородных ареалов ставит целью охарактеризовать основные производственно-технологические и агроэкологические свойства земель, которые предопределяют техническую возможность и экономическую целесообразность их использования по тому или иному назначению, возможные ограничения хозяйственных режимов использования, исходя из природных свойств земельных участков (см. рисунок).

Главной методической задачей выделения эколого-хозяйственных районов являлось определение границ, в пределах которых территория характеризуется внутренней целостностью и взаимосвязанностью структурных элементов (агроэкологически однородных ареалов), каждому из которых соответствует определенная функция в хозяйственном комплексе, а вместе они образуют устойчивую экономическую систему.

При определении качества земель объективность границ может быть установлена по неизменяемым во времени признакам, одним из которых выступает генезис территории и который, наряду с макроклиматом, выступает в качестве базисного фактора, определяющего агроэкологический потенциал и структуру земель. Генетические типы пород и отложений, выстилающие корнеобитаемый слой, влияют через вещественный состав на потенциальное плодородие почв, через динамические и геохимические свойства – на потенциальную предрасположенность к процессам деградации, включая эрозию, и, благодаря всему перечисленному, – на возможное использование земель.

На территории Амурской области по признакам генезиса выделены классификационные единицы, для чего использовалась группировка генетических типов коренных пород и четвертичных отложений по признакам относительного богатства элементами питания, которая предназначена для экспресс-оценки потенциальной пригодности нарушенных земель для сельско- и лесохозяйственной рекультивации (ГОСТ "Охрана природы. Земли. Классификация нарушенных земель для целей рекультивации"). При установлении границ ареалов, однотипных по генезису, были использованы карта почвообразующих пород и почвенная карта Амурской области.

Потенциал земель в пределах эколого-хозяйственных районов зависит от того, какие однородные ареалы их образуют. При их выделении учитывались организационно-хозяйственные факторы, способствующие развитию или стагнации землепользования.

Схема эколого-хозяйственного районирования

Наличие трудноустранимых природных свойств земель или организационно-хозяйственных условий, таких как неравномерная или слабая обеспеченность производственной и социально-экономической инфраструктурой, трудовыми ресурсами, рассредоточенный мелкими поселениями тип сельского расселения, отнесено к факторам, сохраняющим тенденции инерционного (сложившегося) использования земель.

Факторами развития выступают наличие производственной и социально-экономической инфраструктуры, крупных мелиоративных систем и/или водных объектов крупных и средних населенных пунктов и др.

Схема эколого-хозяйственного районирования представляет собой своеобразную модель организации территории, при которой естественно-историческая взаимосвязанность природных и организационно-хозяйственных элементов предопределяет функциональную взаимосвязанность земельных участков (структуру земель, угодий, посевных площадей).

Сложившееся использование земель позволяет выделить на территории Амурской области несколько региональных типов землепользования.

1. *Агропромышленный тип* в сочетании с промышленным землепользованием.

2. Сельскохозяйственный тип в сочетании с лесопромышленным и горнопромышленным.

3. *Лесопромышленный тип* в сочетании с горнопромышленным и сельскохозяйственным землепользованием.

4. *Лесохозяйственный тип*, сочетающийся с горнопромышленным землепользованием.

5. *Тип землепользования, основанный на традиционном природопользовании коренных народов Дальнего Востока* и сочетающийся с горнопромышленным землепользованием.

Положенные в основу районирования принципы и система показателей позволяют:

– осуществлять идентификацию земель, в том числе принадлежность их к тому или иному типу и целевому назначению;

– регламентировать целевое назначение земель, исходя из их агроэкологической ценности и социально-экономической значимости;

– регламентировать виды и технологии сельскохозяйственного использования земель, а также их защиту от необоснованного изъятия из сферы сельского хозяйства;

– регламентировать использование земель в отраслях, не связанных с сельским хозяйством;

– обеспечить взаимосвязь исследований, связанных с изучением земель, с достижениями других отраслей науки и техники, которые реализуются при проведении массовых работ по землеустройству.

Перечисленные аспекты помогают решать юридические, социальные и географические (организация территории) отношения в сфере землепользования.

Коротко об авторах ***Briefly about authors***

Донцов А.В., д-р геогр. наук, профессор, Государственный университет по землеустройству (ГУЗ)

Научные интересы: совершенствование графической части проектов землеустройства

Родоманская С.А., доцент кафедры "Информационные технологии", Дальневосточный государственный аграрный университет (ДальГАУ)

Научные интересы: изучение эрозионных процессов сельскохозяйственных земель Амурской области

A. Dontsov, doctor of science (geography), professor, State University of Land Use Planning

Research interest: geographical compound of land planning projects improvement

S. Rodomanskaya, associate professor, IT department, Far-East Agricultural University

Research interest: erosion of Amur Region agricultural areas

УДК 543.3

Шарапов Николай Михайлович
Nikolay Sharapov

К РАСЧЕТУ ДОЛИ ВНУТРИВОДОЕМНЫХ ПРОЦЕССОВ В ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАГРЯЗНЯЮЩИХ ВЕЩЕСТВ В ВОДОТОКЕ

ON COMPUTATION OF INTRABASIN PROCESSESES' CONTRIBUTION TO WATER-FLOW CONTAMINANTS TRANSFORMATION

На основании сравнительного анализа частного случая (процесс «чистого разбавления») изменения массового расхода рассматриваемого загрязняющего вещества и трансформации гидрохимического режима в реальном водном объекте, выполненном с использованием среднемноголетних данных наблюдений, предложена зависимость, позволяющая рассчитывать внутриводоемные процессы, происходящие непосредственно в водном объекте, в пределах выделенного участка

The author introduces a relationship which helps to expect intrabasin processes within a certain location. This relation is based on comparative analysis ("pure dilution" process) of a observed contaminant mass flow transformation and transformation of hydra- chemical regime in real basin, done with reference to long-term average annual observations data

Ключевые слова: *загрязняющее вещество, водный объект, внутриводоемный процесс*

Key words: *contaminant, water body, intrabasin process*

Вопрос о формировании качества вод природных водных объектов является в последнее десятилетие предметом многосторонних дискуссий, выступлений, общественных слушаний, статей. Многочисленные авторы работают над этой сложной проблемой потому, что при формировании бюджетов различных уровней, расходных статей экологических фондов, территориальных и муниципальных программ восстановления и охраны водных объектов, решении вопросов о расширении производств и создании новых она выливается в альтернативу вложения средств в те или иные организационно-технические мероприятия. Средств этих всегда не хватает и при отсутствии надежного критерия эффективности того или иного мероприятия в дело, как обычно, вступают субъективные факторы, базирующиеся на действующих, утвержденных нормативах, не учитывающих региональные особенности формирования качественного состава воды, в том числе его природной составляющей. В конечном итоге принятая программа, план мероприятий и т.д. не приносят ожидаемого эффекта, а порой даже и усугубляют обстановку.

Характерным примером применения таких нормативов являются уже многократно критиковавшиеся в научных кругах показатели предельно-допустимых концентраций (ПДК) загрязняющих веществ и основанные на них предельно-допустимые сбросы (ПДС) в вод-

ные объекты и индекс загрязненности вод (ИЗВ), которые обладают рядом существенных недостатков.

Используя нормативный показатель ПДК, можно знать только качественный состав воды в данном створе водного объекта, который применим для нормирования использования воды в питьевых, хозяйственно-бытовых или рекреационных целях (например, для забора в системы водоснабжения, купания) или рыборазведения (в данном створе), но ничего нельзя сказать о причинах, благодаря которым он здесь сформировался. Следовательно, опираться на данный показатель при оценке экологического состояния водного объекта и его водосборной площади и планировании мероприятий по улучшению этого состояния, не зная природной составляющей привноса загрязнений, достаточно проблематично. Кроме того, данный показатель не позволяет проследить трансформацию того или иного загрязняющего вещества или соединения по длине водотока.

Как известно, трансформация любого загрязняющего вещества или соединения зависит от многих факторов: химических (распад, соединение с другими веществами, выпадение в осадок); физических (переход в другое агрегатное состояние, адсорбция, коагуляция); гидродинамических (перенос течениями и рассеяние в процессе турбулентной диффузии); биологических (аккумуляция и перенос организмами), т.е. происходит за счет «чистого разбавления» и внутриводоемных процессов.

Рассмотрим случай «чистого разбавления». Приращение массового расхода любого загрязняющего вещества или соединения в пределах выделенного участка для рассматриваемого случая можно рассчитать следующим образом:

$$\Delta m^j_{i+1,i} = m^j_{i+1} - m^j_i = C^j_{i+1} \cdot Q^j_{i+1} - C^j_i \cdot Q^j_i . \quad (1)$$

Если в уравнении (1) массовый расход j-го загрязняющего вещества в нижнем $(i+1)$-м створе (m^j_{i+1}):

$$C^j_{i+1} \cdot Q^j_{i+1} = \Delta m^j_{i+1,i} + C^j_i \cdot Q^j_i , \quad (2)$$

то концентрация загрязняющего вещества или соединения в этом створе будет

$$C^j_{i+1} = \frac{1}{Q^j_{i+1}} \cdot \Delta m^j_{i+1,i} + C^j_i \cdot \frac{Q^j_i}{Q^j_{i+1}} . \quad (3)$$

Приращение же концентрации любого загрязняющего вещества или соединения в пределах выделенного участка для случая «чистого разбавления» можно рассчитать так:

$$\Delta C^j_{i+1,i} = C^j_{i+1} - C^j_i . \quad (4)$$

С учетом уравнения (3) уравнение (4) можно переписать как

$$\Delta C^j_{i+1,i} = \frac{1}{Q_{i+1}} \cdot \Delta m^j_{i+1,i} + C^j_i \cdot \frac{Q_i}{Q_{i+1}} - C^j_i ,$$

или (5)

$$\Delta C^j_{i+1,i} = \frac{1}{Q_{i+1}} \cdot \Delta m^j_{i+1,i} - C^j_i \cdot \left(1 - \frac{Q_i}{Q_{i+1}}\right).$$

Введем обозначения: $a^{j'}_{i+1,i} = \frac{1}{Q_{i+1}}$ и $b^{j'}_{i+1,i} = C^j_i \cdot \left(1 - \frac{Q_i}{Q_{i+1}}\right)$. Тогда уравнение (5) будет иметь линейный вид, если $a^{j'}_{i+1,i}$ = *const* и $b^{j'}_{i+1,i}$ = *const*, что близко к истине для среднемноголетних значений расходов (Q_i) и концентраций (C^j_i) существующих стационарных постов:

$$\Delta C^j_{i+1,i} = a^{j'}_{i+1,i} \cdot \Delta m^j_{i+1,i} - b^{j'}_{i+1,i} . \quad (6)$$

Таким образом, уравнение (1) для расчета приращения массового расхода любого загрязняющего вещества или соединения в пределах выделенного участка для случая «чистого разбавления» можно записать:

$$(\Delta m^j_{i+1,i})_{\text{ðàçáàâ}} = C^j_{i+1} \cdot Q^j_{i+1} - C^j_i \cdot Q^j_i =$$

$$= \frac{\Delta C^j_{i+1,i} + b^{j'}_{i+1,i}}{a^{j'}_{i+1,i}} . \quad (7)$$

В реальном же водном объекте, в пределах выделенного участка реки изменение содержания j-го ингредиента (химического вещест-

ва или соединения) в воде происходит за счет следующих процессов.

Во-первых – за счет привноса дополнительного его количества с сосредоточенным и диффузионным стоком с водосбора, так и за счет его разбавления из-за увеличения расхода ввиду того же сосредоточенного и диффузионного стоков.

Во-вторых, в природных водных объектах процессы изменения содержания химических веществ и соединений не исчерпываются «механическим» привносом и разбавлением ($(\Delta m^j_{i+1,i})_{разбав}$). В русле реки между выделенными створами, верхним i-м и нижним $(i+1)$, непрерывно происходят сложные внутриводоемные процессы химической, биологической, физико-химической и др. природы (химические реакции, поглощение и выделение ингредиентов биотой, грунтами, адсорбция, абсорбция, десорбция и мн. др.), т.е. появляется вторая состовляющая приращения массового расхода – $(\Delta m^j_{i+1,i})_{внутрив}$.

Математическая обработка данных гидрохимических и гидрологических наблюдений по различным рекам, находящимся в зоне действия ЗабУГМС по Амурскому (рек Ингода и Онон) и Байкальскому (рек Хилок, Селенга) бассейнам показала, что в реальных условиях зависимость приращения концентраций j-го загрязняющего вещества ($\Delta C^j_{i+1,i(дв)} = C^j_{i+1(дв)} - C^j_{i(дв)}$) от приращения масс этого же вещества ($\Delta m^j_{i+1,i(дв)} = m^j_{i+1(дв)} - m^j_{j(дв)}$) в пределах участков водотока, ограниченных существующими стационарными створами, описывается линейным уравнением:

$$\Delta C^j_{i+1,i(ãå)} = a^j_{i+1,i} \cdot ((\Delta m^j_{i+1,i})_{ðàçáàâ} + (\Delta m^j_{i+1,i})_{âíóòðêâ}) - b^j_{i+1,i}, \quad (8)$$

где $m^j_{i+1,i(дв)}$, $m^j_{i(дв)}$, $C^j_{i+1,i(дв)}$ и $C^j_{i(дв)}$ – соответственно действительные массы и концентрации рассматриваемого загрязняющего вещества в верхнем и нижнем створах водотока;

$a^j_{i+1,i}$ и $b^j_{i+1,i}$ – соответственно, эмпирические значения углового коэффициента и свободного члена для этого же вещества в пределах выделенного участка.

Следовательно, уравнение (7) для реального водного объекта запишется в следующем виде:

$$(\Delta m^j_{i+1,i})_{ðàçáàâ} + (\Delta m^j_{i+1,i})_{âíóòðêâ} = C^j_{i+1} \cdot Q^j_{i+1} - C^j_i \cdot Q^j_i = \frac{\Delta C^j_{i+1,i} + b^j_{i+1,i}}{a^j_{i+1,i1}}. \quad (9)$$

На основании изложенного можно констатировать, что в реальном водном объекте в зависимости от водности года могут наблюдаться следующие характерные случаи:

1) с увеличением притекающего расхода изменение содержания того или иного j-го ингредиента происходит только за счет преобладания процесса его привноса с сосредоточенным и диффузионным стоком с водосбора и его разбавления из-за увеличения расхода ввиду того же сосредоточенного и диффузионного стоков;

2) с уменьшением притекающего расхода процесс «механического» привноса и разбавления снижается, и начинают преобладать внутриводоемные процессы химической, биологической, физико-химической и др. природы.

Это, в свою очередь, позволяет предположить, что функциональные зависимости $\Delta C^j_{i+1,i} = f(\Delta m^j_{i+1,i})$, одна из которых описывает процесс «чистого» «механического» разбавления ($\Delta C^j_{i+1,i} = a^{j'}_{i+1,i} \cdot (\Delta m^j_{i+1,i})_{разбав} - b^{j'}_{i+1,i}$)), а другая – процессы, происходящие в реальном водном объекте

$$(\Delta C^j_{i+1,i} = a_{i+1,i} \cdot (\Delta m^j_{i+1,i})_{ðàçáàâ} + (\Delta m^j_{i+1,i})_{âíóòðêâ} - b_{i+1,i}),$$

будут взаимно пересекающимися линиями.

Если найти разность между уравнением (9) и уравнением (7), то можно найти изменение массового расхода j-го ингредиента (химического вещества или соединения), происходящего в русле реки в пределах выделенного

участка за счет внутриводоемных процессов, т.е.:

$$(\Delta m^{j}_{i+1,i})_{\text{âíóòðè}} = C^{j}_{i+1} \cdot Q_{i+1} - C_i \cdot Q_i =$$

$$= \frac{\Delta C^{j}_{i+1,i} + b^{j}_{i+1,i}}{a^{j}_{i+1,i}} - (\Delta m^{j}_{i+1,i})_{\text{ðàçáàâ}}$$

или с учетом уравнения (7)

$$(\Delta m^{j}_{i+1,i})_{\text{âíóòðè}} = \tag{10}$$

$$= \frac{\Delta C^{j}_{i+1,i} + b^{j}_{i+1,i}}{a^{j}_{i+1,i}} - \frac{\Delta C^{j}_{i+1,i} + b^{j'}_{i+1,i}}{a^{j'}_{i+1,i}}.$$

Окончательно уравнение (10) можно переписать как

$$(\Delta m^{j}_{i+1,i})_{\text{âíóòðè}} =$$

$$= \Delta C^{j}_{i+1,i} \cdot \left(\frac{1}{a^{j}_{i+1,i1}} - \frac{1}{a^{j'}_{i+1,i}} \right) + \tag{11}$$

$$+ \frac{b^{j}_{i+1,i}}{a^{j}_{i+1,i}} - \frac{b^{j'}_{i+1,i}}{a^{j'}_{i+1,i}}.$$

Необходимо отметить, что значения угловых коэффициентов и свободных членов для всех рассматриваемых j-х ингредиентов (химических веществ или соединений) рассчитывались на основании среднегодовых значений расходов водотока, а также их концентраций, т.е. $\overline{C}^{j}_{i}$ и $\overline{Q}_i$, где i – номер поста.

Анализ уравнения (11) позволяет сделать следующий вывод. Изменение массового расхода j-го ингредиента (химического вещества или соединения), происходящего в русле реки в пределах выделенного участка за счет внутриводоемных процессов, может быть как положительной, так и отрицательной величиной. Положительное значение указывает на преобладание внутриводоемных процессов, в то время как отрицательное – на преобладание процесса «механического» привноса и разбавления.

Фактически $(\Delta m^{j}_{i+1,i})_{\text{внутрив}}$ – есть отклонения по оси приращений массовых расходов точек, координаты которых рассчитаны по уравнениям (1) и (4), от линии, отображающей процессы, происходящие в реальном водном объекте в этих же координатах при постоянных значениях $\Delta C^{j}_{i+1,i}$.

Рассмотрим частный случай, при котором изменение массового расхода j-го ингредиента (химического вещества или соединения) для случая чистого «механического» разбавления и для реального водного объекта будут совпадать, т.е. будут выполняться условия:

$$\begin{cases} \Delta C_{\text{реал.реки}} = \Delta C_{\text{"чист"разбав}} \\ \Delta m_{\text{реал.реки}} = \Delta m_{\text{"чист"разбав}} \\ (\Delta m^{j}_{i+1,i})_{\text{внутрив}} \Rightarrow 0 \end{cases} . \tag{12}$$

Если для данного частного случая приравнять уравнения (6) и (8):

$$a_j \cdot (\Delta m^{j}_{i+1,i})_{\text{ðåàë.ðåêè}} - b_{i+1,i} =$$

$$= a^{j'}_{i+1,i} \cdot (\Delta m^{j}_{i+1,i})_{\text{"÷èñò"ðàçáàâ}} - b^{j'}_{i+1,i} \tag{13}$$

и учесть условие (12), т.е. $\Delta m_{\text{реал.реки}} = \Delta m_{\text{"чист"разбав}}$, то окончательно уравнение (13) можно записать так:

$$(\Delta m^{j}_{i+1,i})_{\text{ðåàë.ðåêè}} = (\Delta m^{j}_{i+1,i})_{\text{"÷èñò"ðàçáàâ}} =$$

$$= \frac{b_{i+1,i} - b^{j'}_{i+1,i}}{a_{i+1,i} - a^{j'}_{i+1,i}}. \tag{14}$$

В уравнении (14) все величины известны. Эмпирические значения углового коэффициента ($a^{j}_{i+1,i}$) и свободного члена ($b^{j}_{i+1,i}$) для рассматриваемого загрязняющего вещества получены на основании математической обработки данных гидрохимических и гидрологических наблюдений. Численное значение свободного члена для случая «чистого» «механического» разбавления рассчитывается по формуле $b^{j'}_{i+1,i} = C^{j}_{i} \cdot \left(1 - \frac{Q^{j}_{i}}{Q^{j}_{i+1}}\right)$, а значение углового коэффициента рассчитывается по формуле $a^{j'}_{i+1,i} = \frac{1}{Q_{i+1}}$.

В таблице в качестве примера приводятся данные результатов расчета по приведенной методике для некоторых загрязняющих веществ для участка р. Ингода.

Рассчитанные величины приращений массовых расходов и концентраций (р. Ингода, участок Дешулан – Чита)

Загрязняющее вещество	**Значения, при которых внутриводоемные процессы в пределах выделенного участка близки к нулю**	
	Приращения массовых расходов вещества $(\Delta m^{j}_{i+1,i})$, *г/с*	*Приращения концентраций* $(\Delta C^{j}_{i+1,i})$, *мг/л*
Азот нитратный	- 3,037	- 0,038
Марганец	- 628,15	- 7,811

Таким образом, зависимость (14) позволяет рассчитать значение приращения массового расхода рассматриваемого загрязняющего вещества при незначительной величине внутриводоемных процессов, т.е. случая, когда ими можно пренебречь $((\Delta m^{j}_{i+1,i})_{внутрив}) = 0$ и считать, что изменение массового расхода происходит только за счет «чистого» «механического» разбавления $((\Delta m^{j}_{i+1,i})_{разбав})$.

Литература

1. Лепихин, А.П. К проблеме оценки «фонового» содержания химических инградиентов в водотоках [Текст] / А.П. Лепихин, С.А. Мирошниченко // Водное хозяйство России. – 2000. – Т. 2. – № 3. – С. 228-248.

2. Родзиллер, И.Д. Прогноз качества воды водоемов-приемников сточных вод [Текст] / И.Д. Родзиллер. – М.: Стройиздат, 1984. – 263 с.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Шарапов Н.М., канд. техн. наук, доцент, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
vostokniivh@mail.ru

Научные интересы: формирование гидрохимического режима водных объектов

N. Sharapov, candidate of science (engineering), assistant professor, Chita State University

Research interests:: formation of hydro-chemical condition of water bodies

Педагогика

УДК 372.851

Алексеева Елена Евгеньевна
Elena Alekseeva

ОТДЕЛЬНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ СОЗДАНИЯ КРЕАТИВНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ВУЗЕ НА ПРИМЕРЕ РАЗДЕЛА «ЧИСЛОВЫЕ РЯДЫ»

PARTICULAR CONCEPTS OF CREATIV MATHEMETICAL TRAINING INTRODUCTION IN UNIVERSITIES BY EXAMPLE OF 'NUMERICAL SERIES' UNIT

Представлены разработанные автором отдельные концептуальные положения креативно ориентированной математической подготовки в вузе на примере раздела «Числовые ряды»

The article is focused on particular concepts of creative mathematical training in university, developed by the author (by example of 'Numerical Series' unit)

Ключевые слова: *креативная образовательная среда в вузе, творческий стиль педагогической деятельности, креативная направленность курса высшей математики*

Key words: *creative educational environment in institutions of higher learning, creative style of pedagogical activity, a creative orientation of higher mathematics course*

Теоретическим фундаментом предложенных в статье отдельных концептуальных положений является разработанная К.Г. Кречетниковым концепция проектирования креативной образовательной среды вуза. Она создает условия для перехода от образования в форме воздействия с целью обучения к образованию в форме самообучения, самовоспитания, творческого саморазвития личности обучающегося [3].

Цель данной научной статьи – оценить значение курса высшей математики на примере раздела «Числовые ряды» с креативной точки зрения и обосновать соответствующие теоретические положения о месте и роли курса числовых рядов в математическом анализе и математики в целом. И на основе полученных оценок и обоснований разработать целостные концептуальные предложения по созданию креативно ориентированной направленности курса высшей математики.

Исследуя вопрос о креативной направленности курса высшей математики вообще и курса числовых рядов, в частности, нельзя пройти мимо целевых установок, поскольку цели обучения – доминирующий компонент методической системы обучения на любом уровне.

Целью функционирования креативной среды обучения в вузе является создание условий, максимально благоприятных для удовлетворения потребностей самоактуализации

каждой личности, подготовки высококультурных, нравственно устойчивых высококвалифицированных кадров, способных самостоятельно и компетентно решать задачи управления людьми и техникой, быстро ориентирующихся в самых сложных ситуациях.

Проанализируем, как соотносятся цели обучения высшей математике студентов вузов с возможностями курса числовых рядов, взяв за основу структуру целей, предложенную А.Г. Мордковичем [4]:

1) воспитание научного мировоззрения и осознания гуманитарного потенциала математического курса;

2) формирование достаточного для будущей профессиональной деятельности уровня математических знаний, умений и навыков, что обеспечивается преемственностью знаний в высшей математике вообще и разделе курса «Числовые ряды», в частности;

3) формирование достаточно высокого уровня математического мышления, характеризующегося степенью обширности знаний, межсистемных понятий, творческих способов их усвоения и применения;

4) достаточного опыта математической деятельности. Математическая деятельность включает самостоятельное применение полученных знаний и методов для решения различных задач практики, умение преобразовывать научный материал в учебный, умение преобразовать фрагмент научной теории во фрагмент учебной дисциплины. Это активно реализуется в разделе «Числовые ряды» как в теоретической части, так и с помощью разнообразных задач практического и межпредметного содержания;

5) формирование достаточно высокого уровня математической культуры. На примере раздела «Числовые ряды» у студентов формируют умение выбрать правильное соотношение между содержанием и формой, между строгостью и наглядностью, умение выбрать уровень строгости и полноты изложения адекватно целям и задачам обучения. Но главное – это владение математическим языком как элементом общей культуры человека;

6) формирование интереса к математике, развитие математических способностей. В этом отношении курс «Числовые ряды» представляет собой благоприятную почву.

Одним из непременных условий создания креативной среды обучения является положение о том, что основу построения математического курса в вузе должно составлять объединение общенаучной и методической линий – принцип бинарности, позволяющий студенту освобождаться от психологических «зажимов», приобретенных нередко еще в средней школе. На материале курса числовых рядов можно реализовать следующие компоненты креативной среды изучения математического курса вуза:

– мотивация учения с усилением эмоционального фона путем продуманного подбора серии лекций, формализации определений, которые приводят к новой для студентов математической модели – числовому ряду;

– пропедевтика путем выделения числовых рядов во многих разделах курса математического анализа;

– прямое и косвенное обучение студентов принципам дидактики;

– обучение студентов реализации преемственности знаний, т.е. правильному пониманию внутренних и межпредметных связей.

С учётом изложенного особое внимание привлекает понятие «творческий стиль педагогической деятельности» [5] как основа исследовательской деятельности педагога.

Творческий стиль педагогической деятельности характерен устойчивой направленностью на творчество, способностью не только порождать идеи, но и успешно их воплощать в практической деятельности. Если результатом практической деятельности педагога является обучение и воспитание человека, то результатом этой деятельности являются знания и умения обучаемого, которые фиксируются в виде законов, принципов, правил и методов, усвоенных в процессе учения.

Глубина и взаимосвязанность полученно-

го знания в школе, техникуме, вузе влияет на интерес к дальнейшему обучению или отсутствие такового. Каждый предмет, а особенно математика, оперирующая сугубо формальными, в высшей степени абстрактными категориями, имеет много тонких понятий. Методические просчёты и неувязки около этих тонких понятий зачастую уничтожают интерес к учёбе и веру в собственные силы.

Формирование креативно ориентированной математической подготовки и преемственности знаний повышает интерес к предмету, а использование средств и методов, стимулирующих творчество при выполнении заданий, повышает самооценку обучающегося.

Активное формирование эмоционально-ценностных отношений к знаниям студентов ведет к расширению познавательной, творческой, развивающей деятельности.

Изложенная система взглядов на процессы и явления позволила разработать генеральный замысел, определяющий стратегию действий при осуществлении креативной направленности курса математики в вузе. Прежде всего, на первый план мы выдвигаем идею самореализации связи конкретного курса высшей математики с соответствующим школьным предметом – принцип ведущей идеи. Этот принцип учитывает и тот факт, что опыт, навыки и знания, обуславливая полноту восприятия обучаемого, предвосхищают получаемую информацию в каждом познавательном акте. [1]. Отсюда рождается отношение к знанию как личностно-значимой ценности, что значительно минимизирует неожиданные внешние влияния и максимизирует альтернативные возможности самопознания и самоутверждения, готовность к самостоятельному, творческому применению знаний в учебной и далее в профессиональной деятельности. Тем самым реализация данного принципа благотворно влияет и на уровень усвоения студентами полученных знаний и на развитие их интеллекта.

Таким образом, анализируя креативную направленность курса высшей математики на примере раздела «Числовые ряды» в вузе, раскроем разработанную автором общую концепцию курса, логически вытекающую из всего сказанного. В концентрированном виде она представляет собой совокупность нескольких положений.

Раздел «Числовые ряды» рассматривается не только и не столько как определенная порция новой информации, сколько как носитель гуманитарного потенциала математики, способствующий стимулированию ценностного отношения к изучаемым знаниям и методам их применения, расширению жизненного опыта восприятия знаний в единстве с их приложениями.

Раздел «Числовые ряды» рассматривается не как отдельный, самостоятельный курс, а как раздел математического анализа во всех его многообразиях и взаимосвязях.

В курсе математического анализа следует выделить содержательно-методическую линию числовых рядов.

В постановке самого раздела «Числовые ряды» следует органически сочетать содержательно-гуманитарный и абстрактно-теоретический уровни, что является системо-образующим фактором создания креативно ориентированной математической подготовки.

Первый уровень предполагает содержательную трактовку понятий, использование генетических определений и методов доказательств, локально логическую организацию материала, широкое привлечение правдоподобных рассуждений, повышенное внимание к прикладным аспектам.

Второй уровень предполагает изучение учебного предмета как замкнутой в себе области знаний со своим кругом абстрактных понятий, специфическим языком, арсеналом утонченных средств доказательных рассуждений.

Литература

1. Алексеева, Е.Е. Креативно ориентированная математическая подготовка в вузе: монография [Текст] / Е.Е. Алексеева; БГА РФ, Калининград, 2006. – 158 с.

2. Алексеева, Е.Е. Реализация креативной направленности курса «Числовые ряды» в учебном процессе вуза: монография [Текст] / Е.Е. Алексеева; БГА РФ, Калининград, 2006. – 115 с.

3. Кречетников, К.Г. Проектирование креативной образовательной среды на основе информационных технологий в вузе: автореф. дисс… д-ра пед. наук: Спец.13.00.08 / К.Г. Кречетников; Ярославль, 2003. – 40 с.

4. Мордкович, А.Г. Профессионально-педагогическая направленность специальной подготовки учителя математики в педагогическом институте: дис… / А.Г. Мордкович. – М., 1986. – 355 с.

5. Педагогика. – М.: Издательский дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2000. – 488 с.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Алексеева Е.Е., канд. пед. наук, доцент кафедры высшей математики, БГА РФ
тел.: 94012453444

E. Alekseeva, associate professor, department of higher mathematics, BSA

Научные интересы: методика преподавания математики в вузе

Research interests: methods of teaching of mathematics in institutions of higher learning

УДК 378

Гурулева Татьяна Леонидовна
Tatyana Guruleva

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF POLYCULTURAL AND POLYLINGUAL PERSONALITY FORMATION WITHIN THE SYSTEM OF HIGHER LINGUISTIC EDUCATION

Рассмотрены теоретико-методологические основы формирования языковой личности: исследовано понятие языковой личности, представлены основные подходы к его изучению, рассмотрено понятие вторичной языковой личности и различные варианты его трансформации, предлагаемые современными учеными и лингводидактами. Предложена авторская поликультурная модель высшего языкового образования, целью которой полагается формирование личности, способной осуществлять полноценную эффективную межкультурную коммуникацию в условиях международного общения

The article considers theoretical and methodological principles of lingual personality formation: concept of linguistic personality is considered, basic approaches to its studies are represented; also concept of second linguistic personality and variants of its transformations considered by modern scientists are represented. The author introduces a polycultural model of higher linguistic education, aimed at formation of personality, able to communicate effectively in conditions of international communication

Ключевые слова: *языковая личность, вторичная языковая личность, поликультурная модель высшего языкового образования, поликультурная полилингвальная личность*

Key words: *linguistic personality, second linguistic personality, polycultural model of higher linguistic education, polycultural and polylingual personality*

Результатом языкового образования является сформированная языковая личность.

Термин «языковая личность» впервые был введен В.В. Виноградовым, определившим пути описания языковой личности автора и персонажа на материале художественной литературы [1; С. 4].

В современной науке языковая личность рассматривается как целостный феномен, в котором интегрированы результаты междисциплинарных лингвистических исследований (психолингвистических, лингводидактических и лингвокультурологических). Над проблемой исследования языковой личности работали Н.Д. Арутюнова, А.Г. Баранов, Г.И. Берестнев, Г.И. Богин, М. Бубер, Й. Вейсгербер, С.Г. Воркачев, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, И.Н. Горелов,

В.И. Карасик, М.В. Китайгородская, В.В. Красных, Ю.Н. Караулов, Л.П. Клобукова, Т.В. Кочеткова, В.А. Маслова, А.А. Леонтьев, В.П. Нерознак, Ю.Е. Прохоров, И.И. Резвицкий, Н.Н. Розанова, К.Ф. Седов, О.Б. Сиротинина, Т.Н. Снитко, В.В. Соколова, С.А. Сухих, К.Н. Хитрик, В.И. Шаховский и др.

В исследованиях языковой личности в основном выделяют два направления: лингводидактическое и лингвокультурологическое [1; С. 14]. Предметом лингводидактических исследований является индивид как совокупность речевых способностей [1; С. 14]. Предметом лингвокультурологических исследований выступает «национально-культурный прототип определенного языка» [5].

Одним из основоположников модели языковой личности в русле лингводидактического подхода считается Г.И. Богин. По Г.И. Богину, языковая личность – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и понимать произведения речи. Языковая личность – один из компонентов существования языка, это – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь» [4; С. 1]. Автор выделил пять уровней, которыми языковая личность последовательно овладевает в процессе своего развития: правильности, интериоризации, насыщенности, адекватного выбора, адекватного синтеза.

Необходимость обращения к человеку, а именно к языковой личности при изучении языка была обоснована Ю.Н. Карауловым. Он отметил, что «так как невозможно изучать какой-то один из аспектов научно-лингвистической парадигмы о языке, то выход можно видеть только в обращении к человеческому фактору и введении в лингвистическую парадигму языковой личности, как равноправного объекта изучения, как такой концептуальной позиции, которая позволяет интегрировать разрозненные и относительно самостоятельные свойства языка» [7; С. 22]. Ю.Н. Караулов разработал методику реконструкции языковой личности и определил ее как «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и воспроизведение им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью…» [7; С. 3].

Согласно концепции Ю.Н. Караулова, «языковая личность – это личность, выраженная в языке (в текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств. Это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще» [7; С. 38]. Ю.Н. Караулов определил языковую личность как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (имеются в виду говорение, аудирование, письмо и чтение), а с другой – по уровням языка, т.е. фонетике, грамматике и лексике» [7; С. 29].

Структуру языковой личности Ю.Н. Караулов представил состоящей из трех уровней:

1) вербально-семантического (или нулевого). Этот уровень предполагает для носителя нормальное владение естественным языком. Единицами нулевого уровня выступают отдельные слова, а также грамматико-парадигматические, семантико-синтаксические и ассоциативные отношения между ними. Этот уровень называют лексиконом личности, включающим фонетические и грамматические знания личности;

2) лингвокогнитивного (логико-когнитивного, тезаурусного или первого). Первый уровень предполагает отражение в языке модели мира. Единицами уровня являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную «картину мира», отражающую иерархию ценностей личности. В тезаурусе личности запечатлен образ мира и система знаний о нем;

3) мотивационно-прагматического (мотивационного или второго). Второй уровень подразумевает выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности и ее поведением, управляющих ее текстопроизводством и определяющих иерархию смыслов и ценностей модели мира в ее языке. Этот уровень позволяет осуществить переход от речевой деятельности личности к осмыслению ее реальной деятельности. Единицами второго уровня выступают коммуникативно-деятельностные потребности, обусловленные социально-деятельностным поведением личности, т.е. ее прагматиконом – системой целей, мотивов, интересов, установок и интенциональностей личности [7].

Ю.Н. Караулов подчеркивает, что концепция трехуровневого устройства языковой личности определенным образом коррелирует с тремя типами коммуникативно-деятельностных потребностей (контактоустанавливающими, информационными и воздействующими) и тремя сторонами процесса общения (коммуникативной, интерактивной и перцептивной).

Для лингводидактического подхода материальным аналогом речевой способности является ассоциативно-вербальная сеть языка, которая выражается в ассоциативном тезаурусе (по Ю.Н. Караулову).

В лингвокультурологическом подходе выделяется несколько школ, разрабатывающих проблему языковой личности. Среди них школа Ю.С. Степанова (описание констант культуры в диахроническом аспекте), школа Н.Д. Арутюновой (изучение универсальных терминов культуры на материале разных народов и разных времен), школа В.Н. Телия (исследование языковых сущностей с позиции рефлексии носителя живого языка с помощью имитации речедеятельностных ментальных состояний говорящего), школа В.В. Воробьева, В.М. Шаклеина и др. (исследования безэквивалентной лексики) [8; С. 29].

Согласно другой классификации, в изучении языковой личности выделяются более чем два направления, описанных выше. Так, С.Г. Воркачев отмечает, что «понятие «языковая личность» образовано проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность».

С.Г. Воркачев подчеркивает, что этот термин носит интегрированный и многомерный характер, что обусловливает неоднозначность и многоаспектность его понимания в лингвистике. В зависимости от параметров (уровень абстракции, качественная область) этот термин может рассматриваться как «личность индивидная, групповая и базисная» либо как «личность физическая, социальная и духовная».

С.Г. Воркачев выделяет три основных подхода в понимании языковой личности. Он отмечает, что под «языковой личностью» понимается «человек как носитель языка» (по Г.И. Богину), взятый со стороны его способности к речевой деятельности, т.е. комплекс психофизических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения – по существу, личность речевая.

Под «языковой личностью» также понимается совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, – личность коммуникативная (по С.А. Сухих). И, наконец, под «языковой личностью» может пониматься закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре – личность «словарная» (по В.И. Карасику), этносемантическая [5].

Еще одна попытка классификации подходов в изучении языковой личности предпринята З.В. Баишевой. Ученый отмечает, что «в

современной лингвистике языковая личность рассматривается в когнитивном (А.П. Бабушкин, В.В. Красных, А.М. Шахнарович), прагматическом (И.П. Сусов, Ю.С. Степанов), коммуникативно-деятельностном (К.Ф. Седов, И.В. Сентенберг, С.А. Сухих), национальном (В.В. Воробьев) аспектах, в аспекте культурного пространства (В.И. Карасик, Т.В. Кочеткова), в свете лингводидактики (Л.П. Клобукова, Ю.Е. Прохоров), в онтогенезе (В.Е. Гольдин; О.Б. Сиротинина). В последние два десятилетия понятие «языковая личность» активно разрабатывается лингвокультурологическим направлением, предлагающим рассматривать языковую личность как члена определенного национально-лингвокультурного сообщества, теснейшим образом связанного с национальной культурой, и описывать как национальную языковую личность (В.В. Воробьев)» [2].

Предложенная Ю.Н. Карауловым уровневая модель языковой личности оказалась востребована разными подходами, поскольку представляет собой обобщенный тип личности, вариациями которого может быть множество конкретных личностей. Созданная Ю.Н. Карауловым модель предоставила возможность изучения языковой личности с различной степенью обобщения, что предопределило развитие исследования структуры языковой личности по пути построения аспектных моделей [3].

На сегодняшний день разработано множество аспектов изучения языковой личности: полилектная и идиолектная (В.П. Нерознак), этносемантическая (С.Г. Воркачев), элитарная (О.Б. Сиротина, Т.В. Кочеткова), семиологическая (А.Г. Баранов), русская (Ю.Н. Караулов), языковая личность и речевая личность (Ю.Е. Прохоров, Л.П. Клобукова), языковая личность западной и восточной культур (Т.Н. Снитко), словарная (В.И. Карасик), эмоциональная (В.И. Шаховский) [8; С. 119], диалектная [6], гендерная (А.Г. Фомин) [9].

Вопрос соотношения личности и языковой личности является крайне важным для разработки концептуальных основ формирования языковой личности. Согласно исследованиям А.Г. Фомина, который изучил корреляцию психологических понятий «личность» – «сознание» с психолингвистическими «языковая личность» – «языковое сознание», следует, что «языковая личность трактуется не только как часть объемного и многогранного понимания личности в психологии (как субъекта, осознанно совершающего поступки), не как еще один ракурс ее изучения, наряду, например, с «этической», «юридической», «экономической личностью», а как вид полноценного представления личности, вмещающей в себя и психологические, и социальные, и этические, и другие компоненты, но преломленные через язык» [9; С. 126]. Этой идее созвучны мысли В.А. Масловой, которая выделяет несколько составляющих языковой личности: Я-физическое, Я-социальное, Я-интеллектуальное, Я-эмоциональное, Я-речемыслительное. Она отмечает, что, воздействуя на любую ипостась личности, можно воздействовать на все остальные стороны личности адресата. Языковая личность вступает в коммуникацию как многоаспектная, и это соотносится со стратегиями и тактиками речевого общения, с социальными и психологическими ролями коммуникантов, культурным смыслом информации, включенной в коммуникацию [7].

Вопроса соотношения личности и языковой личности касается и К.Н. Хитрик. Автор, обосновав идею антропоцентрического подхода к обучению культуре иноязычного речевого общения, отмечает, что антропоцентрический подход «позволяет рассматривать личность человека как объект изучения (и обучения тоже) одновременно в трех ипостасях: а) социально-психологически – как индивидуальность человека, б) социолингвистически – как языковую личность, в) лингводидактически – как «вторичную» языковую личность, приобщающуюся через иностранный язык к инофонным (вторым) языковой и концептуальной картинам мира» [11; С. 13]. Во всех этих случаях личность представляет «сложно организованное системное образование, включающее на социально-психологическом уровне три подсистемы (подструктуры): индивидную, субъектную и

личностную (Б.Г. Ананьев, И.И. Резвицкий и др.), а на социолингвистическом и лингводидактическом уровнях – соотносимые с первыми вербально-семантический, лингвокогнитивный (тезаурусный) и мотивационно-прагматический уровни строения (Ю.Н. Караулов и др.)» [11; С. 13].

К.Н. Хитрик подчеркивает, что система личности человека «обладает интегративным системным когнитивно-креативным качеством, … которое формируется (образуется, задается) под воздействием ведущей, личностной (мотивационно-потребностной, духовной, несобственно-вербальной) подструктуры, способной переводить на качественно новый уровень функционирования и субъектную, и индивидную подструктуры человека (обучаемого)» [11; С. 14].

К.Н. Хитрик считает, что «в системе языковой личности ее мотивационно-прагматическая сфера остается несобственно-языковой, но неизменно национальной. Это сфера морально-нравственных интенций, мотивов и потребностей, сфера желаний, интересов и стремлений. Под ее системообразующим воздействием лингвокогнитивный и вербально-семантический уровни строения языковой личности обретают способность функционировать на высшем, личностном уровне или, что то же самое, создают условия для манифестации личностных качеств на каждом из названных уровней, функционально проявляясь, соответственно, на тезаурусном уровне как «субъектная» личность или на вербально-семантическом уровне как «индивидная личность» [11; С. 14].

Концепция формирования вторичной языковой личности была впервые предложена И.И. Халеевой [10; С. 1]. Ее модель вторичной языковой личности базируется на концепции Ю.Н. Караулова и предназначена для актуализации языковой личности на межкультурном уровне.

В обобщенном виде вторичная языковая личность определяется как совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне, под которым понимается адекватное взаимодействие с представителями других культур [13].

Как отмечает Л.П. Халяпина, «понятие «вторичная языковая личность» является одним из наиболее значимых и основополагающих в современной теории и методике обучения иностранным языкам. Однако его интерпретация, теоретическое исследование и практическая реализация не стоят на месте. Трансформация данного понятия объясняется изменениями в структуре окружающего нас социума, изменением тех требований, которые социум предъявляет к системе обучения иностранным языкам на каждом новом этапе своего развития» [12; С. 185].

Реализуя различные подходы в языковом образовании, ученые трансформируют понятие вторичной языковой личности, дополняя ее различными качествами и свойствами:

– личность, осознающая себя в качестве культурно-исторического субъекта, обладающая общепланетарным мышлением (В.В. Сафонова) (разработка социокультурного подхода при обучении языку как специальности);

– посредник-интерпретатор, прошедший вторичную социализацию, подготовленный к участию в межкультурной коммуникации через формирование культурного минимума как определенной совокупности знаний и действий, соответствующих культурно-специфическим нормам иносоциума (М.Г. Корочкина), (изучение проблемы формирования межкультурной компетенции);

– медиатор культур, межкультурный коммуникант, характеризующийся уникальным восприятием действительности через двойную или тройную призму нескольких культур одновременно (Г.В. Елизарова), (разработка проблемы формирования межкультурной компетенции в процессе обучения иноязычному общению);

– личность, способная осуществлять межкультурное общение (М.А. Суворова), (разработка лингвокультурологического подхода в обучении иностранным языкам);

– единая поликультурная личность, характеризующаяся осознанным самоопределе-

нием в спектре культур современных поликультурных сообществ; субъект диалога культур (П.В. Сысоев), (разработка концепции языкового поликультурного образования);

– международно-ориентированная личность, владеющая культурой делового общения на международном уровне (З.В. Емельянова), (исследование проблемы формирования интерактивной компетенции языковой личности при обучении иностранным языкам);

– поликультурная языковая личность, наделенная комплексом компетенций, позволяющих ей ориентироваться в концептосферах универсального, этнокультурного, социокультурного и индивидуально-культурного типов, готовая и способная к активному позитивному взаимодействию с представителями поликультурного мира (Л.П. Халяпина), (разработка методической системы формирования языковой личности нового типа).

Проблема формирования вторичной языковой личности, способной к межкультурному общению, рассматривается современными учеными в основном на примерах соизучения английского языка и американской / английской культуры, реже – других европейских языков и культур. При этом почти полностью отсутствуют исследования, проведенные на практическом материале восточных языков и культур. Бесспорен тот факт, что такие концептуальные основы, как диалоговый подход к организации высшего языкового образования и социокультурный подход в обучении иностранным языкам в принципе применимы к изучению любых языков. Однако очевидно и то, что обучение восточным языкам и культурам имеет свои специфические особенности.

Разработанная нами *поликультурная модель высшего языкового образования ставит своей целью формирование личности, способной осуществлять полноценную эффективную межкультурную коммуникацию в условиях международного общения*. Основными задачами поликультурной модели высшего языкового образования являются:

– формирование системы знаний о языке и культуре;

– формирование представлений о поликультурности окружающего мира, осознание сходства и различия между представителями различных культур;

– формирование способности личности к культурному самоопределению, к осознанию и сохранению собственной культурной идентичности;

– формирование системы знаний о собственной российской культуре;

– формирование осознанных позитивных ценностных ориентаций личности по отношению к собственной российской культуре;

– овладение основными фоновыми знаниями мира изучаемых языков (пространственно-временными континуумами стран изучаемых языков, воплощенными в национальных языках (восточных и западных) (содержательный аспект соизучения языка и культуры);

– функциональное овладение языками (восточным и европейским) с учетом их национально-культурных контекстов, с целью использования их в разных сферах жизни общества: в науке, технике, экономике, культуре и т.п.;

– формирование представлений о культурных стереотипах, предрассудках и обобщениях;

– формирование представлений о межкультурных конфликтах и путях их преодоления;

– формирование способности к эффективному межкультурному взаимодействию, диалогичности, овладение стратегиями и тактиками межкультурной коммуникации;

– формирование представлений о современном евразийстве;

– воспитание толерантности личности по отношению к другим странам, народам и культурам;

– патриотическое воспитание личности;

– формирование способности к вторичной социализации и аккультурации.

На рисунке схематично представлена поликультурная модель высшего языкового образования, целью которой является формирование личности, способной осуществлять полноценную эффективную межкультурную коммуникацию в условиях международного общения.

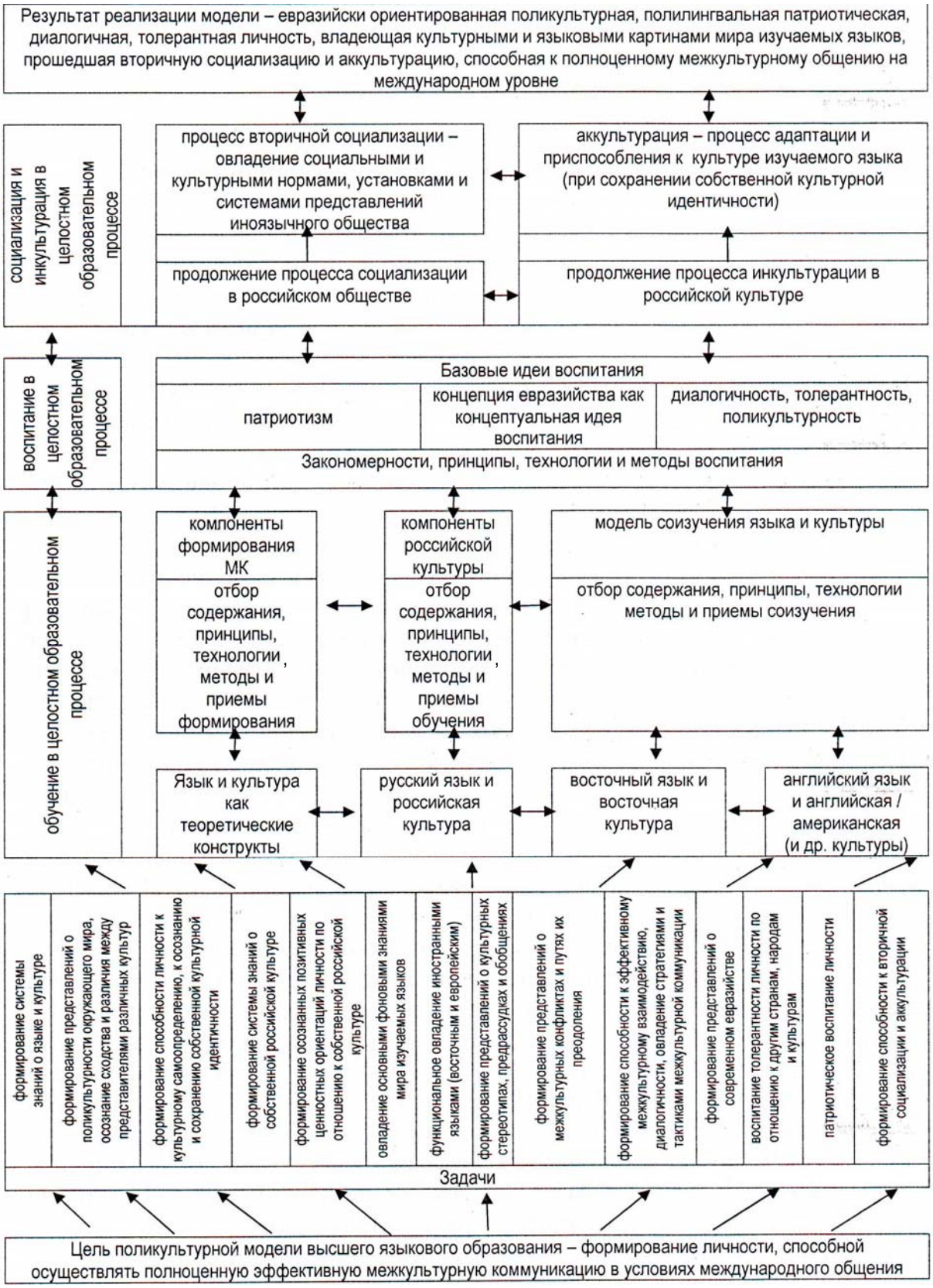


Схема поликультурной модели высшего языкового образования

Основными отличительными чертами нашей модели являются:

– высшее языковое образование мы рассматриваем на уровне трех подсистем: обучения, воспитания, а также социализации и инкультурации (для иностранных языков – вторичной социализации и аккультурации), как целостный образовательный процесс, представляющий совокупность названных подсистем;

– целью и результатом образовательной модели полагаем формирование не просто личности, способной осуществлять межкультурную коммуникацию, а евразийски ориентированной поликультурной, полилингвальной патриотической, диалогичной, толерантной личности, владеющей культурными и языковыми картинами мира изучаемых языков, прошедшей вторичную социализацию и аккультурацию, способной к полноценному межкультурному общению на международном уровне;

– в методическом плане использована принципиально новая модель соизучения языка и культуры, позволяющая организовать *одновременный* процесс обучения языку, культуре и межкультурной коммуникации, а не осуществлять процесс обучения культуре и межкультурной коммуникации что называется «вдогонку», вслед за обучением иностранному языку, обучая этому студентов средних и старших курсов с уже сформированной системой иностранного языка;

– разработано поэтапно согласованное распределение содержания обучения языку и культуре (на материале обучения китайскому языку и китайской культуре);

– поликультурная модель высшего языкового образования впервые построена с учетом специфики обучения восточным языкам.

Специфика модели с учетом обучения восточным языкам заключается в следующем:

– модель ориентирована на подготовку студентов, *одновременно* изучающих восточный и европейский иностранные языки, т.е. нацелена на формирование полилингвальной (как минимум, трилингвальной) и поликультурной личности, т.е. российской личности, аккумулирующей в себе принципиально различные восточную и западную (американскую) культуры;

– впервые предложено и обосновано использование концепции евразийства как одной из базовых идей образовательного процесса;

– процесс обучения языку и культуре представлен как процесс овладения культурной и языковой картинами мира изучаемых языков, для чего описан механизм влияния культурно-этнических доминант китайской культуры на семантический универсум народа;

– для овладения основными национально-специфическими концептами китайской культуры описаны ее базовые характеристики, определены основные различия в культурах Китая и Запада, выявлены типы межцивилизационных взаимодействий, способствующие улучшению качества процесса межкультурного общения личности;

– апробированы новые технологии соизучения китайского языка и культуры (например, тандем-технология при искусственном создании естественной языковой среды, интерактивная технология при иммерсии в социокультурную среду и др.).

Первичная обработка результатов эксперимента по внедрению предложенной модели в образовательный процесс подтвердила наше предположение о том, что данная модель позволяет сформировать евразийски ориентированную поликультурную, полилингвальную патриотическую, диалогичную, толерантную личность, владеющую культурными и языковыми картинами мира изучаемых языков, прошедшую вторичную социализацию и аккультурацию, способную к полноценному межкультурному общению на международном уровне.

Литература

1. Аникин, Д.В. Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет»: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Д.В. Аникин. – Барнаул, 2004. – 205 с.

2. Баишева, З.В. Языковая личность судебного оратора А.Ф. Кони: автореф. дис. … д-ра

филол. наук: 10.02.01 / З.В. Баишева. – Уфа, 2007. – 45 с.

3. Богачева, Д.П. Метаязыковая личность (к проблеме описания) // Языковая личность: информация, материалы, полезные ссылки…, 2003 коммуникация [Электронный ресурс] / Д.П. Богачева. – Электрон. ст. – Режим доступа к ст.: http://www.links-guide.ru/.

4. Богин, Г.И. Начальные уровни развития языковой личности школьника как формат для определения успешности его филологической подготовки [Электронный ресурс] / Г.И. Богин. – Электрон. кн. – Режим доступа к кн.: http://university.tversy.ru/.

5. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.

6. Иванцова, Е.В. Феномен диалектной языковой личности [Текст] / Е.В. Иванцова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 309 с.

7. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – С. 29-68.

8. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст] / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

9. Фомин, А.Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности: дис. …д-ра филол. наук: 10.02.19. / А.Г. Фомин. – М., 2005. – 357 с.

10. Халеева, И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи [Текст] / И.И. Халеева. – М.: МГЛУ, 1989. – 210 с.

11. Хитрик, К.Н. Теоретические основы обучения культуре иноязычного речевого общения в специальном языковом вузе: автореф. дис. … д-ра пед. наук: 13.00.02 [Текст] / К.Н. Хитрик. – М., 2001. – 43 с.

12. Халяпина, Л.П. Технология сопоставительного концептуального анализа в системе формирования поликультурной языковой личности [Текст] / Л.П. Халяпина // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – № 1. – С. 184-193.

13. Гурулева, Т.Л. Поликультурная модель высшего языкового образования с учетом специфики обучения восточным языкам [Текст] / Т.Л. Гурулева // Сибирский педагогический журнал. – 2008. – № 4. – С. 95 -121.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Гурулева Т.Л., канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой международных информационных связей, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Тел. раб. 35-24-06

T. Guruleva, candidate of science (pedagogics), associate professor, head of International Information Relations department, Chita State University

Научные интересы: лингводидактика; теория и методика преподавания иностранных языков; история, теория и методика языкового образования

Research interest: linguodidactics, theory and methods of foreign language teaching, history and methodology of linguistic education

УДК 377

Калина Наталья Дмитриевна
Nataliya Kalina

ИННОВАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОНСТРУКТИВНО-ГРАФИЧЕСКИХ УМЕНИЙ У СТУДЕНТОВ

INNOVATIVE TECHNOLOGY OF STUDENTS' CONSTRUCTIVE AND GRAPHI SKILLS FORMATION ABILITIES FORMATIONAT STUDENTS

Представлена технология обучения рисунку, направленная на формирование профессиональных умений и компетентности будущего специалиста. Обобщение и системные методы деятельности являются основным содержанием компетентности в рисунке

A technology of drawing training is presented, which is aimed at formation of future specialist's professional skills and competence. Generalization and system methods comprise the basic content of one's professional competence in drawing

Ключевые слова: *педагогика изобразительного искусства, психология художественного творчества, художественный образ, геометрическое обобщение, конструктивно-графические умения, конструктивно-художественная компетентность, технология обучения рисунку*

Key words: *fine arts pedagogics, psychology of artwork, art image, geometrical generalization, constructive and graphic skills, constructive and art competence, drawing training technology*

Художественное образование в настоящее время переживает кризис. Приоритет воспринимаемой целостности в качестве основной модели исчерпал себя. В настоящее время требуются другие основания в обучении рисунку будущих специалистов сферы профессий «Человек – художественный образ», такие, как «мышление целостной формой». Рисунок реализуется на основе постоянно изменяющихся условий, одновременно является познавательным и творческим, выступает важнейшим средством формирования конструктивно-графических умений и смысловой сферы личности. Информационно-отражательный характер рисунка, ориентируясь на образную модель деятельности, зависит от познавательно-преобразовательных действий студента в системе «субъект – объект».

Качество исполнения рисунка студентом, целостность в его исполнении зависит от системы знаний, системного анализа и синтеза. При одной системе знаний можно наблюдать один вид рисунка, а при ее изменении – другой. Конструктивно-художественная компетентность в рисунке – это осознанное моделирование эстетической целостности изображения, понимание взаимосвязей между частями целого. «Система» и «целостность» – понятия тождественные, поэтому данная компетентность формируется на основе системных методов познания и практики.

В художественном образовании противо-

речие «образ – процесс», выделенное А.Н. Леонтьевым, является «действенной противоположностью». Образ воспринимается человеком целостно, а процесс дискретно, в последовательности действий.

Традиционное художественное образование ориентировано в основном только на чувственно воспринимаемый уровень познания, т.к. на этом уровне непосредственно воспринимается целостность объекта. Теоретические положения о целостности геометрического пространства, а также эстетические ценности формообразования даются в обучении эпизодически, что не позволяет целостно представить объект. Целостность является одной из существенных сторон эстетического в рисунке. Традиционное образование недостаточно развивает умения человека в организации процесса, хотя общеизвестно, что характер и качество образа являются результатом процесса. Конструктивно-графический процесс осуществляется на основе мышления образами, ориентируется системой образов, включает образ конкретной ситуации, когнитивный образ деятельности и оперативные образы действий, направленные на преобразования как образа ситуации, так и когнитивного образа деятельности в связи с методами и перспективно-пространственными условиями объекта в среде.

Чтобы обеспечить профессиональное конструктивно-художественное развитие личности в вузе, необходимо смоделировать *новую педагогическую технологию,* ориентированную на последовательное формирование у студентов конструктивно-графических умений. В соответствии с тремя уровнями ИЗО деятельности рассмотрим три уровня обобщения, посредством которых осуществляются процессы выбора пространственных стимулов и формируются дифференцированные различия.

Для *образного обобщения* характерно «склеивание» повторяющихся впечатлений, слияние их в одно усиленное обобщенное представление. Со временем такого рода представления как бы «выцветают», теряют свое содержание. Более глубоким и устойчивым по отношению к чувственно-образному обобщению является *теоретическое обобщение*, которое возможно лишь на ступени понятийного познания, направленного на организацию процесса и упорядочение образа, т.к. теоретическое обобщение есть понятийно-логический процесс. Но понятия, которыми оперирует студент, не самостоятельны, а зависят от чувственного восприятия признаков модели. Р.М. Грановская подчеркивает, что оба обобщения, используемые по отдельности, страдают неполнотой: первый, вследствие отсутствия теоретической схемы, а второй – из-за потери конкретных особенностей формы. *Художественное обобщение* является способом соединения чувственного и рационального обобщения с эстетической оценкой, предусматривает организованность, упорядоченность, структурную целостность произведения, отбор типического, существенного и закономерного, в то же время опирается на некоторую вероятность.

Образное обобщение формируется при большом количестве повторений с опорой на развитый глазомер и зрительную память. Как показывают исследования, на первом курсе института глазомер у студентов развит недостаточно, он развивается в специально организованном обучении. В связи с этим наблюдаются неточные пространственные различения в рисунке. В традиционном обучении считается, если зрительная память и глазомер у студентов недостаточно развиты, значит способности у них ограничены.

На основе новой технологии, начиная с первого курса обучения студентов, формировалось два взаимопроникающих обобщения (образное и теоретическое). При этом пространственные различения в рисунке становились у учащихся более точными и тонкими, связывались с переносом и развитием самостоятельных действий.

При выполнении конструктивно-графических действий учащимися выявлялись, во-

первых, характеристики трехмерных геометризированных структур, условно разделенных на пропорциональные части. В каждой из частей определяли перспективные отношения и связи, включающие конкретные признаки объекта во всеобщий научно обоснованный язык перспективы; во-вторых, светотеневые взаимосвязи, которые также зависели от геометрического обобщения и направленности светового луча; в-третьих, общие системные свойства гармонизации, иерархия планов и изобразительных средств.

В связи с таким содержанием действий в ситуациях обучения использовалось две модели: натурная, конкретно воспринимаемая и конструктная, абстрактно-логическая. На этой основе анализировался конкретный материал. Конструкты показывали конструктивные особенности, абстрактные зависимости, присущие геометрическим и эстетическим типам, подразделялись: *по степени сложности* – упрощались или усложнялись структурные связи; *по индивидуальным познавательным возможностям* – делалась опора на базовые образно-пространственные или понятийно-познавательные умения; *по уровню деятельности* – репродуктивного, проблемного и исследовательского.

Конструктивно-графической процесс ориентировался на правила конструктивных связей, образованных на основе закономерностей, это пропорциональные, перспективные и светотеневые связи. Правила направляли процесс деятельности в определенном, логически выстроенном порядке. Студенты с плохо развитым глазомером, на основе теоретического понимания формы и волевых усилий при конструктном обучении добивались хороших результатов. На основе усвоения ориентировочной основы действия конструктов у студентов развивалась система мотивационно-целевых, программно-содержательных, процессуально-исполнительских и контрольно-оценочных процессов, что способствовало формированию конструктивно-графических умений будущего специалиста.

Технология конструктного обучения являлась необходимым этапом в технологии творческого развития. Данный этап обучения считался аналитическим, формировал у студентов теоретические обобщения, направленные на процесс, которые являлись фундаментом творческого феноменологического этапа. При этом в процесс изображения включалось личностное отношение к объекту в качестве свободы выбора эвристических принципов художественно-эстетической выразительности и формообразования, что в конечном итоге способствовало творческому развитию будущего специалиста.

Пространственное содержание функционировало в силу его конструктивных особенностей в основном способе обобщения. Эвристические принципы эстетической выразительности накладывались на геометрически обобщенный объект, включая его в дополнительные связи, при этом они являлись творческими допущениями к объективной схеме процесса.

В ходе применения обоснованной нами *инновационной технологии* на всех этапах формирования умений предлагалась одна и та же система знаний, которая в процессе обучения последовательно расширялась и углублялась. При этом изменялось управление учебной деятельностью: от полного управления преподавателем действиями обучаемых к косвенному управлению и затем к самоуправлению в деятельности. Посредством теоретического и эвристического ориентирования как структуры процесса, так и образного его представления у студентов развивалась конструктивно-художественная компетентность, произвольность и послепроизвольность в познавательных процессах, что в совокупности образовывало функциональную систему процессуальной активности конструктивно-графических умений у будущих специалистов.

Проверка эффективности инновационной технологии осуществлялась в экспериментальной группе (ЭГ). Полученные результаты сравнивались с результатами контрольной группы (КГ), где обучение проходило по тради-

ционной модели. Использовались содержательные критерии профессиональных конструктивно-графических умений, такие как:

1) геометрическое обобщение формы объекта;

2) пропорциональные связи;

3) перспективные связи;

4) светотеневые связи;

5) эстетический показатель визуально-графической культуры и цельности рисунка.

Каждый из рисунков оценивался по десятибалльной шкале. Среднегрупповые баллы показаны в таблице. Достоверность различий (a = 0,05) подтверждена с помощью t-критерия Стьюдента для всех этапов обучения. Значимые различия от этапа к этапу увеличивались. Это доказывает, что инновационная технология в большей мере, чем традиционная, способствует формированию конструктивно-графических умений у будущих дизайнеров.

Сравнительный анализ сформированности конструктивно-графических умений экспериментальной и контрольной групп

Крите-рии	**Первый этап,** ЭГ/ КГ		**Второй этап,** ЭГ/ КГ		**Третий этап,** ЭГ/ КГ		**Четвертый этап,** ЭГ/ КГ		**Пятый этап,** ЭГ/ КГ	
	баллы	*раз-ница*	*баллы*	*раз-ница*	*баллы*	*раз-ница*	*баллы*	*раз-ница*	*баллы*	*раз-ница*
1	4,1/3,3	**0,8**	6,3/4,4	**1,9**	8,1/5,4	**2,7**	9, 2/6	**3,2**	9,5/6	**3, 5**
2	5,1/4,1	**1**	6,7/5,1	**1,6**	7,5/5,7	**1,8**	9, 5/6,5	**3**	9,7/6,5	**3, 2**
3	3,4/2,6	**0,8**	5,6/3,8	**1,8**	8/4,9	**3,1**	8,8/ 5,2	**3,6**	9,8/ 5,7	**4,1**
4	6,1/4,4	**1,7**	8,1/5,4	**2,7**	8,5/5,7	**2,8**	9,2/ 6	**3,2**	9,5/ 6,2	**3, 3**
5	3,6/3,2	**0,4**	5,9/4,1	**1,8**	8,4/6,2	**2,2**	8,6/ 5,7	**2,9**	9,3/6	**3,3**

Целостная модель инновационной технологии формирования профессиональных конструктивно-графических умений будущего специалиста ИЗО сферы профессий «Человек – художественный образ» обеспечивает студентов способами мышления и деятельности, умениями связывать необходимые знания в направленный процесс, развивает в человеке такие качества, которые позволяют ему не только вписываться в современный мир, но и на основании своих возможностей прогнозировать его изменение.

Литература

1. Кассирер, Э. Избранное: Опыт о человеке [Текст] / Э. Кассирер. – М.: Гардарики, 1998. – 784 с.

2. Ламетри, Ж.О. Сочинения [Текст] / Ж.О. Ламетри / Под общей ред. В.М. Богуславского. – М.: Мысль, 1976. – 549 с.

3. Буров, А.И. О гносеологической природе художественного обобщения [Текст] / А.И. Буров. – М.: Вопросы философии, 1951. – № 4. – С. 111.

4. Грановская, Р.М. Творчество и конфликт в зеркале психологии [Текст] / Р.М. Грановская. – СПб.: Речь, 2006. – 416 с.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Калина Н.Д., канд. пед. наук, доцент кафедры «Рисунок и живопись», член СХ РФ, Заслуженный работник культуры, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС)

Научные интересы: инновационные технологии

N. Kalina, candidate of science (pedagogics), associate professor, department of Drawing and Painting, , member of The Union of Artists of Russian Federation., honored worker of culture, Vladivostok State University of Economicss and Service

Research interests: innovative technologies

Политология

УДК 101.1::316

Деревянченко Юрий Иванович
Yuriy Derevyanchenko

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО. УРОКИ КАРЛА ШМИТТА

POLITICAL THEOLOGY AND LAW-BASED SOCIETY. KARL SCHMITT'S LESSONS

Исследуется значение работ К. Шмитта для анализа правовых оснований формирования тоталитарных режимов. Рассматриваются процессы секуляризации политического и возникновение демократической модели суверенитета. Делается вывод о том, что правовая легитимность индифферентна к конкретным формам своего осуществления. Правовое государство имплицитно имеет тенденцию эволюционировать к диктатуре и поэтому нуждается в общественных институтах, генерирующих моральный дискурс

The article is focused on the significance of K.Schmitt's works for analysis of legal basis for totalitarian regime forming. The processes of secularization of political sphere and the origin of democratic model of sovereignty are observed. The author draws the conclusion that lawful legitimacy is indifferent towards any forms of its execution. A law-based state implicitly tends to evolve to dictatorship and, thus, it requires public institutions generating moral discourse

***Ключевые слова**: теология, легитимность, суверенитет, правовое государство, диктатура*

***Key words:** Theology, legitimacy, sovereignty, law-based state, dictatorship*

Остававшееся долгое время малоизвестным в России наследие Карла Шмитта в последние годы начинает активно использоваться в социально-политических исследованиях. Неоднозначные факты биографии, ещё более неоднозначные теоретические выводы, приводящие к тому, что его труды до сих пор продолжают восприниматься в терминах идеологического противостояния, не заслонили научных заслуг немецкого мыслителя. Взгляды К. Шмитта на феномен политического, определяемый оппозицией «друг-враг», уже достаточно хорошо известны отечественному научному сообществу, другая сквозная для творчества К. Шмитта проблема: взаимоотношения права и демократии, активно обсуждаемая в западной литературе, лишь начинает осмысливаться в нашей стране. Одним из наиболее значимых аспектов отношения права и демократии в творчестве К. Шмитта явилось исследование влияния теологии на развитие политико-правовых процессов.

В 1922 г. в работе «Политическая теология» Карл Шмитт делает интересное наблюдение о схожести учения о государстве с теологическими построениями, представив понятийный аппарат политического права как секуляризованный вариант теологических понятий [1]. В интуиции, на которую был способен только искренне верующий католик, хотя его взаимоотношения с церковью складывались далеко не безоблачно, Шмитт уловил, пожалуй, ос-

новную тенденцию политико-правовой мысли Нового времени: метавшаяся между естественным правом политической антропологии и теологическими концепциями, она предметно оформляется, кодифицируясь в форме секуляризированной теологии. Столь странное самоопределение для юридической дисциплины при ближайшем рассмотрении оказывается вполне закономерным, если не единственно возможным. Из тонкой аналогии, проведённой Шмиттом, следует, что эквивалентным вопросу о Боге – источнике Сущего – в государственных исследованиях оказывается вопрос о суверенитете, или суверене, и, соответственно, ключевая проблема учения о государстве становится доступной рефлексии только в креационистской версии.

Законодатель в правовых концепциях столь же всемогущ, как и Бог, и столь же неопределим в метафизике своих решений. Понятийные и аргументативные теологические реминисценции в государственном праве, очевидно, имели место, но, скорее всего, определяющими здесь являются методологические и системные императивы. И в том, и в другом случае основным оказывается вопрос об источнике порядка, онтологического или правового; и в том, и в другом случае источник такого порядка не поддается рационализации. Трансцендентные основания теоретической рефлексии объективно сближают теологию и учение о государстве. Метафизическое полагание – основной теологический метод, который наиболее репрезентативен политической онтологии.

Триадичная структура «Левиафана» с частями, посвящёнными человеку, государству и Богу, сегодня может казаться странной, но в рамках политической теологии она вполне логична. Сочинение Т. Гоббса может рассматриваться как классический пример теистического подхода в политико-правовых исследованиях. Эмпирическая неуловимость политической действительности (ибо опыт способен ухватить лишь конкретные её проявления), субстанциальная тождественность проблем структурируют учение о государстве в соответствии с принципами богословия. Монарх в политических концепциях XVII в. занимает место, идентичное положению Творца в средневековой картине мира. В теологически осмысливаемом обществе фигура суверена принципиальна в правовом плане. Контекстность и лаконичность традиционного права подразумевают субъектность правого акта. Правовая норма полиморфна и поэтому оформляется только в акте правоприменения. Правами конкретный индивид обладает лишь в той мере, в какой они делегируются ему сувереном, который в своём правотворчестве абсолютен. Монарх столь же трансцендентен по отношению к государству, сколь и Бог трансцендентен по отношению к миру. Легитимность власти ещё не знает иной формы, кроме теологической.

Рационализация индивидуального и общественного сознания, начавшаяся в эпоху Возрождения, эмансипирует дискурс в секулярной форме. Естественнонаучные представления приобретают для политического права, как, впрочем, и для остальных сфер человеческого духа, парадигмальный характер. Механистический деизм в политико-правовых представлениях концептуально оформляется в образе государственной машины, управляемой механиком – сувереном. Этот взгляд радикально меняет природу политического права, приводя в недалёкой перспективе к его имманентизации. Последовательное устранение теистических представлений из концепций государства делает возможным кардинальное переосмысление юридической картины и, как следствие, подталкивает к формированию нового понятия легитимности. Прежде всего, процесс имманентизации рождает концепт правового государства, который при всей глубине исторических предпосылок оформляется только в Новое время. Интенсификация правотворчества стала производной от процессов секуляризации, происходивших в европейском обществе. Замещение религиозных регулятивов социальных отношений правовыми наблюдалось ещё в императорском Риме,

как следствие падения значения религиозных верований. Возможно говорить о закономерности, в соответствии с которой, чем интенсивнее проходит процесс секуляризации мировоззрения и общественной жизни, тем актуальнее становится развитие правовых институтов [2].

В нововременной Европе рационалистическая философия, соединившись с естественнонаучным дискурсом, вытесняет божественное за пределы имманентности, которая теперь конституируется правом, оформляющим социальный универсум в соответствии с принципами религиозной картины мира.

Идея правового государства была бы невозможна без философии деизма, изгоняющей чудо из окружающего мира, всецело подчиняя его законам природы. К. Шмитт отмечает, что правовое государство основывается на тотальности правовых норм, и исключительный случай для него имеет столь же нарушающее значение, как и чудо для естественных законов мироздания. Устранение случайности в форме абсолютистского правового волюнтаризма из сферы политического ликвидирует фигуру суверена так же, как устранение чуда из естественного мира лишает Бога каких-либо конститутивных качеств.

Как пишет К. Шмитт: «Суверен, который в деистической картине мира, пусть и вне мирового целого оставался всё же механиком огромной машины, радикальным образом вытесняется. Машина теперь работает сама по себе» [1; С. 73]. Идея правового государства как торжество закона, всеобщего возможна лишь после исключения случайного, частного из картины мира.

К. Шмитт, демонстрируя правовой этос римской церкви, приводит образ Страшного суда, рождённый воображением французского католического публициста XIX в. Эрнесто Хелло, по глубине, пожалуй, сопоставимый с известной Легендой о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского.

В момент Страшного Суда, когда звучит приговор Судьи одному из проклятых, покрытому преступлениями, он останется стоять и к ужасу всего мироздания произнесёт: «Я подаю апелляцию». При этих словах гаснут звёзды. Но приговор Страшного Суда окончателен и «ужасающим образом обжалованию не подлежит». «К кому же апеллируешь на мой Суд?», – спрашивает Иисус Христос, и в страшной тишине проклятый отвечает: «Я апеллирую на твою справедливость, к твоей славе» [3]. Эта пронзительная аллегория демонстрирует, насколько глубока произошедшая трансформация мышления: правовая всеобщность обязывает даже Христа.

Утратив представление о трансцендентности, политическая мысль с неизбежностью организуется сферой имманентности. Новое понятие легитимности суверена уже всецело принадлежит имманентному, и поскольку, как замечает Шмитт, понятие всеобщего обретает в отношении субъекта количественное определение, субъектом легитимации становится народ. Учение об общей воле Ж.-Ж. Руссо впервые отчётливо продемонстрировало этот поворот. Народ, или человечество в политической теологии структурно замещает Бога, демократия – монархию, множественность – единство. Наиболее явно, с позитивистской прозрачностью теистические притязания человечества проявляются в религии верховного существа О. Конта, но столь же недвусмысленно они присутствуют в анархических и социалистических учениях у Прудона или Маркса.

Легитимность, растворённая в правовой всеобщности, теряет определённость. Вопрос образования общей воли несёт в себе сложную диалектику, которая вполне легитимно может приводить и к возникновению недемократических режимов. Ещё Руссо оперирует «якобинской логикой» [4], согласно которой всеобщая воля выражает собой истинную свободу и тот, кто выражал несогласие с принятым большинством решением, являлся несвободным. И поскольку всеобщая воля это и есть закон, то волеизъявление отдельного индивида существенно лишь как статистический факт, элемент определения всеобщей воли.

Шмитт, разбирая философию Руссо, отмечает, что её влияние на Французскую революцию зачастую преувеличивается, но нельзя не заметить сколь поразительно схожи руссоизм и взгляды деятелей Конвента. Объяснить это можно лишь тем, что и Руссо в своих теоретических построениях, и французские революционеры в практической деятельности осознанно или нет реализуют ключевую интенцию радикального демократизма: народ как целое, наделяемый статусом суверена, отчуждается от самого себя. «Только всеобщая воля, т.е. законодательство, по своей природе является неотчуждаемым делом народа; напротив, исполнительная власть может принадлежать одному человеку, нескольким людям или всей их совокупности» [5].

Шмитт констатирует, что «по-видимому, удел демократии упразднять себя самоё в проблеме образования воли» [4; С. 175]. Репрезентирующий принцип демократизма допускает не только выражение всеобщей воли избранными лицами, но и одним лицом, в чём нет никакого противоречия «…для абстрактной логики, собственно говоря, не составляет совершенно никакого различия, идентифицируют ли с волей народа волю большинства или волю меньшинства, если никогда не может быть абсолютно единогласной воли всех (включая несовершеннолетних) граждан государства» [4; С. 172].

Секуляризация политического права лишает его Абсолютного, а, как верно замечает К. Сулимов, «само по себе знание возможных альтернатив не делает их должными» [6]. Всеобщность права индифферентна к конкретным формам своего осуществления. Принцип власти народа оправдывает не только либеральные демократии, но и тоталитарные режимы. Наверное неслучайно, осознавший это К. Шмитт оказывается на службе у Третьего Рейха. Правовое государство в своей чистой форме отнюдь не обязательно связано с демократией. Секулярное всеобщее политическое право способно сосуществовать с любым режимом, ибо с исчезновением теистического исчезает и «притязательное моральное решение», а технизированная власть склонна упразднять само понятие легитимности. Чистое правовое государство имплицитно имеет тенденцию эволюционировать к диктатуре, поскольку всеобщая норма регламентирует *нормальные* ситуации, «должен быть установлен порядок, чтобы имел смысл правопорядок» [1; С. 26]. А какой режим может соперничать с тоталитарным в поддержании нормальности ситуации?

Осознание очевидной внеморальности права и организованной на его основе власти составляет одну из основных примет посттоталитарной рефлексии XX в. Политический консенсус, достигнутый в развитых демократиях мира, зиждется на идее неспособности государственной власти к самоограничению. В этом сходятся как классический либерализм, изначально выступавший за ограничение полномочий государства, так и современная социал-демократия, которую практика регулируемого развития социального государства убедила в опасности чрезмерного администрирования. Существенная деформация основных принципов организации власти в западных демократиях обострила интерес к критическому анализу политико-правовых основ демократического строя, проведённому К. Шмиттом.

Главная стратегия развития современной либерально-демократической мысли перенесена с правовых вопросов на политические, на выработку различных форм обуздания власти: от создания новых вариантов общественного договора до обоснования коммуникативных властных практик. Внеморальное право дополняется институтами, генерирующими моральный дискурс. Можно констатировать, что для современной демократии характерен перенос внимания с проблем правового государства на структуры гражданского общества, и этот поворот парадоксальным образом во многом инспирирован К. Шмиттом.

Литература

1. Шмитт, К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете [Текст] / Шмитт К. Политическая теология. Сборник. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – С. 57.

2. Бачинин, В.А. Секуляризация европейского и российского правосознания: религиозно-этические проблемы [Текст] // Религия и нравственность в секулярном мире: материалы научн. конф. 28-30 ноября 2001 г. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С.15-16.

3. Шмитт, К. Римский католицизм и политическая форма [Текст] // Шмитт К. Политическая теология: сборник. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – С. 145-146.

4. Шмитт, К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма [Текст] // Шмитт К. Политическая теология: сборник. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – С. 172.

5. Шмитт, К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы [Текст] / К. Шмитт– СПб.: Наука, 2005. – С. 142.

6. Сулимов, К.А. Проблема возможности политического (казус Карла Шмитта) [Текст] // Проблемы и суждения: голоса российской политологии. – М.: Книжный дом «Университет», 2004. – С. 40.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Деревянченко Ю.И., канд. филос. наук, доцент кафедры философии, Омский государственный педагогический университет (ОмГПУ)
der@bk.ru

Y. Derevyanchenko, candidate of science (philosophy), associate professor, department of Philosophy, Omsk State Pedagogical University

Научные интересы: социальная философия, политическая философия, антропология. Основными проблемами, рассматриваемыми в научных исследованиях, являются формирование общества модерна, феномен просвещения и постпросвещения, закономерности развития модернизирующихся обществ

Research interests: social philosophy, political philosophy, anthropology. The main problems considered in research are 'modern' type society formation, phenomenon of enlightenment and postenlightenment, development principles of modernized societies

УДК 004.78

Жбанова Елена Анатольевна
Elena Zhbanova

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УПРАВЛЕНИИ

THE HISTORY AND MODERN TRENDS OF INFORMATION TECHNOLOGY DEVELOPMENT IN GOVERNMENT MANAGEMENT

Рассмотрены основные этапы эволюции информационных технологий. Раскрывается значение новой информационной технологии в управлении. Выделяются перспективные направления развития новых информационных технологий и их значение для эффективного управления

The article is about main stages of information technology evolution, importance of new information technology in government management. Upcoming trends of new information technologies development and their importance for effective government are mentioned

Ключевые слова: *информация, информационная технология, этапы эволюции информационных технологий, новая информационная технология, интегрированные информационные технологии, геоинформационная технология, эффективное управление*

Key words: *information, information technology, stages of information technology evolution, new information technology, integrated information technologies, geoinformation technology, effective management*

Широкая информатизация всех сфер жизнедеятельности общества принципиально изменяет роль информации и информационных технологий в управлении социальным и политическим развитием страны. От масштабов и качества использования информационных технологий в профессиональной деятельности специалистов во многом зависит уровень экономического, социального и политического развития общества.

Информационные технологии, достигшие в последнее десятилетие нового качественного уровня, в значительной мере расширяют возможности эффективного управления и принятия политических решений. Бурное развитие информационных процессов вызвано изменениями в подходах к оценке роли информации в политической и экономической жизни страны. Наше общество стало открытым, возросли требования к потребляемой им информации, которая должна быть актуальной, достоверной, полной и доступной. В настоящее время информационные технологии способны обеспечить менеджменту всех уровней управления необходимую и достаточную информационно-аналитическую поддержку и при условии правильной постановки задач, и обоснованного выбора методов, и программно-технических средств для их решения [1; С. 521].

Информационные технологии являются функциональными компонентами других видов технологий (к примеру, производственных, организационных, социальных, политических) и выполняют роль их интеллектуального ядра. Использование информационных технологий позволяет значительно повысить эф-

фективность этих технологий, сокращая затраты других видов ресурсов общества.

Существенная роль информационных технологий в развитии общества состоит в ускорении процессов получения, распространения и использования обществом новых знаний. Повышая качество интеллектуальных ресурсов общества, информационные технологии повышают качество жизни [3; С. 21]. В этом можно убедиться, проследив этапы эволюционного развития информационных технологий.

Исходя из определения понятия «информационная технология», под которой понимается процесс, использующий совокупность средств и методов сбора, обработки и передачи данных для получения информации нового качества о состоянии объекта, процесса или явления, можно заключить, что история развития информационных технологий берет свое начало с появления речи. Этот период рассматривают как первый этап эволюции информационных технологий.

Упростился обмен информацией между отдельными людьми при личном контакте. Также упростилась передача информации между ближайшими поколениями людей (от деда к отцу и далее к внуку). Появились хранители знаний — жрецы, духовенство. Доступ к знаниям и информации был ограничен, поэтому знания не могли существенно влиять на производственные и социальные процессы в обществе. Однако передача информации «из уст в уста» терялась со смертью человека. Кроме того, не было возможности организовать передачу информации ни во времени, ни в пространстве без участия человека.

Второй этап эволюции информационной технологии связан с появлением письменности. Появилась возможность накапливать и передавать информацию многим поколениям. В качестве носителя информации использовалось письменное сообщение. Благодаря этим возможностям, информационная технология поднялась на следующую ступень развития.

Появление в 1445 г. первого печатного станка и книгопечатания привело к третьему этапу эволюции информационной технологии, который длился около 500 лет. Знания стали тиражироваться, ускорился обмен информацией между людьми. Информация уже могла влиять на производство. Появились станки, паровые машины, фотография, телеграф, радио.

Тем не менее, еще до конца XIX в. около 95 % работающего населения было занято в сфере материального производства, а в информационной сфере — не более 5 %. К середине XX в. процент населения, занятого в информационной сфере, возрос примерно до 30 % от всего трудового населения развитых стран, и далее эта тенденция продолжает возрастать [4; С. 16].

В конце XIX – начале XX вв. наступил четвертый этап информационной эволюции, связанный с изобретением и распространением средств передачи информации: радио, телеграфа, телефона и т.д. Появилась возможность передавать информацию в режиме реального времени на любые расстояния.

Появление первых электронно-вычислительных машин в 1946 г. привело к переходу на пятый этап эволюции информационных технологий. Был создан способ записи и долговременного хранения формализованных знаний, при котором эти знания могли непосредственно влиять на режим работы производственного оборудования. Появилась возможность передачи видео- и аудиоинформации на большие расстояния, появилась возможность создания информационных фондов.

В течение пятого этапа происходило развитие ЭВМ, что приводило к последовательному развитию информационных технологий.

Основным критерием функционирования информационных технологий в этот период являлась экономия машинных ресурсов. При этом преследовалась цель максимальной загрузки оборудования, которая обеспечивалась организацией пакетного режима обработки информации.

Пакетный режим резко повысил производительность использования ЭВМ, но затруд-

нил процесс отладки программ и создания новых программных продуктов.

В начале 80-х гг. появились мини-ЭВМ и ЭВМ третьего поколения на больших интегральных схемах. Основным критерием создания информационных технологий на базе ЭВМ третьего поколения стала экономия труда программиста, что было реализовано посредством разработки инструментальных средств программирования. Появились операционные системы второго поколения, работающие в трех режимах:

а) реального времени;

б) разделения времени;

в) пакетном режиме.

Системы разделения времени позволили специалисту работать в диалоговом режиме, т.к. ему выделялся квант времени, в течение которого он имел доступ ко всем ресурсам системы.

Появились языки высокого уровня (PL, Pascal и др.), пакеты прикладных программ (ППП), системы управления базами данных (СУБД), системы автоматизации проектирования (САПР), диалоговые средства общения с ЭВМ, новые технологии программирования (структурное и модульное), появились глобальные сети ЭВМ.

Шестой этап эволюции информационных технологий начался с появления микропроцессора и персонального компьютера (ПК).

Персональный компьютер – это инструмент, позволяющий формализовать и сделать широкодоступными для автоматизации многие из трудноформализуемых процессов человеческой деятельности. Основным критерием функционирования информационных технологий явилось использование их для формализации знаний и внедрения во все сферы человеческой деятельности.

Широкое распространение получили диалоговые операционные системы, автоматизированные рабочие места (АРМ), экспертные системы, базы знаний, локальные вычислительные сети, гибкие автоматизированные производства, распределенная обработка данных.

Информация становится ресурсом наравне с материалами, энергией и капиталом. Появилась новая экономическая категория — национальные информационные ресурсы. Профессиональные знания в наукоемких изделиях на базе персональных компьютеров составляют уже приблизительно 70 % себестоимости, а число занятых в сфере обработки информации — 60…80 % трудового населения развитых стран [4; С. 18].

В этот период разрабатываются информационные технологии для автоформализации знаний с целью информатизации общества.

Появились портативные ЭВМ, не уступающие по мощности большим, бесклавиатурные компьютеры, а также графические операционные системы и новые информационные технологии: объектно-ориентированные, гипертекст, мультимедиа-технологии, геоинформационные технологии, телекоммуникационные технологии, CASE-технология (Компьютерное Автоматизированное Проектирование Программного обеспечения), технологии искусственного интеллекта и т.д. [5; С. 48].

С появлением ПЭВМ начался новый этап развития информационной технологии, основной целью которого становится удовлетворение персональных информационных потребностей человека как для профессиональной сферы, так и для бытовой. Достигается это путем перехода на новую информационную технологию. Слово «новая», согласно представлениям И.А. Коноплевой, подчеркивает новаторский, а не эволюционный характер этой технологии [4; С. 22]. Ее внедрение существенно изменяет содержание различных видов деятельности в организациях, на предприятиях и, особенно, в сфере управления.

Новая информационная технология основывается на применении персональных компьютеров, активном участии пользователей (непрофессионалов в области программирования) в информационном процессе, высоком уровне дружественного пользовательского интерфейса, широком использовании пакетов прикладных программ общего и проблемного

назначения, возможности для пользователя доступа к удаленным базам данных и программам благодаря вычислительным сетям.

При этом персональные компьютеры, являющиеся основой новой информационной технологии, не порождают информационную продуктивность, а дают возможность специалисту повысить эффективность труда путем увеличения (расширения) объема работ.

Принципиальное отличие новой информационной технологии от предшествующих состоит не только в автоматизации процессов изменения формы или местоположения информации, но и в изменении ее содержания.

Постоянно расширяющиеся сферы применения персональных компьютеров, их массовое использование в различных отраслях привело к необходимости формирования наиболее эффективных организационных форм применения вычислительной, коммуникационной и организационной техники. В настоящее время на их основе создаются и успешно функционируют локальные и многоуровневые вычислительные сети, являющиеся основой для организации интегрированных информационных технологий обработки информации.

Интегрированные информационные технологии обработки информации создаются на основе объединения и жесткой увязки всех входящих в технологию элементов в информационном, техническом и программном аспектах. При этом организуется максимально унифицированный технологический процесс обработки данных с использованием общих, четко спроектированных для разных задач структур и моделей данных [2; С. 15].

Повышение требований к оперативности информационного обмена и управления, а следовательно, к срочности обработки информации привело к созданию многоуровневых систем организационного управления объектами, к которым можно отнести, например, банковские, налоговые, статистические и другие службы.

Их информационное обеспечение поддерживается посредством организации автоматизированных банков данных (АБД), которые строятся с учетом организационно-функциональной структуры соответствующего многоуровневого экономического объекта, автоматизированного ведения информационных массивов и баз данных. Эту проблему в новых информационных технологиях решает распределенная обработка данных с использованием каналов связи для обмена информацией между базами данных различных уровней. За счет усложнения программных средств управления базами данных повышается скорость, обеспечиваются защита и достоверность информации при выполнении различных расчетов и выработке управленческих решений.

В многоуровневых системах организационного управления одинаково успешно могут быть решены как проблемы оперативной работы с информацией, так и проблемы анализа экономических ситуаций при выработке и принятии управленческих решений. Например, создаваемые автоматизированные рабочие места специалистов предоставляют возможность пользователям работать в диалоговом режиме, оперативно решать текущие задачи, вводить данные с клавиатуры или машинного носителя информации, выполнять их визуальный контроль, вызывать нужную информацию для обработки, определять достоверность результатной информации и выводить ее на экран монитора, печатающее устройство или передавать по каналам связи.

Перспективным направлением развития новых информационных технологий является создание программных средств для вывода и обработки звуковой и видеоинформации. Информационная технология формирования видеоизображений получила название компьютерной графики.

Среди информационных технологий управления, обычно используемых при построении корпоративных информационных систем органов государственного и муниципального управления, можно выделить географические информационные (геоинформа-

ционные) технологии и системы.

Современная геоинформационная система (ГИС) – это информационная система, включающая большое количество графических и тематических баз данных, соединенная с модельными и расчетными функциями для манипулирования ими и преобразования в пространственную картографическую информацию с целью принятия разнообразных управленческих решений. Использование рассматриваемой информационной технологии требует создания многослойных электронных карт региона (города) (инженерные коммуникации, строения, дороги, полезные ископаемые и т.д.) в различном масштабе (обычно 1:2000 или 1:500). При этом семантическое описание каждого объекта того или иного картографического слоя (например, тип, технические характеристики, дата установки, дата очередных испытаний и т.п. для каждого вентиля и каждой трубы водопроводной системы города) хранится в тематических базах данных и имеет соответствующие ссылки. Данная информационная технология позволяет комплексно решать экономические, политические, социальные и природоохранные управленческие задачи, связанные с определенной территорией [1; С. 526].

Подводя итог, можно сказать, что в таком сложнейшем организме, каким является современное общество, без информационных технологий попросту невозможно наладить эффективное взаимодействие между многочисленными властными структурами, между объектом и субъектом управления нельзя надлежащим образом повысить эффективность и качество выработки и принятия решений, снизить вероятность проявления управленческих ошибок.

При грамотном внедрении информационных технологий появляется возможность передавать, хранить и анализировать большие объемы данных, выявлять закономерности и увеличивать эффективность работы структур государственного управления, решать многие социальные вопросы региона. В итоге не только сокращается срок, необходимый для принятия решения, но и повышается качество учета и управления.

Информационные технологии, достигшие в последнее десятилетие нового качественного уровня, в значительной степени расширяют возможности эффективного управления, поскольку предоставляют в распоряжение менеджеров, финансистов, маркетологов, руководителей органов государственной власти всех уровней новейшие методы обработки и анализа экономической и социальной информации, необходимой для принятия управленческих решений, для планирования, прогнозирования и, в конечном счете, эффективного управления.

Литература

1. Гапоненко, А.Л. Теория управления [Текст] / Под общ. ред. А.Л. Гапоненко, А.П. Панкрухина. – М.: РАГС, 2005. – 558 с.

2. Ивасенко, А.Г. Информационные технологии в экономике и управлении [Текст] / А.Г. Ивасенко, А.Ю. Гридасов, В.А. Павленко. – 2-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2007. – 160 с.

3. Козырев, А.А. Информационные технологии в экономике и управлении [Текст] / А.А. Козырев. – СПб.: изд-во Михайлова В.А., 2005. – 360 с.

4. Коноплева, И.А. Информационные технологии [Текст] / Под ред. И.А. Коноплевой. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 304 с.

5. Советов, Б.Я. Информационные технологии [Текст] / Б.Я. Советов, В.В. Цехановский. – М.: Высшая школа, 2008. – 263 с.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Жбанова Е.А., аспирантка, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
thebestwife@mail.ru

E. Zhbanova, post-graduate student, Chita State University

Научные интересы: информационные технологии в политике и органах государственной власти, политология, информационное пространство региона, информационное общество

Research interests: information technologies in politics and government bodies, political study, regional information space, information society

УДК 316.34

Зуляр Раксана Юрьевна
Raksana Zulyar

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНЧЕСТВА КАК НЕОТЛОЖНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

POLITICAL SOCIALIZATION OF STUDENTS AS AN URGENT ISSUE OF CONTEMPORARY RUSSIA

Автор рассматривает современный процесс политической социализации студенческой молодежи. Происходящая ныне социализация создает новую политическую культуру общества и превращает молодежь в активного участника политической жизни. Анализ обосновывает необходимость проведения государственной политики организации политической социализации студенчества

The author considers current process of political socialization of students. It creates new political culture and turns young people into an active participant of political life. The analysis provided justifies the necessity of state policy of arranging political socialization of students

Ключевые слова: *политическая социализация, социализация молодежи, государственная политика политической социализации*

Key words: *political socialization, socialization of young people, state policy of arranging political socialization*

В мировой социальной практике есть институты, важность и актуальность которых не вызывают вопросов. Среди них находится система передачи социального опыта приходящим поколениям и обеспечение ими его адекватного восприятия. Этот институт именуется большинством исследователей как «социализация». Ее реализация сложна и неоднозначна, а результатами в той или иной степени недовольны обе стороны. В общественном и литературном мнении это недовольство именуется «конфликтом отцов и детей».

Смена поколений непрерывна и универсальна — в систему общественных отношений, в культурный процесс включаются все новые участники, которые должны освоить нормы и правила общества, т.е. социализироваться. Социализацию можно рассматривать как культурно и исторически определенное соотношение преемственности и обновления. Ускорение технологического прогресса разрушительно действует на межпоколенческую преемственность [6; С. 37], оно ведет к подрыву позиций старшего поколения, к инверсии ролей Учителя и Ученика сначала на производстве, а потом и в семье. Биологические отцы, перестав быть социальными учителями, теряют свой статус.

В эпохи быстрых перемен процесс социализации уже не выглядит как культурное наследование, и даже сама необходимость преемственности ставится под вопрос. Социальные институты не справляются со своими социализирующими функциями. Такой период переживает современная Россия. Распад СССР, переход к рыночной модели развития,

уничтожение централизованной системы планирования и распределения трудовых ресурсов, разрушение привычной идеологии, три глубоких социально-экономических кризиса за 20 лет, усиление разнонаправленной внутренней миграции и эмиграции населения – эти и другие факторы породили множество социальных трансформаций, требующих глубокого и всестороннего научного анализа.

Недоверчивое отношение молодежи к опыту и мнению старшего поколения отчасти объясняется тем, что современное общество (и не только российское) можно отнести к так называемому «префигуративному» типу. По мнению американского этнографа М. Мида, этот тип культуры возник в середине XX в. и проявляется новым способом социальной связи между поколениями. Он характеризуется переходом от экстенсивного типа социокультурного наследия, основанного на механической передаче опыта, накопленного предшествующими поколениями, к новаторскому (креативному). Образ жизни старшего поколения сегодня не господствует над поведением младшего, т.е. не является определяющей моделью поведения для молодежи [7; С. 263].

Особенно наглядно это проявляется у студенческой молодежи, которая в России начала XXI в. позиционируется как группа, в значительной степени представляющая собой один из «первых плодов» социально-политических преобразований последних десятилетий. Студенты – это треть российской молодежи, ее самая образованная часть, будущая элита, которая в ближайшие десятилетия будет определять облик страны. Вес и значимость молодежи как субъекта политических перемен (что далеко не всегда связано с реальным участием в этих переменах) осознается представителями различных политических сил – от правящих кругов до оппозиции. И этот интерес побуждает к изучению проблемы «молодежь и политика».

Стержнем социализации считают политический компонент. Политическую социализацию чаще всего определяют как процесс активного освоения человеком идеологических и политических ценностей и норм общества, их формирование в систему социально-политических установок, определяющих поведение человека в политической системе общества. В ходе политической социализации формируется социально-политическая активность личности.

Политическая социализация российских студентов не может быть продуктом заимствования достижений развитых демократических обществ. По мнению автора, это всегда результат собственного опыта. Способность граждан принимать рациональные политические решения, активно участвовать в политике не формируется стихийно, а возникает в ходе систематического, целеустремленного овладения необходимыми знаниями и опытом. Политическая социализация личности – это всегда двусторонний процесс, в котором личность, с одной стороны, испытывает на себе воздействие основных политических субъектов, а с другой – влияет на политическую жизнь общества.

По мнению исследователей Ю. Загонного, В. Курило и С. Савченко, ведущим концептуальным положением, определяющим общетеоретические подходы к политической социализации молодежи в современных условиях, является понимание того, что в настоящее время социализация уже не является процессом передачи ценностей, господствующей политической культуры новым поколениям. Происходящая ныне политическая социализация создает новую политическую культуру общества и превращает молодежь в активного участника политической жизни [9].

На этом фоне важной особенностью политической социализации в современном российском обществе является то, что она все еще сохраняет черты советской политической социализации. Несмотря на поколенческое «разнообразие», представленное на российском политическом пространстве, большая часть населения нашей страны проходила первичную социализацию в Советском Союзе. По мнению А.В. Федоренко, должна произойти

не одна смена поколений, чтобы в обществе (в политической культуре) начали доминировать новые нормы. К числу же наиболее глубоко укорененных традиционных ценностей в политической культуре россиян относятся авторитарные установки и коллективистские ориентации, конформизм в отношении власти, этатизм и централизм [12; С. 128].

Молодежь менее критично, чем остальные возрастные группы, оценивает положение дел в стране, но и здесь 60…65 % участников социологических опросов согласны с суждением, что реформы в России идут в неправильном направлении. Минимум негативных оценок (примерно 50 %) приходится на жителей крупных городов, которые имеют больше возможностей приспособления к новым условиям общественной жизни. Большая часть студенчества рекрутируется из материально благополучных семей. Естественно, что студенты более других групп молодежи склонны одобрять происходящие в стране преобразования [4; С. 10-12].

Общественное молодежное сознание включает две противоположные моральные оценки такого положения вещей. Осуждают политических деятелей и хотят изменения характера политических отношений 47 %. Но при этом каждый третий считает существующую политическую кухню если не единственно возможной, то хотя бы естественной. Значительная часть респондентов в ходе неформализованного интервью отметила, что на месте политиков, скорее всего, поступали бы так же, таковы правила игры [5].

В условиях массового манипулирования сознанием людей само политическое участие изменило для молодежи свое значение. Классические формы социально-политической активности утратили для нее интерес. Оказавшись, как и свойственно молодежи, на шаг впереди старших возрастных групп и вступив в эпоху постмодернизма, она исповедует постматериалистические гуманистические ценности, среди которых доминируют эгалитарные и «зеленые» ориентации. Современная российская студенческая молодежь, как и во многих странах мира, имеет вполне отчетливые ценностные представления, но при этом не выдвигает из своей среды социально-политического лидера, способного конвертировать эти убеждения в политическую программу [13; С. 94-98].

Политическая социализация студенчества в России имеет преимущественно стихийный характер, поскольку в рамках существующей политической системы институты политической социализации находятся в процессе сложной и противоречивой эволюции. В современных условиях не обнаруживается единый орган, призванный осуществлять системные связи субординации и координации по становлению гражданственности молодёжи, её политической социализации. Переходные процессы в российском обществе привели не только к изменению основных ролей институтов политической социализации, но и к разрушению системных связей между ними.

Современной характерной чертой молодежи является ее негативное отношение к политике. Как показывают результаты социологического исследования, в Иркутской области в 2008 г. большая часть молодёжи (48,6 % мужчин и 39,8 % женщин) считала, что политика – это деятельность людей и групп для получения доступа к власти. Поэтому и занятия политикой студенты в большинстве своем считают бесполезной тратой времени. Такую форму проведения использования свободного времени, как политическая деятельность, называют 0,4 % иркутской студенческой молодежи. Чуть более 50 % студентов интересуются политикой от случая к случаю, 25 % не интересуются вообще, и только 10,8 % – постоянно; 95 % студентов Иркутского технического университета, по данным опроса 2007 г., не принимают никакого участия в деятельности политических партий, 3 % принимают участие в работе политической организации «Единство» [8; 1; С. 95].

В значительной степени негативное отношение к политике и политической деятельности обусловлено каналами получения ин-

формации о политическом процессе. В 2005 г. в ходе опроса в Таганрогском государственном педагогическом институте выявлено, что более 50 % респондентов вообще не пользуются официальными источниками информации, предпочитая получать ее в процессе непосредственного межличностного контакта; 21 % опрошенных регулярно смотрит общественно-политические программы по ТВ. Менее 15 % слушают ее по радио. Немногим более 10 % молодых людей получают политическую информацию из газет и журналов [11].

К получаемой через СМИ информации отношение у студентов неоднозначное. В 2008 г. среди иркутской студенческой молодежи 45,8 % опрошенных склонялись к мнению, что СМИ – это «глаза и уши народа», 17,5 % определяли их как «четвёртую власть», 13,0 % выразили мнение, что это «страшное оружие в руках власти», лишь 8,3 % определили СМИ как «средства для отдыха»; 38,0 % молодых людей, принявших участие в опросе, склонялись к мнению, что влияние СМИ на сознание молодёжи достаточно сильное, 28,1 % – предположили, что оно нейтральное, 15,6 % – считали его слабым [2]. При этом следует учитывать, что в освещении политических событий над журналистами довлеет «сенсационный подход».

Другим важнейшим инструментом политической социализации студентов является их непосредственное окружение. Несмотря на противоречивые тенденции в развитии взаимоотношений преподавателей и студентов, первые оказывают значительное влияние на формирование личности своих учеников. Почти половина опрошенных студентов ТГПИ (46,3 %) прислушиваются к мнению педагогов относительно политических событий. Студенты охотно обсуждают в аудиториях социально-политические проблемы. По мнению ряда опрошенных (34,3 %), такая форма приобщения к политической жизни вызывает у них больший интерес по сравнению с аналогичными телевизионными передачами. В процессе обучения в вузе молодые люди общаются не только с преподавателями, но и друг с другом, обмениваясь информацией, полученной из различных источников, вырабатывая собственную позицию, точку зрения по различным социально-политическим проблемам [11].

Одной из причин отрицательного или безразличного отношения студенчества к политической жизни и участию к ней является, по мнению автора, потускнение ее демократического идеала. Ведущие политологи уже давно говорят о кризисе демократии, ее основных институтов и идей и предлагают многочисленные рецепты ее «оздоровления» и даже модернизации. Российская действительность характеризуется тем, что мы не очень хорошо понимаем, на какую демократию следует ориентироваться и какую демократию мы в настоящий момент строим. По мнению А.В. Федоренко, в России по-настоящему еще не определено политическое устройство общества, что накладывает свой отпечаток на политическую социализацию [12; С. 128-133].

Студенческой молодежи в силу ее возрастных и интеллектуальных особенностей свойственно стремление к объединению с единомышленниками и активное участие в общественной жизни вуза и страны. Молодежи нужна школа политической жизни, реальное участие и реальное влияние. Студенты московских вузов (72 % опрошенных) хотели бы более активно участвовать в общественной жизни. По мнению Н. Лясникова и Ю. Лясниковой, молодежные движения, хотя бы и организованные сверху, лучше квот для молодежи. Ощущение служения обществу, пережитое в молодые годы, может помочь современным юношам и девушкам сохранить нравственные, духовные основы существования и возрождения России [5].

В Байкальском регионе государственные органы демонстрируют новые подходы к политической социализации студенчества. В частности, в сентябре 2006 г. в Иркутске в рамках IV Байкальского экономического форума прошла Межрегиональная НПК «Молодежь глазами молодежи». По оценке зампредседателя

Комиссии Совета Федерации по делам молодежи и спорту Л. Бойцова, проведение на форуме молодежной секции стало доброй традицией, ничего подобного в других регионах России нет. По его мнению, проведение подобных мероприятий – это ожидание властью новых идей и предложений от молодежи. В работе конференции приняли участие представители власти, комитета по молодежной политике Иркутской области, студенты и аспиранты, преподаватели из различных вузов Читинской, Иркутской областей, Республики Бурятия, Красноярского края.

В Иркутской области в 2007 г. при региональном Законодательном Собрании учрежден Молодежный парламент (МП) в составе 25 депутатов, из разных городов и районов области. В феврале 2009 г. его очередное заседание провел председатель Молодежного парламента А. Войткевич, в ходе которого сопредседателем МП был избран новый спикер Заксобрания Л. Берлина. В сессии приняли участие депутаты Законодательного Собрания, а также члены Наблюдательного совета МП – министр культуры и архивов Иркутской области В. Барышников, заместитель министра по физической культуре, спорту и молодежной политике И. Иванов. Депутаты выработали программу работы парламента в изменившихся социально-экономических условиях [10].

Комитет по делам молодежи Республики Бурятия и Центральной избирательной комиссии РБ совместно со Школой молодого политолога Бурятского государственного университета организовал волонтерское движение «Равный обучает равного». Смысл и идея данного мероприятия заключается в организации студентов для того, чтобы они проводили всевозможные тренинги, семинары, показы обучающих видеофильмов, организовывали встречи с известными политическими деятелями со студентами средних специальных учебных заведений и учениками старших классов школ Бурятии. Основной целью данного проекта является повышение политической грамотности избирательной активности молодежи республики [3].

Анализ политической социализации современного российского студенчества показывает, что, несмотря на ее значение, понимание и объективную расположенность к ней политических элит, она реализуется неудовлетворительно. Главной причиной этого, по мнению автора, является неэффективность государственной молодежной политики и пренебрежение к ней со стороны региональных политических элит. Вместе с тем, несмотря на все усилия российского правящего класса построить государственную систему в соответствии со своими представлениями, ее будущее определит современное студенчество. Свидетельством этого являются голосования в сети Рунета, результаты которых принципиально расходятся с предпочтениями современных голосующих на избирательных участках. Студенчество – это основной инструмент современного российского государственного строительства. Его политические предпочтения определит социализация. Сегодня она происходит стихийно и в значительной степени – вне государственной политики. Ее основными внешними субъектами выступают педагогические коллективы вузов, журналисты СМИ (в т.ч. Интернета), однокурсники и представители политических партий.

Расчет на самостоятельную демократически и патриотически ориентированную социализацию российских студентов через их самостоятельную социально-политическую активность оказался несостоятельным. Значительная часть студентов нуждается во внешней организации своей политической социализации. Без активной роли государства позитивная патриотическая социализация российского студенчества невозможна. Государственная политика организации политической социализации студенчества должна быть направлена по пяти основным направлениям:

1) создание системы выработки и реализации государственной молодежной политики от Совета Министров до поселений;

2) концептуальное обоснование мировоз-

зренческих принципов через преподавание социально-гуманитарных дисциплин в учебном процессе;

3) непосредственную поддержку вузовских органов студенческого самоуправления как первичных общественных объединений;

4) содействие организации молодежных СМИ и развитие соответствующих сетевых ресурсов;

5) содействие трудоустройству выпускников вузов и создание условий для достойного проживания молодых семей.

Литература

1. Гузик, М.В. СМИ как фактор формирования политической культуры молодежи [Текст] / М.В. Гузик // Иркутская социологическая школа на рубеже XXI века. – Иркутск, 2008.

2. Информационное поле современной молодежи [Электронный ресурс] // URL: http://csium.ampirk.ru/?id=59 (дата обращения: 07.02.2009).

3. Корытова, А.С. Оптимизация процесса политической социализации учащейся молодежи [Электронный ресурс] / А.С. Корытова // URL: http://www.fspi.ru/index.php? option=com_content&task=view&id=24&Itemid=29 (дата обращения: 07.02.2009).

4. Левада, Ю. Общественное мнение на переломе эпох: ожидания, опасения, рамки. К социологии политического перехода [Текст] / Ю. Левада // Мониторинг общественного мнения. – 2000. – № 3.

5. Лясников, Н. Социально-экономические условия формирования духовной культуры студенческой молодежи [Электронный ресурс] / Н. Лясников, Ю. Лясникова // URL:http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Ljasnikov/_ DuhKult_2_1_4.php (дата обращения: 07.02.2009).

6. Мангейм, К. Очерки социологии знания: Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции [Текст] / К. Мангейм. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – 162 с.

7. Мид, М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями [Текст] // Мид М. Культура и мир детства. Избр. произв. / Пер. с англ. – М.: Наука, 1988. – 432 с.

8. Политическое поведение и гражданская позиция молодежи [Электронный ресурс] // URL: http://csium.ampirk.ru/?id=60http://csium.ampirk.ru/?id=60 (дата обращения: 07.02.2009).

9. Пробийголова, Н. Некоторые тенденции процесса политической социализации молодежи [Электронный ресурс] / Н. Пробийголова // URL: http://allaaria.ru/vid/magcontent. php3-quest-c-eq-843-and-m-eq-1-and-n-eq-42http://allaaria.ru/vid/magcontent.php3-quest-c-eq-843-and-m-eq-1-and-n-eq-42 (дата обращения: 07.02.2009).

10. Семенова, Т. Людмила Берлина: молодежный парламент должен иметь амбициозные цели [Электронный ресурс] / Т. Семенова // URL: http://irk.gov.ru/ (дата обращения: 13.02.2009).

11. Тарасенко, Л.В. Специфика политической социализации молодежи города Таганрога [Электронный ресурс] / Л.В. Тарасенко // URL: http://www.Transpress.ru/articles/0602 /02_07.shtml (дата обращения: 07.02.2009).

12. Федоренко, А.В. Политическая социализация в современной России и проект «коммуникативной демократии» [Текст] / А.В. Федоренко // Вестник РУДН. Серия Социология. – 2005. – № 1 (8).

13. Чупров, В.И. Молодежь в обществе риска [Текст] / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс. – М.: Наука, 2001. – 230 с.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Зуляр Р.Ю., преподаватель кафедры политологии и отечественной истории, Иркутский государственный университет (ИрГУ)
auf@admin.isu.ru

Научные интересы: политическая социализация, молодежная и студенческая политическая социализация, политология

R. Zulyar, lecture, department of Political Science and Russian History, Irkutsk State University

Research interests: political socialization, young people and students socialization, political science

Право

УДК 347.27

Лепехин Илья Александрович
Ilya Lepekhin

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ИПОТЕКИ

ON A PROBLEM OF LEGAL NATURE OF MORTGAGE SERVICES

В статье рассмотрена правовая проблема ипотеки с позиций известных цивилистов и правоведов

The article is devoted to a problem of legal nature of mortgage services viewed by famous civilists and law scholars

Ключевые слова: *залог, ипотека, обязательственное право, вещное право*

Key words: *Security, mortgage, the law of obligations, the law of property*

На протяжении длительного времени в науке идет спор: относится ипотека к обязательственному или вещному праву. Первоначально преобладала концепция, в соответствии с которой залоговые правоотношения, в том числе и институт ипотеки, было принято относить к правам вещным.

Так, известный русский государственный деятель и правовед К.П. Победоносцев считал, что «право залога больше тяготеет к вещным правам, нежели к обязательственным, в связи с тем, что обеспечение при залоге носит вещный характер» [1], а ипотека, как форма залога, «есть вещное право» [2]. И.А. Покровский писал, что цель «права залога» – обеспечить требование кредитора, делает «вещное залоговое отношение» добавочным к личному обязательственному отношению между кредитором и должником [3]. По словам А.М. Гуляева, отнесение права залога к вещным правам объясняется наличием юридической связи между предметом залога и залогодержателем, заключающейся в возможности извлечь из заложенного имущества его меновую стоимость [4].

Интересную характеристику залога дает Л.А. Кассо: «Залоговое право, как право, создающее в пользу залогодержателя исключительное положение по отношению к известной части чужого имущества, может быть отнесено к той категории правомочий, которые романисты называют вещными правами. Но среди последних оно, тем не менее, занимает обособленное место ввиду того, что оно, в отличие от них, не имеет целью ни пользование, ни обладание вещью, а только получение известного размера ее стоимости и что, кроме того, с осуществлением этого правомочия залогодержателя связано прекращение самого залогового права» [5].

Подобную точку зрения разделял и известный дореволюционный цивилист Г.Ф. Шершеневич, который относил права залогодержателя в отношении заложенного имущества к вещным правам, относящимся к группе прав на чужую вещь, где ценность чужого

имущества служит обеспечением права требования. По его словам, вещный характер права залога «обнаруживается из того, что, имея своим объектом вещь, оно всюду следует за нею, независимо от права собственности на нее, которое может переходить от одного лица к другому» [6].

Данной позиции придерживаются и многие современные ученые. В этом случае «слово «ипотека» вызывает представление о залоге, составляющем только один род вещных прав» [7]. О необходимости включения залоговых правоотношений в раздел «Вещное право» заявляет и известный цивилист В.М. Будилов. В обосновании верности своей точки зрения он пишет, что залогу присуще такое основное свойство, как следование за вещью, что в залоге налицо приоритет вещного права [8].

К вещным правам относит ипотеку и Л.В. Щенникова, указывая на то, что ей присущи свойства вещных прав, такие как право следования за вещью и всеобщий характер защиты. По её словам, во всех случаях, когда «предметом залога является материальная вещь и свои права залогодержатель может реализовать непосредственно, помимо воли залогодателя, соблюдая лишь установленный порядок обращения взыскания на заложенное имущество, залог выступает правом вещным» [9].

Противоположной точки зрения придерживаются специалисты, считающие ипотеку «способом обеспечения обязательств» [10]. Так профессор О.С. Иоффе утверждал, что «залогодержатель находится с собственником в особом правоотношении, носящим двусторонний характер, где оба субъекта выступают одновременно в качестве носителей прав и обязанностей» [11].

У залога есть черты, сближающие его и с вещными, и с обязательственными правами; но все вопросы, возникающие по поводу залога, могут быть более или менее удовлетворительно разрешены лишь в случае признания залога обязательственным правом [12].

М.И. Брагинский пишет, что «с учетом... обстоятельств юридико-технического характера представляется обоснованным включение залога в ГК в раздел, посвященный обязательственному праву» [13].

Именно из этой концепции исходит законодатель, расположив нормы об ипотеке в части обязательственного права (ст. 334 ГК РФ).

Следует признать, что залог недвижимости (ипотека), как право, имеет свойство следования за вещью, что является типичным свойством именно вещных прав. Но при этом «вещность залога существует лишь постольку, поскольку она в состоянии обеспечить выполнение обязательств по кредитному договору» [14].

Под вещным правом принято понимать право, обеспечивающее удовлетворение интересов управомоченного лица путем непосредственного воздействия на вещь, которая находится в сфере его хозяйственного господства [15].

При залоге же зачастую, а при ипотеке всегда заложенное имущество остается во владении и пользовании залогодателя. Залогодержатель не использует предмет залога. Он лишь в случае неисполнения должником обязательства по обеспеченному ипотекой обязательству получает право удовлетворить свои требования за счет заложенного имущества. Следует отметить, что такое право может и не наступить, если должник надлежащим образом будет выполнять свои обязательства перед залогодержателем [16].

Залог в своей основе остается способом обеспечения исполнения обязательств. Вещность залога существует лишь постольку, поскольку она в состоянии обеспечить выполнение основного обязательства [17].

По нашему мнению, залог недвижимости не является и никогда не являлся в полной мере вещным правом в той степени, каким является, к примеру, право собственности на недвижимость. Обладая, в некоторой степени, вещно-правовыми характеристиками, исторически и практически главным предназначением

ипотеки всегда было обеспечение определенных обязательств. Без них она не может существовать. А вещность в ипотеке присутствует лишь постольку, поскольку она способна обеспечить выполнение основного обязательства. Исходя из этого, правильным представляется отнесение ипотеки именно к обязательственному праву и понимание её как вещного способа обеспечения обязательств.

Литература

1. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права: В 3-х т. Т. 1 [Текст] / К.П. Победоносцев; Под ред. В.А. Томсинова. – М., 2003.

2. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права [Текст] / И.А. Покровский. – М., 1998.

3. Гуляев, А.М. Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства, кассационной практики Правительствующего Сената и проекта гражданского уложения: пособие к лекциям. 3-е изд. [Текст]. – СПб., 1912.

4. Кассо, Л.А. Понятие о залоге в современном праве [Текст] / Л.А. Кассо. – М., 1999.

5. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права [Текст] / Г.Ф. Шершеневич. – М., 1995.

6. Правовые проблемы организации рынка ипотечного кредитования в России [Текст] / Под ред. В.С. Ема. – М., 1999.

7. Будилов, В.М. Залоговое право России и ФРГ [Текст] / В.М. Будилов. – СПб., 1993.

8. Щенникова, Л.В. Вещные права в гражданском праве России [Текст] / Л.В. Щенникова. – М., 1996.

9. Попова, О.В. Залог и ипотека. Договоры, рекомендации, комментарии [Текст] / О.В. Попова. – М., 2006.

10. Довдиенко, И.В. Ипотека. Управление. Организация. Оценка [Текст] / И.В. Довдиенко, В.З. Черняк. – М., 2005.

11. Киндеева, Е.А. Недвижимость: права и сделки [Текст] / Е.А. Киндеева, М.Г. Пискунова. – М., 2008.

12. Иоффе, О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву [Текст] / О.С. Иоффе // Избранные труды по гражданскому праву. – М., 1999.

13. Хвостов, В.М. Система римского права [Текст] / В.М. Хвостов. – М., 1996.

14. Брагинский, М.И. Правовое регулирование залога в Российской Федерации [Текст] / М.И. Брагинский. – М.,1994.

15. Меркулов, В.В. Мировой опыт ипотечного жилищного кредитования и перспективы его использования в России [Текст] / В.В. Меркулов. – СПб., 2003.

16. Толстой, Ю.К. Гражданское право [Текст] / Ю.К. Толстой. – М., 1998. – Ч. 1.

17. Аюшеева, С.Д. Гражданско-правовые проблемы обеспечения интересов участников первичного рынка ипотечного жилищного кредитования: дисс. на соиск. … канд. юрид. наук: 12.00.03. / С.Д. Аюшеева. – М., 2004.

18. Смолянников, А. Ипотека: теория сквозь призму законотворчества [Текст] / А. Смолянников // Вопросы экономики. – 1997. – № 7.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Лепехин И.А., аспирант, Тверской государственный университет (ТвГУ)
ilja-lepehin@rambler.ru

I. Lepekhin, The post-graduate student, faculty of law, Tver State University

Научные интересы: гражданское право

Research interests: civil law

УДК 347.775

Протасов Денис Владимирович
Denis Protasov

ОХРАНА ПРАВА НА СЕКРЕТ ПРОИЗВОДСТВА (НОУ-ХАУ)

TRADE SECRET RIGHTS (KNOW-HOW) PROTECTION

Рассмотрены особенности гражданско-правовой охраны права на секрет производства (ноу-хау), срок его охраны, механизм защиты и территория, на которой действует режим охраны

Peculiarities of civil law protection of trade secret (know-how) rights, its period of protection, mechanism of protection and territory of protection are analyzed in the article

Ключевые слова: *секрет производства, ноу-хау, интеллектуальная собственность, конфиденциальная информация*

Key words: *trade secret, know-how, intellectual property, confidential data*

Для каждого объекта права интеллектуальной собственности в ГК РФ определен порядок признания его охраноспособности со стороны государства, срок его правовой охраны, механизм защиты и территория, на которой действует режим охраны [1]. В этой связи своей спецификой по отношению к другим результатам интеллектуальной деятельности выделяется секрет производства (ноу-хау).

Одна из важнейших особенностей ноу-хау заключается в том, что на сегодняшний день его правообладателю не требуется выполнять никаких бюрократических формальностей: обращаться в государственные органы за его официальным признанием, регистрацией, получением документов об охраноспособности. Для установления режима гражданско-правовой охраны ноу-хау будет достаточно лишь соблюсти условия, предусмотренные в ст. 1465 ГК РФ. При этом первоначально в ст. 1466 законопроекта напрямую прописывалось, что «для возникновения и осуществления исключительного права на секрет производства регистрации такого секрета не требуется» [2].

Принятое законодателем решение исключить из текста уточняющую норму о нерегистрации права на ноу-хау, по-видимому, обусловлено необходимостью гармонизировать нормы ГК РФ с международным правом. Принятый странами СНГ Модельный закон о реализации прав государства на объекты интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий от 2002 г. предусматривает возможность государственной регистрации результатов интеллектуальной деятельности, охраняемых в режиме коммерческой тайны [3]. Регистрацию ноу-хау предполагается осуществлять в двух формах:

1) добровольной, т.е. по инициативе обладателя имущественных прав на ноу-хау;

2) обязательной, когда ноу-хау создается с привлечением бюджетных средств, в частности, при выполнении государственных контрактов на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Регистрацию ноу-хау планируется осуществлять на основании заявки, подаваемой обладателем имущественных прав, по формальному принципу без проведения экспертизы по существу. Информация о ноу-хау, его авторе, обладателе имущественных прав должна заноситься в реестр, после чего будет выдаваться свидетельство.

Положения рассмотренного Модельного закона вполне согласуются со ст. 1232 ГК РФ, которая допускает в случаях, предусмотренных ГК РФ, государственную регистрацию результата интеллектуальной деятельности по желанию его правообладателя. Однако, если учесть, что для применения указанного Модельного закона еще требуется принять ряд внутренних актов, то механизм регистрации права на секрет производства должен заработать еще нескоро.

Теперь выделим основные моменты гражданско-правовой охраны права на ноу-хау:

а) о намерении правообладателя получить охрану права на созданный объект будут свидетельствовать принятые им меры по сохранению информации в секрете (ограничение доступа третьих лиц, введение режима коммерческой тайны);

б) право на полученный результат закрепляется за тем, чей интеллектуальный и материальный ресурс был использован при его создании (если ноу-хау создано работником, то правообладателем будет являться его работодатель; если получен при выполнении работ по гражданско-правового договору, то соответственно – исполнитель) [4];

в) охрана права начинается непосредственно с момента создания секрета производства.

Другим неоспоримым преимуществом ноу-хау является срок его охраны. Он законодательством никак не ограничен и напрямую связан с соблюдением условия о конфиденциальности информации, составляющей содержание ноу-хау. С момента утраты конфиденциальности таких сведений исключительное право на секрет производства прекращается у всех правообладателей (ст. 1467 ГК РФ). При этом не имеет значения, какие основания привели к разглашению информации: законные (решение правообладателя рассекретить информацию) или незаконные (противоправные действия третьих лиц). Наряду с этим нам также думается, что остальные критерии охраноспособности ноу-хау не должны нарушаться, т.е. информация по-прежнему должна сохранять коммерческую ценность в силу ее неизвестности третьим лицам и к ней не должно быть свободного доступа на законном основании. Следовательно, право на ноу-хау при соблюдении всех условий охраноспособности будет охраняться бессрочно.

А что же происходит с исключительным правом на ноу-хау после утраты информацией ее конфиденциальности? Что касается права на объекты авторского права и смежных прав, патентного права, селекционного достижения, топологии, то по истечении срока его действия результаты интеллектуальной деятельности переходят в общественное достояние. Как можно заметить, в ст. 1467 ГК РФ законодатель ничего не говорит о переходе ноу-хау в общественное достояние. Тем не менее, представляется разумным, что после потери «статуса» ноу-хау такая информация сохранит за собой часть «полезных» свойств и любое заинтересованное лицо сможет ее использовать без чьего-либо согласия на безвозмездной основе в течение неограниченного срока.

Имеет определенную особенность также механизм гражданско-правовой охраны секрета производства по сравнению с охранными режимами иных результатов интеллектуальной деятельности. Суть защиты ноу-хау сводится к установлению режима конфиденциальности (коммерческой тайны) в отношении охраняемых сведений в соответствии с Федеральным законом РФ «О коммерческой тайне» (ред. от 24 июля 2007 г.) [5]. Для секрета производства разглашение конфиденциальной информации является недопустимым; правообладатель обязан предпринимать меры по ее сохранению в секрете. Поэтому недостатком ноу-хау следует признать потенциальный риск того, что кто-то из работников или из контрагентов может нарушить условия конфиденциальности,

установленные трудовым договором, лицензионным договором, и раскрыть секрет производства третьим лицам.

В соответствии со ст. 1231 ГК РФ исключительное право на ноу-хау признается и охраняется на всей территории России. На территории иностранного государства исключительное право на секрет производства будет действовать, если это предусмотрено национальным законодательством или заключен международный договор. Однако, несмотря на то, что охраноспособность ноу-хау может признаваться ни в каждом государстве, в большинстве стран приняты нормы о защите конфиденциальной информации. На территории одних государств используется конструкция охраны права на секрет производства (ноу-хау), а на территории других применяется механизм защиты конфиденциальной информации от недобросовестной конкуренции.

Проведенный анализ норм законодательства позволяет сделать следующие выводы:

1) для установления режима гражданско-правовой охраны секрета производства не требуется признания его охраноспособности со стороны государства, достаточно лишь одного факта его создания. Обладателю исключительного права на ноу-хау необходимо выполнить все условия, предусмотренные в ст. 1465 ГК РФ. В будущем, по-видимому, предполагается осуществлять государственную регистрацию права на ноу-хау на добровольной и обязательной основе;

2) сущность механизма правовой охраны секрета производства заключается в сохранении информации, составляющей его содержание, в конфиденциальности. Его недостатком является потенциальный риск разглашения информации, охраняемой в режиме коммерческой тайны;

3) срок охраны права на секрет производства при соблюдении установленных условий охраноспособности ноу-хау может носить бессрочный характер. При этом должны соблюдаться все критерии охраноспособности ноу-хау, которые указаны в ст. 1465 ГК РФ, а не только одно условие о сохранении информации в конфиденциальности;

4) исключительное право на секрет производства охраняется на всей территории России, на территории иностранного государства это зависит от норм национального законодательства.

Литература

1. Часть четвертая Гражданского кодекса РФ от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

2. Паспорт проекта № 323423-4 Гражданского кодекса Российской Федерации (части четвертой). Редакция, внесенная Президентом РФ в Государственную Думу ФС РФ. // Сайт: http://www.duma.gov.ru.

3. Модельный закон о реализации прав государства на объекты интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий. Принят в г. Санкт-Петербурге 7 декабря 2002 г. на 20-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. 2003. № 30 (ч. 2). С. 277 – 296.

4. Дозорцев, В.А. Понятие секрета промысла (ноу-хау) [Текст] / В.А. Дозорцев // Вестник ВАС РФ. – 2001. – № 8. – С. 105-106.

5. Федеральный закон РФ от 29 июля 2004. г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // СЗ РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Протасов Д.В., аспирант, Тверской государственный университет (ТвГУ)
mehtay@yandex.ru

Научные интересы: гражданское право, предпринимательское право, философия права

D. Protasov, post-graduate student, civil law department, Tver State University

Research interests: civil law, business law, philosophy of law

Психология

УДК 372.88

Бондаренко Ирина Валериевна
Irina Bondarenko

ЛИЧНОСТНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ ВНЕШНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР)

PERSONAL DETERMINATION IN IMAGE MAKING (BY EXAMPLE OF YOUTH SUBCULTURES)

В статье представлены результаты эмпирического исследования оформления внешности студентов вузов – представителей молодежных субкультур. Показана связь индивидуально-психологических особенностей личности, смысловых систем сознания и системы отношений, их влияние на оформление своей внешности представителями молодежных субкультур

The article gives the results of the empirical research of students` image-making. The students are the representatives of different subcultures. The link between individual and psychological peculiarities of a person, system of velues and system of relations; and their influence upon students` image-making are described

Ключевые слова: *личностная обусловленность, оформление внешности, молодежные субкультуры*

Key words: *individual determination, image-making, youth subculture*

Самоидентификация и социализация современной молодежи проходит в новых социально-экономических условиях, когда разрушены прежние стереотипы поведения, происходит переоценка ценностей, идет процесс самоорганизации молодежи. С помощью молодежной субкультуры происходит адаптация молодых людей в обществе, передача современных ценностей, социализация, удовлетворение потребностей в гетеросексуальных контактах, преодоление чувства одиночества, самовыражение.

Стремление быть самим собой, самоидентификация себя – одна из психологических проблем современной молодежи. Вхождение молодого человека в субкультуру означает принятие ценностей группы и ее внешних атрибутов (одежда, украшения, прическа, татуировки и т.д.). Особое внимание придается созданию привлекательного внешнего вида.

Отечественные ученые рассматривали внешний облик человека как внешнюю форму существования и проявления внутреннего, субъективного мира человека.

Г.Г. Шпет писал: «Вся душа есть внешность. Человек живет, пока есть у него внешность. И личность есть внешность» [9; С. 99].

С.Л. Рубинштейн, подчеркивая единство и внутреннюю взаимосвязь физической и духовной сторон личности, отмечал, что человек связывает свою личность и с определенным внешним обликом, поскольку в нем заключены выразительные моменты и отражается склад его жизни и стиль деятельности [8; С. 503].

А.Р. Лурия считал одежду «внешним выражением психической жизни человека»,

«симптомом душевных переживаний» [6; С. 48].

Важность познания закономерностей создания персонального образа и особенностей его восприятия для развития навыков адекватного самовыражения, самореализации и повышения возможностей адаптации человека в окружающем мире неоднократно подчеркивалась современными исследователями (А.А. Бодалев, Е.А. Петрова, В.М. Шепель и др.).

Е.А. Петрова, исследуя роль и функции визуальных знаков в общении, выделяла три визуально-коммуникативные системы: габитус, костюм, кинесику. В современной психологии костюм и его элементы рассматриваются как специфический язык (сигнально-знаковая система), который воспринимается вместе с другими сигналами общения (жестами, взглядами и пр.) и словами (Е.А. Петрова, Р.А. Степучев, Е.Я. Басина).

М.И. Килошенко отмечает, что выбор одежды предполагает личную заинтересованность человека и показывает активность, самостоятельность и субъективность его «Я». По её мнению, выбор одежды в большей степени обусловливают внешние (влияния среды) и внутренние (субъективные переживания) факторы [3; С. 105]. Одежда помогает человеку почувствовать удовлетворение от своего внешнего вида, приблизиться к собственному идеалу.

Исследования большинства отечественных и зарубежных психологов и социологов, занимающихся феноменом молодежной культуры середины XX и начала XXI вв., указывают на тот факт, что оформление внешности является основным стержнем, вокруг которого формируются субкультуры и происходит объединение молодежи, увлеченной тем или иным ее течением.

В связи с этим, актуальным является исследование оформления внешности представителей молодежных субкультур. Целью нашего исследования являлось изучение личностной обусловленности оформления внешности, которая включает в себя индивидуально-психологические особенности личности, динамические смысловые системы сознания и психологическую систему отношений.

Для этого нами использовались следующие психодиагностические методики: MMPI (Миннесотский многошкальный личностный опросник, ГП «ИМАТОН»), который позволяет диагностировать индивидуально-психологические особенности личности и выявить стиль поведения и общения, скрытые психологические отклонения; методика предельных смыслов Д.А. Леонтьева, разработанная автором для диагностики динамических смысловых систем сознания; метод незаконченных предложений Д. Сакса, позволяющий исследовать систему отношений личности. В исследуемую систему отношений входили такие категории, как мать, отец, семья, знакомые, прошлое, будущее, а также наличие страхов и чувства вины.

Кроме этого, использовался метод анкетирования, в котором выявлялись биографические данные, семейное положение, принадлежность к молодежной субкультуре, определялись особенности оформления внешности.

Результаты и их обсуждение.

В исследовании приняли участие 420 чел. в возрасте 17…22 лет. Оно проводилось на разных факультетах (социальном, психологическом, художественного образования, технолого-экономическом, юридическом и др.) вузов г. Чита. Методом анкетирования мы выявили 39 чел., включенных в молодежные субкультуры. Среди представителей субкультур 56 % составляют девушки и 44 % юноши, входящие в такие молодежные субкультуры, как «рэперы», «эмо», «готы».

В результате анкетирования выявлено, что испытуемые, представители молодежных субкультур, отмечают свою принадлежность к субкультурам: «рэперы» (40 %), «эмо» (31 %), «готы» (29 %).

Большинство опрошенных (87 %) считают, что молодежная субкультура – вполне естественное явление, отражающее жизнь молодежи, и позитивно настроены по отношению к субкультурам «байкеров» (56 %) и «металли-

стов» (51 %). У 67 % опрошенных выражено негативное отношение к субкультуре «гопников», у 64 % – к «сатанистам», у 61 % – к «неофашистам», у 51 % – к «антифа».

Анкетный опрос представителей молодежных субкультур демонстрирует, что все респонденты считают наиболее привлекательным собственный внешний облик, 43 % испытуемых ответили, что подражают при оформлении внешности музыкантам рок-групп и рэп-команд. При этом 53 % испытуемых предпочитают носить яркую, многоцветную одежду с надписями, указывающую на их принадлежность к молодежной субкультуре, 69 % испытуемых носят украшения со специфической символикой, 31 % украшают свое тело пирсингом и 41 % – татуировками. В оформлении внешности всех испытуемых характерно проявление андрогенных черт, т.к. все элементы оформления внешности (одежда, обувь, прическа, украшения) относятся к стилю «унисекс» (выполнены без учета гендерных особенностей).

Личностный опросник MMPI использовался нами для исследования индивидуально-психологических особенностей личности, включенной в молодежную субкультуру.

Полученный в результате расчетов усредненный профиль для всей выборки исследования представлен в графической форме на рис. 1.

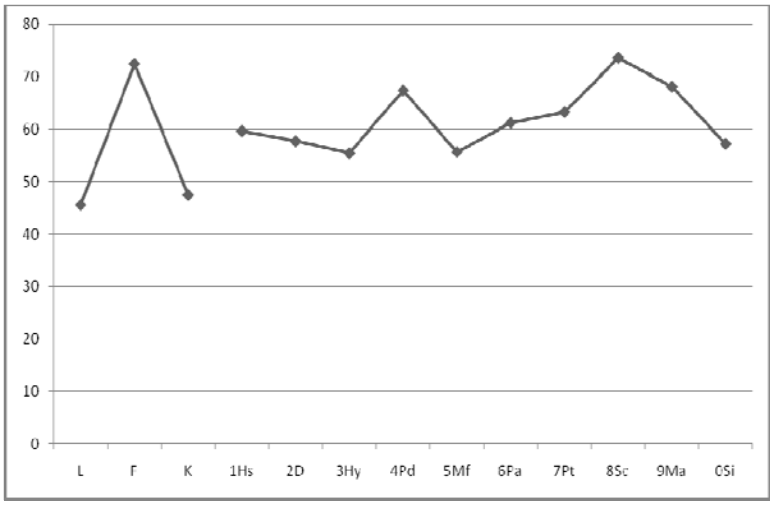


Рис. 1. *Усредненный профиль MMPI*

По результатам исследования с помощью личностного опросника MMPI (ГП «ИМАТОН») были получены следующие данные:

L – 45; F– 72; K – 47; 1(Hs) – 60; 2(D) – 58; 3(Hy) – 55; 4(Pd) – 67; 5(MF) – 56; 6(Pa) – 61; 7(Pt) – 63; 8(Sc) – 73; 9(Ma) – 68; 0(Si) – 57.

Результаты исследования по личностному опроснику MMPI демонстрируют пограничный профиль, в котором выражены повышенная эмоциональная напряженность, проявляющаяся в поведении, затруднения в адаптации, неудовлетворенность, высокая степень стресса и необходимость в психологической поддержке.

Рельеф профиля MMPI пикообразный, что указывает на наличие в выборке исследования следующих типов акцентуаций и психопатии: «Шизофрении», проявляющейся в уходе в себя и замене реального мира воображаемым, и «Психопатии» – игнорировании социальных норм, требований и правил поведения, снижении самоконтроля, импульсивности.

Профиль с положительным наклоном свидетельствует о повышенной вероятности

возникновения психотических расстройств, проявляющихся в интеллектуальной и поведенческой сфере. Лица с названными расстройствами способны причинять окружающим беспокойство своим поведением. Для испытуемых характерны недостаточная адекватность понимания себя и других людей, непредсказуемость поступков, склонность к конфликтам, нарушение общепринятых норм и правил поведения, возможны нарушения восприятия и мышления.

Интерпретируя сочетания пиков по клиническим шкалам, можно выявить код профиля F;4;8;9, характеризующийся подъемами по шкалам «4 Pd (психопатии)», «8 Sc (шизофрении)», «9 Ma (гипомании)», что свидетельствует о присущих выборке исследования следующих особенностях, проявляющихся в уходе в себя и замене реального мира воображаемым, игнорировании социальных норм, требований и правил поведения, снижении самоконтроля, импульсивности, повышенном настроении, чрезмерной активности.

С помощью методики незаконченных предложений Д. Сакса исследовалась система отношений личности. Были получены следующие результаты: отношение к жизненным целям и будущему отрицательное у 90 % исследуемых. Отношение к прошлому у 54 % испытуемых отрицательное, у 18 % – положительное. Отношение к вышестоящим лицам у 77 % отрицательное, у 17 % испытуемых – нейтральное. Для 95 % испытуемых характерно негативное отношение к коллегам и для 82 % – к подчиненным. У 87 % сформировано отрицательное отношение к друзьям. Свое негативное отношение к матери выразили 95 % испытуемых, к отцу – 64 %. Отрицательное отношение к семье диагностировано у 87 % исследуемых. Негативное отношение к противоположному полу и сексуальным отношениям выявлено у 67 % испытуемых, только 23 % характеризуются положительным отношением по данному показателю. Отношение к себе у 95 % выборки – отрицательное. Склонность к самообвинению выявлена у 13 % исследуемых, у 46 % чувство вины не проявляется. Страхи и опасения не выявлены у 38 %, для 49 % выборки характерны опасения и разные страхи.

Таким образом, в данной группе испытуемых отчетливо проявляются негативные взаимоотношения в семье, отрицательное отношение к друзьям, коллегам, начальству. Выявлено негативное отношение к противоположному полу и сексуальным отношениям. Отношение к себе, собственному будущему, целям также является негативным, а склонность к самообвинению слабо выражена.

С помощью методики предельных смыслов Д.А. Леонтьева мы диагностировали динамические смысловые системы сознания, зрелость мировоззрения. В исследовании применяли структурный анализ, направленный на выявление индивидуальных особенностей структуры смыслового древа. Его структура была описана с помощью количественных индикаторов. В данной группе испытуемых получены следующие результаты: 4 узловых категории выявлено у 67 % исследуемых, 5 – у 26 % и 6 – у 5 %. Индекс связности полученной структуры имеет значение «2» у 41 %, а «3» у 21 % испытуемых («4» – 18 %, «5» – 8 %, «3» – 6 %. Средняя длина цепей достигла значений «16» и «9» у 3 %, «8» и «7» у 8 %, «6» и «3» у 23 %, «5» у 15 %, «4» у 17 % испытуемых. Продуктивность имеет следующие значения «11», «8» у 3 %, «3» у 33 %, «4» у 31 % испытуемых.

Анализируя полученные данные, можно диагностировать среднюю степень зрелости и развитости индивидуального мировоззрения у исследуемых, т.к. среди структурных показателей было выявлено четыре узловых категории, наибольшее значение индекса связности равно двум, средние длины цепей равны трем и шести, а наиболее высокие показатели продуктивности равны трем и четырем.

Для статистического анализа данных был использован кластерный анализ (рис. 2).

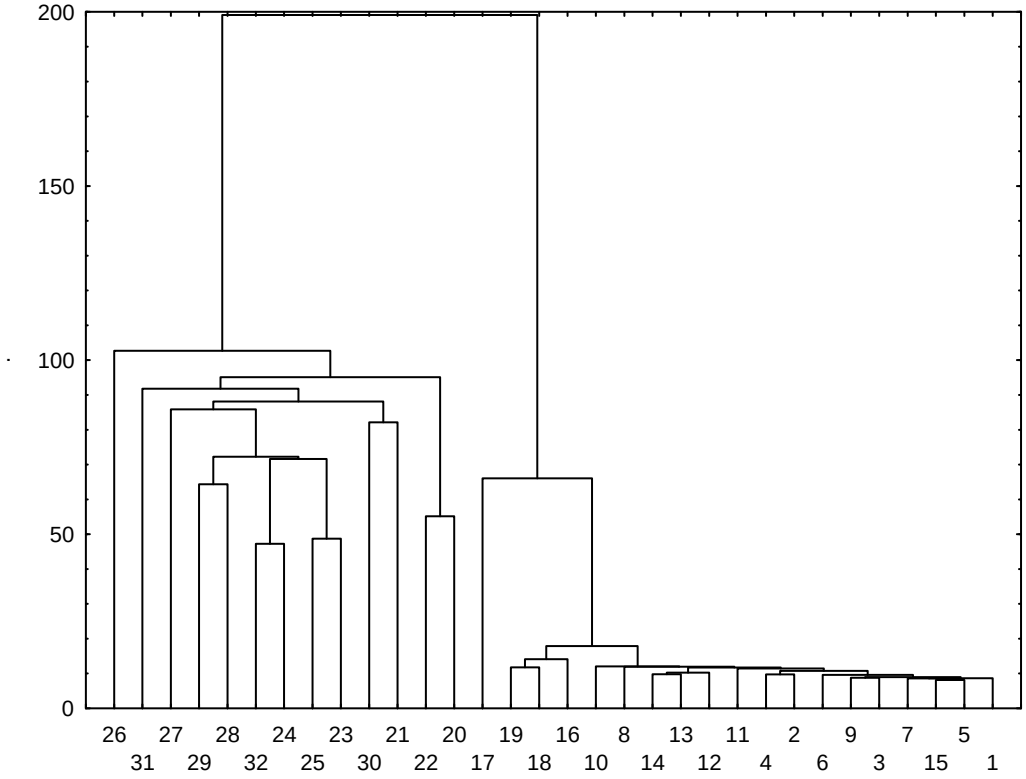


Рис. 2. *Кластерный анализ индивидуально-психологических особенностей личности, результаты диагностики динамических смысловых систем сознания и системы отношений:*

(26 – 3 (Ну) Истерия; 31– 9 (Ма) Гипомания; 27 – 4 (Pd) Психопатия; 29 – 6 (Pa) Паранойя; 28 – 5 (Mf) Мужественность-женственность; 32 – O(Si) Социальная интроверсия; 24 – 1 (Hs) Ипохондрия; 25 – 2(D) Депрессия; 23 – К Коррекция; 30 – 7 (Pt) Психастения; 21 – F Валидность; 22 – 8 (Sc) Шизофрения; 20 – L Ложь; 17 – значение индекса связности; 19 – значение продуктивности; 18 – средние длины цепей; 16 – значение узловых категорий; 10 – отношение к противоположному полу; 8 – отношение к отцу; 14 – отношение чувство вины; 13 – отношение страхи и опасения; 12 – отношение к своему прошлому; 11 – отношение к сексуальным отношениям; 4 – отношение к коллегам; 2 – отношение к будущему; 6 – отношение к подчиненным; 9 – отношение к семье; 3 – отношение к вышестоящим лицам; 7 – отношение к матери; 15 – отношение к себе; 5 – отношение к друзьям; 1 – отношение к жизненным целям)

В ходе кластерного анализа были выявлены два главных кластера. Первый кластер включает в себя все шкалы опросника MMPI, в которых доминирующее место занимает «Шкала 3 (Ну) Истерия». Данная шкала демонстрирует изменчивость настроения, легкость возникновения и прекращения чувств, хаотичность поведения и зависимость поведения от настроения, демонстративность, стремление произвести впечатление и быть в центре внимания. Второй кластер демонстрирует систему отношений и смыслов (методика предельных смыслов Д.А. Леонтьева и метод незаконченных предложений Д. Сакса). В данном кластере доминирующее место занимает «индекс связанности» смысловых структур сознания.

Оба кластера объединены между собой, что показывает связь степени зрелости и развитости индивидуального мировоззрения у исследуемых с демонстративностью, стремлением произвести впечатление и быть в центре внимания, изменчивостью настроения и его зависимости от поведения.

Обобщая изложенное, можно сделать

следующие выводы:

1) в результате исследования выявлены представители следующих субкультур: «рэперы», «эмо», «готы». Личностная обусловленность оформления внешности представителями данных молодежных субкультур проявляется в уходе в себя и замене реального мира воображаемым, игнорировании социальных норм, требований и правил поведения, снижении самоконтроля, импульсивности, повышенного настроения, чрезмерной активности;

2) система отношений представителей молодежных субкультур характеризуется негативными взаимоотношениями в семье, отрицательным отношением к друзьям, коллегам, начальству, к противоположному полу и сексуальным отношениям. Отношение к себе, собственному будущему, целям также является негативным. Слабо выражена склонность к самообвинению;

3) для представителей молодежных субкультур характерна средняя степень зрелости и развитости индивидуального мировоззрения;

4) изменчивость настроения и поведения представителей молодежных субкультур, стремление произвести впечатление на окружающих своим оформлением внешности, быть в центре внимания связаны со степенью зрелости индивидуального мировоззрения.

Литература

1. Бодалев, А.А. Восприятие и понимание человеком человека [Текст] / А.А. Бодалев. – М.: МГУ, 1982. – 199 с.

2. Екинцев, В.И. Психология понимания человека человеком: взаимодействие и организация знаний [Текст] / В.И. Екинцев М.А. Соболева. – Чита: ЗабГГПУ, 2004. – 167 с.

3. Килошенко, М.И. Психология моды: теоретический и прикладной аспекты [Текст] / М.И. Килошенко. – СПб.: Речь, 2001. – 192 с.

4. Лабунская, В.А. Экспрессия человека и межличностное познание [Текст] / В.А. Лабунская. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – 608 с.

5. Левикова, Е.А. Молодежная субкультура [Текст] / Е.А. Левикова. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 600 с.

6. Лурия, А.Р. Психологическое наследие: избранные труды по психологии [Текст] / А.Р. Лурия. – М., 2003. – 406 с.

7. Петрова, Е.А. Визуальная психосемиотика общения: дис. …д-ра психол. наук / Е.А. Петрова. – М., 2000. – 402 с.

8. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1989. – Т. 2. – 328 с.

9. Шпет, Г.Г. Сочинения [Текст] / Г.Г. Шпет. – М.: Правда, 1989. – 608 с.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Бондаренко И.В., ассистентка кафедры психологии образования, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)
irina_v_m_@mail.ru

Научные интересы: психология, молодежные субкультуры

I. Bondarenko, assistant, department of Educational Psychology, Transbaikal State Humanitarian Pedagogical University

Research interests: psychology, youth subcultures

УДК 159.923 (075)

Попова Наталья Николаевна
Nataliya Popova

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭТНИЧЕСКИХ И ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КАК ФАКТОРОВ КРЕАТИВНОСТИ

ETHNIC AND PERSONAL FEATURES INTERACTION AS A CREATIVITY FACTOR

Представлен факторный анализ кросскультурного исследования этнических особенностей креативности. Выявлена взаимосвязь между этническими характеристиками респондентов и их показателями креативности (гибкость, оригинальность, уникальность, беглость и разработанность)

Factor analysis of creativity ethnic features' cross-cultural observation is presented. The author reveals interconnection between respondents' ethnic features and their creativity markers (such as flexibility, originality, uniqueness, fluency, and workability)

***Ключевые слова**: креативность, этнические особенности*

***Key words:** creativity, ethnic features*

В условиях глобализации вся «государственная система будет нацелена на поиск новаторов, на выработку и развитие наиболее интересных идей» (Д.А. Медведев), поэтому от умений субъекта решать встающие перед ним задачи, от его способности создавать что-либо принципиально новое (а это и есть новаторство) зависит прогресс в различных областях человеческой деятельности. В связи с этим актуальным становится вопрос подготовки и отбора людей с высокими творческими способностями (креативностью).

Актуальность темы продиктована ещё и наличием противоречий в представлениях о креативности. Так, в ходе анализа существующих определений креативности нами было отмечено, что данную категорию принято рассматривать чаще как свойство или черту личности (А. Маслоу, К. Роджерс, Ф. Баррон, Д. Векслер, Р. Уайсберг, Ш.Г. Айзенк, М.А. Холодная, В.Н. Дружинин, С. Медник, Г. А. Глотова, О.А. Халифаева), продукт (Ш. Фельдман, Д. Рабенсон, М. Ранко) или процесс (Дж. Гилфорд, П. Торренс, А. Ребер, С. Ариэтти, Р. Корсини, А. Ауэрбах), реже как сочетание (Amabile T. M., Eisenberger R., Haskins F., Gambleton P., Rhoades L., Shanock L., Csikszentmihalyi M.) и потенциал (Н. Роджерс, Хрящева Н.Ю, Макшанов С.И., Cropley A.J.).

Таким образом, креативность рассматривают как креативный процесс, креативный продукт, креативную личность, креативную среду (сферу, структуру, социальный контекст, формирующий требования к продукту творчества).

Многообразие трактовок, пониманий и определений психологического термина «креативность» предполагает многочисленность исследовательских подходов к его изучению.

Методологические подходы к изучению креативности различаются по критерию детерминации творческого импульса. В зависи-

мости от приоритета когнитивного или личностного компонента эти подходы можно разделить на следующие:

1) продуктивный, интеллектуалистский подход. Креативность рассматривается как частный случай более общего свойства активности субъекта, его готовности выйти за пределы ситуативной необходимости и способность к модификации способа адаптации к неопределённой ситуации (Г.Ю. Айзенк, Д. Векслер, Н.С. Лейтес, Л. Термен, Ж. Пиаже, Р. Стернберг, М.А. Холодная);

2) личностный подход. Творчество – это процесс самовыражения личности, а следовательно, креативность – производное личностных черт. Представители данного подхода считают, что личность обладает определёнными креативогенными чертами, порождающими креативное поведение, независимо от уровня интеллектуального развития (Ф. Бэррон, А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Фромм, Д.Б. Ермолаева-Томина, В.Н. Козленко);

3) синтетический. Креативность – это специфический когнитивно-личностный стиль, имеющий двуединую природу как личностную, так и когнитивную. Считается, что, развиваясь первоначально как чисто когнитивное образование, креативность посредством сформированных познавательных стремлений и интенций закрепляется в мотивационной сфере. Под влиянием мотивационных факторов формируются креативогенные черты, обеспечивающие контроль развития и применения когнитивного уровня креативности (Д.Б. Богоявленская, В.Н. Дружинин, С. Каплан, А.М. Матюшкин, Я.А. Пономарев, Дж. Рензулли, А. Танненбаум, Дж. Фелдхьюзен, К. Хеллер) [2, 3, 5].

Но, несмотря на различные исследования креативности, подход к ней остается полимодальный. Поэтому в настоящее время растёт объём исследований креативности с учётом их многоуровневой детерминации, когда в анализ включаются социально-экономические, культурные и др. факторы. Одним из таких факторов является этнос, и проблема определения этнических особенностей креативности в поликультурном регионе (Забайкальский край) не была предметом изучения. В связи с этим нам представляется наиболее адекватным такое понимание креативности, которое позволяет ее рассматривать как социокультурный феномен, объединяющий в себе и «результативную», и «процессуальную» стороны, т.е. креативность – это и ресурс, и свойство личности, и процесс.

Проблема креативности для современных этносов Востока и трудности, связанные с неразработанностью данной проблемы, заключаются в том, что, по существу, этническая составляющая креативности практически не исследована. Не учитывалась ранее этническая специфика в понимании критериев креативности.

Поэтому мы задались целью получить данные, позволяющие выявить значимые этнические различия в показателях креативности у русских и бурятских студентов.

Для этого нами сформирована выборка, стандартизированная по полу и национальности. В исследовании приняли участие 251 респондент, среди которых представителей бурятской национальности – 125 чел., представителей русской национальности – 126 чел., юношей – 125 чел., девушек – 126 в возрасте 16…22 лет.

С целью диагностики креативности нами использованы методики (субтест Е. Торренса «Завершение картинок» [7], тест отдельных ассоциаций С. Медника в варианте А.Н. Воронина и Т.В. Галкиной [1], проба Ю.Н. Кулюткина на выявление невербальной креативности [4]), которые основываются на общих принципах её оценки:

а) индекс продуктивности как отношение числа ответов к количеству заданий;

б) индекс оригинальности как сумма индексов оригинальности (т.е. обратных величин по отношению к частоте встречаемости ответа в выборке) отдельных ответов, отнесенная к общему числу ответов;

в) индекс уникальности как отношение количества уникальных (не встречающихся в выборке) ответов к общему их количеству.

Для повышения качества тестирования креативности нами были соблюдены следующие основные параметры креативной среды, как:

– отсутствие ограничения по времени;

– минимизация мотивации достижения;

– отсутствие соревновательной мотивации и критики действий;

– отсутствие в тестовой инструкции жесткой установки на творчество.

Кроме перечисленных методик использовались два опросника личностной составляющей креативности Д.Л. Джонсона и Дж. Рензулли, а также шестнадцатифакторный опросник личности Р.Б. Кетелла (сокращенный вариант).

Опросник креативности Д.Л. Джонсона фокусирует наше внимание на тех элементах, которые связаны с творческим самовыражением [6]. Заполнение опросника требует 10…20 мин. Данный опросник позволяет провести как самооценку креативности, так и её экспертное оценивание. Мы использовали первое направление, т.е. студенты самостоятельно отвечали на 8 пунктов опросника. Общая оценка креативности является суммой баллов по всем пунктам (минимальная оценка – 8, максимальная оценка – 40 баллов).

Для изучения представлений студентов о творческом мышлении и поведении креативных людей нами использовался опросник Дж. Рензулли [6]. Он является экспресс-методом, который позволяет быстро и качественно проводить диагностику в условиях ограниченного времени, а также дополняет батареи тестов (упомянутые ранее), требующие больших затрат времени и сил. Данная методика представляет собой список характеристик творческого мышления и поведения. Общая оценка креативности является суммой баллов по десяти пунктам (минимальная возможная оценка – 10, максимальная – 40 баллов).

В контексте нашего исследования для диагностики черт личности респондентов нами был использован многофакторный личностный опросник Р.Б. Кэттела (сокращенный вариант – 105 вопросов) [4; С. 40]. Это хорошо известный и широко используемый инструмент для изучения индивидуально-психологических особенностей человека. В течение 40 мин испытуемые заносили свои ответы на специальный опросный бланк, который оценивался в соответствии с ключом. Сумма баллов по определенной группе вопросов давала в результате значение фактора. В итоге по каждому испытуемому мы получили 16 факторов, которые, наряду с перечисленными результатами, были подвергнуты процедуре факторного анализа.

Факторный анализ, произведенный в статистической системе SPSS, процедура Factor, выделил три фактора, которые были подвергнуты методу Varimax с нормализацией по Кайзеру (см. таблицу).

Факторные нагрузки после варимакс-вращения

Переменные	**F_1**	**F_2**	**F_3**
Национальность	0,698		
Возраст	0,503		
Вербальная оригинальность		0,720	
Невербальная оригинальность		0,719	
Вербальная уникальность		0,682	
Беглость		0,598	
Гибкость		0,547	

Окончание таблицы

Переменные	F_1	F_2	F_3
C – «эмоц. устойч-ть – неустойч-ть»			0,721
E – «подчиненность – доминантность»			0,657
A – «замкнутость – общительность»			0,628
G – "чувств-ть – выс. нормат-ть повед."			0,608
Q3 – «низ. самоконтр. – выс. самоконтр.»			0,577
H – «робость – смелость»			0,551
MD – «адекватность самооценки»			0,516

Как мы видим (см. таблицу), Фактор 1 (F_1) составляют переменные, имеющие максимальный факторный вес: национальность и возраст. Следовательно, этому фактору можно присвоить название «этнические особенности», как показателю национальной принадлежности респондента.

Фактор 2 (F_2) представлен переменными, являющимися показателями креативности испытуемых, поэтому ему присвоено название «креативность». Следует отметить, что переменные вербальная и невербальная креативность имеют практически одинаковый вес (0,720 и 0,719 соответственно), что говорит о необязательности их деления, поэтому можно объединить их в один показатель: *оригинальность*.

Факторные нагрузки переменных *оригинальность* и *уникальность* (0,720 и 0,682) демонстрируют сильную степень связи данных показателей в структуре креативности, т.е. чем больше значения оригинальности, тем больше значения уникальности. Аналогичным образом беглость (0,598) определяет гибкость (0,547) креативности респондентов.

И, наконец, фактор 3 (F_3) определяется переменными, являющимися характеристиками свойств личности респондентов, поэтому он называется «личностные особенности». Существенный вес имеют переменные: «эмоциональная устойчивость – неустойчивость» (0,721) и «подчиненность – доминантность» (0,657). Факторные нагрузки этих показателей обусловливают высокую степень взаимосвязи эмоциональной устойчивости и доминантности, а также эмоциональной неустойчивости и подчиненности. Переменные: «замкнутость – общительность» и «чувствительность – высокая нормативность поведения» отражают среднюю степень взаимосвязи таких свойств личности, как замкнутость и высокая нормативность поведения, и общительность, и чувствительность (0,628 и 0,608 соответственно). «Низкий самоконтроль и высокий самоконтроль» положительно коррелируют с «робостью и смелостью», а также с «адекватностью самооценки» испытуемых, о чем говорит их вес: 0,577; 0,551 и 0,516, соответственно.

Таким образом, фактор принадлежности испытуемого к той или иной национальности оказывает существенное влияние на показатели креативности (оригинальность, уникальность, беглость, гибкость) как свойства личности, характеризующиеся эмоциональностью,

общительностью, конформностью и самоконтролем. Думается, что исследование этнических особенностей креативности в поликультурном регионе позволит не только обогатить эмпирическую базу разработок в области изучения креативности, но и будет способствовать более эффективному развитию региона как субъекта федерации.

Литература

1. Дружинин, В.Н. Психология общих способностей [Текст] / В.Н. Дружинин. – СПб.: Питер. – 2000. – С. 322-345.

2. Основные современные концепции творчества и одаренности [Текст] / Под ред. Д.Б. Богоявленской. – М., 1997. – 347 с.

3. Пономарев, Я.А. Психология творчества [Текст] / Я.А. Пономарев // Тенденции развития психологической науки. – М.: Наука, 1988. – С. 21-25.

4. Практикум по психологии [Текст] / Под ред. А.С. Кармина. – СПб.: Лань, 2002. – С. 32.

5. Разумникова, О.М. Пол и профессиональная направленность студентов как факторы креативности [Текст] / О.М. Разумникова, О.С. Шемелина // Вопр. психологии. – 2002. – № 1. – С. 113-127.

6. Туник, Е.Е. Модифицированные креативные тесты Вильямса [Текст] / Е.Е. Туник. – СПб.: Речь, 2003. – 108 с.

7. Torrance, E.P. Predictive validity of the Torrance test of creative thinking / E.P Torrance // Journal of creative behavior, 1982, 6 (4), 236-252.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Попова Н.Н., ст. преподаватель кафедры психологии института социально-политических систем, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
nnp18@mail.ru

N. Popova, senior lecture, department of Psychology, School of Social and Political Systems, Chita State University

Научные интересы: творчество, гендерная психология, психология, психология развития, педагогическая психология

Research interests: creativity, gender psychology, developmental psychology, pedagogical psychology

УДК 624.01

Чернявский Антон Анатольевич
Anton Chernyavskiy

ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕНЕДЖЕРЫ ПО ПРОДАЖАМ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

EFFECTIVE SALES MANAGERS: PERSONAL FEATURES

Дан анализ психологических методов определения профессионально значимых персональных качеств менеджеров по продажам; найдены и определены критерии профессиональной эффективности менеджеров по продажам; разработаны методы эмпирического исследования личностных характеристик эффективных менеджеров по продажам

The author provides the analysis of psychological methods of sales managers' professional qualities evaluation; sales managers' professional efficiency criteria are defined; the methods of empirical analysis of effective sales managers' personal features are worked out

***Ключевые слова**: личностные качества, менеджеры по продажам, эмпирическое исследование, профессиональная эффективность способности*

***Key words:** personal features, sales managers, empirical research, professional effectiveness, abilities*

Каждый человек может трактовать свою профессиональную деятельность поразному. Один относится к работе как к занятию, дающему возможность получить вознаграждение, другой — как к выполнению обязанностей или возможности реализации собственных потребностей и карьерного роста. Эффективные работники трактуют результаты своей работы в категориях достижения успеха, результативности. В настоящее время, когда (и поскольку) наиболее социально релевантной наукой стала экономика, результаты трактуются чаще именно с этой позиции.

Социально-экономическая ситуация в России становится все динамичнее. Структуру рыночной экономики определяет сфера реализации продукции, сфера продаж. Именно на основе анализа уровней продаж делаются выводы об эффективности, рентабельности бизнеса, о спросе на продукцию.

Изменения неизбежно породили массу проблем в профессиональной жизни человека, его личностном развитии. Кардинально изменился рынок труда. Одной из наиболее востребованных профессий на рынке труда стала профессия менеджера по продажам. Интенсивное развитие экономики обусловило необходимость профессиональной мобильности и конкурентоспособности работников сферы продаж, менеджеров. На практике часто менеджерами по продажам становятся студенты и выпускники вузов, не подготовленные ни личностно, ни профессионально к данной сфере деятельности и не имеющие способностей к ней. В результате «текучесть кадров» среди менеджеров по продажам одна из самых высоких. При этом нерешенным остается вопрос о психологическом сопровождении профессионального развития такого специалиста, соотношении личностных качеств и эффективности

его профессиональной деятельности.

Анализ публикаций по теме показывает, что среди публикаций в Internet-ресурсах количественно преобладают предложения и ссылки на тренинги продаж, современные издательства выпускают большое количество популярной литературы на данную тему. В исследованиях экономических направлений вопросы психологической, личностной готовности менеджера по продажам к эффективной профессиональной деятельности не рассматриваются [8].

В настоящее время появился и интенсивно развивается новый вид бизнеса, ориентированный на поиск и отбор высококвалифицированных специалистов. Его содержанием являются описание и анализ профессиональных компетенций, профессионального поведения человека, профессиональной карьеры и самосохранения, а также развития личности с начала формирования профессиональных намерений до ухода из профессиональной жизни. Психологическая наука становится практически востребованной для данного вида бизнеса. Что же касается высшего образования, то система соответствующих компетенций здесь пока только позиционируется. В рамках нашего исследования выявлялись психологические закономерности и факторы эффективности деятельности менеджера по продажам на примере компании по продаже цифровой техники, как одного их наиболее показательных, динамичных и современных рынков.

Так как системообразующим фактором психологии труда является взаимодействие личности с профессией: выбор, качество освоения, психологическое содержание деятельности, восхождение к вершинам профессионализма, преодоление профессиональных деструкций, в рамках этого направления может решаться вопрос о выявлении личностно-психологических особенностей эффективных менеджеров по продажам [1]. В данном контексте в качестве традиционно значимого фактора может выступать мотивация [6].

Менеджер, имеющий потребность в достижении цели – высокого уровня продаж, может успешно справиться с весьма сложным заданием, за выполнение которого он один несет ответственность. Для работников, имеющих потребность в достижении цели, типичным является следующее: им нравятся ситуации, в которых возможно взять на себя ответственность за нахождение решения проблемы. Может быть поэтому имеющие потребность в достижении цели великолепно чувствуют себя в деловой жизни и ситуациях продаж, поскольку они постоянно создают ситуации, где ценится успех [3].

Х. Хекхаузен перечисляет несколько условий, необходимых для актуализации мотивации достижения. Он считает, что деятельность должна оставлять после себя осязаемый результат, который должен оцениваться качественно или количественно, причем требования к оцениваемой деятельности не должны быть ни слишком низкими, ни слишком высокими [7].

Чтобы использовать свои ресурсы эффективно, компании, специализирующиеся на продажах, должны искать на должность менеджера по продажам такого человека, чья основная мотивация соответствует особенностям задания. Не так давно производимые людьми атрибуции (приписывание ответственности за происходящие события) стали рассматриваться как важный элемент мотивации трудовой деятельности. В отличие от других теорий, теория атрибуции скорее является теорией взаимосвязи личного восприятия и межличностного поведения, чем теорией мотивации отдельного человека. Разнообразие теорий атрибуции постоянно увеличивается. Однако все они объединяются следующими общими предположениями [5]. Гарольд Келли подчеркивает, что теория атрибуции связана главным образом с теми когнитивными процессами, с помощью которых человек интерпретирует поведение, как вызванное (или приписываемое) определенными элементами соответствующей окружающей среды. Она касается вопросов «почему» в мотивации и поведении [2]. Исходя из теории атрибуции, можно

предположить, что успешный менеджер по продажам берет на себя ответственность за весь процесс и результат продажи: свое поведение в процессе продажи, знание особенностей товара, знание и понимание покупателя (клиента), его потребностей, уровень своей прибыли в результате продажи, свой рейтинг, как продавца, специалиста, другие показатели профессионального успеха.

Продажа – это сделка между людьми, в которой каждый из участвующих имеет свою задачу и преследует свою цель. Это не случайная встреча, не простая беседа, которую два участника затевают, чтобы провести время. Это деловая встреча, коммерческая деятельность, где каждый отстаивает свой интерес, играет свою роль, использует свои возможности и, в конце концов, обменивается услугой с партнером, прилагая все усилия для того, чтобы условия обмена в этой сделке были для него наиболее благоприятными. В этом смысле акт продажи можно рассматривать как коммуникацию, или переговоры, потому что интересы сторон далеко не всегда совпадают. Продажа – это встреча между двумя связанными определенным отношением индивидами, каждый из которых обладает своим собственным статусом, ролью, мотивациями, реальными и воображаемыми желаниями. Поэтому в процессе продажи, как и в каждой встрече, возникают потоки симпатий или антипатий и неуловимым образом завязываются или разрушаются эмоциональные связи [9]. Итак, акт продажи представляет собой переговоры между двумя сторонами, которые сталкиваются лицом к лицу и как бы примериваются друг к другу, а продажа есть отношение между людьми со всеми присущими такому отношению свойствами:

– знакомство;

– проявление внимания;

– оценка возможностей (и своих, и клиентских);

– пробуждение интереса;

– убеждение;

– объяснение преимуществ;

– заключительная стадия.

В рамках нашего исследования мы выдвинули гипотезу о действии трех факторов профессиональной успешности менеджеров по продажам: интернальности, коммуникативной компетентности и мотивации на достижение успеха. Результаты показали высокий уровень коммуникативной компетентности у большинства менеджеров по продажам, поскольку этому уделяется особое внимание в процессе адаптации персонала, в процессе повышения квалификации. Было замечено, что наиболее трудным этапом является этап пробуждения интереса и заключительный этап. Для нахождения показателей коммуникативной компетентности был проведен опрос экспертов, опрос-самооценка, а также использован метод взаимного наблюдения в соответствии с дифференциацией этапов продаж. Затем оценки суммировались, находилось среднее значение для каждого продавца. В качестве критерия успешности выступил объем продаж. Был проведен экономический анализ результативности продаж 15 менеджеров по продажам (см. таблицу).

Динамика объема продаж по месяцам отражает общую для всех менеджеров тенденцию: у каждого в декабре объем продаж существенно выше, чем в январе и феврале, минимальный объем продаж – в январе. Это говорит о «нормальности» – релевантности условий и результатов деятельности менеджеров по продажам в соответствующих условиях.

Рассмотрим показатели психологических качеств респондентов в соответствии с уровнем их профессиональной успешности – объемами продаж. Анализ данных (см. таблицу) показал, что наиболее успешны менеджеры по продажам – менеджеры, чьи порядковые номера 12, 1, 2. Показатели их общей интернальности (по методике УСК), соответственно, 29, 28, 28, что является наиболее высокими баллами по данной выборке. Показатели интернальности в области достижений и в области производственных отношений также являются высокими по группе.

Анализ эффективности уровня продаж за временной промежуток 3 месяца

Объем продаж						**Показатели интернальности**	**Показатели коммуникат. компет-ти**	**Мотивация по Эллерсу**
№ п/п	Менеджер по продажам	Декабрь	Январь	Февраль	Итого за 3 месяца	(Ио)	(КК)	(ДУ/ИН)
1	В. Х.	**3 900 000**	**1 200 000**	**1 700 000**	**6 800 000**	**28**	**8,4**	**ДУ**
2	И. С.	**5 040 000**	**1 800 000**	**2 050 000**	**8 890 000**	**28**	**8,5**	**ДУ**
3	А. П.	3 600 000	1 000 000	1 200 000	5 800 000	24	7,5	ИН
4	В. О.	3 100 000	900 000	1 000 000	5 000 000	23	6,5	ДУ
5	А. Д.	2 600 000	750 000	800 000	4 150 000	25	7,3	ИН
6	Д. Х.	3 500 000	1 400 000	1 500 000	6 400 000	27	7,5	ДУ
7	М. Т.	3 100 000	850 000	900 000	4 850 000	22	7,8	ДУ
8	Д. И.	2 000 000	700 000	700 000	3 400 000	21	6,9	ИН
9	А. Б.	3 800 000	1 000 000	1 300 000	6 100 000	26	5,7	ДУ
10	А. Ч.	2 600 000	700 000	850 000	4 150 000	27	7,9	ДУ
11	А. В.	3 000 000	850 000	900 000	4 750 000	28	7,8	ДУ
12	А. Ч.	**5 700 000**	**1 800 000**	**1 900 000**	**9 400 000**	**29**	**9,5**	**ДУ**
13	А. Б.	2 900 000	850 000	1 000 000	4 750 000	25	7,6	ИН
14	П. С.	3 400 000	1 300 000	1 500 000	6 200 000	26	8,3	ИН
15	А. М.	3 500 000	1 300 000	1 400 000	6 200 000	26	7,5	ДУ

Диагностика группы испытуемых по методике Эллерса [достижение успеха (ДУ), избегание неудачи (ИН)] показала преобладание мотивации достижения успеха по сравнению с мотивацией избегания неудачи у большинства менеджеров по продажам из числа испытуемых.

Результаты диагностики были проанализированы с помощью метода ранговой корреляции Спирмена, что дало возможность подтвердить неслучайность выявленных закономерностей. Корреляции между показателями интернальности и общим объемом продаж за

три месяца (столбец 6 таблицы), как и корреляция между объемом продаж и показателями коммуникативной компетентности, оказались значимыми. Наблюдение дало возможность заключить, что уровень коммуникативной компетентности достаточно высок у большинства менеджеров по продажам. Возможно, метод экспертных оценок и самооценки при диагностике коммуникативной компетентности можно сделать более чувствительным к особенностям данной коммуникации.

Полученные данные свидетельствуют о подтверждении гипотезы о действии трех психологических факторов успешности менеджеров по продажам: *интернальности, коммуникативной компетентности и мотивации на достижение успеха.*

Качество освоения психологического содержания деятельности, восхождение к вершинам профессионализма позволяют решать вопрос о выявлении личностно-психологических особенностей эффективных менеджеров по продажам и адаптации полученных данных в профессиональном контексте. Изучение данной темы актуально на данный момент для многих предприятий и организаций. Полученные в ходе исследования данные могут быть использованы в направлении профконсультирования, ассесмента, корпоративного обучения.

Литература

1. Абульханова-Славская, К.А. Деятельность и психология личности [Текст] / К.А. Абульханова-Славская. – М., 1980. – 278 с.

2. Белявский, Й.Г. Психология личности [Текст] / Й.Г. Белявский. – Ростов-на-Дону, 1975. – 414 с.

3. Васильев, И.А. Мотивация и контроль за действием [Текст] / И.А. Васильев, М.Ш. Магомед-Эминов. – М., 1991. – 268 с.

4. Калинин, К.А. Опыт использования методики Хекхаузена для исследования мотивации достижения: социально-психологические проблемы руководства и управления коллективами [Текст] / К.А. Калинин, А.С. Морозов. – М., 1974. – 44 с.

5. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности [Текст] / Под ред. Р.С. Никифорова. – СПб., 1991. – 412 с.

6. Синягина, Н.Ю. К определению структуры межотраслевых прогностических показателей успешности профессиональной карьеры [Текст] / Н.Ю. Синягина, Я.А. Чернышев // Мир психологии. – 2006. – № 3 (47). – С. 184-192.

7. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность [Текст] / Х. Хекхаузен. – М., 1986, Т. 1. – 474 с.

8. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность [Текст] / Х. Хекхаузен. – М., 1986, Т. 2. – 508 с.

9. Юдин, Э.Г. Системный подход и принцип деятельности [Текст] / Э.Г. Юдин. – М., 1978. – 372 с.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Чернявский А.А., аспирант, Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского (МГУ им. адм. Г.И. Невельского), Владивосток
tina_v@rambler.ru; jam_box@mail.ru

Научные интересы: психология труда; психология менеджмента; психология продаж

A. Chernyavskiy, post-graduate student, Maritime State University by name of G. Nevelskiy

Research interests: labor psychology, management psychology, sales psychology

УДК 449

Атсанавонг Саяна Григорьевна
Sayana Atsanavong

АНТРОПОНИМЫ В ЯЗЫКЕ СТАРОМОНГОЛЬСКОГО ПАМЯТНИКА «ЭРДЭНИЙН САН СУБАШИД»

LANGUAGE ANTHROPONOMY OF THE ANTIENT MONGOLIAN SCRIPT «THE TREASURY OF WISE SAYINGS»

Статья является попыткой исследования онимической лексики в языке памятника на старомонгольской письменности XIX в. «Эрдэнийн сан субашид». Рассмотренный материал позволяет заключить, что большая часть антропонимов в сочинении санскритского происхождения. Это связано с тем, что данный памятник зародился под влиянием древнеиндийской литературы этого жанра

The article is a try in onimical language analysis of the ancient Mongolian document "The Treasury of Wise Sayings", written in the 19th century old- Mongolian script. In the result the author states that the most of the anthroponyms are of Sanskrit origin. It can be explained by the document's origin, influenced by the ancient Indian literature of this genre

Ключевые слова: *старописьменный монгольский язык*

Key words: *the old written Mongolian language*

Ксилограф памятника «Эрдэнийн сан субашид» находится на хранении в Бурятском фонде отдела памятников письменности под инвентарным номером № М III 1569. Сочинение представляет собой книгу среднего формата, состоит из 268 листов размером 50х9,6 см. Ксилограф отпечатан черной тушью на китайской желтой бумаге. На титульном листе – заглавие книги на старомонгольской письменности «Sayin nomlal-tu erdeni-yin sang subdašida-yin tayilburi sang-un egüden-i negegči čindamani-yin tülkigür-eče» (комментарии «Волшебный ключ» к «Сокровищнице мудрых речений драгоценных субхашит, открывающий дверь сокровищницы»). Текст напечатан на обеих сторонах листа, на каждой странице по 37 строк. Пагинация проводится как на старомонгольской письменности, так и тибетскими письменными знаками.

Колофон сочинения повествует об авторе перевода «…subdašida-yin tayilburi terigüten ba sudur šastir-nuγud-ača tegüjü medekü-dür kilber bolqu-yi erkilen öber-ün oyun-dur orγuγsan-u kireber γurban sedekikü-tü sumadi radn-a-bar bičibei», что в переводе звучит, как «…перевод сделан Сумади Радной, который при толковании некоторых субхашит, руководствуясь желанием упростить смысл излагаемого, внес сутры из разных шастр, уподобляя их своему пониманию» – (перевод наш). Сумади Радна – именно под этим санскритским именем фиксировал свои некоторые труды Р. Номтоев (1821-1907).

Точное время написания писатель не отметил, и его можно установить лишь косвен-

ным путем. Многие исследователи, описывая биографию Р. Номтоева, свидетельствуют о том, что с середины 1864 г. он ушел с должности ширетуя и с этого времени целиком посвятил себя филологической и литературной деятельности. Следовательно, можно утверждать, что Р. Номтоев написал сочинение после 1864 г.

Памятник «Эрдэнийн сан субашид» является крупным произведением и заключает в себе 457 афористических изречений. К некоторым из этих наставлений прилагаются комментарии (тайлбури). В них в художественной форме раскрываются этические воззрения буддизма, направленные на воспитание в мирянах высоких нравственных качеств.

В настоящей статье рассмотрен антропонимический материал, содержащийся в памятнике «Эрдэнийн сан субашид». В сочинении состав именника чрезвычайно широк, нами выявлено около 300 антропонимов. В тексте много внимания уделено буддийской религии. Упоминаются имена наиболее крупных исторических лиц, религиозных деятелей. Таковы имена Нагарджуны (*Naγajuna*), буддийского ученого, жившего в Индии в I в. н.э. Он считается первым распространителем махаяны. Его основные 6 трактатов по философии включены в Данчжур; Дхармакирти (*Dнarm-a Kirti bayši*) (около 580…650 или позднее) – индийского философа, логика и поэта, заложившего основы буддийской логики; Цонкапы (*boγda čuvaqfeba*) (1357-1419 гг.) – великого религиозного реформатора и основателя секты Гелугпа.

Упоминаются крупные тибетские ламы, которые сыграли важную роль в деле распространения буддизма. Их имена, как правило, являются тибетско-санскритскими по происхождению, по структуре – составными. Таковы имена Сакья-пандиты Гунга-Жалцана (*bivdidd γun γa-a rkial mjan*), автора «Субхашиты»; Дагба Жалцана (*Grayѕ ba rkial mjan blam-a*), дяди и духовного учителя Сакья пандиты;

В «Эрдэнийн сан субашид» освещается деятельность монгольских императоров: Хубилай Сэцэн хана (*Mongγul-un Qubilai čečen qaγan*) и монгольского хана Годана (*Govadan noyan*).

При изложении биографии Сакья-пандиты бурятский переписчик перечисляет образы его земных перерождений, т.к. настоятели больших монастырей считались инкарнациями предыдущих лам. Они также почитались и обожествлялись. Существует множество его инкарнаций: Манджушри Гирти (*Manjušriy Girti*); Абья Гара (*Abhia Gar-a*); Говас Хэлэмэршэ (*Govas Kelemürči*); Ваджра Шри (*Bajar šri*); Сондом Шогланг (*Sod nom šoγ lang*); Лубсан Дондуб (*Lo sang don dub*); Лубсан Шойжи Жалцан (*Bavčin erdeni lo bsan šoi ji jal čan*); Богдо Лобсан Балдан Еши Санбу (*Pavčin boγdo lubsan baldan eši sanbu*).

Наряду с реальными историческими лицами, в тексте наличествуют многочисленные антропонимы, которые характеризуют имена учеников Будды Шакьямуни. Сюда относятся такие имена, как Saributari – Шарипутра, прославленный своей мудростью ученик Будды Шакьямуни. Он записывал высказывания Будды в области философии и догматики. Abida (тиб. *Amitabqa*) – Амитабха, правитель рая Сукхавади, духовный сын Ади-Будды. Ananda (тиб. *kun ̋hgan ̋bo*) – Ананда, двоюродный брат царевича Гаутамы и его любимый ученик, который сопровождал его как слуга в течение 45 лет. После смерти Будды, со слов Ананды, был составлен свод поучений – Сутта-питака. Modčlivani – Маудгальяна, один из десяти ближайших учеников Будды, одаренный по преданию чудотворной силой. Raquli köbegün (букв. *окова*) – имя сына Будды Шакьямуни. В 15 лет Рахула вступил в общину и стал одним из 12 «старейшин» буддизма. Ubali – Убали воспроизвел по памяти предписания монашеской общины, данные Буддой при жизни, которые впоследствии составили раздел Винная буддийского канона. Katayan-a (тиб. *Gat ̋yana*, ст-монг. *Katayan-a*) – Катьяяна, один из десяти главных учеников Будды Шакьямуни.

Кроме того, в сочинении наличествует большое количество антропонимов, характеризующих имена богов и демонов буддийского пантеона. К ним относятся такие имена, как

Qormusta (от персид. *Ormuzd* соотв. тиб. *brgya ʼbyin*, санскр. *Indra*) – Индра, один из ведийских божеств, царь богов, их владыка, бог грозового дождя, бог-воитель. Позднее, Индра – небесный владыка – коррелят владыки земного. Его основные атрибуты – скипетр и колесница. Esru-a (от санскр. *isvara* соотв. тиб. *tshang ʼpa*) – Эсрун, это бог, создатель вселенной, Брахма. Vačirbani (тиб. *phyang ʼna ʼrdo ʼrje*) – Ваджрапани, гневное божество, наводящее ужас на всех врагов буддизма. Garudi (санскр. *Garuda*) – Гаруда, это получеловек-полуптица. Он является средством передвижения Вишну. Его изображают в различных формах. Образы Гаруды в монгольских текстах могут ассоциироваться со змеями. Maqašuvari (тиб. *dban ʼphug ʼchen ʼpo*, ст-монг. *maqašuvar*i) – Махешвара, божество шестого мира чувственных ощущений. Erlig qaγan – царь демонов, обитающий в аду. Višvu tngri (тиб. *rnam'thos'kyi'bu*) – Вайшравана, бог богатства и страж нижнего божественного мира. Raqu – в индуистской мифологии божество, способное поглотить солнце.

Автор бурятской версии «Субхашиты» одновременно приводит личные имена в монгольской форме, а также в тибетской транскрипции. Во многих случаях одно и то же название встречается в разных вариантах написания, что затрудняет правильное чтение: Saqruvalma qatun ‘Сахрувалма ханша’ (32 a, 9 гл.), Safruvalan qatun ‘Сафрувалан ханша’ (32 b, 9 гл.), Saqruvlam-a qatun ‘Сахрувлама ханша’ (49 a, 9 гл.).

Этимология многих личных имен в тексте неясна, поэтому возникают трудности в их переводе: *Bhimasin-a* ‘Бхимасина’, *Narabadi* ‘Нарабади’, *Lišiber* ‘Лишибэр’, *Batala* ‘Батала’, *Darma bala* qaγan ‘Дарма Бала хан’; *Mandula neretü kömün* ‘человек по имени Мандула’, *Bišege* ‘Бишига’, *Hodja Deva neretü nigen qaγan* ‘один хан по имени Ходза Дэва’.

Антропонимы в сочинении преимущественно двухкомпонентные. Реже личные имена состоят из трех и более слов. Отличаются в произведении многокомпонентностью имена, обозначающие богов буддийского пантеона: Ilaju tegüs nögčigsen burqan baγši (досл. *превосходя совершено прошедший*) – эпитет Будды Шакьямуни; suduluγsan erdem-ten-ü manglai maq-a γasib tngri (досл. *глава совершенных ученых Маха Гашиб небожитель*) и т.д.

Некоторые антропонимы поддаются этимологическому анализу, часто бывают мотивированы, носят описательный характер, т.е. представляют собой имена-характеристики. В образовании таких антропонимов в тексте, в основном, принимают участие суффиксы -tü//-tu: *Mayu jisu-tu* ‘Не привлекательный’; *Yeke šike-tü* ‘Большеухий’, *Mayu dayu-tu* ‘Издающий некрасивые звуки’; *Buyan-tu qan köbegün* ‘ханский сын по имени Добродетельный’; *Nigül-tü qan köbegün* ‘Грешный ханский сын’; *Jangγi-duγsan γejege-tü* ‘Завязанные косички’; *Bayilduγan-dur batu* ‘Крепкий в сражениях’; *Eriyen kül-tü* ‘Пестроногий ’; *Altan üngge-tü* ‘Золотистый цветом’; *Gou-a üjesküleng-tü Udumbara ükin* ‘прекрасная девушка Удумбра’.

Имена могут указывать на род деятельности человека: *Civaγa otuči* (досл. Чивага лекарь); *Sindi Biγradi tüšimel* (досл. Синди Бигради – сановник); *Samadi Raγča qaγan* (букв. Самади Рагча – хан); *Rudo neretü jiγasučin* (букв. Рудо – рыбак); *Grišun ba Quvandi neretü qatud* (букв. Гришун и Хуванди – ханши); *Qan ijaγur-tu qatun* (букв. женщина ханского происхождения); *Biraman ijaγur-tu qatun* (букв. Ханша из рода брахман); *jaruča Qara кеїкеп* (букв. Служанка – Смуглая девушка); *Leuduju biraman* (букв. Лэудуза – брамин); *Maq-a jandar-a tüšimel* (букв. Маха Зандара – чиновник); *Graγs ba rkial mjan blam-a* (букв. Дагба Жалцан – лама); *Maqašuvari baγsi* (букв. Махешвари – учитель); *Govadan noyan* (букв. Говадан – начальник); *Soγsrad neretü biraman* (букв. Шогсрад – брамин); *Qabara neretü qulγayiči* (богатый вор – Хабара).

Личные имена в сочинении обычно сопровождаются определениями-характеристиками: *Sayin Mayata* ‘Хорошая Магата’; *Yeke Em tüšimel* ‘Большое лекарство – сановник’; *Masi gegen qaγan* ‘[Очень] просвещенный хан’; *Alal-*

daqui-a berke qaγan ‘Хан, способный убить’; *Egüsegegči qaγan* ‘Хан-зачинатель’; *Türü-yi bötügegči qaγan* ‘Хан-предводитель’.

Многие герои не имеют собственного имени и названы: *ükerčin* ‘пастух коров’, *qar-a keüken jarusa* ‘букв. *смуглая рабыня*’, *arki qudalduγči ekner* ‘торговка спиртным’, *jalaγu* ‘молодой’, *gergen* ‘женщина’, *bey-e qudalduγči ekner* ‘женщина, торгующая своим телом’, *γuyilinči* ‘попрошайка’, *idegen kigči kömün* ‘повар’, *kersegü* ‘шустрый’, *teneg* ‘глупец’, *maγu daγutu* ‘не благозвучный’, *arakis qudalduγči* ‘торговка арахисами’.

В тексте обнаружены многочисленные зоонимы: *Gegen yabudal-tu neretü toti* ‘попугай по имени путь осветляющий’, *Buliraγa neretü menekei* ‘черепаха по имени Булирага’, *Jiγasun aγula neretü jaγan* ‘слон по имени рыбная гора’, *Sayin tegülder neretü em-e jaγan* ‘слониха по имени исключительно хорошая’.

Рассмотренный материал свидетельствует о том, что большая часть онимической лексики в сочинении санскритского происхождения. Очевидно, это связано с тем, что тибетская дидактическая литература зародилась под влиянием древнеиндийской литературы этого жанра.

Многие исследователи «Субхашиты», такие, как Л. Лигети, С.К. Потхак, В.А. Штейн, Ц. Дамдинсурен, а вслед за ними и современные ученые (Р.С. Дылыкова, Т. Маланова, Н.Д. Болсохоева) неоднократно отмечали сходство этого произведения с дидактическими сочинениями индийского народа.

Литература

1. Абаева, Л.Л. Буддизм [Текст]: Словарь / Л.Л. Абаева; под ред. Н.Л. Жуковской и др. – М.: Республика, 1992. – 287 с.

2. Балсунаев, Ц.О. Язык памятника «Улигер-ун далай» [Текст]: дис. …канд. филол. наук / Ц.О. Балсунаев. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. – 178 с.

3. Царева, Г.И. Символы буддизма, индуизма, тантризма [Текст] / Г.И. Царева. – Москва: АДЕ «Золотой век», 1999.

4. Цыренов, Б.Д. Язык бурятских народных сказок [Текст] / Б.Д. Цыренов. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2007. – С. 114.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Атсанавонг С.Г., аспирантка, ассистентка кафедры монголоведения, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)
Тел. раб. 35-28-22

S. Atsanavong, post-graduate student, assistance lecture, department of Mongolian Studies, Transbaikal State Humanitarian Pedagogical University by the name of N. Chernishevskiy

Научные интересы: исследование языка старописьменных монгольских памятников

Research interests: Mongolian old-written scripts research

УДК 81

Бринев Константин Иванович
Konstantin Brinev

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ОТРАСЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

THE LEGAL LINGUISTIC EXPERTISE AS A FIELD OF MODERN APPLIED LINGUISTICS

Статья посвящена обсуждению проблем, связанных с местом судебной лингвистической экспертизы в структуре современной лингвистики. В работе рассматривается соотношение прикладного и теоретического, а также собственно лингвистического и юридического аспектов, организующих структуру лингвистической экспертологии

The place of linguistic expertise in the structure of modern linguistics is observed in the article. The balance between applied and theoretical, as well as linguistic and legal aspects, which comprise the linguistic expertology structure, is examined by the author

Ключевые слова: *теоретическая лингвистика, юридическая лингвистика, судебная лингвистическая экспертиза*

Key words: *theoretical linguistics, legal linguistics, legal linguistic expertise*

Судебная лингвистическая экспертиза – молодая отрасль прикладного языкознания. Этот факт обусловливает наличие стихийных тенденций ее формирования. Роль стихийных факторов в развитии науки трудно переоценить, но при этом необходимы и исследования, целью которых является критическое обсуждение проблем статуса новой дисциплины и ее места в структуре интралингвистического и интерлингвистического знания и деятельности. Настоящая статья посвящена двум вопросам: первый из них связан с обсуждением статуса лингвистической экспертологии как прикладной отрасли современной лингвистики, второй – с выяснением взаимосвязи и взаимодействия собственно лингвистического и юридического уровней в лингвистической экспертологии.

Место лингвистической экспертологии в структуре лингвистического знания.

Юридическая лингвистика – отрасль прикладной лингвистики, предметом изучения которой является область пересечения языка и права. Юридическая лингвистика как отрасль организуется тремя видами отношения между языком и правом. Впервые эти виды отношений были представлены Н.Д. Голевым в работе «Юридический аспект языка в лингвистическом освещении» [Голев, 1999].

Н.Д. Голев выделяет такие типы отношений: язык выступает как объект правового регулирования; язык выступает как средство, при помощи которого осуществляется регулирование; язык является предметом исследования, когда, например, в судебном заседании исследуется спорный текст.

Последнее отношение и организует лингвистическую экспертологию – один из разделов юридической лингвистики. Безусловно, названное деление может быть принято, но, по нашему мнению, требуется уточнение: в отрасли, которую мы называем «лингвистическая экспертология», речевое произведение, скорее, выступает в качестве «следа», отражающего юридически значимую информацию. С этой точки зрения лингвистическая экспертиза не противопоставлена другим видам экспертиз, предметами которых являются определенные типы следов – материальных объектов, способных отражать различного рода информацию [Белкин, 1997; Зинин, 2002; Россинская, 2008; Галяшина, 2003].

В работе Е.И. Галяшиной [Галяшина, 2003] лингвистическая экспертиза отнесена к другой лингвистической дисциплине, которая называется «судебное речеведение». В названной работе осуществлена попытка выделить новую отрасль лингвистического знания «судебное речеведение» на основе противопоставления теоретического и прикладного аспектов лингвистической науки. Круг проблем, который имеет отношение, например, к лингвистической и автороведческой экспертизам, носит прикладной характер, но обстоятельство, что факты, выявленные в прикладных исследованиях, не входят в ядро теоретической лингвистики, скорее, говорит о качестве лингвистических теорий, нежели о том, что они (факты) являются «только прикладными».

При очевидной неоднородности прикладной и теоретической отраслей знания они необходимо связаны между собой. Так, по нашему мнению, теоретическая наука не может игнорировать ни одного интересного факта, выявленного в результате прикладных исследований, а тем более факта, который не имеет объяснения в рамках принятой лингвистической теории либо противоречит таковой. К сожалению, такие факты, как порождение речи в патологических состояниях (включая, например, состояние алкогольного опьянения), мера эффективности автороведческих методик, по-видимому, не представляют никакого интереса для теоретической лингвистики. Однако мы считаем, что нет необходимости в таком положении дел. Если в сферу интересов лингвистической теории будут регулярно включаться такие факты, то она, вероятно, в конце концов может стать областью специальных познаний, которая способна являться инструментом для прикладных решений. Поэтому мы считаем, что концепция судебного речеведения не может быть принята: лингвистическая теория не достигла еще того уровня, чтобы в ней складывались такие же отношения между прикладным и теоретическим знанием, которые свойственны, например, физике. Лингвистическая теория, как правило, построенная на эссенциалистских основаниях и субъективной теории истины, почти всегда оказывается неприменимой к описанию реального положения дел, что не свидетельствует в ее (теории) пользу. Ситуация «осложняется» тем, что такое положение всегда может быть объяснено через ad hoc принцип: оно, например, может считаться свидетельством в пользу того факта, что теория всегда относительно независима от практики. Таким образом, в теоретической и прикладной лингвистике складывается парадоксальная ситуация, которую можно определить следующим образом: теоретическая и прикладная лингвистика занимаются разными проблемами. «Хорошая» теория, по нашему мнению, должна быть способна описать и объяснить все факты, которые возникают в прикладных областях, и весьма интересен вопрос о том, какое количество фактов, которые не рассматриваются классической лингвистической теорией, но известны из прикладных исследований, может быть объяснено при помощи этой классической теории, а какое – нет.

Возвращаясь к обсуждению концепции судебного речеведения, отметим, что данная концепция может быть принята только в том смысле, что в каком-то отношении не является важным, как называть отрасль знания, и в данном случае мы имеем конкуренцию номинативных моделей, а не проблему фактическо-

го характера. Так, со словесной точки зрения, конкурируют две номинативные модели, первая из них связана с номинацией, организованной по типу «судебная психиатрия», «судебная медицина», вторая – по типу «юридическая психология». По нашему мнению, номинация «юридическая лингвистика» (сокращенно – «юрислингвистика») все-таки более приемлема. Юридическая лингвистика, как мы уже отмечали, – отрасль лингвистики, предметом исследования которой является область пересечения языка и права, а судебная лингвистическая экспертиза является одной из подотраслей этой дисциплины, в этом плане современные исследования в области языка и права более похожи на исследования по юридической психологии, нежели по судебной медицине. Так, в сферу интересов юридической психологии входят не только проблемы психологической экспертизы, но и проблемы, не выходящие непосредственным образом в экспертную практику, например, в ней могут описываться такие предметы, как психология жертвы, психология преступника, психология допроса, психология осмотра места преступления и мн. др. Таким же образом в сферу интересов юридической лингвистики входят не только проблемы, связанные с теоретическим и методическим обеспечением производства судебных лингвистических экспертиз, но и проблема юридического языка, прикладные разработки в области судебного красноречия, область, получившая название «юридическая лингвоконфликтогия». Таким образом, лингвистическая экспертиза является лишь составной частью выделившейся отрасли лингвистического знания. Вопрос о том, называть ли эту составную часть судебным речеведением, лингвистической экспертологией или судебной лингвистической экспертизой, не имеет принципиального значения.

Проблема разграничения лингвистического и юридического уровней в лингвистической экспертизе. В лингвистической экспертологии проблема разграничения «юридического» и «лингвистического» ставится и решается преимущественно как проблема терминологического характера. Ясно она может быть сформулирована, например, в следующем вопросе: «Что такое оскорбление с юридической и лингвистической точек зрения?».

Характер постановки вопроса обусловлен тем, что в теоретической лингвистике доминирует эссенциалистский подход к построению теорий. В центре теорий находятся концепты (=слова и термины), а не соответствующие или не соответствующие действительности высказывания. В результате того, что слова прилагаются к фрагментам действительности весьма неопределенным образом (в том числе в лингвистике и юриспруденции) и иногда несхожим образом в различных ситуациях, делается вывод об истине как понимании (интерпретации), отсюда истина полагается зависимой от того, как кто-то что-то понимает, и вследствие этого становится субъективной и релятивной.

Полагается, например, что в юриспруденции оскорбление – это умаление чести и достоинства, выраженное в неприличной форме, а в лингвистике признак наличия / отсутствия неприличной формы не является важным, отсюда выводится, что часть квалификаций речевых произведений как оскорблений в лингвистике будет ложной по отношению к квалификациям оскорбления в юриспруденции. Легко показать, что описанная ситуация не имеет отношения к принципу истины как соответствию фактам и не влечет с необходимостью принятие субъективной теории истины. Очевидно, что судья не решает (по крайней мере, не должен решать) проблему названий, для него не важно, как в лингвистике как науке называются определенные фрагменты реальности, а важны совокупности фактов, которые могут быть описаны в истинных или ложных утверждениях и оценены как запрещенные или разрешенные совокупности фактов.

Это может быть объяснено, например, языковыми свойствами правовых норм как определенных типов высказываний. Правовая норма относится по своему характеру к деон-

тическим высказываниям, высказываниям, которые что-то запрещают и к чему-то обязывают. В теории речевых актов эти высказывания относятся к классу экзерситивов (экзерситив – это «решение, касающееся того, что нечто должно быть, в противоположность суждению, что оно является таким-то: это защита того, как должно быть, в противоположность оценке, как есть на самом деле» [Остин, 1999; С. 128]. В описании Дж. Серля – это директивы или комиссивы [Серль, 1986]) [Остин, 1999; С. 125]. Основная их характеристика заключается в том, что они являются действиями. Тот факт, что человек говорит: «Я запрещаю..», является действием. Базовое логическое свойство этих высказываний заключается в том, что они не могут иметь истинностных значений, и в этом смысле они оценочны. Эти высказывания являются высказываниями о ценностях, а не о фактах, но они имеют и фактологический (=дескриптивный) компонент, который является объектом оценки, т.к. оцениваются всегда факты [Остин, 1999; С. 125]. Таким образом, все высказывания права можно охарактеризовать как высказывания, устанавливающие ценности, которые определяют наше поведение. В этом смысле они конвенциональны: мы «договариваемся» вести себя таким-то образом и не вести себя таким-то образом, этим исчерпывается функция этих высказываний.

Все юридические конструкции, такие, например, как «состав правонарушения» или «презумпция невиновности» являются ценностями. Так, например, приняв презумпцию невиновности, мы утверждаем следующую ценность: пусть лучше будут отпущены фактически виновные, чем осуждены фактически невиновные (напомним, что согласно Конституции РФ, неразрешимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого [ст. 49]). Предположим, что мы ввели презумпцию виновности. Тогда мы приняли решение о том, что будем наказывать тех, кто фактически виноват, хотя их вина не будет доказана, но при этом будут наказаны и невиновные. Но мы выбрали вести себя иначе, и предполагается, что несем ответственность за этот выбор: будучи судьями, мы, например, не должны осуждать тех, относительно которых существуют неразрешимые сомнения в вине или других обстоятельствах дела.

Поэтому мы согласны с А.Н. Барановым, который ставил под сомнение тот факт, что оскорбление является уголовным преступлением [Баранов, 2007; С. 550]. Действительно, вопрос о том, относить ли оскорбление к уголовным преступлениям, является нашим решением. Мы можем решить, что оскорбление – это гражданско-правовой деликт, и думаем, оскорбление без каких-либо трудностей не будет квалифицироваться как общественно опасное деяние, но будет квалифицироваться как то, что способно принести моральный вред и может «рассматриваться» только в гражданско-правовом порядке. Для такого решения, по нашему мнению, есть «сильные» метаязыковые показания. Думаем, что проблема оскорбления в массовом сознании трактуется как личное дело каждого, но не как дело государственной важности, проведение массовых опросов, на наш взгляд, могло бы достаточно убедительно подтвердить данное положение. В конце концов мы могли бы «вывести» оскорбление из состава правовых норм, принимая тем самым решение о том, что этот факт безразличен для права и что этот тип отношений должен регулироваться моралью и стихийно сложившимися нормами взаимодействия людей в обществе. И для такого решения возможно фактическое обоснование: большинство возникающих речевых конфликтов, в которых «фигурирует» оскорбление, именно так и регулируется. Думаем, что недалеко от истины утверждение о том, что в процентном отношении судебное решение дел по оскорблению невелико, и в каких-то социальных группах решать проблему оскорбления в судебном порядке попросту не престижно. Но мы также можем не менять ситуацию с оскорблением и продолжать осуществлять уголовное преследование лиц, относительно которых имеются основания полагать, что эти лица совершили преступление, называемое словом

«оскорбление». Таким образом, любое решение никогда не может быть сведено к фактическому положению дел, но всегда является результатом действий и системы ценностей того, кто принимает это решение.

Но, как мы уже отметили, оцениваются именно факты, таким образом, норма всегда формулируется по отношению к какой-то совокупности фактов. Так, действие, которое называется кражей, и заключается в том, что X взял у У-а Z так, что У не знал и не хотел, чтобы X брал Z, оценивается как запрещенное и наказывается соответствующим образом. Когда же У знает, что X берет у него Z, и У не хочет, чтобы X это делал, при этом не существенно, оказывал ли X воздействие на У-ка с целью пресечь действия У-ка, это называется словом «грабеж» и влечет более строгие санкции. Диспозиция нормы и описывает фактическое положение дел, которое приемлемо или неприемлемо, таким образом, норма и дескриптивна, т.е. в ней есть уровень описания тех фактов, которые являются предметом оценки.

Для установления этих фактов назначаются экспертизы, в том числе и лингвистическая. Закон определяет случаи назначения экспертизы, экспертиза назначается тогда, когда требуются специальные познания в области науки, искусства и ремесла (ст.ст. 195, 283 УПК, ст. 79 ГПК, ст. 82 АПК, ст. 26.4 КоАП). Так, экспертиза, с одной стороны, – процессуальное действие, предназначенное для установления фактов с целью разрешения дела по существу, с другой стороны, экспертиза является исследованием, которое позволяет или не позволяет установить эти факты. С первой стороны, экспертиза – вид деятельности, регулируемый процессуальными нормами, предметом регулирования которых являются общественные отношения, складывающиеся в сфере отправления правосудия. Со второй стороны, в экспертизе нет ничего юридического, в ней используются научные теории, которые описывают фрагменты реальности, изучение которых входит в предмет конкретной науки, т.е. в ней используются научные теории и специально созданные методики, направленные на решение конкретных исследовательских задач.

Таким образом, выделенные стороны экспертного исследования независимы друг от друга и требуют раздельного описания.

Литература

1. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие [Текст] / А.Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.

2. Белкин, Р.С. Курс криминалистики [Текст]. – Т. 2.– М., 1997. – С. 289-345.

3. Галяшина, Е.И. Основы судебного речеведения: монография [Текст] / Е.И. Галяшина. – М.: СТЭНСИ, 2003. – 236 с.

4. Голев, Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении Юрислингвистика: проблемы и перспективы: межвуз. сб. научных трудов [Текст] / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 7-38.

5. Зинин, А.М. Введение в судебную экспертизу [Текст] / А.М. Зинин, Г.Г. Омельянюк, А.В. Пахомов. – М., 2002.

6. Остин, Дж. Как совершать действия при помощи слов [Текст] / Дж. Остин // Избранное. – М., 1999.

7. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе [Текст] / Е.Р. Россинская. – М.: Норма, 2008. – 688 с.

8. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов [Текст] / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М., 1986.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Бринев К.И., канд. филол. наук, доцент, ГОУ ВПО «Алтайская государственная педагогическая академия» (Алт ГПА), Барнаул

K. Brinev, candidate of science (philology), associate lecturer, Altay State Pedagogical Academy

brinevk@yandex.ru

Научные интересы: теория языка, юридическая лингвистика, судебная лингвистическая экспертиза

Research interests: language theory, legal linguistics, legal linguistic expertise

УДК 801.3:802

Гизатова Гузель Казбековна
Guzel Gizatova

«ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА» В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

AN 'INTERPRITER FALSE FRIENDS' IN LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL UNITS OF RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES

Дается сопоставительный анализ «ложных друзей переводчика» в лексико-фразеологических средствах русского, английского и немецкого языков и трудности их перевода. Изучение этого языкового феномена представляет большое значение для предупреждения ошибок в переводческой практике при обучении иностранным языкам, в лексикографической практике, а также в сопоставительных и типологических исследованиях в области лексической и фразеологической семантики русского и германских языков

The article deals with the comparative analysis of lexical and phraseological units and of English and Russian languages and difficulties of their translation. The study of this linguistic phenomenon is of great importance for avoiding mistakes in the practice of translation, in teaching of foreign languages and in lexicography. It could also be of theoretical value in contrastive and typological, research in the field of lexical and phraseological semantics of the Russian and Germanic languages

Ключевые слова: *перевод, «ложные друзья переводчика», безэквивалентность лексики*

Key words: *translation, 'interpreter false friends', absence of word equivalents*

«Ложные друзья переводчика» представляют большой интерес как для теории языка, так и для лексикографической практики, т.к. их изучение помогает избежать многих ошибок в практике перевода.

С точки зрения предметно-логической отнесенности слова сопоставляемых языков могут находиться в отношениях эквивалентности либо безэквивалентности. Однако слова, полностью совпадающие как по форме, так и по значению, встречаются крайне редко. Трудно найти разноязычные слова, выражающие «одно и то же понятие и не отличающиеся друг от друга эмоционально-экспрессивной, стилевой или каким-нибудь другим видом константной знаменательной информации» [1]. Безэквивалентность лексики, как правило, имеет специфическую внешнюю форму, например, *самовар, балалайка, водка, виски, шнапс*. Эквивалентные слова, в свою очередь, в зависимости от соотношения их звуковой (или графической) стороны, а также их семантической характеристики, подразделяются на межъязыковые синонимы, омонимы и паронимы, которые представляют трудности для переводческой и лексикографической практики, а также для преподавания иностранных языков.

При переводе, а также в лексикографии

весьма типичным явлением предстает ложное отождествление слов в различных языках. Рассмотрим, к примеру, часто употребляемое в университетском лексиконе интернациональное слово *факультет*, имеющее схожую графическую форму во многих языках: англ. *faculty*; нем. *Fakultät*; фр. *faculté*; исп. *facultad*; нидер. *faculteit*; итал. *facolta;* латыш. *facultāte* и т.д. В русском языке известно только одно значение этого слова: «часть, отдел высшего учебного заведения, где преподается круг научных дисциплин по определенной специальности» [2]. Поэтому, разговаривая на английском языке, мы часто используем слово *faculty* в этом значении, хотя в реальности оно означает «профессорско-преподавательский состав университета (данного факультета в Великобритании, всего университета в США)» [3]. Вследствие этого порой нас не могут понять коллеги из США и Великобритании, когда мы, говоря, например, об агрономическом факультете университета, называем его *Agronomy Faculty*. Англичане или американцы в таких случаях обычно говорят *School of Agronomy* или *Agronomy College*.

При переводе такой лексики существует трудность, заключающаяся в том, что студент или переводчик, находясь под впечатлением знаковой графической формы слова, делает буквальный перевод и этим допускает неточности и ошибки. Между тем, слова, тождественные в двух языках, благодаря сходству в плане выражения, не полностью соответствуют или даже полностью не соответствуют друг другу по содержанию. Именно поэтому слова такого типа получили во французском языке название *faux amis du traducteur* – «ложных друзей переводчика». Возьмем, к примеру, лексический ряд со словом *центнер* (рус.) – *centner* (англ.) и *Zentner* (нем.). С первого взгляда налицо абсолютная эквивалентность во всех трех языках: «центнер» – мера веса, равная 100 кг. Однако, согласно немецко-русскому словарю, центнер у немцев составляет всего 50 кг. Указанный пример – явление межъязыковой омонимии, представляющее особую трудность для переводчиков и преподавателей иностранных языков.

Основной причиной возникновения «ложных друзей» являются различные исторические процессы, влияющие на изменение значений слов. Часть «ложных друзей» состоит из слов, принадлежащих к близкородственным языкам. Но их бóльшая часть представляет собой интернационализмы, которые прошли сложный путь заимствований за различные периоды истории языка, подвергаясь семантическим изменениям в двух и более языках, несмотря на их генетическое родство.

«Ложные друзья переводчика» довольно тщательно изучены в лексике, к примеру, библиография по этой проблеме насчитывает более 600 источников [4]. Несмотря на это, мало внимания в научной литературе уделялось фразеологическим «ложным друзьям». Здесь можно привести всего несколько источников по исследуемой проблеме: на материале русского и немецкого языков [5], немецкого и французского [6], немецкого и нидерландского языков [7]. Д.О. Добровольский и Е. Пиирайнен исследуют фразеологические «ложные друзья» на материале нескольких языков [8]. В лексикографии фундаментальным трудом является лексико-фразеологический словарь «ложных друзей переводчика» Ю. Долгополова [9]. За основу мы берем определение фразеологических «ложных друзей», данное Д.О. Добровольским и Е. Пиирайнен: «два или более выражения, которые пробуждают практически идентичные или очень схожие мысленные образы, но проявляют значительные различия в актуальном значении» [10].

Во фразеологии исследуемых языков мы выделяем внутриязыковые и межъязыковые «ложные друзья» (псевдоэквиваленты).

Как уже отмечалось, «ложные друзья» могут вступать в омонимичные и паронимичные отношения. Рассмотрим случаи внутриязыковых фразеологических омонимов и паронимов в русском, английском и немецком языках:

(1) *хоть бы одним глазом* ‘очень хочется, любопытно (взглянуть, посмотреть на кого-

либо, что-либо)';

(2) *хоть бы в одном глазу* 'независимо от количества выпитых спиртных напитков оставаться трезвым' [11].

Эти паронимичные ФЕ имеют одинаковый образ, однако они обладают структурно-морфологическими различиями вследствие употребления творительного падежа в (1) ФЕ и предложного во (2) ФЕ. Как мы видим, фразеологизмы отличаются падежными окончаниями, а также наличием предлога «в» во (2) примере. Это и меняет кардинально значение ФЕ.

В примерах (3) и (4) происходит расширение компонентного состава ФЕ:

(3) *вить веревки* 'полностью подчинив кого-либо своей воле, поступать с ним по своему желанию';

(4) *из песка веревки вить* 'получать прибыль, выгоду из чего-либо путем махинации и т.п.'

Примеры (5) и (6) совпадают по лексическим и морфолого-синтаксическим характеристикам, различаясь только одним лексическим компонентом СЕМЬ – СТО;

(5) *семь верст до небес и все лесом* 'очень много наобещать, наговорить';

(6) *сто верст до небес и все лесом* 'о дальней и трудной дороге'.

В приведенных примерах (1-6) налицо абсолютная паронимия, т.е. значения фразеологических пар полностью отличаются друг от друга. А вот в примерах (7) и (8) пред нами явление частичной паронимии:

(7) *во веки веков* 1. 'навсегда' 2. 'никогда';

(8) *на веки веков* 'навсегда'.

Фразеологизмы имеют одинаковую структуру и образность, отличаясь предлогами. ФЕ (7) имеет два значения, взаимно исключающих друг друга. Его первое значение 'навсегда' совпадает со значением ФЕ (8), второе же его значение – 'никогда' – имеет диаметрально противоположное значение. Тот факт, что фразеологизмы различаются только одним своим значением, а второе их значение совпадает, делает эти две единицы только частичными паронимами.

В английской фразеологии использование разных артиклей в некоторых случаях также может привести к смысловым различиям между двумя ФЕ. Так, ФЕ (9) и (10) полностью совпадают по образности и структуре, но отличаются артиклями. Между значениями двух ФЕ нет ничего общего:

(9) *skin a cat* "содрать шкуру с кошки" 'тратить мало денег, экономить';

(10) *skin the cat* "содрать шкуру с определенной кошки" 'совершать гимнастическое упражнение'

В примерах (11) и (12) наблюдаются различия морфологического характера; использование притяжательной формы существительного меняет значение ФЕ:

(11) *dog show* "показ собак" 'выставка собак';

(12) *dog's show* "собачий показ" 'практическое отсутствие шанса'.

ФЕ (13-18) полностью совпадают по образности и структуре за исключением одного компонента:

(13) *do one's money* "делать чьи-то деньги" 'тратить все деньги';

(14) *make one's money* "делать чьи-то деньги" 'хорошо зарабатывать'.

В приведенных примерах английские ФЕ различаются глаголами *do* и *make*. При переводе на русский язык эти глаголы в своем первом значении «делать» абсолютно совпадают. Несмотря на это, глаголы *do* и *make* в составе фразеологизмов, компонентами которых являются, практически теряют свое смыслообразующее значение, в результате чего ФЕ приобретают практически антонимические значения: «тратить все деньги» и «хорошо зарабатывать».

В приведенных далее примерах русскому слову «внутренности» соответствуют два английских слова: *guts* и *bowels*. Во ФЕ(15) и (16) различные семы, а образ – один. Смысл фразеологизмов различен:

(15) *have bowels* "иметь кишки" 'иметь сострадание, симпатию';

(16) *have guts* "иметь кишки" 'быть сме-

лым, порой наглым'.

Такая же картина наблюдается и в примерах (17) и (18):

(17) *old boot* "старый ботинок" 'выносливый человек';

(18) *old shoe* "старая туфля": 1. 'о чем-то, считающимся старомодным и ненужным'; 2. 'о чем-то удобном и знакомом'

В немецком языке замена глагола *stellen* на *setzen* полностью меняет значение ФЕ:

(19) *sich auf die Hinterbeine stellen* "встать на задние ноги" 'сопротивляться, не следовать за кем-либо' 'встать на дыбы';

(20) *sich auf die Hinterbeine setzen* "сесть на задние ноги" 'напрягаться, стараться'

Еще бóльшую трудность для переводчиков представляют фразеологические омонимы, т.к. они полностью совпадают по форме и в то же время абсолютно различаются в своих значениях:

(21 a) *гнуть спину* 'много, до изнеможения работать';

(21 b) *гнуть спину* 'унижаться, раболепствовать';

(22 a) англ. *bite the dust* "кусать пыль" 'быть убитым (в бою); умереть';

(22 b) англ. *bite the dust* "кусать пыль" 'быть униженным, терпеть поражение';

(23 a) нем. *j-m auf die Fersen treten* "наступать кому-то на пятки" 'неотступно следовать за кем-либо по пятам';

(23 b) *j-m auf die Fersen treten* "наступать кому-то на пятки" 'обидеть кого-либо, напортить, навредить кому-либо'.

Внешнее сходство наблюдается между ФЕ языков, как родственных, отдаленно родственных, так и неродственных. В данной статье рассматриваются проблемы, возникающие при описании «ложных друзей» русского, английского и немецкого языков. Возьмем, к примеру, сложный случай фразеологической *межъязыковой* паронимии, сочетающейся с внутриязыковой паронимией. Сравните русские ФЕ 24 (a, b, c), которые имеют лексико-морфологическое и синтаксическое (a, b) сходства, однако имеют абсолютные семантические различия:

(24 a) *протянуть руку* (к чему-либо, за чем-либо) 'попытаться присвоить чужое, покуситься на чужое добро';

(24 b) *протягивать руку* 'просить милостыню';

(24 c) *протягивать руку помощи* 'помогать, оказывать содействие'.

То же самое наблюдается в паре (24 d) и (24 e). Английские ФЕ различаются семантически при лексико-морфологическом сходстве. Перед нами две пары ФЕ, которые являются внутриязыковыми «ложными друзьями» внутри каждой из пар. Однако (24 c) семантически эквивалентна английской ФЕ (24 d), где мы выходим уже на межъязыковой уровень. Обе ФЕ имеют значение «помогать»:

(24 d) англ. *give someone a hand* "протягивать кому-нибудь руку" 'помогать';

(24 e) англ. *give someone one's hand* "протягивать кому-нибудь чью-либо руку" 'формально соглашаться с кем-либо';

Немецкая ФЕ (24 f) псевдоэквивалентна как русским (24 a – c), так и английским (24 d, e) ФЕ:

(24 f) нем. *j-m freie Hand geben* "протягивать кому-нибудь свободную руку" 'предоставить кому-нибудь свободу действий, развязать руки'.

Таким образом, ФЕ 24 (a - f) являются межъязыковыми «ложными друзьями» по отношению друг к другу, что следует учитывать при переводах для того, чтобы избежать путаницу в употреблении ФЕ.

Сложные межъязыковые отношения складываются и в следующем случае частичной фразеологической омонимии:

(25 a) *за спиной* 1. 'скрытно' 2. 'на иждивении' 3. 'в прошлом';

(25 b) англ. *behind somebody's back* "за чьей-то спиной" 'тайком, за глаза';

(25 c) нем. *hinter dem Rücken* "за спиной" 1.'тайно' 2. 'на иждивении'.

Приведенные ФЕ являются эквивалентными на основании семантического соответствия в своих первых значениях: «скрытно, тайно» (в случае (25 b) – это единственное значе-

ние единицы). Во вторых своих значениях: «на иждивении», русская и немецкая ФЕ являются эквивалентными, однако они обе являются псевдоэквивалентными по отношению к английской ФЕ (25 b). А третье значение ФЕ (25 a): «в прошлом», является псевдоэквивалентом по отношению как к (25 b), так и к (25 c).

Приведем еще несколько интересных примеров из нашего эмпирического материала:

(26 a) *загонять в угол* ‘ставить кого-либо в тяжелое или безвыходное положение’;

(26 b) англ. *drive somebody into a corner* “загонять кого-либо в угол” ‘силой ставить кого-либо в безвыходное положение, вызывая этим необходимость действовать определенным образом’;

(26 c) нем. *jmdn um die Ecke bringen* “вгонять кого-либо в угол” ‘убирать кого-либо с дороги, убивать’;

(27 a) *биться об стенку* ‘делать все возможное, отстаивать интересы’;

(27 b) англ. *beat one’s head against a brick wall* “биться головой об кирпичную стену” ‘лезть на рожон’;

(27 c) нем. *mit dem Kopf gegen die Wand rennen* “биться об стену головой” ‘лезть на рожон’;

(28 a) *бросать камешек в огород* ‘сделать небезобидный намек в чей-либо адрес’;

(28 b) нем. *jmdm einen Stein in der Garten werfen* “бросать камень в чей-либо огород” ‘причинять кому-либо ущерб’.

Если в указанных выше примерах (24-28) имеют место семантические различия между фразеологическими «ложными друзьями», то в случае (29) налицо не просто различия, а – диаметрально противоположные значения ФЕ русского и немецкого языков:

(29 a) *у кого-л. каша в голове* ‘кто-л. путано мыслит, у кого-л. нет ясности в понимании, в осознании чего-л.’;

(29 b) *jmd. hat Grütze im Kopf* “иметь кашу в голове” ‘быть умным, смышленым, иметь смекалку’.

В результате исследования выделены внутриязыковые и межъязыковые «ложные друзья переводчика» русского, английского и немецкого языков, выявлены некоторые омонимичные и паронимичные соответствия, которые, в свою очередь, могут быть полными и частичными.

Анализ этих явлений в исследуемых языках может иметь практическое применение для предупреждения ошибок при переводе и лексикографической практике, а также при изучении иностранных языков.

Результаты исследований способствуют расширению знаний о функционировании образных связей, используемых носителями различных языков, а также дают возможность проанализировать пути осмысления окружающей действительности средствами единиц языка.

Эмпирический материал исследования может стать основой для научных разработок в сопоставительных, типологических и сравнительно-исторических изысканиях в области лексической и фразеологической семантики русского и германских языков. Материалы исследования могут помочь при создании межъязыковых словарей по лексико-фразеологической синонимии, паронимии и омонимии.

Литература

1. Виноградов, В.С. Лексические вопросы перевода русской прозы [Текст] / В.С. Виноградов. – М., 1978. – С. 56.

2. Словарь иностранных слов. – М., 1985. – С. 736.

3. Новый большой англо-русский словарь [Текст] / Под общим руководством Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна. – М., 1993. – С. 728.

4. Библиография в основном односложных «ложных друзей» представлена на www.uni-bonn.de/-dbuncic/ffbib_un.htm.

5. Райхштейн, А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии [Текст] / А.Д. Райхштейн. – М.,1980.

6. S. Ettinger. Phraseologische faux amis des Sprachenpaares Französisch – Deutsch. Europhras 92. Tendenzen der Phraseologieforschung. Hg. Barbara Sandig. Bochum: Brockmeyer, 1994. – S. 109-

136.

7. E. Piirainen. Falsche Freunde in der Phraseologie des Sprachenpaares Deutsch – Niederländisch. Phraseologie und Übersetzen. – Bielefeld: Aisthesis, 1999. – S. 187-206.

8. D. Dobrovol'skij, E.Piirainen. Figurative language: cross-cultural and cross-linguistic perspectives. – Amsterdam: Elsevier, 2005.

9. Y. Dolgopolov. A collection of confusable phrases: 'false friends' and 'enemies' in idioms and collocations. – Coral Springs, FL: Llumina Press, 2004.

10. D. Dobrovol'skij, E.Piirainen. Figurative language: cross-cultural and cross-linguistic perspectives. – Amsterdam: Elsevier, 2005. – P. 109.

11. В толковании русских, английских и немецких ФЕ были использованы словари [13], [10].

12. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Текст] / А.И. Федоров. 3-е изд., испр. – М.: АСТ Астрель, 2008. – 878 с.

13. Бинович, Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь [Текст] / Л.Э. Бинович. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1956. – 904 с.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Гизатова Г.К., канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков, Казанский государственный аграрный университет (Казанский ГАУ)
Тел. +7 (843) 236-6471

G. Gizatova, candidate of science (philology), associate lecture, head of department of Foreign Languages, Kazan State Agrarian University

Научные интересы: сопоставительный анализ фразеологии германских, славянских, тюркских языков, фразеология в контексте культуры, национальная специфика во фразеологии в сопоставительном аспекте

Research interests: comparative analysis of German, Slavic, Turkic languages' phraseology, phraseology in the context of culture, national specifics of phraseology in a comparative aspect

УДК 82.03

Гуревич Любовь Степановна
Lyubov Gurevich

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В АНАЛИЗЕ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

COGNITIVE METHOD IN ANALYSIS OF PERFORMATIVE VERBS

Статья посвящена проблеме перформативности, которая рассматривается в новом ракурсе когнитивных исследований. Автор указывает на неточности и противоречия данной концепции и предлагает новый способ анализа перформативных глаголов, который позволяет более точно отразить содержательные и функциональные характеристики данных глаголов

This article considers the problem of performative Verbs in the key terms of cognitive linguistics. The author indicates some inaccuracy and contradictions in this concept and suggests a new method of analysis of these Verbs, which makes it possible to reflect their substantial and functional characteristics

***Ключевые слова**: перформативные глаголы, когнитивный подход, речевой акт, когнитивная структура глагола, сложноструктурированные глаголы*

***Key words:** performative Verbs, cognitive method, speech act, cognitive structure of Verb, complex structured Verbs*

Термин «перформативность», введенный в употребление Дж. Л. Остином [5], уже изначально трактовался неоднозначно в описаниях трех различных видов актов речевого воздействия (локуции, иллокуции и перлокуции) и существенным образом отличался в каждом конкретном случае по соотносимому с данным термином понятию. В связи с этим возникали предположения о необходимости пересмотра толкования перформативности в рамках когнитивного подхода [3; С. 426].

Само по себе определение перформативности как «действия, осуществляемого посредством высказывания», звучит не совсем корректно и понимается весьма условно, т.к. в момент произнесения какой-либо фразы (какой бы она ни была по содержанию!) никакого иного физического действия одновременно не осуществляется (Ср. *обратиться* – «*направиться* к кому-либо и *попросить* что-либо» – два различных действия объединены одним глагольным знаком). Тем не менее, отнести перформативные глаголы к «чистым» глаголам речи мы не можем, т.к. они, помимо того, что обозначают речевой акт, содержат в своей семантике некоторое существенное дополнение, которое не позволяет поставить знак равенства между этими двумя группами глаголов. Отождествление перформативности с «автореферентным употреблением глаголов речи» (См.: [3; С. 424]) не совсем корректно хотя бы по той причине, что далеко не все глаголы речи в автореферентном употреблении являются перформативными (например, глаголы *говорить, отвечать, рассказывать* и др.).

Как справедливо замечает Я.Н. Еремеев, любой участник коммуникации в качестве ад-

ресата, независимо от того, в каких социально-иерархических отношениях он состоит с адресантом, обладает свободной волей. «Вопрос – выполнять или не выполнять желание говорящего, заключенное им в директивное высказывание, – в каждом конкретном случае решает адресат. Даже самый категоричный по форме приказ есть только призыв к адресату, и утверждать *a priori* его 100 %-ную эффективность может только весьма самонадеянный субъект» [2; С. 111]. Отсюда закономерно возникает ряд вопросов: «Правомерно ли утверждать, что перформативные глаголы обозначают «действия, осуществляемые посредством высказывания»? Если нет, почему же тогда перформативы обладают большой силой воздействия на адресата и заставляют его действовать?»

Воздействие слова на психическое состояние человека огромно. Недаром в народе говорят: «Слово ранит, слово лечит». Однако не все слова обладают одинаковой иллокутивной силой. Более того, нельзя рассматривать силу воздействия слова в отрыве от ситуации общения и конкретных преставителей акта коммуникации в совокупности с их персональными социо-психофизиологическими характеристиками, а также многих других факторов, влияющих на течение процесса коммуникации. В большинстве сообществ, построенных на принципах демократических начал, произнесенные слова, значения которых можно рассматривать как приказ, просьбу, оскорбление и т.д., трактуются как волюнтаристское вторжение в микрокосм адресата, нарушение его *privacy,* посягательство на его собственное право выбора или чувство собственного достоинства, на право принятия решения в конкретной ситуации, вне зависимости от того, имеет ли это вторжение позитивные или же негативные последствия для адресата. Определяющими в перлокутивном эффекте речения, содержащего перформативные глаголы, является не столько собственно содержание фразы, сколько социальные конвенции, соотнесение которых с содержанием фразы вызывает у слушающего определенный перлокутивный эффект. Без осознания слушающим, например, инвективной фразы в свой адрес как оскорбления соответствующий оскорблению перлокутивный эффект у слушающего невозможен. Будет ли тогда оскорбительное речение обладать должной иллокутивной силой, если оно не достигло должного перлокутивного эффекта? Скорее всего, нет. Из сказанного следует, что приравнивание произнесения слова к социальным актам, без учета социально-институциональных конвенций и других экстралингвистических условий процесса коммуникации, по меньшей мере, неправомерно.

Сомнительно звучит предположение и о том, что перформативные высказывания типа «Ответственным назначаю Иванова» «не просто воздействуют на ментальное состояние слушающих, но меняют состояние мира: Иванов наделяется некоторыми правами и обязанностями…» [3; С. 424]. Интерпретация данного примера зависит не столько от самого перформативного глагола, сколько от ситуации, в которой прозвучала данная фраза. Стоит предположить, что говорящий не имеет никаких полномочий для назначения Иванова, и постулат об изменении состояния мира посредством высказывания уже не производит впечатления истинного суждения.

Для разрешения такой двусмысленной ситуации Дж. Остин выделяет «эффективные» и «неэффективные» перформативы, которые соотносятся с понятием «условия успешности /неуспешности» коммуникации, тем самым, объясняя, почему в одном случае состояние мира меняется, а в другом – нет. Он также утверждает, что перформатив опирается на систему норм и социальных конвенций, в связи с чем перформатив имеет нормативные для данного социума последствия. И в том, и в другом случаях анализ семантики перформативного глагола выходит далеко за пределы чисто лингвистического знания, можно даже сказать, подменяется анализом экстралингвистической ситуации.

Анализ значений лексических единиц,

привязанных к анализу конвенциональности, орудийности, целенаправленности и др., не раз подвергался жесткой критике со стороны представителей остенсивной теории, которые указывали на то, что в данном подходе к изучению ментальных процессов и операций необоснованно смещен акцент с опыта и ощущений на технику, условия и регламентированность.

Обратимся к когнитивному подходу в рассмотрении такой сложной и запутанной теории, как теория перформативности, которая пока не способна разрешить существующих теоретических противоречий. К таким противоречиям, в частности, относятся:

а) противопоставление разных поведенческих результатов речевых актов, количество которых настолько велико, что не поддается даже весьма приблизительной классификации;

б) невозможность объяснения семантических запретов на ряд перформативных глаголов;

в) противостояние некоторых перформативных глаголов собственным формам совершенного /несовершенного видов, настоящего и прошедшего времени, в которых наблюдается потеря первоначальной иллокуции и т.п.

На наш взгляд, понятие перформативности органично вписывается в теорию сложной структурации, которая способна дать ответ на многие на первый взгляд неразрешимые и сложные вопросы.

Явление сложной структурации присуще как собственно миру, в котором мы живем, так и языку, в котором это сложное мироустройство отражается. Мелкие элементарные частицы, объединяясь, образуют более крупные, которые, в зависимости от количества, качества и комбинаций, их составляющих, демонстрируют определенные, неповторимые свойства. То же можно сказать и о языке. Уровневая структура языкового значения (от конкретного значения к абстрактному) подтверждает сложноструктурированность семантики многих языковых единиц, способных номинировать объемные классы предметов, их качеств и явлений действительности. Одна лексическая единица может аккумулировать в своем значении несколько простых или одно достаточно сложное по структуре понятие, иногда номинируя даже целую ситуацию с действующими лицами – Агенсом и Пациенсом – Инструментивом, Локативом и др. Чаще всего ситуацию или сложное действие номинируют сложноструктурированные глаголы.

Несмотря на то, что по формальному признаку, выделенному Ю.Г. Панкрацем (наличие союза *и* в дефиниции) [6], перформативные глаголы не подходят под описание сложноструктурированных глаголов, по нашему определению, именно таковыми они и являются, т.к. аккумулируют в своей семантике значения двух и более разноплановых глаголов, обозначающих действия, не связанные между собой строгой последовательностью выполнения, темпоральным единством и восприятием действий как единого целого, нечленимого процесса.

С точки зрения когнитивной структуры глагол *говорить (*или сов. вид – *сказать)* уже сам по себе является сложным, т.к. обозначает как минимум два последовательных процесса: «сформировать мысль» и «произнести ее вслух». Мы не берем во внимание бессознательные ситуации говорения: в бреду, когда мысль формируется неосознанно; на уровне подсознания, когда человек не участвует активно в ее формировании, и, следовательно, это действие относится к разряду неконтролируемых действий, т.е. к другой категории. К тому же процесс неконтролируемого говорения соотносится с другой глагольной единицей: *бредить*. Хотя и в последнем случае действие, обозначаемое глаголом *бредить,* также является когнитивно сложным.

Глагол *говорить* относится к базовому уровню языковой иерархии глаголов речи, являясь гиперонимом для ряда перформативных глаголов с более конкретным значением, таких, как *советовать, благодарить, предлагать, запрещать, назначать* и др. И конкретность значения данных глаголов достигается

за счет конкретной классификации сформированной и произнесенной вслух мысли. Если представить когнитивную структуру данных перформативных глаголов, то эти различия отчетливо видны при анализе более простых, составляющих это сложное единство действий, которые мы условно назвали процедурами (см. [1]).

Когнитивная структура перформативных глаголов объединяет как минимум две ситуации: ситуацию формирования мысли и ситуацию говорения. Так как по определению перформативными могут считаться только автореферентные высказывания, т.е. глаголы, употребленные в 1 лице единственного числа, в настоящем времени, изъявительном наклонении, рассмотрим их когнитивную структуру в этой форме (см. таблицу):

Когнитивные структуры перформативных глаголов

<table>
<tr><th colspan="2">Ситуация формирования мысли</th><th>Ситуация говорения</th></tr>
<tr><td colspan="3">Советую</td></tr>
<tr><td colspan="2">1) обдумал ситуацию адресата;
2) нашел способ решения данной проблемы
3) считаю, что это самый верный способ решения проблемы</td><td>1) говорю</td></tr>
<tr><td colspan="3">Благодарю</td></tr>
<tr><td colspan="2">1) чувствую признательность за оказанное добро, внимание, услугу; или не чувствую, но считаю, что необходимо выразить признательность</td><td>1) говорю</td></tr>
<tr><td colspan="3">Предлагаю</td></tr>
<tr><td colspan="2">1) имею идею по поводу решения определенной проблемы</td><td>2) говорю</td></tr>
<tr><td colspan="3">Запрещаю</td></tr>
<tr><td>Ситуация формирования мнения
1) признал что-либо вредным, ненужным, не допустимым;
2) считаю, что адресату не следует этого делать</td><td>Дополнительная ситуация
(пресуппозиция или априорные требования к действию)
1) имею власть над адресатом или полномочия</td><td>Ситуация говорения
1) говорю</td></tr>
<tr><td colspan="3">Назначаю</td></tr>
<tr><td>1) считаю, что адресат – подходящая кандидатура для какого-либо поста (должности и т.п.)</td><td>1) имею власть и полномочия принимать решения;
2) нахожусь при исполнении данной власти</td><td>1) говорю</td></tr>
</table>

Данная схема позволяет выявить различия между так называемыми перформативными высказываниями и их смысловыми аналогами, употребленными в отличной от автореферентной форме и отличающимися друг от друга по своим иллокутивным целям. Два практически тождественных по смыслу предложения: *Я назначаю тебя своим заместителем* и *Я назначил тебя своим заместителем* проявляют принципиальные различия на уровне разложения глагольных значений на когнитивные составляющие – процедуры. Если в первом предложении когнитивная структура глагола совпадает с представленной в таблице

соответствующей структурой, то во втором предложении, помимо того, что прошедшая форма глагола уже *не актуализирует одновременности совершившихся действий* (решение можно было принять значительно раньше, чем заявить о нем), когнитивная структура глагола в прошедшей форме не отражает всех составляющих его автореферентного употребления. Процедура «нахожусь при исполнении данной власти» не является облигаторной, т.к. констатация факта нахождения при власти относится к прошлому и в настоящем может не соответствовать действительности (когда назначал, был при власти, а сейчас – нет). Исходя из того, что преформативность, по Остину, определяется одновременностью выполняемых действий, изменение статуса глагола происходит за счет изменения его когнитивной структуры: меняются темпоральные характеристики обозначаемых глаголом действий, их временное соотношение, изменяется количественный состав процедур. Этим объясняется потеря перформативным глаголом статуса перформативности при его употреблении в прошедшем дискурсе.

Недостаточная разработанность существующей теории перформативности порождает порой нелепые домыслы по поводу значений перформативных глаголов. Авторы наделяют глаголы (единицы системы языка) особыми специфическими интонациями (просодическими элементами, характеризующими живую речь, относящуюся к реальной действительности), тем самым совершая распространенную в настоящее время ошибку подмены анализа системной языковой единицы анализом реальной ситуации. Иногда невозможность объяснить некоторые семантические запреты в рамках существующей теории приводит к необоснованным умозаключениям, согласно которым первопричиной данных запретов называют включение результата локутивного акта в сам акт (См.: [3; С. 428]). При этом огромное количество результативных глаголов, у которых включение результата действия в семантику глагола не вызывает данного эффекта, не учитывается.

Если же взять за основу определение перформативного глагола, как сложноструктурированного глагола речи, осложненного семантикой вводимой данным глаголом речи пропозиции, то можно достаточно логично объяснить семантический запрет, допустим, такого употребления глагола, как дает в своей статье С.В. Кодзасов:

(1а) *Больше здесь не появляйтесь, – *запретил он.*

Как справедливо замечает Е.Н. Ширяев, перформативный смысл «обнаруживает себя на основе конкретного значения пропозиции» [7: 460], и роль глагола речи, например, в предложении *Он сказал: «Больше здесь не появляйтесь»* заключается в том, чтобы «отослать партнера по коммуникации к поиску данного смысла». Иными словами, глагол речи *сказать* просто вводит пропозицию с перформативным смыслом. А в данном случае смысл фразы «больше здесь не появляйтесь» классифицируется как «запрет». Перформативный глагол *запрещать*, в отличие от простого глагола говорения, уже содержит в своей семантике пропозицию запрета, и добавочная фраза «больше здесь не появляйтесь» классифицируется как семантически избыточная, приводящая к упоминавшемуся ранее семантическому запрету. По той же причине мы не употребляем такое тавтологичное высказывание, как, допустим, «приморозило морозом», т.к. в состав семантики глагола *приморозить* уже входит инкорпорированный инструмент действия «мороз».

Интересно отметить, что достаточно четкая классификация пропозиционного содержания перформативного высказывания звучит намного категоричнее его семантического аналога, который, «отсылая реципиента к поиску смысла», дает ему возможность самому оценить пропозицию, тем самым смягчая жесткую форму приказа, обвинения, запрета и т.д. Сравните:

(2а) *Я запрещаю вам входить в эту дверь;*

(2б) *Я говорю вам, в эту дверь входить нельзя.*

В последнем примере, в отличие от первого, остается неясным, является ли запрет собственной инициативой говорящего, или он исходит от другого лица. Возможность двойственной интерпретации пропозиции приглушает ее отрицательно-эмоциональный перлокутивный эффект.

По утверждению С.В. Кодзасова, «…глаголы речи, не обнаруживающие специфической интонации в автореферентном употреблении (т.е. иллокутивные перформативы), легко выносятся из реплики в ее номинацию»:

(3а) *Предлагаю пойти в кино, – сказала она;*

(3б) *Пойдем в кино, – предложила она;*

(4а) *Я советую вам остаться,– сказала она;*

(4б) *Лучше вам остаться, – посоветовала она;*

(5а) *Я согласна с этим замечанием. – сказала она;*

(5б) *Это замечание справедливо, – согласилась она.*

Хотелось бы внести определенные коррективы в данное предположение. Автором справедливо подмечена взаимозависимость интонационного оформления автореферентного высказывания и выбора глагола речи, номинирующего реплику. Но зависимость эта имеет опосредованный характер. Интонационное оформление фразы характерно для устной речи. Однако устная речь совершенно не нуждается в сопровождающей реплику номинационной фразе с глаголом речи. Это атрибут письменного текста. А в письменном тексте, в свою очередь, интонационное оформление отсутствует. Компенсируя этот недостаток и учитывая иллокутивную многозначность реплики, «лишенной интонации», глагол речи в письменном тексте берет на себя функцию определителя ее иллокутивной силы. Сравните:

(6а) *Пойдем в кино, – предложила она. (Предложение);*

(6б) Пойдем в кино, – приказала она. – И никаких возражений! (Приказ);

(6в) Пойдем в кино, – умоляюще глядя в глаза, произнес он. (Просьба);

(6г) Пойдем в кино? – спросила она. (Вопрос).

Из примеров (6а, 6б, 6в, 6г) мы видим, что реплика в письменном тексте, не имеющая графически фиксированного интонационного оформления, нуждается в уточнении модального смысла с помощью глагола речи, содержащего в своей семантике указание на модальность пропозиции.

В то же время модальный смысл *отказа, запрета, гарантии или обвинения* предельно ясен и без интонационного оформления письменной реплики и не нуждается в указании на ее иллокуцию посредством глагола речи. Однозначность реплик, содержащих *отказ, запрет, обвинение* и т.д., накладывает семантический запрет на использование в качестве вводящих реплику глаголов *запрещать, обвинять, отказываться* и др., осложненных оценочными компонентами смыслового содержания (резюмированием) пропозиции.

Другим объяснением, уже с точки зрения традиционной лингвистики, могут стать особенности синтаксической сочетаемости данных глаголов, которые не позволяют вводить с их помощью прямую речь. Одной из таких особенностей является сочетание глаголов с особым дополнением. Глагол *запрещать* требует после себя инфинитива или существительного: *запрещать закон, запрещать входить в эту дверь*. Глаголы *обвинять* и *отказываться* требуют предложного дополнения: *обвинять в краже имущества, отказываться от наследства*. Глагол *гарантировать* требует отглагольного существительного: *гарантировать выполнение заказа* и т.д.

Так или иначе, отказавшись от абсолютизации классического знания, мы можем дать разъяснения спорным проблемам в языке и, в частности, проблеме перформативности. К тому же Дж. Остин сам признал теорию речевых актов несостоятельной в объяснении дан-

ного явления. В своей статье «Перформативы – констативы» он пишет: «…мне представляется, что сегодня нам нужна новая, полная и точная теория того, что делает человек, когда говорит что-либо (во всех смыслах этой многозначной фразы), то есть того, что я называю здесь речевым актом, теория, которая бы описывала речевой акт не в каком-то одном аспекте, абстрагируясь от всех остальных, а во всей его целостности» [4; С. 34]. Возможно, когнитивный подход станет той теорией, которая поставит все точки над «i» в решении существующей проблемы.

Литература

1. Гуревич, Л.С. Методика семантического исследования сложноструктурированных глаголов (на материале глаголов управления в современном английском языке) [Текст] / Л.С. Гуревич. – Чита: ЧитГТУ, 2002. – 287 с.

2. Еремеев, Я.Н. Директивные высказывания с точки зрения диалогического подхода [Текст] / Я.Н. Еремеев // Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 2. Язык и социальная среда. – Воронеж: ВГТУ, 2000. – С. 109-126.

3. Кодзасов, С.В. Виды перформативности и их показатели [Текст] / С.В. Кодзасов // Под ред. Н.Д. Арутюновой, Н. Ф. Спиридоновой. Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. – М.: Индрик, 2003. – С. 424-430.

4. Остин, Дж. Л. Перформативы – констативы [Текст] / Л. Дж. Остин // Ред.-сост. Дж. Р. Сёрл: пер. с англ.: Философия языка. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 23-35.

5. Остин, Дж. Л. Слово как действие [Текст] / Л. Дж. Остин // Новое в заруб. лингв-ке. – М., 1986. – Вып. 17.

6. Панкрац, Ю.Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней [Текст] / Ю.Г. Панкрац: Дис. … д-ра филол. наук: 10.02.04, 10.02.19. – М., 1992. – 333 с.

7. Ширяев, Е.Н. Глаголы речи, восприятия и мысли в роли разговорных модальных средств [Текст] / Е.Н. Ширяев // Под ред. Ю.Д. Апресяна. Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 459-467.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Гуревич Л.С., канд. филол. наук, доцент, докторантка, Иркутский государственный лингвистический университет (ИрГЛУ)
gurevich_ls@mail.ru

L. Gurevich, candidate of science (Philology), associate lecture, Irkutsk State Linguistic University (ISLU)

Научные интересы: когнитивная лингвистика, метакоммуникация, германские языки

Research Interests: cognitive linguistics, metacommunication, German languages

УДК 89.091

Дворяшина Нина Алексеевна
Nina Dvoryashina

ПРОБЛЕМА «ДРУГОГО» В ОТНОШЕНИЯХ «МАТЬ-ДИТЯ» В ОСМЫСЛЕНИИ З. ГИППИУС

THE ISSUE OF THE "OTHER" IN MOTHER-CHILD RELATIONSHIP IN INTERPRETATION OF Z. GIPPIUS

Рассматривается одна из ключевых проблем эпохи серебряного века – проблема понимания Другого и самобытность ее трактовки через осмысление отношений «мать-дитя» в творчестве З.Н. Гиппиус. Установлено, что поиски решения проблемы Другого осуществлялись ею в контексте основной творческой задачи символистов – пересоздания жизни

The understanding of the "Other" as one of the key issues of the Russian Silver Age is observed in the article within the limits of Z.N. Gippius works. The originality of the interpretation is in attempt to understand it through mother-child relationship. It is stated that that the solution to the "Other" problem laid for Zinaida Gippius in the context of the main symbolist creative task - the recreation of life

Ключевые слова: *исповедальность, психологизм, хронотоп, образ-символ, синестезия, цветопись, ольфакторные впечатления, символизм*

Key words: *confessionism, psychologism, chronotop, image-symbol, synesthesia, colourgraphy, olfactory impression, symbolism*

«Литература русская, - считала З. Гиппиус, - <…> тем особенно отличалась, что имела очень мало "пустот"». «Не говорю уже о первостепенных писателях, – поясняла она, – но и второстепенные – почти ни один не был *для* литературы: литература была *для* него, т.е. не отделял ни сознательно, ни бессознательно своих писаний от себя и от жизни; литература была для него средством – никогда целью. Источник же творчества – это, как я говорю, отношение человека к "общим идеям"» [6; С. 463-464].

В ряду «общих идей» эпоха рубежа веков, по справедливому утверждению исследователя, «последовательно разрабатывала проблему понимания Другого и Другим…» [11; С. 94], которая была для З. Гиппиус предметом постоянных размышлений, подтверждением чему являются ее многочисленные художественные и публицистические произведения. В статье «Критика любви» З. Гиппиус отметила разобщенность, душевную глухоту в отношениях между людьми, порождавшие гибельные для человека отчуждение, одиночество, отчаяние: «Все кричат что-то друг другу – и никто никого не слышит. <…> Люди не потеряли еще голоса, дара слова, – но оглохли» [7; С. 151]. В жизни оказались утраченными любовь и внимание друг к другу, а «ведь каждая душа, - по словам автора статьи, – драгоценность, теряя ее – мы теряем свою» [7; С. 191]. Наиболее существенным во взглядах З. Гиппиус было понимание того, что тем местом, «где каждый из нас неслыханно близко подходит к самому важному персонажу нашей жизни – к Другому» [7; С. 354], является семья. Взаимоотношения матери и дитя, с точки зрения З. Гиппиус, многое определяющие в человеческой жизни, ос-

мыслялись писательницей в русле общих вопросов связей между людьми, а судьба ребенка, которого не то, что окружающие, а и родные люди не всегда «слышат», нередко составляла основное содержание ее произведений.

Уже в одном из первых своих рассказов «Яблони цветут» (1893) З. Гиппиус обратилась к проблеме «Другого», «Ближнего», искаженное понимание которой, считала она, рождает «тупые и ненужные страдания» [7; С. 190] близких людей. Повествующим субъектом в произведении является сам герой. Первые же фразы рассказа определяют суть отраженного в нем конфликта: «Зачем она так сделала, что я не умею жить без нее? Это она сделала, я не виноват» [9; С. 261]. «Она» и «я» – мать и сын – осмыслению их связей, жизненных итогов подчинено все повествование. В сюжетно-композиционном плане в произведении использован прием ретроспекции. Это рассказ-воспоминание. Проживший «половину жизни» герой-рассказчик констатирует: «Мне теперь 28 лет, но никто этому не верит, таким старым я кажусь. Я сам знаю, что я старик. <…> Я думаю, что я скоро умру. <…> Я должен умереть, потому что живет тот, кто хочет, кто имеет волю жить, а у меня нет воли» [9; С. 261]. Причины жизненного тупика, выход из которого видится ему лишь в смерти, обнажаются дальнейшим рассказом героя, который продиктован желанием поведать хоть кому-нибудь о «сокровенных глубинах собственной душевной жизни» [14; С. 319], стремлением понять происшедшее с ним и его матерью. Все это придает его речи исповедальный характер, недаром у него живет надежда на то, что рассказанное принесет ему облегчение.

Виновницей своей несостоявшейся жизни герой считает мать. Она стала для него главным человеком в жизни, заменив собою всё и всех, превратившись в «воздух», «пищу», без которых он уже не мог жить. Постепенно в их внешне идеальных отношениях обозначились сначала противоречия, а затем появилось ощущение «преграды», мешающей пониманию и приведшей к отчужденности. У матери она переросла в агрессивность и ненависть, погубившую ее, а у сына вызвала чувство полной утраты смысла жизни и неотступную мысль о смерти. И то, что вначале казалось безграничной любовью матери, предстало совсем в другом свете.

Истинная любовь окрыляет человека, делает его свободным, а не ставит в зависимость от другого. Сама З. Гиппиус немало размышляла о такой любви. Она видела в любви «воскрешение личности, слияние ее с Божественным началом и преодоление смерти» [16; С. 5]. В рассказе же «Яблони цветут» поведана история о том, как материнское чувство погубило сына, став гнетом, подавляющим всякое его душевное движение, лишающим надежды на счастье: «… *точно большая тяжесть придавила меня, и я сразу уменьшился и съежился* …», – говорит он о своем состоянии [9; С. 273]. Важный план образа героя – его имя – Владимир. С художественной точки зрения оно – прямое указание на его предназначение: владеть миром, такова семантика имени, но в реальной жизни это не только не происходит, но и оборачивается своей противоположностью: владеют им, подчиняют его себе.

Полноте создания образов в произведении З. Гиппиус способствует своя система художественных средств, компоненты которой в каждом конкретном случае регулируются авторскими задачами, но в совокупности образуют индивидуальное стилевое единство. Еще С. Маковский, один из немногих современников З. Гиппиус, очень глубоко почувствовавший своеобразие ее личности и творчества, обратил внимание на характерную особенность рассказов писательницы, которые, по его словам, поражают «психологическим тайноведением» [15; С. 169]. Действительно, стилевой доминантой произведений З. Гиппиус, так или иначе связанных с проблемой «мать и дитя», является тонкое проникновение во внутренний мир героев, значительная психологическая составляющая.

Для З. Гиппиус характерно стремление

выразить «внутреннего человека» – «все многообразие и сложность процессов, протекающих в душе» его [20; С. 17]. Воспоминания-размышления героя сосредоточиваются на событийной стороне его жизни, на этапных ее явлениях. Этой задаче соответствует и выбор художественных приемов письма. В раскрытии психологических переживаний героя существенную роль играет используемый З. Гиппиус прием контраста. Образы матери, с одной стороны, сына и его девушки, с другой, противопоставляются по нескольким направлениям: пространственно-временной характеристики, передачи цветовых и ольфакторных ощущений, звучании музыкальной темы.

Пространство матери – дом, гостиная, улицы города, театр. Характеризуя свой дом, герой отметит: он был «*неудобный и холодный*» [9; С. 263]. Такое уже детское восприятие вполне объяснимо: это было пространство без любви. Мир матери – замкнутый, лишенный всякой связи с живой жизнью. Душа героя устремлена в другие пределы. Его пространство – небо, сад, он распахнут всему миру, солнечному, живому, цветущему, это нормально и естественно для входящего в жизнь человека.

В этом раннем прозаическом опыте З. Гиппиус проявилась характерная для русской литературы рубежа веков, модернистской в особенности, тенденция, на которую в своей работе об И.А. Бунине указал исследователь И.Б. Ничипоров: «Тяготение к лиризации хронотопических образов, их насыщению „переживаемым содержанием сознания" (Белый)…» [17; С. 130]. З. Гиппиус была в числе тех художников эпохи, кто активно использовал «хронотопические формы психологизма в литературе» [17; С. 130].

Образы весеннего сада и неба в ее рассказе в психологическом плане содержательно значимы и символически насыщенны. Они представляют вертикаль, полюса которой не образуют традиционной для символистов оппозиции, а напротив, маркированы одним высоким знаком, тождественны друг другу, одинаково притягательны и дороги герою. И воспринимаются они им не порознь, а именно в совокупности, как единый природный мир, в пространстве которого и в гармонии с которым он по-настоящему счастлив: «Всюду, куда я ни смотрел – были деревья, трава и земля, а над ними небо. <…> Все мое, на что я смотрю и что меня радует…» [9; С. 268]. Пространственные и временные образы рассказа – своеобразный «пейзаж» души молодого человека.

С небом в мировой культурной традиции связано представление о трансцендентном, бесконечном, свободном. Оно – символ высоко духовного, идеального, это «святое особенное место вездеприсутствия Божия; здесь престол Его» [18; С. 441]. Взгляд героя, постоянно устремленный вверх, к небу, – выражение его тоски по красоте, подлинной свободе, совершенству. Герой рассказа «Яблони цветут» пережил ощущение близости к настоящему, но и только, получить желаемое, приблизиться «к тайне бытия» он так и не смог. Слишком «плотными» оказались «сети» земного мира, явленные в материнском образе.

Психологической функцией наделен в рассказе и образ сада. Завладевший сердцем героя с детских лет, он и потом звал его к себе, став потребностью его души, ее символом, знаком естественного стремления к росту, развитию, личному счастью. Он выражал живущую в его душе мечту о «лучшей стране», в противовес той, что была ему навязана. Мать не ощущала ни этой потребности сына, ни особых свойств его души, выстраивая его жизнь по своим законам, все дальше, не замечая того, отдаляясь от него: «Ах, мама…, – восклицает герой. – Зачем она не ходила со мной в сад и не любила того, что я любил? И опять холодная струя пробиралась в мое сердце, опять отчужденность…» [9; С. 267].

Определяющим в развитии сюжета и жизненной судьбы героя становится хронотоп встречи: в весеннем, готовом к цветению саду герой видит девушку, сразу почувствовавшую его душевные устремления и откликнувшуюся на них. Ее сердечные движения оказались созвучны его порывам. Она предстала как не-

отъемлемая часть любимого героем природного мира, на что указывало и ее имя – Марта. В его семантике – ассоциации с весной, началом новой жизни. В общении с ней герой пережил ранее не испытываемое чувство полного понимания, душевного единения и родства.

В замкнутом пространстве матери душа сына сжималась и мертвела. В пространстве сада душа юноши воскресала: «Когда я захлопнул за собой калитку, – рассказывает герой, – и сделал несколько шагов вглубь – я вдруг *ожил. Ожил* и все забыл» [9; С. 276]. Символическое значение в связи с отмеченным приобретает такой хронотопический образ, как ведущая в сад калитка. Она стала для героя обозначением своеобразной грани, вступив за которую, он прозревает, но это прозрение, в конечном итоге, приводит его к жизненному кризису. Общение с Мартой выявило в полной мере ту пропасть, которая разделяла его и мать: «Я теперь только понял, - признается герой, что она чувствовала не то, что я, и не так, как я. Но зачем она обманывала меня столько времени» [9; С. 273].

Разнополярность душевных миров матери и сына передана не только через хронотоп, но и благодаря использованию таких способов освоения и постижения мира в художественном пространстве, как цвет, звук, запах. Это те синестетические впечатления, без которых не обходился ни один символист. Так, душевные переживания и эмоции героя повествования напрямую связаны с ольфакторными признаками окружающего его мира. В этом ключе особо существенным оказывается неоднократно всплывающее в его сознании воспоминание о материнских духах: «запах их напоминал самую раннюю весну» [9; С. 263]. В период занятий в консерватории уже не он чувствует, а мать внушает ему, что «ее духи лучше запаха настоящей весны» [9; С. 265], а затем приходит осознание, «что ее духи пахнут не настоящей весной» [9; С. 270]. Смена реакции сына на запах открывает приходящее к нему понимание искусственности прежней жизни в пределах пространства матери, которое произошло после того, как герой на какое-то время вырвался из материнского «плена», ощутил все очарование подлинного аромата жизни. Запах материнских духов был вытеснен богатством ароматов наступившей весны: запахом «душистого воздуха», земли, «анемонов», первого распустившегося цветка яблони и «новым сильным ароматом» цветущего сада [9; С. 277]. Антитеза «не настоящего» и подлинного, чужого и своего, явленная через ольфакторные впечатления героя, – еще одно обозначение того расхождения между близкими людьми, которое, при всей их сильнейшей привязанности друг к другу, привело к трагедии. Запах жизни сменился запахом смерти: «Я приехал из Москвы, – рассказывает герой, – на третий день после смерти. Она уже стала разлагаться. Такой ужасный и страшный запах шел от нее. Я посмотрел ей в лицо и ничего не сказал» [9; С. 278]. В этой реакции сына нет ни потрясения, ни сожаления, ни горя. Есть отвращение, пустота, холодная ирония и все захлестнувшая обида на мать, в которой нет места прощению.

Свою особую содержательную функцию в символистской модели мира, как это хорошо известно, выполняли цветовые эпитеты и образы-символы. А. Белый, в частности, писал в статье «Священные цвета: «Исходя из цветных символов, мы в состоянии восстановить образ победившего мира» [4; С. 209]. Цвет у Белого – путь к постижению человеческой души, ее сущности. Для З. Гиппиус это было не менее очевидным. В анализируемом произведении использование цветописи отличается своей спецификой. Там, где в повествовании речь идет о матери, цветовые образы отсутствуют полностью, что создает ощущение однообразного и безликого мира, в котором она живет сама и в котором держит своего сына. Особенно заметным это становится, когда герой рассказывает о новом этапе своей жизни (главы 5-9), об обретении, пусть временном, *своего* пространства и *своего* мира. Они расцвечены всем богатством красок. Преобладают в этом многоцветьи розовый и белый цвета.

Ими маркированы девушка, яблоневый сад, вечерняя природа. Платье Марты «из мягкой *белой* материи» покажется при новой встрече отливающим «чуть-чуть <…> *розовым*, как цветы яблони», а затем обозначится уверенным определением цвета: «не *белое*, а чуть *розовое*; заметит герой и ее «*светло-розовые* губы». Образ героини пройдет под этим бело-розовым знаком, формирующим очень важные для всего контекста рассказа мотивы юности, молодости, расцвета, в прелести и очаровании которых – торжество самой жизни.

Цветовая гамма девушки гармонирует с красками весеннего сада, в первую очередь, с его доминантным белым цветом, известным своей полисемичностью: белые яблони, «*белые* не от лунного света», а от появившихся на них цветов; герою они видятся «*точно осыпанные снегом*». В семантике белого, с нашей точки зрения, главное то, что он предстает, прежде всего, как «символ воплощенной полноты бытия». На это его значение в «Священных цветах» указывал А. Белый [4; С. 201]. Подсвеченный розовым цветом, он разворачивается в своем значении до символа радости, счастья, любви: «Мне больше ничего не хотелось, кроме того, что было», – вспоминает герой о том благословенном миге, когда вместе с любимой пережил чудо яблоневого цветения, трепетное соединение со Всеобщим и Вечным. – «Я думаю, – заключает он, это и есть счастье» [9; С. 277].

Но белый цвет в рассказе «несет в себе и символически негативный аспект», это цвет «смертельной бледности» [5; С. 26], недаром мотив смерти не уходит из повествования героя, как только он вспоминает о матери: «сидел, как *мертвый*», «сидел <…> вялый и *бледный*», «*побледнел*, в груди стало тяжело и *холодно*», «я был, как *мертвый*». Любовь, жизнь, смерть – все сошлось, связалось в узел, который надо было развязать.

Открывшийся Владимиру многокрасочный мир резко контрастирует с тем бесцветным, из которого он на какое-то мгновение вышел. Они противопоставлены в рассказе как свое и чужое, истинное и ложное, бытие и небытие. «Мы, – писал А. Белый, – существа, созданные по образу и подобию Бога, в глубочайшем начале нашего бытия обращены к свету. Вот почему *окончательная противоположность божественности открывается нам условно ограничением цвета до полного его отсутствия»* [4; С. 201]. Бесцветный мир, по Белому, – противоположность божественному. В основе цветовой оппозиции матери и сына у З. Гиппиус лежит это же противопоставление. Мать закрыла сыну все бесконечное очарование мира с его природной благодатью, чудом божественной любви, полнотой бытия. Разрушающая сила материнского чувства сделала свое дело. Ее смерть («она умерла нарочно», – считает сын) отняла у него, и без того слабого и безвольного, последнюю опору.

С основным содержательным планом рассказа связана и символика его названия – «Яблони цветут». Поэтически воссозданная З.Н. Гиппиус красота цветущего яблоневого сада содержит свою «скрытую отвлеченность» [2; С. 52], глубинный смысл, говорящий о высших ценностях в этом бренном мире. Эмблематически яблоня связана с семантикой жизни, ее расцвета, живительного начала. В библейской «Песне Песней» яблоня – воплощение любви, плотского влечения [12; С. 252]. Необычайно богат в общекультурной символике семантический ореол цветочных образов. «Цветы (цветок, цветение, расцвет) – распространенные во всем мире символы молодой жизни»; «цветок в бутоне – <…> потенциальная возможность», «когда он раскрывается и растет <…>, то олицетворяет развитие в осуществлении» [13; С. 394]. Цветы яблони – это и «весна, начало года, начало любви, цветок юной девушки» [12; С. 252]. В символике этих флористических образов нашло отражение все богатство бытия, свежести и прелести весны, света и цвета, юности, любви, пробуждающейся чувственности, радости, счастья, возможностей жизненного расцвета.

Но поэтическое название рассказа контрастирует с его финалом. В жизни героя ниче-

го не осталось от дарованного ему чуда цветения, молодости, любви. Вместо радости – горе, вместо свежести – трупный запах, вместо новой жизни – мысли о смерти. В цветовой гамме, которой теперь окрашена его жизнь, представлены только мрачные краски: «прежде красивое лицо» стало «желтым, *темным*», высокое голубое небо сменилось «*низким*» петербургским, чистый воздух – «*темным*», яблоневый сад – «*темной*, пропахшей кухней квартирой», с «*темными* окнами», «с *черносерым* потолком <…>, где торчит *угрюмый* крюк». Свет жизни задавила тьма. Единственным, связывающим с жизнью «светлым облаком» видится «ночь, когда распускались яблони» [9; С. 279]. Тем значимее оказывается образ цветущих яблонь, вынесенный в заглавие, – как символ самой жизни, лишать которой, закладывать которую никто не имеет право, а мать – особенно.

Один из персонажей З. Гиппиус (рассказ «Его свобода») говорит, обращаясь к своему собеседнику-писателю: «Мне нравится, что вы так интересуетесь всяким человеком, не можете успокоиться, пока не разглядите его с изнанки» [6; С. 317]. Герой рассказа «Яблони цветут» представлен художницей именно с «изнанки», и автору важно понять его внутренний мир, характер душевных переживаний, выявить истоки, определившие его жизненную судьбу. Писательница достигает этого совокупностью всех компонентов художественного произведения, их гармонической целостностью. «Раскрыть» человека помогают форма высказывания и психологически насыщенный хронотоп, использование синестетических образов и образов-символов, семантика имени и заглавие произведения.

Исповедальность рассказа героя пронизана стремлением понять конечный смысл поведения и поступков матери, приведших к полному жизненному краху. Не случайно его воспоминания неоднократно прерываются вопросами, явно адресованными не только себе, но и уже ушедшей матери, да и будущим читателям его откровений. Центральный из них указывает на главную причину его жизненного отчаяния: «Зачем она так сделала, что я не умею жить без нее?» <…> Зачем она так связала меня с собой, что жизнь без нее не могла длиться?» [9; С. 261, 266]. Использование З. Гиппиус условно-диалоговой формы в повествовании выводит поднятые в рассказе проблемы за рамки судьбы одного героя и делает их общезначимыми. Как влияет постоянная психологическая опека матери (родителей) на становление личности? К каким последствиям в жизни человека может привести материнский деспотизм? Что должно составлять основу отношений матери и дитя? От каких жизненных ценностей и приоритетов зависит судьба растущего человека? Что способствует формированию самостоятельной и самодостаточной личности? В какой мере воспитывающие осознают степень ответственности за свои действия и поступки по отношению к будущему ребенка? Это далеко не полный перечень тех вопросов, которые поставлены в рассказе З. Гиппиус. Они порождены неизменным ее, «упрямым интересом к «человеку» вообще» [6; С. 317], другому, в частности. До конца дней своих З. Гиппиус не переставала отстаивать необходимость утверждения в каждом человеке его личного бытия. В сентябре 1937 г. она с горечью писала одному из своих корреспондентов: «Главная наша беда с людьми – это, если кто-нибудь сам малиновый куст, то и хочет, чтобы все были малиновые кусты, между тем есть и смородинные кусты, и важно его утверждать в его смородинности…» [21; С. 452-453]. Мать из рассказа «Яблони цветут» закрыла границы «я» своего сына, не понимала его как Другого, не видела и не желала видеть в нем Личность. Если и возможно говорить о ее любви к сыну, то не более как о любви-насилии, примеры которой знала и сама писательница, сказавшая об одной своей знакомой: «Госпожа М.Н. любила свою единственную дочь <…> *властно, ревниво и деспотично*» [8; С. 263], и которую очень точно охарактеризовал герой ремизовских «Часов» Нелидов: «А полюбить, – значит, захотеть другого целиком всего, до по-

следних уголков, а другой остается все же сам по себе и видит и слышит и думает. <…> Любить и не хотеть овладеть любимым невозможно. *А овладеть и уничтожить одно и то же»* [19; С. 72]. «Овладев» сыном, мать из рассказа З. Гиппиус, по сути, «уничтожила его».

З. Гиппиус посмотрела на детскую жизнь через призму семейно-личных отношений и увидела в ней немало неблагополучного, ставшего результатом забвения заповеди о любви к Ближнему. Дитя в доме, в семье – нередко страдающее лицо. И только там, где материнство преодолен эгоизм, где есть духовная связь с ближним из ближних, где не нарушено «волшебство материнства» и где «действует как божественный принцип любви, единения и мира» [3; С. 234], ребенок растет человеком полноценным и счастливым. Произведения З. Гиппиус – художественное подтверждение суждения известного русского философа И.А. Ильина, заметившего: «Мир не только строится в детской, но и разрушается из нее; здесь прокладываются не только пути спасения, но и пути погибели» [10; С. 143].

Литература

1. Аверинцев, С.С. София – Логос. Словарь [Текст] / С.С. Аверинцев. – К., 2001.

2. Бальмонт, К.Д. Элементарные слова о символической поэзии [Текст] / К.Д. Бальмонт // Литературные манифесты: от символизма до «Октября» / сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. – М., 2001. – С. 52-61.

3. Бахофен, И. Материнское право [Текст] / И. Бахофен // Классика мирового религоведения. Антология / Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. – М., 1998. – С. 216-267.

4. Белый, А. Символизм как миропонимание [Текст] / А. Белый; сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. – М., 1994.

5. Бидерман, Г. Энциклопедия символов [Текст] / Г. Бидерман. – М., 1996.

6. Гиппиус, З.Н. Арифметика любви (1931-1939) [Текст] / З.Н. Гиппиус; сост., вступ. статья, коммент. А.Н. Николюкина. – СПб., 2003.

7. Гиппиус, З.Н. Дневники: в 2 т. Т. 1. [Текст] / З.Н. Гиппиус. – М., 1999.

8. Гиппиус, З.Н. Живые лица. Воспоминания [Текст] / З. Н. Гиппиус. –Тбилиси, 1991.

9. Гиппиус, З.Н. Собр. соч. Т. 1. Новые люди: Романы. Рассказы [Текст] / З.Н. Гиппиус. – М., 2001.

10. Ильин, И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. [Текст] / И.А. Ильин. – М., 1996.

11. Исупов, К.Г. Философия и литература «серебряного века» (сближения и перекрестки) [Текст] / К.Г. Исупов // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книга I. – М., 2002. – С. 69-130.

12. Копалинский, В. Словарь символов [Текст] / В. Копалинский; пер. с пол. В.Н. Зорина, 2002.

13. Купер, Д. Энциклопедия символов [Текст] / Д. Купер. – М., 1995.

14. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и составитель А.Н. Николюкин. – М., 2001.

15. Маковский, С.К. На Парнасе Серебряного века [Текст] / С.К. Маковский. – М., 2000.

16. Николюкин, А.Н. Любовь и ненависть [Текст] / А. Н. Николюкин // Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар [Текст] / З.Н. Гиппиус; сост., вступ. статья, коммент. А.Н. Николюкина. – СПб., 2002. – С. 5-28.

17. Ничипоров, И.Б. Поэзия темна, в словах не выразима… Творчество И.А. Бунина и модернизм [Текст] / И.Б. Ничипоров. – М., 2003.

18. Полная популярная иллюстрированная библейская энциклопедия. – М., 2000.

19. Ремизов, А.М. Собр. соч. Т. 4. Плачужная канава [Текст] / А.М. Ремизов. – М., 2001.

20. Эткинд, Е.Г. Психопоэтика. «Внутренний человек» и внешняя речь. Статьи и исследования [Текст] / Е.Г. Эткинд; сост. и автор вст. ст. А. Эткинд. – СПб., 2005.

21. Pachmuss, T. Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondence of Zinaida Hippius: Из переписки З.Н. Гиппиус [Текст] / Pachmuss Temira Munchen, 1972.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Дворяшина Н.А., канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой литературы и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет (СурГПУ)
Тел.: 8 (3462) 350343, +79224009652

N. Dvoryashina, candidate of science (Philology), associate lecture, head of literature and journalism department, Surgut State Pedagogical University

Научные интересы: литература Серебряного века, детская литература

Research interests: Silver age literature, children's literature

УДК 801.313

Занина Анастасия Николаевна
Anastasia Zanina

ЭНАНТИОПРИРОДА ЭПЕНТЕЗЫ: НА ГРАНИ ИЗВЕСТНОГО И НЕИЗВЕСТНОГО

ENANTIONATURE OF EPENTHESIS: ON THE VERGE OF KNOWN AND UNKNOWN

Статья посвящена природе эпентезы. Последовательно раскрываются каждый из ее аспектов. Вводятся новые термины: «энантиоформизм» для обозначения способности эпентезы совмещать две противоположные тенденции и «энантиоформа» для обозначения эпентетически преобразованной формы слова

The article is focused on the nature of epenthesis, each of the aspects of which is successively reviewed. New terms are introduced: "enantioformism" to denote the capability of epenthesis to combine two contrary tendencies and "enantioform" to denote epenthetic word transformations

Ключевые слова: *эпентеза, энантиоформизм, энантиоформа, фонотактика, адаптивная природа, экономия лингвистических усилий*

Key words: *enantioformism, enantioform, phonotactics, adaptive nature, linguistic economy*

Эпентеза является лингвистическим объектом, который принято считать хорошо изученным и известным как «один из видов комбинаторных изменений звуков – возникновение в слове дополнительного, неэтимологического звука (согласного, гласного). Эпентеза возникает при освоении заимствований с несвойственными родному языку сочетаниями звуков» [4; С. 593]; «возникновение в слове под влиянием определенных морфонологических и фонетических условий звука, отсутствовавшего в первоначальной форме этого слова» [1; С. 526]; «добавление вспомогательного звука для облегчения произношения неудобного сочетания» [7]; «возникновение в слове дополнительного звука» [2; С. 700]; «процесс вставки силлабического и несиллабического сегмента в существующую цепочку сегментов» [9; С. 49]; «вставка согласного или гласного в слово для облегчения произношения. Эпентеза обычно «разрывает» неудобное сочетание фонем, недопустимых фонотактикой данного языка» [8]. Совокупность приведенных определений раскрывает сущностную характеристику эпентезы как дополнительного, вставочного звука, служащего для облегчения произношения трудного в артикуляционном отношении звукосочетания. Одновременно обнаруживается противоположный характер ее действия: с одной стороны, она наращивает, т.е. утяжеляет, фонемный состав слова, а с другой – облегчает артикуляцию трудного звукосочетания. По аналогии с «энантиосемией» В.И. Шерцеля [6; С. 259], под которой понимается способность слова вмещать в себе прямо противоположные друг другу значения, соединение в эпентезе двух противоположных тенденций – количественного утяжеления и качественного облегчения – можно назвать *энантиоформизмом*, а само эпентетически превращенное слово – *энантиоформой*.

Из приведенных определений явствует, что:

1) эпентеза относится к числу «комбинаторных изменений звуков»;

2) ее возникновение связано с освоением заимствований с несвойственными родному языку сочетаниями звуков и обусловлено определенными морфонологическими и фонетическими условиями;

3) эпентеза может быть представлена как согласным, так и гласным звуком;

4) эпентеза действует в соответствии с законами фонотактики того или иного языка;

5) эпентетический сегмент может быть силлабическим и несиллабическим;

6) эпентеза способствует облегчению произношения «неудобного» звукосочетания.

Определение эпентезы в качестве одного из видов комбинаторных изменений не представляется бесспорным. Термин «комбинаторные фонетические изменения» был введен Ж. Вандриесом: «Изменения, происходящие в фонемах как следствие их отношений к другим фонемам того же самого слова, могут быть названы комбинаторными изменениями» [3; С. 67]. Комбинаторным изменениям Вандриес противопоставляет «правильные фонетические изменения», которые вытекают из изменений фонетической системы языка. У А. Мартине комбинаторным изменениям соответствуют «изменения, не затрагивающие различительных возможностей языка» [5; С. 228]. Дж. Гринберг и Дж. Лайонз вообще предпочитают не пользоваться термином «комбинаторные изменения».

Для всех видов так называемых комбинаторных изменений характерно взаимодействие звуков (контактное, дистактное). Однако, если при ассимиляции и диссимиляции происходят изменения самих звуков, то при эпентезе, а также гаплологии, диерезе и метатезе меняются не собственно звуки, а фонемный состав слова.

Таким образом, мы рассматриваем эпентезу как возникновение звука в «неудобном» звукосочетании без изменения элементов в этом сочетании, но приводящее к увеличению фонемного состава эпентетически преобразованного слова, т.е. эпентеза влияет не на сами элементы звукосочетания, а на количественный состав фонем в слове.

Эпентеза наблюдается в инициальной, медиальной и финальной позициях в слове. Однако здесь следует сделать оговорку, касающуюся сфер действия эпентезы. Возникновение эпентетического элемента характерно для разговорной речи, просторечий и диалектов. Для английской разговорной речи и просторечий характерны медиальная и финальная позиции эпентетического сегмента: absence → absen**[t]**ce, wine → wine[d], тогда как в диалектах эпентеза может встречаться во всех трех позициях, в том числе и инициальной: climb → [s]climb (инициальная позиция эпентетического сегмента), moist → m[w]oist (медиальная позиция), feel → feel[d] (финальная позиция).

Эпентеза типично действует при освоении заимствований с несвойственными родному языку сочетаниями звуков. Так, в ходе исторического развития при заимствовании из латинского языка в испанском языке начальное сочетание [sk] избегалось благодаря инициальному эпентетическому гласному: латин. – scola [sk] → исп. – escuela [esk].

Инициальные и финальные эпентетические сегменты во многих случаях обусловлены действием фонотактики, которая накладывает ограничения на сочетания фонем в языке. Так, целый ряд фонологических правил в языках мира обуславливается необходимостью построения правильного слога. В некоторых английских диалектах недопустимо сочетание силлабического [l] и другого согласного, именно этим обуславливается возникновение эпентетического гласного [ə] в словах*:* milk → mil[ə]k, film → fil[ə]m. При заимствованиях из английского языка в турецком языке эпентетический гласный возникает между двумя начальными согласными, таким образом, обеспечивается правильность построения слога: англ. – train → турец. – [tiren].

Возникновение медиального эпентетического сегмента мотивировано необходимостью

артикуляционного облегчения «неудобных» звукосочетаний, т.е. последовательности фонем с несовместимыми признаками. Так, эпентетический сегмент [t] появляется между сонорным смычным альвеолярным [n] и глухим щелевым альвеолярным [s] в словах типа: agency → agen[t]cy, prince → prin[t]ce. Иными словами, звукосочетание [ns] является трудным в артикуляционном отношении. Вставочный сегмент заимствует артикуляционные признаки соседних сегментов. В результате эпентетический [t] имеет по два общих признака с [n] – альвеолярная и смычная артикуляции и с [s] – глухая и альвеолярная артикуляции. Аналогичным образом звукосочетание [ms] оказывается неудобным и требует эпентетический сегмент [p] в словах hamster → ham[p]ster, Amsterdam → Am[p]sterdam: эпентетический [p] имеет общие признаки с [m] – смычная и губно-губная артикуляции и с [s] – оба звука являются глухими. Таким образом, и эпентетический сегмент [t], и эпентетический [p] являются сегментами-адаптерами, которые снимают артикуляционное напряжение двух соседних звуков, имеющих резкие признаковые различия.

Адаптивная природа эпентетического сегмента является реализацией принципа экономии языковых усилий, подробно изученного такими лингвистами, как Г. Спенсер, Г. Пауль, И.А. Бодуэн де Куртене, А. Мартине, О. Есперсен, Г. Фрей, Л. Блумфилд, Е.Д. Поливанов, А.П. Пешковский и др.

Подводя итоги, подчеркнем следующие основные моменты. Во-первых, из всех видов комбинаторных изменений эпентеза обладает своей спецификой, вмещающей две противоположные тенденции: с одной стороны, эпентетический сегмент утяжеляет фонемный состав слова, с другой стороны, облегчает артикуляцию трудного звукосочетания, являясь сегментом-адаптером. В этом заключается энантиоформизм природы эпентезы.

Во-вторых, при действии эпентезы не происходит качественного изменения звуков в звукосочетании, т.к. изменяется лишь фонемный состав слова, хотя комбинация звуков присутствует. Именно поэтому не правомерно относить эпентезу к комбинаторным изменениям.

В-третьих, эпентеза наблюдается в медиальной и финальной позициях в разговорной речи и просторечиях, и в во всех позициях – в диалектах.

В-четвертых, возникновение эпентезы во многих случаях обуславливается действием законов фонотактики. Этой особенностью обусловлен тот факт, что эпентетический сегмент может быть силлабическим и несиллабическим, поскольку целый ряд фонологических правил в языках мира диктуется необходимостью построения правильного слога.

И, наконец, направленность эпентетического сегмента на облегчение произношения связана с экономией лингвистических усилий, но форма реализации эпентезы находится в противоречии с самим понятием «экономия», поскольку в случае с эпентезой форма слова не упрощается, а «утяжеляется», облегчается лишь произносительная сторона, поэтому эпентетически преобразованные формы слова можно назвать энантиоформами.

Литература

Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.

2. Большой энциклопедический словарь: В 2-х т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 2. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – 768 с.

3. Вандриес, Ж. Язык (лингвистическое введение в историю) [Текст] / Ж. Вандриес. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 408 с.

4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

5. Мартине, А. Механизмы фонетических изменений [Текст] / А. Мартине; Пер. с фр. – М.: Едиториал УРСС, 2006. – 264 с.

6. Шерцель, В.И. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии): учеб. пособие для филол. специально-

стей ун-тов и пед. ин-тов [Текст] / В.И. Шерцель; под ред. Ф.П. Фимена // Хрестоматия по истории русского языкознания. – М.: Высшая школа, 1973. – С. 259-264.

7. Электронная энциклопедия ALP [Электронный ресурс] // http://alpencyclopedia.ru.

8. Электронный словарь Ушакова [Электронный ресурс] // http://ushakovdictionary.ru.

9. Contemporary linguistics. An introduction. – Boston; New York: Bedford / St. Martin's, 2001. – 751 p.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Занина А.Н., аспирантка, Тверской государственный университет (ТвГУ)
anastasia-zanina@yandex.ru

A. Zanina, post-graduate student, , Tver State University

Научные интересы: эпентетические преобразования внешней формы слова, генеративная фонология, теория оптимальности

Research interests: epenthetic transformations of the exterior word form, generative phonology, optimality theory

УДК 811.161.1

Конарева Наталья Николаевна
Nataliya Konareva

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ И Н. ГУМИЛЕВА

THE METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE “LOVE” CONCEPT IN THE POETRY OF M. TSVETAYEVA AND N. GOUMILYEV

Рассмотрены особенности метафорической экспликации части концепта «Любовь» в поэтических текстах М. Цветаевой и Н. Гумилева. Представлены примеры лингвокультурологического анализа метафорических репрезентантов с компонентом глаза, относящиеся к концептуализированной области «Внешность возлюбленного / возлюбленной»

The article describes the details of metaphorical explication of part of the "Love" concept in the poetry of M. Tsvetayeva and N. Goumilyev. Examples of analysis of metaphorical representatives with an “eyes” component are given, which relate to the conceptualized domain "Lover's appearance" in the linguistics and cultural aspect

***Ключевые слова**: метафора, метафорический репрезентант, концепт, поэтическая картина мира*

***Key words**: metaphor, metaphorical representative, concept, poetic picture of the world*

В современной лингвистике проблема описания концептов с точки зрения средств их языковой объективации, структуры, взаимодействия, типологии исследуется с привлечением разнообразных методик, на материале отдельных языков, текстов различных функциональных стилей. Анализ метафорической репрезентации концептов в поэтических произведениях дает возможность более глубокого и широкого рассмотрения семантики текста, проникновения в ментальный мир автора, понимания его индивидуальности в восприятии и осмыслении реалий, онтологических сущностей.

Попытаемся рассмотреть, каким образом определенный сегмент концепта *любовь* эксплицируется с помощью индивидуально-авторских метафор в поэтических текстах М. Цветаевой и Н. Гумилева, проанализировать данные в лингвистическом и культурном аспектах. Для этого необходимо определить тип метафоры с точки зрения семантики и структуры; квалифицировать языковые средства, участвующие в создании метафоры; выявить лексическую и культурную наполненность компонентов метафорического комплекса; определить, какую когнитивную модель реализует метафора.

Выбор поэтических текстов М. Цветаевой и Н. Гумилева обусловлен рядом причин. Во-первых, данные творческие личности являются яркими представителями эпохи начала XX в. с ее коренными художественными, мировоззренческими, стилевыми изменениями, эпохи экспериментального поиска. Во-вторых, тексты поэтов интересны своей наполненностью оригинальными поликультурными концептными реализациями. На наш взгляд, в художествен-

ном тексте одними из основных средств реализации концептов являются метафорические выражения.

Несмотря на значительное количество трудов по теории метафоры, единая концепция этого понятия в современной науке не представлена. В классической риторике метафора рассматривалась, в основном, как отклонение от нормы – перенос имени одного предмета на другой. Целью переноса было или заполнение лексической лакуны (номинативная функция), или «украшение» речи (эмоционально-экспрессивная функция). В современной науке метафора изучается с разных позиций. Например, метафора рассматривается как системный феномен языка [Скляревская: 2004]. На фоне развития новых направлений метафора становится для лингвистики некоторым объединяющим элементом, исследование которого положило начало развитию когнитивной науки. Так, по мысли Э. МакКормака, одного из создателей концептуальной теории метафоры, причиной возникновения метафоры является «сопоставление семантических концептов, в значительной степени несопоставимых, человеческим разумом путем определенных организованных операций» [МакКормак: 1990, 360]. Для нашего исследования исходной стала связь метафоры с концептуальной системой носителей языка. В таком аспекте метафору рассматривают Н.Д. Арутюнова, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Е.С. Кубрякова, М. Минский, Х. Ортега-и-Гассет и др. Ученые, описав метафору как «пересечение знаний об одной концептуальной области в другой концептуальной области», пришли к выводу, что метафора не ограничивается лишь сферой языка и «является вербализированным приемом мышления о мире» [Лакофф, Джонсон: 2004, 25]. Таким образом, объединяя в себе логическое и чувственное восприятие мира, метафора разрешает противоречия, возникающие при его познании. Через нее осуществляется процесс понимания не только мира природы, но и «идеального» мира. «Из средства создания образа метафора превращается в способ формирования недостающих языку значений и выступает в качестве универсального орудия мышления и познания мира» [Шрагина: 1999, 81]. Такой подход позволил окончательно вывести метафору за рамки языковой системы и рассматривать ее как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры. Если говорить о механизмах создания метафоры, то основой ее является один из логических приемов познания мира – сравнение, но не прямое, а косвенное, «замаскированное». В литературном творчестве сравнение также осуществляется с целью познания, но познания эмоционального – с точки зрения автора, его отношения к объекту или явлению.

В статье для анализа избрана группа метафорических репрезентантов с компонентом глаза, относящаяся к концептуальной области «Внешность человека», а именно, «Внешний облик возлюбленного / возлюбленной». В связи с этим данная область рассматривается нами как часть концепта *любовь*, занимающего одно из главных мест в поэтических картинах мира авторов. Нами анализировались и другие метафорические экспликации, например, с компонентами лицо, волосы, тело и др., входящие в концептуальную область «Внешний облик возлюбленного / возлюбленной», а также группы метафор, относящиеся к области «Внутренние свойства возлюбленного / возлюбленной». Обобщив существующие классификации, нами предложена типология индивидуально-авторских метафор в формально-семантическом и структурном аспектах. Изучению реализаций художественного концепта любовь и их структурированию в ассоциативно-семантические поля посвящен ряд работ [Конарева: 2006, 2007].

В поэтических текстах рассматриваемых авторов большинство метафорических выражений реализует когнитивную модель Глаза – Свет. Соотнесение глаз с архетипом света, имеющим положительную коннотацию, традиционно для русской культуры, но индивидуальны конкретные реализации модели. Так, например, в поэтическом тексте М. Цветаевой

данная модель реализуется с помощью единицы *факел*: Я думаю о том, как Ваши брови / Сошлись над факелами Ваших глаз [Цветаева: 1991, 42]. В простой по структуре метафоре (метафоре, фокус которой представлен одним словом) на основе традиционного образа раскрывается не только внешний облик героя, но и его внутренний мир. Объектом сопоставления в данной метафоре выступают свойства факела. Неотъемлемой его частью является огонь – всё сокрушающая, но персонифицированная сила, неподвластная воле человека. Глаза осмыслены как вместилища этой стихии, что передаёт генитивная конструкция метафоры. Лексема *факел* активизирует архетип огня, являющийся носителем коннотаций, связанных со светом. Кроме того, огонь заключает в себе идею о негаснущем духовном огне, например, в христианстве огонь считается воплощением Святого Духа.

В поэтических текстах Н. Гумилева реализация когнитивной модели Глаза – Свет осуществляется с помощью такой единицы, как, например, зарница: ... я увидел твой взор, / Где печальные скрылись зарницы [Гумилев: 1991, 57]. В данной предикатной метафоре раскрытию образа способствует придаточное предложение, в котором определительная семантика осложняется пространственной, на что указывает союзное слово «где». На степень близости авторского «я» и женщины, чей образ он представляет, указывает употребление притяжательного местоимения «твой», являющегося в данном случае средством интимизации. Лексема *зарница* («мгновенная световая вспышка, озаряющая горизонт вечером или ночью, вроде молнии, но без грома; отблеск дальней грозы» [Словарь Ушакова I: 1934, 1019]) подчёркивает состояние внутреннего мира героини, определяя его посредством имени прилагательного *печальные*.

В поэтических текстах М. Цветаевой многочисленна группа реализаций когнитивной модели Глаза – Пространство. Так, например, метафорическая номинация глаз как некоего бездонного пространства представлена в тексте с помощью расширенной метафоры. Данный тип метафор выделен нами (ср. у М. Блэка: главная и подчиненная метафоры [Блэк: 1990, 166]) и осмыслен как сложный комплекс, реализующийся либо структурно сложным метафорическим фокусом, либо распространительными рамками: Его глаза – прекрасно-бесполезны! – / Под крыльями раскинутых бровей – / Две бездны [Цветаева: 1991, 46]. Одно из самых устрашающих и непостижимых свойств бездны, нашедшее отражение в символической традиции, – ее притягательная сила. Оригинальная характеристика глаз отражена в простой метафоре, выраженной именем существительным и окказиональным предикативным прилагательным (глаза – прекрасно-бесполезны). Объектом метафоризации является и существительное *брови*, расширяя практически визуализированное представление о лице героя. Этому способствует метафорическая генитивная конструкция (Под крыльями (раскинутых) бровей).

Единицы репрезентации когнитивной модели Глаза – Музыка представлены в текстах Н. Гумилева. Например: Два вещих сирина, два глаза, / Под ними сладостно поют… [Гумилев: 1991, 4]. В данной расширенной метафоре глаза автор соотносит с мифологическим существом – сирином, актуализируя их красоту. Сирин – райская птица-дева, зачаровывающая своим пением. Данный образ имел широкое применение в русском изобразительном искусстве. Кроме того, сирины считались воплощением души, «тайны». Имя прилагательное вещих и глагол поют, обозначенный наречием *сладостно*, характеризуют ассоциативный образ, указывая на его функциональное назначение. Когнитивная модель Глаза – Музыка реализуется за счет воплощения в метафоре свойств традиционного для русской культуры мифологического образа девы-птицы.

Связь человека и духовного начала отражена в метафорической реализации когнитивной модели Глаза – Душа: Черные глаза глотнули взгляд.<…> / Все до капли поглотил зрачок. / И стою. / И течет твоя душа в мою [Цве-

таева: 1991, 86]. Простые по структуре и предикатные по семантике метафоры, представленные в этом фрагменте, характерны для поэтического дискурса М. Цветаевой в целом. Сама когнитивная модель Глаза – Душа традиционна для русской культуры. Одной из основных реализаций данной модели является узуальная метафора глаза – зеркало души. Значение этого метафорического выражения трансформируется: в тексте с помощью приема олицетворения «глаза» становятся той субстанцией, через которую происходит обмен не только взглядами, но и душами лирической героини и героя, что передается посредством глаголов *глотнули, поглотил, течет*.

Таким образом, с помощью разнообразных по семантике и структуре метафор, выраженных в большинстве случаев предметно-конкретной лексикой, реализуется определенная часть концепта *любовь*. Для обоих авторов характерны метафорические реализации традиционных для русской культуры когнитивных моделей (например, Глаза – Свет, Глаза – Душа и др.) и моделей, реализация которых демонстрирует лингвокреативность мышления поэтов (например, Глаза – Пространство, Глаза – Музыка и др.). Лингвистический и культурный анализ метафорических выражений «обнажает» авторские приоритеты в осмыслении реалий. Метафоры, таким образом, являясь важной составляющей идиостилей поэтов, выступают не только как единицы языка, эксплицитно присутствуя в текстах, но и становятся элементами поэтического сознания.

Литература

1. Блэк, М. Метафора [Текст] / М. Блэк // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153-173.

2. Гумилев, Н. Собрание сочинений в 4-х т. [Текст] / Н. Гумилев. – М.: ТЕРРА, 1991. – Т. 1: Стихи 1903-1921 гг. – 416 с.

3. Конарева, Н.Н. Ассоциативно-семантическое поле концепта любовь в поэтическом дискурсе М. Цветаевой [Текст] // Славянские языки и культура. Язык. Культура. Коммуникация. – Тула: Тульский гос. пед. унив-т им. Л.Н. Толстого, 2007. – С. 80-84.

4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. [Текст] / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М., 2004.

5. МакКормак, Э. Когнитивная теория метафоры [Текст] // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 358-387.

6. Маслова, В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие [Текст] / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 256 с.

7. Скляревская, Г.Н. Метафора в системе языка [Текст] / Г.Н. Скляревская. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 166 с.

8. Толковый словарь русского языка. В 4-х т. [Текст] / Под. ред. Д.Н. Ушакова. – «Сов. энциклопедия. ОГИЗ». – М., 1934. – Т. I.

9. Цветаева, М. Стихотворения. Поэмы [Текст] / вступ. ст., сост. и комм. А.А. Саакянц. – М.: Правда, 1991. – 688 с.

10. Харченко, В.К. Функции метафоры. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.nspu.net/fileadmin/library/books / 2 web / xrest /.

11. Шрагина, Л.И. Конструирование метафор в контексте психологии способностей [Текст] / Л.И. Шрагина // Психологический журнал. – 1999. – № 1. – С. 78-85.

12. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought. / ed. A. Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Конарева Н.Н., аспирантка, Ивановский государственный университет (ИвГУ)
forever8282@mail.ru

N. Konareva, post-graduate student, Ivanovo State University

Научные интересы: языкознание, концепт «любовь» в поэтических текстах М. Цветаевой и Н. Гумилева

Research interests: study of language, 'Love' concept in Tsvetayeva's and Goumilyev's poetry

УДК 801.73

Лунькова Лариса Николаевна
Larisa Luncova

ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВОГО ОТРАЖЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ON FEATURES OF FICTION TEXT CONTENT

Рассматриваются проблемы внутритекстового пространства в художественной литературе в связи с логико-философской теорией возможных миров, анализируются подходы к внутреннему структурированию художественного текста с точки зрения лингвистики и литературоведения. Статья содержит анализ англоязычных и отечественных исследований

The article deals with the problems of text worlds in fiction in connection with logical and philosophical conception of possible worlds. The article studies different approaches to the text structure both in linguistics and literary poetics. It also contains the analysis of Russian and foreign sources

Ключевые слова: *внутритекстовое пространство, возможные миры, точка зрения, рецентрирование*

Key words: *text world, possible worlds, point of view, recentering*

Начиная с середины XX в., мировая художественная литература обращается к постулатам философии и логики и находит в теории возможных миров источник вдохновения. Литераторы в достаточной степени владеют научными достижениями физики, логики, философии и весьма убедительно повествуют о возможных мирах, как будто их существование даже не может быть подвержено сомнению. Прежде всего, это Р. Шекли, А. Азимов, С. Лем, Дж. Ффорде, К. Прист, А. Стругацкий и Б. Стругацкий и др.

Заимствованное из философии понятие возможных миров прочно заняло свое место не только в художественной литературе, но и, как следствие, в литературоведении и лингвистике. В XVIII в. немецкий философ, математик, физик, языковед Г.В. Лейбниц предложил идею «возможных миров» и ввел понятие алитических модальностей необходимого, возможного и случайного [4].

Одни (созданные воображением автора) миры, например, у Р. Шекли, полностью следуют философской концепции Г. Лейбница о возможных мирах. Другие миры, например, у Дж. Форде, соответствуют, во-первых, современным эстетическим представлениям о возможных мирах в искусстве, во-вторых, бесспорно, опираются на теорию А. Эйнштейна о потенциальных возможностях деформации времени и пространства. С. Лем исповедует философскую «религию» индетерминизма. В мирах К. Приста время измеряется в соответствии с положением физики, постулирующим единицу времени как время, за которое свет проходит один метр.

Таким образом, интерес художественной литературы к теории возможных миров очевиден. Но для тех, кто читает такую литературу, и, более того, для тех, кто исследует ее, необ-

ходимой становится сама теоретическая база. Иначе не произойдет адекватного декодирования текста со стороны читателя и адекватного анализа со стороны исследователя.

Осознание философских истоков современной лингвистической теории возможных миров дает нам возможность понимания и интерпретации времени и пространства в лингвистике и литературоведении.

Понятие *возможных миров* в связи с понятиями *необходимости* и *возможности* было введено в семантику модальности (J. Lyons, T.A. van Dijk). С точки зрения логики пропозиций, это означало, что утверждение *A* необходимо, если оно истинно для всех возможных миров. Далее, утверждение *A* возможно, если оно истинно по крайней мере для одного из возможных миров. Так, в результате интеграции философии, логики, когнитологии, психологии, лингвистики, литературоведения возникает *теория текстового пространства* (R. Bradley, N. Swartz, E. Semino, P. Werth).

Понятие текстового пространства развивается из термина «возможный мир», как пишет Ю. Тэлеман [11; С. 199-208], и часто имеет очень размытую и неоднозначную трактовку. В лингвистике оно, главным образом, ассоциируется с двумя основными областями исследований: пропозиционной семантикой и теорией текста. В этой связи, по нашему мнению, к возможным мирам логически можно отнести и «когнитивное пространство» (термин В.В. Красных), которое «есть определенным образом структурированная совокупность всех знаний и представлений, присущих либо (1) конкретной языковой личности (ИКП [индивидуальное когнитивное пространство]), либо (2) тому или иному социуму (КПП [коллективное когнитивное пространство])» [3; С. 24].

Говоря о «художественном пространстве произведения» и «пространстве текста», Ю.М. Лотман не отождествляет их: «Следует решительно отказаться от представления о том, что текст и художественное произведение – одно и то же. Текст – один из компонентов художественного произведения … . Художественное пространство в литературном произведении – это континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие. Наивное восприятие постоянно подталкивает читателя к отождествлению художественного и физического пространства» [2; С. 258]. По Ю.М. Лотману, пространство текста является индивидуальной моделью мира автора.

Концепция художественного пространства и времени нашла отражение в известной идее М.М. Бахтина о хронотопе [1]. Он понимал пространство текста как обобщённое отражение реального, изображаемого, описываемого в тексте пространства и занимался проблемой пространства, изображённого в тексте и обозначаемого текстом.

Для Б.А. Успенского слово и текст изначально обладают некими общими с пространством чертами. Прежде всего, «слово (текст) – *пространственно* (курсив наш. – *Л.Л.*) и постольку открыто, свободно» [6; С. 241]. Б.А. Успенский является автором концепции, согласно которой пространство текста понимается как результат взаимодействия множества точек зрения – автора, персонажа, получателя. Пространство текста – это пространство, описываемое в тексте с одной или всех названных точек зрения. Исследователь выделяет *идеологическую, фразеологическую и психологическую точки зрения* [6; С. 30]. Точки зрения могут как различаться, так и совпадать друг с другом.

В рамках теории текста принцип возможных миров может представлять текст как мыслительный конструкт. Р. де Бюгранд определяет текстовое пространство как «когнитивный коррелят знания, актуализирующегося в тексте. Таким образом, он существует только в голове пользователя языка» [7; С. 24].

Теория возможных миров в значительной степени повлияла на развитие дискуссии об онтологических свойствах вымышленных сущностей. Фактически она является альтернативой теории речевых актов применительно к художественной литературе. Теория речевых актов изучает характеристики, свойства и па-

раметры высказывания, представляя его как *мегавысказывание*, внутри вымышленного мира и внутри самого вымышленного текста. А теория возможных миров, применительно к изучению литературы, занимается установлением границ вымышленного мира и описанием его внутренних свойств. Так, Л. Долежел отмечает, что теория возможных миров рассматривает вымышленный мир в связи с двумя проблемами:

1) онтологический статус художественной литературы как несуществующего объекта;

2) логический статус образа.

Исследователь полагает, что в рамках прагматических теорий эти проблемы решаются в терминах условности и ложных утверждений, теория возможных миров предлагает позицию, основанную на двух принципах:

1) возможные миры – это возможное состояние вещей;

2) количество вымышленных миров не ограничено и максимально разнообразно [8; С. 228-229].

Первый принцип решает проблему референции к несуществующему объекту, т.к. референция будет возможна в рамках определенного мира, где и расположен этот объект. Например, Гамлет, как действующее лицо вымышленного мира, обладает разумом и референцией внутри определенного произведения, т.е. внутри данного мира.

Второй принцип учитывает возможность переформулировки теории возможных миров. Эта позиция определяется тем, что даже «реальный» или фактический мир, в котором мы существуем, является конструктом (U. Eco, D. Lewis, M.L. Ryan). Это означает, что он также определяется как возможный среди прочих: «Каждый мир – это реальный мир для тех, кто находится внутри него» [10; С. 182-189]. Данное утверждение влечет за собой важные уточнения в отношениях между вымыслом и реальностью. Б. Мак Хейл (B.McHale) утверждает, что теория возможных миров, во-первых, усложняет понимание внутренней онтологической структуры художественного произведения, во-вторых, размывает внешние границы, которые отделяют вымысел от реальности. Тем не менее, функциональное применение теории возможных миров к пониманию литературы – это исключительная и единственная возможность адекватно объяснить, чем и насколько возможный мир отличается от реального [10; С. 182-189].

Ключевой момент теории возможных миров относительно художественной литературы для М.Л. Райан (M.L. Rayan) состоит в том, что вымышленный мир в рамках этой теории рассматривается как один из возможных миров. Она разрабатывает модель, основанную на идее о том, что текст, как семантическая сфера, не является единственным миром, но, более того, он создает систему миров или вселенную, центром которой является *текстовый реальный мир*. (В отечественной традиции – *фактическое текстовое пространство*, по Ю.М. Лотману). Мыслительные процессы действующих лиц, актуализированные в их желаниях, мечтах, убеждениях, фантазиях и пр., создают альтернативные возможные миры внутри текстовой системы.

М.Л. Райан вводит понятие *рецентрирования* (*recentering*) [9]. Оно подразумевает, что возможный мир временно становится реальным миром, подобно тому, как это происходит во сне, в галлюцинациях или в детской игре «верю-не верю». В этих случаях происходит временное перемещение параметров реального мира в сторону альтернативного возможного мира. Отсюда следует, что с точки зрения обитателей этих миров, возможный мир – это всегда реальный мир. Понятие *рецентрирования* позволяет также пересмотреть ту точку зрения, что существует только один фактический мир, в смысле «реальный мир», и заставляет признать тот факт, что вымышленные миры, которые фактически являются альтернативными возможными мирами, могут рассматриваться так, как будто они сами являются временными реальными мирами. «Художественная литература характеризуется открытым рецентрированием, посредством которого в центр концеп-

туальной вселенной помещается альтернативный возможный мир» [9; С. 556].

Степень подобия/отличия текстового мира и реальности, как утверждает М.Л. Райан, зависит от определенных признаков, их девять: *идентичность свойств, идентичность наполнения, совместимость наполнения, временная совместимость, физическая совместимость, таксономическая совместимость, логическая совместимость, аналитическая совместимость, лингвистическая совместимость* [9; С. 558-559].

Тексты различной жанровой принадлежности могут характеризоваться соблюдением или несоблюдением одного или нескольких принципов. В частности, нарушение законов природы наблюдается в литературе о призраках и приведениях; нарушение таксономической совместимости всегда присутствует в сказках с их волшебниками, драконами и пр. Лингвистическая несовместимость проявляется в текстах, где персонажи говорят на вымышленных языках и т.д. Однако важно то, что всегда остается еще нечто, что не совпадает. Это отправитель текста, который всегда находится в реальном мире [9; С. 558-559].

Согласно П. Верту, текстовое пространство не может определяться как статичная данность, независимая от коммуникантов. Напротив, это динамическое явление, которое непрерывно изменяется. В этом смысле текстовое пространство можно определить как «материализацию когнитивного пространства, совместно создаваемого автором и читателем» [9; С. 558-559]. Текстовое пространство подвержено постоянным изменениям, поскольку и читатель, и сам текст изменяются во времени.

Рассуждая о коммуникации, П. Верт дает определение тому, что он называет коллективным знанием говорящего и слушающего. Коллективное знание разделяется на общее и взаимное, где общее включает культурную и лингвистическую сферу, а взаимное включает совместный опыт и восприятие участников коммуникации. Таким образом, то, что П. Верт называет *коллективным знанием* по своему семантическому объему, совпадает с *когнитивным пространством* и его компонентами В.В. Красных [3].

Текстовое пространство, по П. Верту, состоит из уровней, которые выделяются на основе текстовой предикации, а также слов и выражений, создающих внутритекстовые субпространства. Текстовое пространство определяется дейктически и отражает точку зрения отправителя, а внутритекстовые субпространства строятся посредством модальностей. Типичные элементы, участвующие в построении внутритекстового пространства, по П. Верту, это «модальности, маркеры вероятности, глаголы, выражающие предположение и отношение, определения, относящиеся к области воображения, воображаемых и предполагаемых ситуаций и т.п.» [3; С. 106]. П. Верт систематизировал типы таких субпространств и выделил: когнитивное, интенциональное, репрезентационное, гипотетическое, гносеологическое субпространства текста [3; С. 106].

Текстовые пространства, по П. Верту, определяются, прежде всего, дейктической информацией места и времени – главным «строительным» элементом текстового пространства. Внутритекстовые субпространства способны модифицировать дейктическую информацию или могут вводить дополнительные сферы в текстовый мир. Кроме того, автор особенно выделяет ведущую роль фреймов знания в построении возможных миров, поскольку эти фреймы существенным образом «расширяют и обогащают текстовые миры» [3; С. 187].

Три основные способа модификации внутритекстового субпространства, предложенные П. Вертом:

1) *дейктические изменения* (изменения в пространстве и во времени);

2) *пропозиции* (идеи главных героев, включающие их желания, убеждения, цели и пр.);

3) *гносеологические изменения* (утверждения, сделанные либо участниками коммуникации, либо главными героями, и обяза-

тельно содержащие модальность).

Все эти элементы участвуют в создании текстовых пространств и субпространств и отличны от элементов, участвующих в построении и развитии самого сюжета. В целом П. Верт пишет, что «мир становится материальным через знание» [9; С. 109].

Нельзя не обратить внимания на то, насколько представления П. Верта о реальном мире схожи с пониманием реального мира Д. Беркли, английского философа XVIII в., учение которого стало впоследствии источником импириокритицизма, прагматизма, неопозитивизма. Основной постулат Дж. Беркли: «Существовать значит быть воспринимаемым» [4], в «Трактате о началах человеческого знания» (1710) он утверждал, что внешний мир не существует независимо от восприятия и мышления, а бытие всех вещей состоит в их воспринимаемости.

Следуя этой логике, можно, таким образом, утверждать, что любое литературное произведение, будучи воспринимаемым, во-первых, существует, во-вторых, представляет собой альтернативный существующий мир. Этот мир существует в воображении и отличается от реального некоторым набором признаков, но не может существовать вне пределов последнего.

Тогда литературные произведения и все, что в них описывается (будь то в сказках, фантастике, детективах), представляет собой лишь возможные миры. Они создаются средствами языка и состоят из предметов, индивидов, сущностей, соответствующих интенсионалам какого-либо языка [5]. В «возможных мирах» художественной литературы снимаются многие запреты, имеющие место при описании реальных событий и явлений: там снимается закон противоречия, и все может претерпевать разнообразные превращения; все может становиться одушевленным либо материализоваться; могут создаваться любые произвольные комбинации интенсионалов, что не наблюдается в реальной действительности.

Лингвистика, безусловно, признает множественность текстовых миров, их различную природу и констатирует, что попытки установить однозначные границы внутритекстовых миров далеко не всегда осуществимы и тем более успешны. Однако следует принять как руководство к действию высказывание Ю. Эко об оправданности и необходимости функционального использования теории возможных миров применительно к пониманию литературы, как *исключительную и единственную возможность адекватно объяснить, чем и насколько возможный мир отличается от реального*.

Литература

1. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 421с.

2. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста [Текст] / Ю.М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 464 с.

3. Прохоров, Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс [Текст] / Ю.Е. Прохоров. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 224 с.

4. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 1632 с.

5. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 335 с.

6. Успенский, Б.А. Поэтика композиции [Текст] / Б.А. Успенский. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 357 с.

7. Beaugrande, R. Critical discourse: a survey of literary theorists / Robert de Beaugrande. – Norwood (N.J.): Ablex, Cop., 1988. – 472 p.

8. Doležel, L. Possible worlds and literary fictions.In Allen (Ed.), Possible worlds in the humanities, arts, sciences: Proceedings of the nobel symposium 65. New York and Berlin: Mouton de Gruyter 1989. – 303 p.

9. Downing, L. H. Negation, Text Worlds, and Discourse: the Pragmatics of Fiction. – Stamford, Connecticut: Ablex Publishing Corporation, 2000. – 225 p.

10. Lewis, D. On the plurality of worlds. – Oxford; New York: Blackwell, 1986. – 276 p.

11. Teleman, U. The world of words – and pictures. In Allen (Ed.), Possible worlds in the humanities, arts, sciences: Proceedings of the Nobel symposium 65. New York and Berlin: Mouton de Gruyter, 1989. – 257 p.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Лунькова Л.Н., канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка факультета иностранных языков, Коломенский государственный педагогический институт (КГПИ)
Тел.: 8 496 615 51 66

L. Luncova, candidate of science (philology), associate professor, department of English Language, Kolomna State Teacher-training Institute

Научные интересы: язык художественной литературы, интертекстуальность

Research interests: fiction language, intertextuality

УДК 81’367 (09)

Любимова Людмила Михайловна
Lyudmila Lubimova

СОЦИАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ УСТОЙЧИВЫХ ФОРМУЛ ДЕЛОВЫХ ПАМЯТНИКОВ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

SOCIAL MODELS OF CONSTANT PHRASES OF WRITTEN ARCHIVE TEXTS AS THE OBJECT OF HISTORICAL PHRASEOLOGY

Статья посвящена проблемам изучения исторической фразеологии. Анализируется специфика устойчивых словосочетаний региональных письменных деловых памятников эпохи формирования национального языка, связанных с характеристикой человека в системе государственного устройства России. Выявление фразеологической семантики позволило выявить культурную уникальность, обусловленную историческим развитием нации

The article deals with the problems of studying of historical phraseology. It gives the analyses of written Archive texts of the epoch the national language development connected with the characteristics of an individual in the system of Russia state organization. The exposing of phraseological semantics made it possible to prove that the Russian culture is a unique one because of the historical development of the nation

Ключевые слова: *лексико-семантические таблицы, обучение английскому языку, группы лексики, семантические связи, когнитивные процессы, коллокационные признаки*

Key words*: lexical semantic tables, the English language teaching, vocabulary groups, semantic ties, cognitive processes, collocation attributes*

Одной их главных задач исторического языкознания является создание объективной картины прошлых эпох, разных периодов функционирования отечественного языка.

Данная статья имеет несколько целевых установок, во-первых, актуализировать внимание к изучению истории становления языковых явлений, в частности, к изучению формирования фонда устойчивых формул национального языка, во-вторых, проанализировать особенности устойчивых словосочетаний письменных деловых памятников периода становления русского национального языка, имеющих глубоко национальную специфику и связанных с характеристикой человека в системе государственного устройства России. Выполнение поставленной цели требовало описать этапы становления отечественной исторической фразеологии и определения места языка деловой письменности в образовании фразеологической системы национального языка.

Историкам русского литературного языка хорошо известно, что качественное чтение и адекватное понимание древнерусских текстов, текстов эпохи формирования национального языка представляется невозможным без вхождения в семантическое поле устойчивых сло-

восочетаний. В лингвистической науке до сих пор сведения об исторических процессах, сопровождающих формирование фразеологической системы языка, не представлены в достаточной мере. Вместе с тем, фразеологические единицы, точно так же, как и лексемы национального языка, отражают и запечатлевают внешний и внутренний мир человека, его духовную и общественную деятельность, социально-политические изменения, происходящие в жизни общества, морально-этические нормы, повседневную деятельность людей. Обобщение предшествующего научного опыта в данной отрасли знаний позволяет акцентировать внимание на ряде исследований. Так, из немногих работ по исторической фразеологии можно выделить исследование Л.Я. Костючук «Устойчивые словосочетания в древнерусском языке». В данной работе автор ставит важную проблему – вычленения фразеологического материала исторических памятников прошлого. «Проблема выделения устойчивых словосочетаний из текстов прошлого тесно связана с выяснением причин фразеологизации устойчивых словосочетаний. Нужно, прежде всего, определить тот материал, который может явиться объектом исследования. Для этого необходимо сначала определить важнейшие свойства, которыми могут характеризоваться собственно фразеологические единицы». Среди важнейших признаков узуально устойчивых сочетаний называется «повторяемость выражения в текстах памятников, что свидетельствует о воспроизводимости и употребительности в речи прошлого» [4; С. 41].

В создании исторической фразеологии значительный шаг был сделан в 1970-1980-е гг. XX в. Фразеологию деловой письменности XVI-XVII вв. описал Т.А. Селиванов. Из его исследований видно, что фразеологические единицы деловой речи оставили значительный след в лексико-фразеологической и отчасти грамматической системе национального русского языка не только в качестве реликтов, рефлексов, дериватов, контаминированных «гибридов» и т.п., но и как наследие, перешедшее в иное «языковое состояние» в первозданном виде или с незначительными изменениями [10]. Об особенностях фразеологического фонда XVIII в. повествует работа М.Ф. Палевской «Основные модели фразеологических единиц со структурой словосочетания в русском языке XVIII в.» [7].

Существенный вклад в становление диахронной фразеологии внес В.А. Архангельский [1]. Осознавая важность исследований в этом аспекте, он наметил ряд тем и проблем, необходимых для выполнения одной из актуальных и трудоемких задач – задачи изучения закономерностей развития и функционирования фразеологического состава русского языка с XI в. и до настоящего времени.

Среди фундаментальных работ постклассического периода можно выделить монографию Р.Н. Попова «Фразеологизмы русского языка с архаичными значениями слов» [8]. Отмеченного автора нельзя назвать фразеологом исторического плана, однако его исследование интересно тем, что в нем представлено большое число фразеосочетаний, включающих архаизмы, а также разъяснены принципы и теоретические основания бытования таких фразеологизмов.

В 80-е гг. XX в. историческая фразеология обогатилась талантливыми работами В.М. Мокиенко, изучающего славянскую фразеологию, специфика которой состоит в том, что она является частью исторической фразеологии. Его работы дают многое для понимания исторических процессов в формировании основных признаков устойчивых словосочетаний. Так, в работе «Славянская фразеология» подчеркивается важность систематической разработки фразеологии в диахроническом плане, отмечается, что «исследования развития фразеологизмов – это не простая демонстрация истории отдельных выражений или более или менее удачное объяснение их смысла. Такое исследование предполагает системный охват разнообразного материала, учет лингвистических и экстралингвистических факторов, привлечение широких генетических параллелей.

Трудности такого подхода понятны: ведь изучение системности лингвистического состава еще не начато, а само понятие фразеологической системы довольно неопределенно» [6; С. 5].

Исследуя состояние и перспективы развития исторической фразеологии, С.Т. Шулежкова высказывает мысль о том, что на современном этапе развития языка знание исторической фразеологии необходимо и, по ее мнению, перед специалистами XXI в. стоят глобальные задачи, важнейшей из которых является «создание фундаментального историко-этимологического словаря русской фразеологии, в котором была бы отражена судьба каждой фразеологической единицы со времени ее возникновения до наших дней. Кроме того, давно назрела необходимость написания самой исторической фразеологии, которая бы излагала историю становления корпуса фразеологических единиц русского языка от начала исторического периода до конца XX в.» [12; С. 73]. Представляется, что не утратило своей значимости и заключение Б.А. Ларина: «Несомненно, что происхождение, пути и закономерности образования фразеологических словосочетаний могут быть выяснены только при историческом построении фразеологии, при разработке всех богатств средневековой и древнейшей идиоматики, устойчивых словосочетаний как русского, так и других языков» [5; С. 136-137].

Таким образом, предметом исторической фразеологии является изучение первичных норм и значений устойчивых словосочетаний, определение их источников по всем доступным памятникам, выявление сфер их употребления и закономерностей образования, а также установление объема фразеологического состава в ту или иную историческую эпоху.

До сих пор остаются непознанными количественные и качественные параметры фразеологического состава письменного языка разных исторических эпох. Поэтому среди актуальных задач исторической фразеологии называется сбор фразеологических фактов по всем доступным памятникам письменности, их систематизация.

Особый интерес в истории национального языка вызывает эпоха XVII-начала XVIII вв.: постепенно два типа литературного языка (книжно-славянский и народно-литературный) разрушаются, и языковые средства этих типов начинают восприниматься как стилистически маркированные разновидности единой системы выразительных средств русской письменности. В истории развития книжно-письменного языка наиболее изменчивой сферой была деловая письменность. Деловой язык в отмеченный период испытывает заметные преобразования, он вбирает в себя то новое, что утверждается в разговорной речи русских людей. С течением исторического времени деловой язык становится динамичнее, неизменно расширяя свои функции, что способствовало его утверждению в роли языка государственного, обслуживающего все сферы жизни человека.

В задачи научного поиска при осмыслении роли деловых документов в создании основ национального словаря включается и проблема исследования формирования структурных типов устойчивых словосочетаний деловой речи; выявление условий их возникновения, постижение фразеологической семантики, а также степень интенсивности их употребления. Представляется, что в период своего становления и развития историческая фразеология должна опираться на историческую лексикографию. Исторические словари как общероссийского масштаба, так и регионального, в которых зафиксирован определенный лексико-фразеологический материал, могут послужить источником для изучения фразеологических фактов диахронного типа. Ценность региональных исторических словарей в их документальной базе – памятниках деловой письменности, которые были первыми источниками, объективно отражавшими реалии действительности, внеязыковую картину мира прежних эпох. Выявление фразеологической семантики дает возможность почувствовать культурную уникальность, обусловленную историческим развитием нации.

Так, материалы исторического «Словаря русского языка XI-XVII вв.» [11] содержат устойчивые словосочетания, семантическое наполнение которых напрямую связано с социально-политическим устройством Древней Руси, Московской и с эпохой становления русской нации. К ним относятся названия учреждений, ведающих различными административными и хозяйственными делами (*посольский двор, земский двор, закладной двор, кружечный двор, загонный двор, приезжий двор, казенный двор, отдаточный двор*); названия хозяйства преимущественно как единица обложения (*белый двор, черный двор, тяглый двор, бобыльный двор, житейский двор, животный двор* и др.); названия людей по их имущественному положению и общественной значимости (*большие люди, мелкие люди, недостаточные люди, великие мужи, нарочитые люди, избранные мужи, передние мужи, добрые мужи*); различные категории людей по отношению к несению феодальных повинностей (*белые люди, тяглые люди, податные люди, не тяглые люди*); должностные лица, военные или гражданские (*верный голова, кабацкий голова, объезжий голова, письменный голова, засечный голова*); названия лиц определенной профессии (*замочный мастер, зелейный мастер, колодезный мастер, красильный мастер, кузничный мастер, огнестрельный мастер, пильный мастер, бахромный мастер, полатный мастер, порочный мастер* и т.д.); названия лиц, причислявшихся с середины XVI в. к государеву двору (*думный дворянин, выборный дворянин, городовой дворянин, московский дворянин, ратный дворянин*).

Данные исторических словарей позволяют показать территорию распространения устойчивых словосочетаний, установить региональные вариации их использования, преобразование в ходе исторического развития человека и его языкового сознания, выявить специфику культурной коннотации. Так, анализ устойчивых словосочетаний по региональным сибирским историческим словарям показывает, что большинство выражений связано с государственным устройством и спецификой жизни в Сибири, т.е. они являются живыми свидетелями жизни и деятельности человека в системе государственного устройства России и отражают определенный культурный этап в развитии русского общества. В частности, нерчинские деловые памятники, на базе которых создан «Исторический словарь Восточного Забайкалья» [3], имеют ценный фразеологический материал, он может быть использован для изучения фразеологического состава русского языка эпохи начального этапа формирования русского национального языка. В деловых текстах представлены устойчивые формулы, которые обслуживали разные сферы жизни русского общества (общественно-политическая жизнь, торгово-денежная сфера, судебно-юридическая, производственная деятельность и др.). Это фразеологические историзмы, узуально устойчивые сочетания, которые принадлежат конкретной эпохе, конкретным жизненным ситуациям, они интересны тем, что демонстрируют интеграцию истории, языка и общества, хотя долговечность их ограничена.

Отдавая должное основному принципу исследования, укрепившемуся в гуманитарной области знания в наши дни – антропоцентризму, обратимся к характеристике тех узуально устойчивых сочетаний, которые направлены на познание и изображение самого человека как ключевого концепта любой этнической культуры. Современные когнитивные исследования утверждают, что репрезентируясь в языке, концепт выражается совокупностью средств языка: «Весь концепт во всем богатстве своего содержания теоретически может быть выражен только совокупностью средств языка, каждое из которых раскрывает лишь его часть» [9; С. 13].

Учитывая то обстоятельство, что опыт познания человеком окружающей действительности преломляется прежде всего в словарных знаках лексического и фразеологического свойства, при описании различных видовых проявлений концепта акцентируем внимание

на характеристике узуально устойчивых сочетаний. Так, наши наблюдения показывают, что в региональных деловых памятниках нашла отражение разноплановая устойчивая терминология административно-юридического характера, определяющая категории людей по их должностным обязанностям, относящимся к той или иной социальной прослойке, оценивается социальный статус человека: *служилые люди* (лица, несущие государственную службу) – «В разных месяцех и числах Телембинском конным и пешимъ служилым людямъ продано… мясо говяжье и жиру топленого…» (ф. 10, 1705) [2]. «А из вашего верхнего шилсково острогу от меня в вашу даурскую землю до Албазина городища сынишко мой Еремка с служилыми людьми плыл пятеры сутки а на Албазине городище стоял три дни а от Албазина городища шел ко мне четыре дни…» (ф. 214, 1658). *Ссыльные люди* (лица, сосланные на поселение) – «Всего… пашенных крестьян и ссыльных людей двадцать четыре человека великаго государя десятинкой пашни пашутъ» (ф. 10, 1705). «В том новопристроенномъ городе поселить на житье московских стрельцов и розных чинов ссыльных людей которые сосланы за вины в Сибирь в разные городы…» (ф. 214, 1689). *Государские люди* (люди, находящиеся на службе у государя) – «Быть в том остроге для всякихъ вестей и степныхъ караулов… вдоль государских людей» (ДАИ, 1684) [3]. *Гулящие люди* (люди, относящиеся к разряду гулящих) – «Сорок бахчей чаю черного по две деньги бахча с гулящих людей оборочных денегъ 50 копеек» (ф. 10, 1723). *Воровские люди* (люди, совершающие преступления, крадущие имущество) – «И от того их утеснения выше Селенгинска на степи со скотомъ для кормов выкочевал от воровских людей» (ф. 1142, 1699). *Ясачные люди* (нерусские люди, платившие ясак) – «Ясашные братцкие люди чинят утеснение немалое и скотинные кормы у них за теснотою вытравливают» (ф. 1142, 1699). «В нынешнем 1697 году февраля в 25 день по нашему великого государя указу земские росходы ясачным людем на жалованье четыре половинки сукон шиптугов по шти рублев…» (ф. 10, 1697);

– устойчивые формулы, характеризующие людей по профессиональной принадлежности, по роду занятий: *промышленные люди* (люди, занимающиеся промыслом) – «Того ж числа с промышленных людей Федора Пинегина с Ивана Сысоева… по полтине… итого шестнадцать рублевъ тридцать два алтына» (ф. 10, 1705). «А промышленаго человека Ивашку Мезеню вместо кнута бить батоги нещадно…» (ф. 1142, 1675). *Торговые люди* (люди, занимающиеся торговлей) – «И то написано под сею отпискою в росписи десятинныхъ соболей служилых и с торговыхъ и с промышленных людей» (ф. 214, 1664). «У торговых людей соболей шуб собольихъ и лисиц черных и чернобурых и бурых и шапок лисьих же черных горлотных и никакие мяхкие рухляди не имати и не покупати (ф. 1142, 1701). *Дворовые люди* (люди, работающие на хозяина дома) – «А он де за людьми его дворовыми не ганивался» (ф. 1142, 1701). *Работные люди* (люди, нанимаемые для выполнения какой-либо работы) – «С вечера в ночныхъ часах вышел он Иван ис полатки своей и спросил кто из работных людей на карауле» (ф. 1142, 1699). *Купецкие люди* (купцы, торговцы) – «Плыть им удинцамъ съ Читы на их купецких людей судах и плотах до Нерчинска и пловучи верховые по Шилке…» (ф. 214, 1706);

– устойчивые выражения, характеризующие людей по этнической принадлежности: *брацкие люди* (буряты) – «Онъ Павелъ насъ холопей твоихъ за ними брацкими людьми в погоню послалъ, чтобы ихъ назадъ воротить» (1676) [3]. *Китайские люди* (китайцы) – «А тотъ де новый городъ сделанъ у них китайских людей на Албазинской стороне выше Зеи реки» (1684) [3]. *Улусные люди* (тюркоязычные и монголоязычные народы, проживающие в определенном поселении – улусе) – «Ваши улусные мунгальские люди ходятъ во многолюдстве торгуют неявчимъ товаромъ» (ф. 10, 1706).

Анализ семантики отмеченных моделей устойчивых словосочетаний показывает, что

фразеконцептосфера «человек – люди», представленная в региональных памятниках, базируется на социальных параметрах: социальный статус, профессиональная принадлежность, названия людей по роду занятий, по этнической принадлежности. Заметим, что лексема «люди» не характеризуется многоликим языковым значением, но благодаря ее включению в термино-номинативный мини контекст, она приобретает социальную детализацию, благодаря чему становится семантически поливалентной и проявляет функциональную многозначность. Как видно, устойчивые формулы со словом «люди» обладают денотативной направленностью, закрепляя типичные черты социальной характеристики человека, тем самым придавая концептосфере «человек – люди» в русской национальной картине мира черты особой уникальности.

Отмеченные термины номинативного характера появились в языке в период интенсивного развития делопроизводства и закрепились языковой практикой XVII в. во фразеологической системе русского языка, о чем, как уже было отмечено, и свидетельствуют показания исторических словарей. Данные образования можно дефинировать как фразеологические историзмы, принадлежащие конкретной эпохе. Появились они в результате фразеологизации свободных словосочетаний. Процесс образования целостного значения у данных устойчивых формул в какой-то мере складывается из суммы значений входящих в него слов. Слова, образующие комплексное наименование, утрачивают свою как лексическую, так и грамматическую самостоятельность, получают фразеологически связанное значение. И вот убедительный факт фразеологизации данных выражений – на их базе образовывались новые слова – *приказные, служилые, работные, ссыльные* и т.д. – грамматически зависимое слово субстантивировалось, выражение прошло путь семантической конденсации, перешло в иное языковое состояние.

Как видно, письменные деловые тексты накопили определенный потенциал устойчивых словосочетаний терминологического характера. Выработанная новая терминология за годы становления делового языка пополнила фразеологический слой языка, отражая и характеризуя специфику экономического, политического, социального и юридического строя старой России. Она создала свою картину мира, определяющую многие аспекты социокультурной жизни нации. Изучение семантики данных формул на определенном временном отрезке показывает специфику национально-языкового отображения жизни общества. Они способны служить знаками, характеризующими социальную структуру определенного этапа развития русского общества, отражают сложность и пестроту социальных отношений, имеют определенную социальную значимость как факта историко-культурных условий российской действительности эпохи становления нации и национального языка. Постижение семантики этих выражений вводит современного читателя в социокультурное пространство определенной эпохи развития государства.

Согласно нашим представлениям, научная необходимость изучения проблем диахронной фразеологии дает возможность не только описать отдельные фрагменты русской языковой картины, уникальные языковые формы, сохранившиеся в исторической памяти народа, но и проследить важнейшие характеристики человека как субъекта и объекта познания, его представления о русской картине мира.

Таким образом, введение в научный оборот разнообразных в хронологическом, территориальном и жанровом отношении источников поможет выявить процесс становления языковых моделей устойчивых формул, отражающих национальное мировидение разных исторических эпох. Тем самым в определенной степени можно избежать утраты целостности языковой картины мира в том ее состоянии, как она сложилась в национальном языке.

Литература

1. Архангельский, В.А. Семантика фраземных значений [Текст] / В.А. Архангельский // Проблемы русской фразеологии. – Тула, 1973.

2. Государственный архив Забайкальского края, фонды 10, 214, 1142.

3. Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам Нерчинских деловых документов XVII-XVIII вв.) / Сост. Л.М. Любимова, Г.А. Христосенко. – Чита: ЗабГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2003. – Т. 1. (А–З). – 350 с.

4. Костючук, Л.Я. Устойчивые словосочетания в древнерусском деловом языке (по грамотам XI-XIV вв.) [Текст] / Л.Я. Костючук. – Л., 1964. – С. 41.

5. Ларин, Б.А. История русского языка и общее языкознание [Текст] / Б.А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977. – С. 136-137.

6. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология [Текст] / В.М. Мокиенко. – М., 1989. – С. 5.

7. Палевская, М.Ф. Основные модели фразеологических единиц со структурой словосочетания в русском языке XVIII в. [Текст] / М.Ф. Палевская. – Кишинев, 1972.

8. Попов, Р.Н. Фразеологизмы русского языка с архаичными значениями и формами слов [Текст] / Р.Н. Попов. – М.: Высшая школа, 1976.

9. Попова, З.О. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях [Текст] / З.О. Попова, И.А. Стернин // Мир человека и мир языка. Серия «Концептуальные исследования». Вып. 2. – Кемерово, 2003. – С. 13.

10. Селиванов, Т.И. Фразеология русской деловой письменности XVI-XVII вв: автореф. докторской дисс. / Т.И. Селиванов. – М., 1973.

11. Словарь русского языка XI-XVII вв. / Под ред. Г.А. Богатовой. – М.: Наука, 1975-1990, т. 1-17.

12. Шулежкова, С.Т. Состояние и перспективы развития исторической фразеологии [Текст] / С.Т. Шулежкова // Русский язык: история и современное состояние. Материалы Всероссийской научной конференции. – Самара, 1999. – С. 73.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Любимова Л.М., канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Служ. тел.: 8-3022-35-91-13

L. Lubimova, candidate of science (philology), associate professor, head of the theoretical and applied linguistics department, Chita State University

Научные интересы: история языка, историческая лексикология, фразеология, историческая лексикография, лингвистическая антропология, социолингвистика, лингвистическое краеведение

Research interests: language history, lexicology, linguistic anthropology, social linguistics, regional linguistics, linguistic regional study

УДК 367.15

Серебрякова Зоя Александровна
Zoya Serebryakova

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В БУРЯТСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ 1958-1965 гг.

NATIONAL CHARACTER IN THE BURYAT HISTORICAL NOVEL (1958-1965)

В статье приведён анализ исторических романов Б. Санжина и Б. Дандарона «Путь праведный», Д. Батожабая «Похищенное счастье» и А. Бальбурова «Поющие стрелы». В романах выявляются такие значимые аспекты национального бурятского характера как добросердечность, любовь к родной земле и природе, искренность, сдержанность, терпимость, мудрость и другие. Очень убедительно особенности бурятского национального характера показаны в романах «Похищенное счастье» и «Поющие стрелы», которые признаны шедеврами бурятской литературы

The article is devoted to the analysis of the novels "A Just Way" by B. Sanzhin and B.D. Dandaron, "Stolen happiness" by D. Batozhabay and "Singing Arrows" by A. Balburov. The essential aspects of the Buryat national character (kindheartedness, love for native land and nature, sincerity, moderateness, tolerance, wisdom, and others) are revealed in the novels. The Buryat national character is convincingly demonstrated in such novels as "Stolen happiness" and "Singing Arrows", which are considered to be the best in Buryat literature

Ключевые слова: *бурятский исторический роман, бурятская литература*

Key words: *Buryat historical novel, Buryat literature*

В 1958-1965 гг. в бурятской литературе было создано несколько значительных исторических романов.

Повесть, впоследствии роман Б. Санжина и Б. Дандарона «Путь праведный» (1963 г.) описывает поход хоринцев, одной из основных групп бурятского этноса, к Петру I. Имя второго автора романа, ставшего жертвой репрессий, в некоторых изданиях не указывалось. Коллизии и основные сюжетные линии разворачиваются вокруг ключевой проблемы – выбора путей дальнейшего развития бурятского народа, стоящего перед необходимостью поиска надежных союзников и выбора в качестве таковых между Россией и ее восточными соседями. Положительные герои, в числе которых глава хоринцев князь Туракай и его старший сын Бадан, понимают необходимость присоединения к России. В этих и других образах воплощены, прежде всего, общечеловеческие качества: доброта, великодушие, смелость, мудрость, любовь к родине, любовь к семье и т.д.

Под пером авторов общечеловеческие качества приобретают черты национального своеобразия. Так, любовь к родине проявляется как любовь к родным местам. Мунко в плену поет о красоте Селенги и ее берегов. Перед дальним походом его участники берут с собой горстку родной бурятской земли. Возвращающийся из дальней поездки Бадан видит бесконечно дорогую его сердцу степь, видит в безоблачном небе парящих ястребов, стремительно взлетающих жаворонков, слышит крик

лебедя. Приведем небольшой фрагмент авторского описания: «Покой над степью, сытая умиротворенность. Кочевники-буряты любят спокойные, солнечные осенние дни; скот откормился на тучных лугах, почти каждый хозяин наготовил на зиму сколько надо масла, арсы…хватит на долгие морозные месяцы» [1] .

Любовь к семье проявляется, в частности, в форме уважения к предкам, которых вспоминают герои и продолжателями которых считают себя. Убеждая хоринцев не покоряться маньчжурским захватчикам, Бадан призывает их быть достойными предков, не сдававшихся врагам. Его смелость и отвага подчеркиваются сравнением с батором из улигера. Привязанность к семье свойственна Тэхэ, который тревожится о ней в поездках.

В мудрых поступках Туракая проявляется, в частности, толерантность: он отправляет Бадана пожить а в остроге, чтобы тот перенял у русских полезные навыки, овладел их языком. Это качество присуще и Бадану, который умеет общаться с людьми разной национальной принадлежности, проявляет интерес к разным культурам.

Показана сдержанность персонажей. Например, отец Залмы старается не показывать тревоги о дочери, находящейся в плену.

Трилогия известнейшего бурятского писателя Д. Батожабая «Похищенное счастье», первая книга которой появилась в 1958 г., – одно из самых масштабных произведений, первая национальная историческая эпопея. В ней создана широкая панорама жизни первых десятилетий прошлого века, прежде всего в Забайкалье, передан ее драматизм, показаны события разного масштаба, убедительные характеры, а также национальные характеры изображенных писателем народов. Наиболее многочисленны, обстоятельно выписаны и колоритны образы представителей бурятского народа: силач Бухэ-лама, услужливый Тагар, честолюбец Гамбал, хитрый, алчный, мстительный Далай. Образы поляризованы и отнесены либо к лагерю власть имущих, либо к стану трудящихся и бедноты. Носителями лучших общечеловеческих качеств и традиционных черт национального характера оказываются именно последние.

Среди них можно выделить несколько групп:

1) борцы за социальную справедливость.

В их образах доминируют общечеловеческие качества: доброта, отзывчивость, справедливость, смелость, готовность к самопожертвованию и т.п. Истоки личности такого типа показаны на примере поденщика Галсана, лишившегося по вине хозяина невесты и ставшего горбуном. Впоследствии он превратился в бесстрашного защитника народных интересов. Он спас ребенка, который чуть не погиб в давке. Галсан учит думать, понимать причины происходящего, призывает к борьбе. «Если хочешь стать хотя бы жаворонком, не бойся колючих трав», – говорит он [2].

Похожи на Галсана Шара-Дамба и Булад. Первый – хороший организатор, в конце романа возглавивший вооруженную дружину; отличается свободомыслием, в шутку предупреждает Аламжи, что вместе со скотом бедняки и сами могут попасть в дацанский котел. Булад решителен, опытный оратор. На волостной сходке призывает к борьбе против произвола властей. В составе вооруженного отряда спасает от гибели Долгор;

2) противоречивые, сложные натуры.

Таков центральный герой Аламжи, с юности терпящий лишения и ради заработка отправившийся в Тибет. В это время недруги довели до потери рассудка его жену Жалму, погубив их младшего сына, а старшего Булада ограбили. Аламжи как бы соткан из противоречий: он богобоязнен, покорен и наряду с этим независим и решителен. Из любви к Жалме он чуть не убил отца и во избежание кары небес за это, как требовали предписания религии, возжег светильник от собственного пальца. Надеясь, что благословение святого избавит его от бедности, он, тем не менее, борется с жестокой нуждой. Вернувшись на родину и отомстив главному врагу, Самбу-ламе, он покидает сочувствующих ему Шара-Дамбу и его

друзей, не найдя общего языка с сыном, отправляется к хунхузам в Монголию. Он с горечью думает о себе, что прежде поклонялся богам, верил в добрые намерения людей, а теперь не верит никому и ни во что.

Герою присущи многие прекрасные общечеловеческие качества. Он спас замерзающего в степи человека, выходил его и подарил шубу. За это был арестован и едва не подвергся суровому наказанию, т.к. спасенный им оказался беглым политзаключенным. Отвага и смелость Аламжи показаны в схватках с разбойниками и во время работы прислужником в монгольской тюрьме. Сочувствуя узникам, содержащимся в нечеловеческих условиях, пытался помочь главарю хунхузов Ван-Тумэру, но был уличен и изгнан.

Раскрыты и национальные особенности образа и особенно впечатляюще – любовь к детям. Самоотверженный отец, он ради сыновей готовится к состязанию силачей, стремясь выиграть приз. На чужбине тоскует о семье. Честный по натуре, он, отчаявшись, предпринимает неудачную попытку грабежа, не видя другого способа поскорее попасть домой. Потеряв надежду найти свою семью, Аламжи усыновляет сироту. Любовь к детям проявляют и другие персонажи. Улигершин заботливо и терпеливо обучает и воспитывает чужих детей. Колоритно описание того, как бездетные женщины просят благословения ламы, неустанно молятся богам и духам в надежде обрести детей.

В характере Аламжи проявляется свойственное бурятам бережное отношение к животным. Он не позволяет бить старого коня, заботится о нем и трогательно прощается при расставании.

В описании трудолюбивого, обладающего большой физической силой героя чрезмерно преувеличена его бедность. У них с Жалмой нет ни юрты, ни лошади, ни козы, ни божницы.

Сирота Жалма до замужества была телятницей у Шаралдая. Ее внешняя привлекательность сочетается с внутренней красотой. Внешне, при кажущейся покорности обладает силой духа, мужеством, противостоит домогательствам Самбу-ламы, вызвав его гнев. Жалма добра, отзывчива, любит мужа, детей, скромна, застенчива. Несмотря на тяготы, любуется природой, радуется ее красоте;

3) покорные жертвы социальной несправедливости.

Они не способны к борьбе с угнетателями. Это батрачки Долгор и Дарима, а также отец Аламжи Наван-Чингиз. Он силен, неподкупен, неглуп, но теряется перед богачами, предпочитая смолчать, когда его обманывают, ему кажется неудобным открыто сказать подлецу, что он подлец. После смерти жены пропил все имущество и готов был насильно женить сына на старой дочери богача. Кражу им скота у богачей нельзя считать формой протеста против социальной несправедливости.

Как черта бурятского характера показано гостеприимство. Незнакомые бедняки угощают Жалму с детьми ужином, предлагают кров. В бурятских и монгольских степях Аламжи всегда находил стол и приют.

Не обойдена вниманием религиозность, присущая и богачам, и беднякам, которые жертвуют храму даже последнюю корову.

В трилогии нашла отражение толерантность бурятского народа. Галсан благодарен многим русским людям за помощь и поддержку в его многотрудной жизни. Его связывает крепкая дружба с лесником Клименко. Булад любит и считает второй матерью воспитавшую его революционерку Искрову. Верными друзьями Аламжи стали русский политкаторжанин, охотники-тунгусы, монголы, китайцы, с которыми ему довелось встречаться в годы скитаний. Дондок неразлучен со Степкой. Отмечена толерантность даже у некоторых из угнетателей: Торговойн-Жапа, Самбу-ламы и др. Они тесно общаются и устанавливают приятельские отношения с русскими представителями своего сословия.

Как одну из черт национального характера Батожабай отмечает мастерство, умение украшать предметы обихода. В подтексте прослеживается мысль, что трудом и талантом

народа создано богатство и великолепие дацанов и юрт богачей.

Национальной чертой поведения является сдержанность. Возчикам любопытно, за что арестован Аламжи, что ему говорил Туван-хамбо, но они из деликатности не расспрашивают. Обмениваясь традиционными вопросами о здоровье скота, бедняки делают вид, что не знают об отсутствии такового у собеседника, а сетуют, что их собственная телка погибла, давая собеседнику возможность ответить аналогичной фразой.

Описание бедняков внушает читателю симпатию, тогда как в изображении угнетателей доминируют негативные краски.

Образы последних можно дифференцировать на такие группы.

Во-первых, это виновники народного горя: Самбу-лама, Лонхо и Далай. В облике Самбу-ламы выделены лишь холеные руки. Он жаден, завистлив. За добро отвечает Аламжи вероломством, отослав его в Тибет и пытаясь соблазнить Жалму, а в ответ на ее сопротивление жестоко отомстил. Он страшный человек, попирающий все законы.

Вид нойона Лонхо подчеркнуто отталкивающий: большие уши, слезящиеся глаза, глуповатый вид, несмотря на хитрость и коварство. Он подстроил нападение на Галсана якобы бешеной собаки и пытался сжечь его, ограбил и прогнал Булада, избивал и пытался заживо похоронить Долгор.

У Далая за пазухой всегда есть камень против того, кто его обидит. Он также безмерно жаден.

Вторую группу составляют их подручные. Десятскому Шаргай-нойону Самбу-лама поручил отравить Шара-Дамбу и Галсана. Более разнопланов и образ заседателя Лубсан-нойона, грубияна, оскорбляющего бедняков, часто пускающего в ход кулаки, но при этом обладающего некоторыми позитивными чертами.

Наконец, третья разновидность представителей стана угнетателей состоит из персонажей, которые лично не творят бесчинства. Через одну или нескольких черт демонстрируется их аморальность, сочетающаяся с внешним уродством. Бестолковый и скупой богач Намдак, пьяница и обжора, честолюбив. Его жена груба, похотлива и так грузна, что руками переставляет ногу через порог. Первый в округе богач тайша Намсарай непомерно жаден и собирает на ярмарке разный хлам. Жадность – ведущее свойство богача Шаралдая. Нарушая вековые обычаи, богачи отказывают в приюте и пище Жалме и ее детям, оскорбляют их. Поведение многих власть имущих расходится с принципами буддизма. Даже в день религиозного торжества ламы ищут в толпе женщин. Настоятель дацана пьет, курит, нарушает все запреты религии и мечтает вытянуть из верующих как можно больше пожертвований. Шобдок-лама бьет, не поит сутками коня, не разнуздывает его на привалах.

Вместе с тем, показана сложность жизненных явлений и судеб, не укладывающихся в прокрустово ложе правил официально одобряемой беллетристики. Автор стремится к их объективной характеристике некоторых власть имущих, например, Петра Бадмаева и Туван-хамбо. Человечность и доброта присущи представителям не только беднейших сословий. Начальник почтовой конторы в Урге не раз помогал Аламжи, устроил его конюхом в русское консульство. Сын богача Локсой, обучающийся в Лондоне, поддержал Осора-ламу, помог ему вернуться на родину. Лубсан-нойон храбр, гордится воинскими наградами и знаменем полка. Намдак безошибочно определяет на скачках самого резвого скакуна, а также самого сильного борца. Писатель показывает, что и бедняки не свободны от пороков. Например, Тагар не в меру услужлив перед вышестоящими, более того – он доносит властям на Галсана.

Писатель проводит грань между религией и духовенством, представителей которого развенчивает как носителей зла, «лечением» сводящих пациентов в могилу, нередко выступающих сообщниками преступлений. Мудрый улигершин, которому отведена роль высшей

нравственной инстанции, говорит, что ламы придумали шолмосов и оборотней, а сам он верит богам, но не верит ламам.

Д. Батожабай воспроизвел образы некоторых исторических деятелей. Известный придворный лекарь Петр Александрович (Жамсаран) Бадмаев – тонкий политик, умный, хитрый, изворотливый. Будучи гостем на своей родине, смело вмешивается в дела генерал – губернаторства, давая основания называть его вершителем восточных дел. Он показан как крупный, удачливый коммерсант и, по мнению местных коммерсантов, излишне напористый.

Это свидетельствует о справедливости мнения исследователя, отмечавшего огромную чуткость писателя ко всякому проявлению зла. Он «всюду, где только мог, не упускал случая прибегнуть к ироническому, сатирическому изображению его, помогающему ярче оттенить, подчеркнуть, выявить существенные стороны уродливых явлений действительности, вызвать к ним вполне определенное отношение» [3].

«Поющие стрелы» А. Бальбурова – исторический роман со многими чертами историко-революционного. В нем воссоздана жизнь улуса Хасанга в 1916 г., вся палитра отношений персонажей, обычаи, традиции и др., атмосфера ожидания больших перемен. Основной конфликт – классовый: между центральным героем батраком Ута Мархасом и зловещим шаманом Пилу. У них есть союзники: у Мархаса – Ондре, на его стороне также Дарба, Михаил Дорондоев, Кузнецов, заодно с шаманом его сын Орбод, Ханта Дорондоев, Питрэ. Созданы в основном яркие, индивидуализированные образы. Черты бурятского характера раскрываются, прежде всего, в описаниях положительных героев, среди которых полнее прочих обрисованы Мархас, Ондре и Михаил Дорондоев.

Полуголодный, оборванный, батрачивший с девяти лет Мархас терпел побои, жил в атмосфере ненависти и презрения со стороны земляков, но вырос на редкость трудолюбивым, работает за двоих, все делает наилучшим образом, и платят ему больше, чем другим. Несмотря на это, он изгой, и по облику тоже: бос, в уродливой одежде. Д.Б. Деркач отмечает, что по самой специфике историко-революционной прозы «предполагается четкое и определенное акцентирование именно на социальной сущности характеров. Но эта социальная сущность не должна затмевать собой, вытеснять то индивидуальное, неповторимое, что есть в том или ином герое. Для этого образы должны находить свою художественную реализацию в различных взаимосвязях с другими характерами и типическими обстоятельствами, в движении, в различных проявлениях, которые образуют единую целостность» [4]. Характер Мархаса именно таков, он раскрыт в самых разных ситуациях. Наряду с классово заостренными герой наделен индивидуальными качествами: независимостью, смелостью: спас Питрэ от волков, готов вступить в схватку с волком, и зверь, чуя это, убегает. Не боясь гнева шамана, во время обряда держится независимо; дерзит Ханте, и тот терпит, ценя силу своего батрака. Мархас – прекрасный друг и товарищ: отдает последний рубль, предназначенный для покупки обуви себе, Ондре на лекарство для его жены, неуклюже ласков с ним, помогает чем может его нуждающейся семье. Герой беззаветно любит свою невесту Мани, мечтает о семье, собственном доме. Несмотря ни на что, любит свой улус. Вернувшись после долгого отсутствия, он с волнением любуется им.

Лучший, верный и преданный друг Мархаса – один из беднейших хасангинцев Ондре. Их дружба зародилась в детстве, когда Ондре выручил Мархаса от нападения ватаги драчунов. В их судьбах и характерах много общего: вечные труженики, добрые, отзывчивые, любящие своих родных и близких, самостоятельные в поступках и взглядах. Ондре единственный в улусе дал кров Кузнецову, не расспрашивая и не опасаясь его положения ссыльного. Он же, не страшась гнева шамана, прерывает «лечение» своей жены Мани.

Лаконичен образ кузнеца Дарбы, всеми

уважаемого, справедливого, немногословного, сдержанного, гордого и смелого. С виду суровый Дарба бесплатно выполняет кузнечные работы беднякам. Он – один из немногих людей, осознающих ценность собранных Михаилом Дорондоевым сокровищ народного творчества. И к самому Михаилу относится тепло. Благодаря Дарбе, хасангинцы сумели договориться с крестьянами из села Козулино и предъявить совместные условия купцу Гальперу.

Мани и Магрина – работящие, скромные, женственные. Магрина впечатлительна, восприимчива. Не умея иначе выразить благодарность вылечившему ее Кузнецову, она помогает ему в лечении больных и быстро приобретает необходимые навыки. Мани, насильно выданная за Орбода, за попытку побега подвергается мучительным наказаниям, которые и сводят ее в могилу. Смерть невесты – причина вступления Мархаса в борьбу с виновниками ее гибели. Мать Магрины Хатиха всю жизнь страдает от грубости и жестокости мужа.

Колоритен характер члена Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, учителя Михаила Дорондоева, широко образованного и интеллигентного человека. После учительской семинарии он прослушал трехлетний курс в Петербургском университете. У него огромная библиотека, которая свидетельствует о его широком кругозоре и свободном владении немецким языком.

Главное дело жизни, ради которого он отказался от женитьбы и собственности, – собирание бурятского фольклора, свидетельства творческого гения его создателей. За тридцать лет им собрано девятнадцать вариантов героического эпоса «Гэсэр». Беззаветно преданный своему маленькому народу, Михаил уверен, что тот обречен на исчезновение, и собранные им материалы – своего рода памятник родному народу.

Дорондоев особенно близко сходится с Кузнецовым. Тот отмечает сложность фигуры учителя: Михаил и обеспеченный человек, и восторженный труженик, бессребреник. Как видим, писатель далек от нередко встречавшегося штампа в изображении социальной сути персонажей, в соответствии с которым обеспеченный человек непременно скуп или жаден. Михаил же бесплатно обучает детей, отличается добротой и отзывчивостью.

Столь сложный характер неоднозначно оценивается окружающими. С одной стороны, в улусе уважают и даже любят учителя. С другой – его энтузиазм, отказ от нормальной семейной жизни воспринимается как чудачество.

Хотя писатель трактует образ Михаила как исключение среди персонажей своего повествования, человека необычного, даже чудаковатого, этот характер в определенной мере типичен, т.к. грамотных и даже образованных людей в Бурятии в те годы было немало. Дорондоев – бурятский интеллигент. Будучи истинным интеллигентом, он требователен к себе, даже беспощаден. Удержав Кузнецова от вмешательства в расправу Орбода над Мани, Михаил мучительно корит себя за это.

Таковы главные герои, олицетворяющие в романе силы добра и справедливости. Именно в их поведении, мыслях, чувствах проявляются особенности национального характера. Одна из них – трудолюбие, которое присуще Мархасу, Ондре, Магрине, Дарбе, Йолэ, М. Дорондоеву и др. Это качество бурят отмечает Кузнецов.

Другая национальная черта – особая любовь к детям. «Надо очень хорошо знать бурят, чтобы понимать, что такое дети в бурятской семье», – говорит М. Дорондоев. Не случайно принято называть человека по имени его ребенка, например: «отец Мани». Подчиняясь общественному мнению, дальний родственник взял маленького Мархаса на воспитание, т.к. никто из окрестных бурят не простил бы родичу Мархаса Бабасану, если бы тот не помог осиротевшему мальчику-родственнику.

Однако эта помощь была лишь формальной: на самом деле Мархас сполна испил горькую долю сироты. Это описание детства обиженного дальними родственниками ребенка-сироты напоминает описание детства Хэшэгтэ

из романа Ч. Цыдендамбаева «Вдали от родных степей». Образ гонителя сироты, нарушающего общепринятые нормы, выступает в негативном свете.

К числу особенностей характера скотоводческих народов относится сноровка в обращении с животными, забота о них. Хотя в «Поющих стрелах» нет типичных для бурятских романов образов коней, А. Бальбуров пишет о добром отношении бурят к другому домашнему животному – собаке.

В романе показаны разные аспекты толерантности бурят на примере уже упомянутых поступков Ондре, приютившего Кузнецова, Дарбы, установившего связь бедняков Хасанги с козулинцами, Магрины, помогающей Кузнецову в лечении больных. Михаил Дорондоев обладает разносторонними интересами и широкими познаниями, свободно владеет немецким языком, о чем свидетельствует его богатая библиотека.

Герои романа почитают святыни. М. Дорондоев поясняет Кузнецову, что к онгонам (святыням) не должны прикасаться руки без специальных молитв и заклинаний.

Неоднозначна авторская оценка обрядов. В ряде эпизодов (например, при описании тайлагана) дана позитивная оценка или объективное воспроизведение действа. Что касается шаманского обряда – в его описании доминирует осуждение, т.к. писатель вынужден был считаться с позицией официальной идеологии.

В качестве безусловной ценности охарактеризованы бурятские обычаи: помощь родственникам, усыновление осиротевших детей родичей, твердое соблюдение обещания. Улус изумлен, узнав, что Питрэ, отец Мани, нарушил данное Мархасу слово. Неодобрение вызывает перенос Питрэ предписанных обычаем сроков свадьбы, поэтому в Хасанге не готовятся к состязаниям, обычно сопровождающим это торжественное событие.

Большинство действующих лиц романа по достоинству оценивают наследие предков, следуют традиционным нормам поведения и руководствуются общепринятыми ценностями. Так, Ондре, Ута Мархас, Дарба, Магрина, Мани и др. сдержанны, немногословны, проявляют предупредительность и такт.

В романе описываются прекрасной работы произведения декоративно-прикладного искусства.

Являются ли носителями национального характера отрицательные персонажи? Для ответа на этот вопрос обратимся к рассмотрению таковых.

В образе главного из них, Пилу, сконцентрированы негативные черты. Хотя в его облике есть детали, указывающие на силу и высокий социальный статус (богатая одежда, стать, рокочущий бас), писатель неизменно акцентирует внимание читателей на снижающих деталях: лице, напоминающем больших размеров бычий пузырь, бешено сверкающем, похожем на кошачий единственном глазе, хриплом голосе, тяжелых волосатых кулаках. Описание шаманского обряда содержит отрицательную оценку. Добыв старую шапку своего недруга Тапхана, отца Мархаса, Пилу полдня произносил над ней мрачные заклинания, потом лег навзничь, хрипя и дергаясь. После этого объявил, что Тапхан долго не проживет, а потомство его будет походить на последнюю головешку из очага. Ровно через год после этого Тапхан провалился в волчью яму и умер. Правда, говорили, что у него была проломлена голова, что друзья Тапхана, мстя за него, повесили за ноги родного дядю шамана. Следовательно, в авторском изложении Пилу выступает олицетворением зла.

В таком же ключе показан Орбод. Узкие, щелочками, колючие, злобно прищуренные глаза, редкие желтые зубы, сильно выдающиеся скулы, глубоко провалившиеся щеки, низкий, с глубокой продольной складкой лоб, – таков его портрет. К тому же он кривит рот, прежде чем говорить. Усиливает отрицательное впечатление хриплый грубый голос, сравнение взгляда со сверкнувшим в темноте ножом, а также такая деталь: Орбод ехидно и недоверчиво осклабился. Из-за жестокости все его боятся. Он избивает не только беззащит-

ных бедняков, но и во многом схожего с ним по духу Питрэ. Орбод лишен какой-либо привлекательности. Нет в нем даже внешней импозантности, ощущения силы и властности, исходящей от личности Пилу.

Более развернут характер Ханты Дорондоева, разительно отличающегося от личности его брата Михаила. Коротконогий, с квадратным телом и такой же головой, с кирпично-красным лицом, с маленькими, очень быстро бегающими глазками, как у мыши, увидевшей кошку, с длинными, невероятно сильными руками, которых боятся батраки, Ханта свирепо дерется, зверски избивает жену, а вступившегося за нее Кузнецова вышибает из юрты. При деле же покосов весь его вид, с наклоненной вперед головой, будто Ханта приготовился бодаться, свидетельствует об алчности и жестокости – главных чертах его характера – и как бы говорит собравшимся: «не зря такими длинными и сильными руками наделили Ханту злые духи! Вот он схватит сейчас за горло всех и начнет душить, без всякой жалости».

И без того самый богатый в улусе, он извлекает прибыль даже из благородного порыва Кузнецова, начавшего лечить хасангинцев и жителей окрестных улусов: Ханта без ведома врача и без согласия брата берет с пациентов плату за лечение.

Во внешности эпизодического образа Питрэ Хармаева обращает на себя внимание снижающая деталь: у него маленькие зверовато-ватые глаза под кустистыми бровями. Персонаж славится патологической, доходящей до глупости жадностью. Ходил слух, что он прослаивал ножом мясо, заливал водой, выносил на мороз и в таком виде продавал в городе. Хасангинцы осуждают Питрэ: никогда такого не бывало в улусе. Негативная авторская оценка усилена описаниями того, как Хармаев часами любуется своим богатством, завидует еще более богатому Ханте, ненавидит и бьет жену.

Жену Ханты Сыпин в улусе знают как женщину с двумя лицами и зовут не иначе как Сыпин, неумеющая краснеть. Она слывет развязной и бестыжей.

Очевидно, что отрицательные персонажи лишены сколько-нибудь существенных общечеловеческих и национальных черт характера.

Классовый подход, в соответствии с которым создавалось большинство произведений крупных жанров советского периода, в особенности на историко-революционную тему, обусловил соответствующую интерпретацию некоторых деталей повествования.

Как правило, в эпические произведения крупных жанровых форм, особенно в романы, органически включены эпизоды, описывающие эстетическое отношение героев к природе, чаще всего позитивное. Любовь к родной природе обычно раскрывается писателями в неразрывной связи с любовью к родине. Однако в данном романе дана другая трактовка этого естественного для человека чувства. Почти нет выразительных описаний природы. Более того, отношение Ута Мархаса к природе нетипично: он воспринимает ее с позиции обездоленного сироты, страдающего от холода, ветров и сырости.

Другая деталь свидетельствует о существенной трансформации одной из основополагающих черт национального характера – любви к детям – для усиления впечатления о Мархасе как страдающем и несправедливо обиженном ребенке. Родственник Мархаса, взяв его на воспитание, лишь формально последовал общепринятой норме. На деле он и его жена не только не заботятся о сироте, но и изощренно издеваются над ним.

Наконец, в противовес традиционным заботе и даже любви к домашним животным Мархас иначе относится к ним, воспринимая телят с позиции подневольного батрака-пастуха, для которого они – самые несносные животные в мире.

Подобные эпизоды следует рассматривать как неизбежную дань сложившимся в годы создания романа идеологическим стереотипам. Тем не менее, как отмечалось, писатель демонстрирует способность выходить за рамки поляризации персонажей по классовому критерию, пытается обозначить свойства на-

ционального характера в целом, вкладывая оценки в уста персонажей иной национальной принадлежности. Наиболее обобщающие мнения принадлежат Савелию Кузнецову. Прожив в улусе некоторое время, он убедился, что буряты – отменно скромные люди, необычно восприимчивые, легко и прочно усваивают очень сложные вещи, но никогда ничему не поверят на слово. По мере развития сюжета писатель показывает, что у поселенца складывается такое впечатление: буряты – маленький, но сильный духом народ. Молодежь бурятская отважна и даже кое в чем задириста, старики же мудры и сдержанны.

В романе встречаются описания, в некоторой степени оттеняющие представление читателя о национальном характере, например, такое: «бурятское старинное правило ведения дел: никогда не спеши, никогда не начинай прямо с того, с чем ты приехал, а плети все, что тебе угодно, и лишь под конец, как бы между прочим, как можно небрежнее оброни главное».

Таким образом, в романе «Поющие стрелы» Африкан Бальбуров показал важные общечеловеческие, а также присущие бурятскому национальному характеру качества своих героев.

А.В. Васильева пишет, что исторический роман, «как никакой другой жанр, позволил авторам выражать свои идеи глубоко опосредованно, трансформируя сквозь призму изображаемых картин и образов далекого прошлого, через аналогии разных эпох, через другие поэтические средства, имеющиеся только в его арсенале» [5].

Несмотря на неизбежную в 1950-1960-е гг. дань писателей канонам социалистического реализма, в рассмотренных романах художественно убедительно воплощены важные грани бурятского характера. Особенно ярко и впечатляюще это удалось сделать авторам романов «Похищенное счастье» и «Поющие стрелы», вошедших в золотой фонд бурятской литературы.

Литература

1. Санжин, Б.С. Путь праведный [Текст] / Б.С. Санжин. – Улан-Удэ, 1986. – С. 126.

2. Батожабай, Д.О. Похищенное счастье [Текст] / Д.О. Батожабай. – М., 1973. – С. 81.

3. Найдаков, В.Ц. Даширабдан Батожабай [Текст] / В.Ц. Найдаков. – Улан-Удэ, 1991. – С. 90.

4. Деркач, Д.Б. Современный историко-революционный роман (проблемы поэтики) [Текст] / Д.Б. Деркач. – Киев, 1989. – С. 52.

5. Васильева, А.В. Историзм, народность, общечеловеческое в историческом романе [Текст] / А.В. Васильева. – Улан-Удэ, 1991. – С. 6.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Серебрякова З.А., канд. филол. наук, доцент кафедры литературы, теории и истории искусства, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств (ВСГАКИ), г. Улан-Удэ
org555@mail.ru y.a.serebr@mail.ru

Научные интересы: изучение бурятской литературы, филология

Z. Serebryakova, candidate of science (philology), associate professor, department of Literature, Theory and History of Art, East-Siberian State Academy of Culture and Arts, Ulan-Ude

Research interests: Buryat literature, philology

УДК 801

Смолина Мария Борисовна
Maria Smolina

ПОЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ «ПРИВЕТСТВИЕ» И «ПРОЩАНИЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.А. ПОТЕХИНА)

FIELD-MODEL CONSTRUCTION OF 'GREETING' AND 'FAREWELL' SPEECH GENRES (BY EXAMPLE OF POTEKHIN'S DRAMATIC ART)

Предлагается концепция полевого построения речевых жанров «Приветствие» и «Прощание» на основе интенционально-концептуального подхода к их исследованию. Анализ проводится на материале драматических произведений А.А. Потехина, что позволяет не только выявить механизмы и психологию речевой деятельности его героев, но и доминанты русского коммуникативного сознания в целом, а также особенности его стратовых вариантов

The article is focused on the concept of field-model construction of Greeting and Farewell speech genres within the limits of intentional and conceptual approach to their analysis. The analysis is done on Potekhin's dramatic art. This allows revealing mechanisms and psychology of speech activity of his heroes, as well as dominants of Russian communicative consciousness, and its stratification variants features

Ключевые слова: *речевой жанр, коммуникативное сознание, концепт, интенциональность, полевый анализ, стратовость, Потехин*

Key words: *genre of speech, communicative consciousness, concept, intentionality, field-model analysis, stratification, Potekhin*

Интерес к изучению речевых жанров (РЖ) «Приветствие» и «Прощание» обусловлен проблематикой последних исследований ученых-генристов, одна из которых – проблема идентификации речевых жанров и построения их типологии. Исходя из понимания речевого жанра как «микрообряда, который представляет собой вербальное оформление взаимодействия партнеров коммуникации» [Седов: 2007; 14], как «реализации определенного спектра социальных ценностей и основанных на них лингвокультурных концептов» [Слышкин: 2005; 178], мы открыли для себя возможность нового интенционально-концептологического анализа РЖ «Приветствия» и «Прощания» – через полевый принцип организации этих жанров в дискурсивном мышлении говорящих. Анализ в данном аспекте необходимо проводить на таком художественном ресурсе, который является не только важным каналом отражения и накопления языковой, культурологической информации, но и содержит образы, вполне адекватные научной трактовке. Произведения А.А. Потехина являются благодатным материалом, малоизученным и еще не оцененным лингвистами и литературоведами. Будучи управляющим репертуарной частью и драматическими труппами императорских театров, А.А. Потехин – создатель многих произведений, которые по праву счи-

таются диалогом о русском национальном характере. В его творчестве приоритет отдан жанру драмы с ее стремлением к достоверности, максимальному соответствию художественных образов реальным психологическим типам, описанию социально-бытовой среды, которая формирует сознание людей и влияет на их судьбы. А.А. Потехина, вне всякого сомнения, интересовали глубинные слои языка, механизмы и психология речевой деятельности героев, сам же автор, как драматург, максимально самоустраняется из речевого пространства своих произведений. Так создается сценическая, или текстовая «модель мира», которая способствует объяснению, преобразованию, познанию действительности.

«Приветствие» и «Прощание» как наиболее репрезентативные жанры в художественном пространстве А.А. Потехина не только являются каркасом любого акта общения героев, но и выявляют речевые, а значит и социально-психологические характеристики персонажей, сопровождают другие важные речевые жанры, усиливая взаимодействие между героями, т.е. оформляют бытийный ход драмы.

Для описания РЖ «Приветствие» и «Прощание» в речи персонажей А.А. Потехина необходимо определить, из чего вообще складывается семантическая и структурная модель этих жанров в русском коммуникативном сознании. Словарные толкования лексем «приветствовать» и «прощаться» сводятся к значению передачи благопожелания в начальный и конечный моменты общения. Значит, в сознании они являются симметричными актами по их интерактивной роли и семиотической значимости. Синтез начала и конца в одной точке ведет к формированию понятия «целого», которое изначально связано с концепцией бытия и имеет в своем значении такие базовые семы, как «нетронутый», «неповрежденный», «здоровый». Переход этих понятий в ритуализированные формы традиционной жизни показателен: жанры «Приветствие» и «Прощание» символизируют концептуальное совпадение начала и конца коммуникативного «круга»: взаимными выражениями благопожелания в начале и в конце коммуникативного взаимодействия говорящие очерчивают зону действия своих жизненных интересов, своего личного общения, а значит, свою социализированную среду обитания.

Этот вывод позволяет нам идти к решению другой исследовательской задачи – выстраиванию концептуальной схемы, которая формирует понятийно-образное ядро жанров приветствия и прощания. Как у жанров-благопожеланий, в центре смысловой структуры «Приветствия» и «Прощания» формируется ядерный концепт «добро/благо», репрезентирующий высшую этическую ценность – «все, что приносит счастье, благополучие, пользу», которое аккумулирует смыслы с позитивной коннотацией. При этом, как уже было сказано, важной ценностью бытия является его целостность, «неповрежденность». Этот семантический элемент репрезентируется, например, в концептах *здоровье* («здорово дневали», «оставайтесь живы-здоровы»), *мир* («мир дому сему», «идите с миром»). Магическим оберегом цельного пространства является апелляция к небесным силам как к высшему добру («Бог милости прислал», «Бог на прощенье»).

Концептуализация бытийных ценностей в РЖ «Приветствия» и «Прощания» сопровождается ассоциативным контекстом, который обеспечивает связь с другими стереотипами сознания того же рода – коммуникативными ценностями, которые отражают эталонность и каноничность нашего мышления. Как показал анализ речи персонажей А.А. Потехина, коммуникативные ценности обладают как конвергентностью, т.е. отражают психологический и языковой опыт данного этноса в целом, так и дивергентностью, прежде всего социальной, т.е. в каждой страте этнокультурного сообщества (в понимании Н.И. Толстого) существует своя доминанта ценностно-иерархической системы, свой подтип нравственного сознания. Интереснейшая линия сопоставлений наблюдается между народным типом сознания и условно называемым «светским» сознанием.

Так, если в народном сознании формируется ценностное поле с концептуальным центром – «радушия», «почитания», «смирения», то в «светском» сознании – «учтивости», «обходительности».

Культурные и коммуникативные ценности являются ядром полевой организации РЖ. Это те императивы и запреты, цели и нормативные представления, которые являются ориентирами деятельности человека, влияют на стереотипы его коммуникативного поведения. Последние, в свою очередь, формируются в сознании как субъективные ценности, символизируют процесс «врастания» личности по мере ее социализации в систему различных моделей коммуникативного взаимодействия. Это позволит выявить особое смысловое поле РЖ «Приветствия» и «Прощания» – деятельно-операционное, которое содержит экспликацию мотивировок, оценок, их прагматические импликации, поведенческие реакции и т.п. Таким образом, важнейший для формирования этого поля жанра механизм – интенциональный. Интенциональность незримыми путями связывает ядерный смысловой компонент РЖ, его внутреннюю культурологическую сущность с намерениями и коммуникативными целями общающихся.

Как показал анализ, интенциональное поле РЖ «Приветствия» и «Прощания» у Потехина характеризуется сложной структурой, поскольку они выполняют несколько функций: информационную – центрированы на физическом, социальном, психологическом «мире» человека; фатическую – формируют общую среду личного и социального коммуникативного пространства героев; регулятивную и экспрессивную – функцию воздействия на адресата и выражение собственного внутреннего мира. На этом основании можно выделить порождающие механизмы РЖ у А.А. Потехина:

1) механизм контаминации – формирования сожанровых образований, передача семантического потенциала одного жанра в смысловое поле другого жанра. Этот механизм конструирования РЖ можно соотнести с важнейшей жанровой стратегией – фатикой унисона (установка на гармонизацию, улучшение межличностных взаимоотношений).

Золотарев….*Затем имею честь кланяться и пожелать вам счастливого пути и такого же успеха во всех ваших предначинаниях... Прощайте, мой любезнейший...*

Владимир Васильич. *Прощайте, добрейший Дмитрий Николаич... Еще раз благодарю искренно...* («Мишура»)

В соответствии с интенциями собеседников формируются сожанровые образования обращения (аксиологически положительные, дополненные наименованием по имени-отчеству), пожелания, благодарности, дополненные тактикой откровения, косвенного комплимента (также через обращения), нацеленные на сокращение персональной дистанции, воплощение тактики солидаризации;

2) механизм стирания означаемого в РЖ, что связано с нейтральной фатикой (индивид выступает как коммуникативный лидер, нет установки на партнера):

Воробейчикова *(быстро входя). А, здравствуйте, здравствуйте!.. с какою я к вам новостью приехала – просто удивительно!.. Дайте, mon ange, огонька - закурить папироску... Меха стали дешевле... Да где же тётенька и сестрица?*

Вера Сергеевна. *В своей комнате.*

Воробейчикова. *Ну, пусть… Ах, mon ami, одна знакомая мне купчиха продает горностаевую шубку…*(«Новейший оракул»).

Формально РЖ «Приветствие» здесь содержит просьбу, обращение, информацию, комплимент, однако взаимодействие не направляется ими, диалог аморфен, что выражается в перемене тем при отсутствии одной объединяющей, говорящий игнорирует отсутствие в общении своего собеседника; дискурс строится в соответствии с принципами центрированного общения;

3) трансформация РЖ, связанная чаще всего с фатикой диссонанса, манипуляции. Так, в пьесе «Новейший оракул» приветствие и прощание в диалоге мнимого ясновидящего

Зильбербаха и квартального надзирателя трансформируются в скрытое предложение дать взятку и совершение этой обманной сделки.

Итак, благодаря методике интенционально-концептуального портретирования жанра, можно выявить полевую организацию РЖ «Приветствия» и «Прощания», которая определяет внутреннее и внешнее строение РЖ, оформляет важнейшую смысловую корреляцию между ядерным компонентом жанра, выражающим ценностные доминаты сознания, и периферийным, выявляющим деятельностный компонент мышления. Данная организация РЖ отражает две различные практики – практика человека, рассуждающего о мире – практика познания, и практика человека, в мире живущего и действующего.

Литература

1. Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание/ Под ред. И.А. Стернина. – ВГУ, 2001. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.belb.net/obmen/kognit-lingvistik.pdf.

2. Седов, К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации [Текст] / К.Ф. Седов // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М., 2007.

3. Слышкин, Г.Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа [Текст] / Г.Г. Слышкин // Жанры речи. – Вып. 4. – Саратов, 2005.

5. Тарасенко, Т.В. Этикетные речевые жанры в разных сферах общения [Текст] / Т.В. Тарасенко // Филология-журналистика 97. – Красноярск, 1998.

6. Толстой Н.И. Язык и культура [Текст] / Н.И. Толстой // Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.

7. Coupland J. (ed.) Small talk. – Harlow, 2000.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Смолина М.Б., аспирантка, Ивановский государственный университет (ИвГУ)
Служ. тел.: 8 (4932) 30 02 16

M. Smolina, post-graduate student, Ivanovo State University

Научные интересы: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, речевые жанры повседневного общения

Research interests: cognitive linguistics, cultural linguistics, speech genres of everyday communication

УДК (075.8) 371

Соколова Татьяна Александровна
Tatiana Sokolova

СТЕПЕНЬ КОНЦЕНТРАЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПРИ ЧТЕНИИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

THE CONCENTRATION DEGREE OF WORD-FORMATION ACTIVITY DURING FOREIGN TEXT READING

Статья посвящена рассмотрению вопроса о специфике словообразовательной деятельности читателя при восприятии и понимании иноязычного текста. В работе доказывается, что степень словообразовательной активности варьируется в зависимости от цели и, соответственно, вида чтения

The article is devoted to analysis of specific features of a reader's word-formation activity during a process of a foreign language text comprehension. The author makes an attempt to prove the fact, that the degree of word-formation activity varies depending on the purpose (and so the type) of reading

Ключевые слова: *словообразовательная активность, чтение на иностранном языке, словообразовательные стратегии, словообразовательные модели, словообразовательная деятельность*

Key words: *word-formation activity, reading in foreign language, word-formation strategy, word-formation models, word-formation activity*

Словообразовательная деятельность человека реализуется в тех случаях, когда в воспринимаемом иноязычном тексте он встречается с трудностями, связанными с незнанием слов и выражений. Это связано, как известно, с тем, что чтение иноязычных аутентичных текстов по специальности заведомо предполагает наличие в них незнакомого читателю языкового материала, особенно лексики. Большинство ученых (И.А. Зимняя, Г.В. Рогова, И.Л. Бим, М.Л. Вайсбурд и др.) рассматривают незнакомый языковой материал как основной камень преткновения в иноязычном чтении, наличие которого существенно затрудняет интуитивно-целостное восприятие и понимание иноязычного текста.

Незнакомый языковой материал в текстах по специальности, как указывают исследователи (Л.С. Коробова, И.Р. Гальперин, Т.М. Дридзе, Л.И. Зильберман, Н.Д. Орлова), представлен, в основном, терминами, общенаучной лексикой, с помощью которой передается профессиональная направленность текста. Наличие незнакомой иноязычной лексики предполагает опору читающего на собственные знания в области словообразования изучаемого языка. В этом случае необходимо актуализировать словообразовательные стратегии, которые позволяют читателю даже с ограниченными иноязычными возможностями справляться с языковой (лексической) трудностью, оперируя теми словообразовательными моделями, которыми он располагает. При этом поиск решения поставленных задач начинает рассматриваться как активная самостоятельная деятельность читающего.

Способность к такой деятельности – словообразовательная компетенция – не проявляется сама по себе, ее надо целенаправленно формировать. При этом словообразовательная деятельность предполагает свободный выбор словообразовательных средств со стороны обучаемых, лишь иногда гибко направляемый преподавателем. Студент при этом проявляет свою индивидуальность в умении принимать независимые решения, использовать различные средства для понимания незнакомых слов, встречающихся в иноязычном тексте. Таким образом, при встрече с незнакомой иноязычной лексикой в ходе чтения текстов обучающийся вырабатывает свой собственный план преодоления возникших трудностей, используя при этом знания, умения, средства, которыми он располагает.

Итак, словообразовательная деятельность, связанная с преодолением студентом лексических трудностей при чтении на иностранном языке, включает индивидуально-обусловленные действия, которые связаны с использованием имеющихся знаний в области словообразовательных средств и опыта (умения преодоления словообразовательных трудностей). Такие действия по-разному способны себя проявлять в ходе чтения как процесса, преследующего различные целевые установки. Вариативное с точки зрения интенсивности функционирование этих действий в ходе читательской деятельности связано с тем, что конкретные условия чтения задают необходимую ситуацию для актуализации компонентов словообразовательных стратегий. Эта ситуация, как традиционно признано в лингводидактике, обусловлена целями читательской деятельности, требующими применения того или иного вида чтения. Каждый вид чтения должен предусматривать особую концентрацию *словообразовательной активности, которая предполагает использование словообразовательных средств для преодоления трудностей при чтении, связанных с определением значения нового / незнакомого слова.*

Поиск решения вопроса об определении степени концентрации словообразовательной активности в разных видах чтения предполагает опору на одну из наиболее приемлемых (в силу полноты охвата целей и ситуаций чтения) классификаций, предложенную и обоснованную С.К. Фоломкиной. В зависимости от целеустановки читателя ею выделяются основные виды чтения: просмотровое, ознакомительное, поисковое и изучающее. Овладение представленными видами чтения имеет особое значение при достижении практической цели обучения иностранном языку в неязыковых вузах, что указано в программе курса иностранного языка для вузов неязыковых специальностей.

Рассмотрение каждого из видов чтения изолированно друг от друга, обозначение цели, определение условий успешности его (вида чтения) протекания позволит обобщить результаты анализа и представить целостную картину, складывающуюся в области словообразовательной деятельности читателя при актуализации разных видов чтения.

Вид чтения, который используется при первичном ознакомлении с публикациями различного рода и «чаще всего направлено на решение вопроса о дальнейшей «судьбе» источника или ряда источников – будут они использованы для последующего (другого вида) чтения или нет» [19; С. 133], называется *просмотровым*. Общеизвестно, что при таком виде чтения осуществляется выборочное чтение отдельных элементов текста, при котором все незнакомые слова обучающимся могут опускаться. Вместе с тем, при чтении текста по специальности может иметь место ситуация, когда на протяжении всего текста встречается одно и то же незнакомое слово, которое, исходя из частоты его употребления, явно имеет важное значение для понимания текста и не может быть опущено. В этом случае у обучающегося возникает необходимость догадываться о значении слова, опираясь на имеющиеся у него знания из области словообразования, знание словообразовательных моделей, умение догадываться о значении слова по отдельным словообразовательным элементам и др.

Сказанное позволяет констатировать, что степень концентрации словообразовательной активности читателя в этом виде чтения будет невысокой, поскольку словообразовательные стратегии будут активизироваться спорадически, лишь при необходимости, в отдельных конкретных ситуациях.

Вид чтения, целью которого является извлечение основной информации из текста, как известно, называется *ознакомительным* чтением. В читательской практике это самый распространенный вид. «Этим умением должен обладать всякий образованный человек, но оно особенно необходимо научным работникам, инженерам, студентам, а также всем тем, кто должен следить за иностранной литературой в той или иной области» [20; С. 133].

Анализ литературы, посвященной данному виду чтения (А.А. Петухова, Г.В. Рогова, Н.Ф. Бориско, С.К. Фоломкина, С.А. Фомин), показал, что для ознакомительного чтения используются, как правило, несложные в языковом отношении тексты. Их основное содержание воспринимается при одноразовом прочтении текста за ограниченное время и без привлечения словаря. Эта специфика ознакомительного чтения предопределяет возникновение у студентов определенных трудностей, связанных с необходимостью достаточно быстро определить значение слова, опираясь на его словообразовательную специфику.

Иными словами, студент должен прибегнуть к актуализации словообразовательных стратегий. При этом степень концентрации словообразовательной активности в этом случае особая, значительно превышающая показатели просмотрового чтения.

Другим видом чтения, который необходимо рассмотреть с точки зрения концентрации словообразовательной активности читателя, является изучающее чтение. Целью такого вида чтения, как известно, является максимально точное и полное понимание содержания текста (С.К. Фоломкина, З.К. Мажуолене, В.А. Князева, Е.В. Ершова, С.А. Мартинес). Так читаются тексты, чаще их отдельные части, информация которых особенно важна или профессионально интересна для читающего. «Объектом контроля при таком чтении выступают не только полнота и точность понимания содержания прочитанного, но и правильность определения значения новых слов, т.е. способа достижения такого понимания» [19; С. 107].

Казалось бы, степень концентрации словообразовательной активности при этом виде чтения (где самоцелью является определение значения новых слов) должна быть особенно велика. Однако это не совсем так. Дело в том, что при таком виде чтения читающий не ограничен во времени и может пользоваться словарем для толкования незнакомых слов. Следовательно, степень концентрации словообразовательной активности не столь значительна, она будет явно ниже, чем при ознакомительном чтении.

Наконец, *поисковое* чтение. В профессиональной деятельности этот вид чтения встречается как самостоятельный довольно часто. Посвященные данному виду чтения (Н.И. Болотина, Л.И. Бурова, С.К. Фоломкина) исследования показывают, что целью читателя является нахождение в тексте конкретной информации (определений, формулировок, цифровых или иных данных и т.п.) за счет определенных сигналов. Причем всегда указывается именно информация, а не языковой материал. Таким образом, такой вид чтения не предполагает существенной концентрации словообразовательной деятельности читателя (за исключением тех редких случаев, когда в определении, формулировке могут встретиться незнакомые слова).

Проведенный анализ позволяет сравнить виды чтения с целью определения степени концентрации словообразовательной активности в каждом из них, что позволит сделать вывод о том, что в зависимости от цели чтения будет варьироваться качественный состав словообразовательных стратегий.

Степень концентрации словообразовательной деятельности читателя в разных видах чтения

Вид-чте-ния	Цель чтения	Условия, определяющие успешность протекания вида чтения	Степень концентрации словообразовательной деятельности
Ознакомительное	Извлечение из текста основной информации со степенью полноты понимания в пределах 70…75 % в условиях одноразового прочтения	– проведение в режиме дефицита времени; – организация как одноразового чтения про себя; – проверка понимания основной информации; – исключение перевода на родной язык	*Высокая,* предполагает особую концентрацию словообразовательной деятельности читающего
Изучающее	Достижение детального/полного (100 %) и точного уровня понимания основных и второстепенных фактов, содержащихся в тексте	– медленный вид чтения про себя без ограничения времени; – перечитывание текста с решением новых задач; – перевод на родной язык всего текста или его фрагментов; – чтение первоначально облегченных текстов, затем трудных (поучительных в смысле подхода к работе над незнакомым материалом)	*Средняя,* предполагает активизацию словообразовательной деятельности в том случае, если речь идет об определении значения новых слов без использования словаря
Просмотровое	Самое общее представление об источнике	– проведение чтения в условиях дефицита времени (темп быстрый, очень быстрый); – первичное ознакомление с содержанием новой публикации	*Ниже средней,* предполагает активизацию словообразовательной деятельности лишь в том случае, если незнакомое слово несет в себе необходимую для достижения цели чтения информацию
Поисковое	Нахождение в тексте конкретной информации	– проведение чтения в условиях дефицита времени; – принятие решения о целевом использовании информации; – использование экстралингвистических и когнитивных опор текста	*Низкая,* либо активизация словообразовательной деятельности читателя вовсе не предполагается

Как видно из таблицы, наиболее высокая степень концентрации словообразовательной деятельности отмечается при ознакомительном чтении, самая низкая – при поисковом чтении. При просмотровом и поисковом чтении концентрация словообразовательной деятельности происходит лишь в отдельных (весьма редких) случаях, связанных с пониманием незнакомого слова, которое несет в себе необходимую для понимания текста информацию (для просмотрового чтения) либо, если оно содержится в формулировке, определении (для поискового чтения).

Таким образом, конкретные условия чтения задают необходимую ситуацию для актуализации компонентов словообразовательных стратегий. Эта ситуация, как традиционно признано в лингводидактике, обусловлена целями читательской деятельности, требующими применения того или иного вида чтения. Представленный в статье материал позволяет сформировать целостную картину, складывающуюся в области словообразовательной деятельности читателя при использовании разных видов чтения.

Литература

1. Бим, И.Л. О преподавании иностранных языков на современном этапе [Текст] / И.Л. Бим, Н.П. Каменецкая, А.А. Миролюбов и др. // Иностр. яз. в шк. – 1995. – №3. – С. 6-11, 48.

2. Болотина, Н.И. Системный подход к обучению поисковому чтению французских текстов [Текст]: автореф. дис. … канд. пед. наук : 13.00.02 / Н.И. Болотина. – М., 1994. – 16 с.

3. Бориско, Н.Ф. Сам себе методист, или Советы изучающему иностранный язык [Текст] / Н.Ф. Бориско. – Киев, 2001. – 152 с.

4. Бурова, Л.И. Дидактические основы формирования профессиональных навыков информационно-поискового чтения при подготовке специалистов в высших учебных заведениях (английский язык) [Текст]: автореф. дис. .. канд. пед. наук : 13.00.02 / Л.И. Бурова. – М., 1998. – 20 с.

5. Вайсбурд, М.Л. Обучение пониманию иноязычного текста при чтении как поисковой деятельности [Текст] / М.Л. Вайсбурд, С.А. Блохина // Иностр. яз. в шк. – 1997. – № 1. – С. 33-38

6. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 138 с.

7. Дридзе, Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии [Текст] / Т.М. Дридзе. – М., 1984. – 135 с.

8. Ершова, Е.В. Формирование предметного компонента коммуникативной компетенции студентов медико-биологического профиля в процессе изучающего чтения: Начальный и средний этапы обучения [Текст] : дис. … канд. пед. наук: 13.00.02 / Е.В. Ершова. – М., 2002. – 168 с.

9. Зильберман, Л.И. Лингвистика текста и обучения чтению английской научной литературы [Текст] / Л.И. Зильберман. – М., 1988.

10. Зимняя, И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе [Текст] / И.А. Зимняя. – М.: Просвещение, 1991. – 222 с.

11. Князева В.А. Грамматический анализ как средство обучения изучающему чтению на начальном этапе: (на материале текстов газет информ. внутр. тематики) [Текст]: автореф. дис. .. канд. пед. наук: 13.00.02 / В.А. Князева. – СПб., 1994. – 15 с.

12. Коробова, Л.С. Словообразовательный анализ и его роль в процессе обучения иностранным языкам в неязыковом вузе [Текст] / Л. С. Коробова. – М., 1973.

13. Мажуолене, З.К. Контроль как средство интенсификации обучения изучающему чтению научной литературы (английский язык, неязыковой вуз) [Текст]: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.02 / З.К. Мажуолене. – М., 1988. – 23 с.

14. Мартинес, С.А. Методическое обоснование системы упражнений для формирования грамматических навыков изучающего чтения (начальный этап обучения студентов нефилологического технического профиля): дис. … канд. пед. наук: 13.00.02. – М., 1985. – 231 с.

15. Орлова, Н.Д. Роль словообразования в освоении спецлексики иностранными учащимися [Текст] / Н.Д. Орлова // Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. – Казань, 2004. – 384 с.

16. Петухова, А.А. Формирование умений студентов в ознакомительном чтении с исполь-

зованием компьютерной программы (немецкий язык, неязыковой вуз) [Текст]: авреф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.02 / А.А. Петухова. – Таганрог, 2001. –19 с.

17. Рогова, Г.В. Методика обучения иностранному языку в школе [Текст] / Г.В. Рогова, Ф.М. Рабинович, Г.Е. Сахарова. – М.: Просвещение, 1991. – С. 89-101.

18. Фомин, С.А. Обучение студентов инженерно-экономического профиля ознакомительному чтению на материале английских профессиональных текстов с использованием обучающих программ для РС [Текст]: автореф. дис. канд. пед. наук : 13.00.02 / С.А. Фомин. – Петрозаводск, 2000. – 18 с.

19. Фоломкина, С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе [Текст] / С.К. Фоломкина. – М.: Высшая школа, 2005. – 253 с.

20. Щерба, Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики [Текст]. – 3-е изд. – М., 1974. – С.133.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Соколова Т.А., аспирантка, Иркутский государственный лингвистический университет (ИрГЛУ)
sokolova-tania@mail.ru

T. Sokolova, post-graduate student, Irkutsk State Linguistic University

Научные интересы: методика преподавания иностранных языков

Research interests: methods of foreign language teaching

УДК 81’27

Хилханова Эржена Владимировна
Erzhena Khilkhanova

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ЭТНИЧЕСКОЙ БУРЯТИИ)

LINGUISTIC FACTORS OF CODE-SWITCHING (BY EXAMPLE OF CONTEMPORARY LANGUAGE POSITION IN ETHNIC BURYATIYA)

Статья посвящена описанию лингвистических факторов переключения кодов в естественных диалогах двуязычных бурят, а именно: отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора, интер-дискурс и тема разговора, недостаточная языковая компетенция в $Я_а$ ($Я_а$ обозначает язык-реципиент, в то время как $Я_б$ – это или вставляемый язык (в случае вкраплений), или второй основной язык (в случае смены основного языка).

The paper concerns linguistic factors of code-switching in everyday conversations of bilingual Buryats, and namely: absence of a particular notion in the cognitive base of a receptive language, inter-discourse and topic of conversation, insufficient linguistic competence in L_a combined with the high linguistic competence in L_b, as well as frequency of using L_b

Ключевые слова: *переключение кодов, языковая компетенция, $Я_а$ и $Я_б$, интер-дискурс*

Key words: *code-switching, linguistic competence, L_a and L_b, inter-discourse*

В статье представлен краткий анализ *переключения кодов*, характеризующих языковую ситуацию в одном из национальных регионов Российской Федерации – этнической Бурятии (современная этническая Бурятия включает в себя Республику Бурятия, бывший Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (ныне часть Иркутской области) и Агинский Бурятский автономный округ (ныне часть Забайкальского края) с экспланаторной перспективы, т.е. с точки зрения выявления факторов, оказывающих позитивное или (чаще) негативное воздействие на динамику двуязычия в данном регионе. Анализируется только одна группа факторов коллективного выбора языка бурятской этнической группой, а именно *собственно лингвистические* факторы. В работе использована часть материалов полевого социолингвистического исследования, проведенного автором в 2004-2006 гг. на территории этнической Бурятии, а именно транскрипты аудиозаписей естественных диалогов двуязычных бурят в комплексе с данными включенного наблюдения. Именно естественный диалог, представляющий собой первичную форму человеческой коммуникации, может дать сведения об экстралингвистических детерминантах, структурных следствиях и механизмах переключения кодов (далее – ПК), поскольку повседневное спонтанное общение, в отличие от более формализованных его видов, является основной формой существования языка (особенно миноритарного), которая позволяет судить о происходящих в нем акту-

альных процессах, в отличие, например, от бурятской речи, которую мы слышим в театре или СМИ.

Следует сказать, что собственно лингвистических причин предпочтения в речи русского языка бурятскому не так уж много; большинство из них лежит за пределами «чистой» лингвистики. Среди лингвистических факторов перехода с бурятского языка на русский были выявлены следующие: отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора, интер-дискурс и тема разговора, недостаточная языковая компетенция в $Я_а$ наряду с высокой языковой компетенцией в $Я_б$ и частотой использования $Я_б$, а также передача чужой речи.

«Классическим» фактором ПК является *тема разговора*. При диглоссной языковой ситуации, характерной для этнической Бурятии, переход с семейно-бытовой или религиозной темы на официально-производственную является фактором ПК с бурятского на русский, например:

(1) *Юун гэжэ һургуулида орохо гэжэ* (‘что это такое – пойти в школу’) – цéлэ экзамен *орой*.

(2) Хотя бы маленькую тройку *абаха* надо *эндэ* (‘получить надо здесь’).

(3) *Тиижэ*… (‘таким образом’) но в общем *тиигээд.. алиньшье һаа тиигээд бэшэгдэхэ юм ааб даа-- ши.. юун.. би.*. (‘затем.. хоть потихонечку таким образом напишется-- ты.. это.. я..’) экспериментальный материал собираю--

В примерах 1-3 ПК происходит при необходимости лексической репрезентации темы «образование, наука», выраженной номинативными словосочетаниями «цéлэ экзамен», «маленькая тройка», «экспериментальный материал». Следует отметить, что с официально-производственной сферой в данных словосочетаниях связаны только существительные, а определяющие их прилагательные вполне могли быть выражены бурятскими эквивалентами: *аяар экзамен, жаахан тройка* или даже *жаа (жаахан) гурба* и т.д. Подобные конструкции не только возможны, но и реально существуют в современном бурятском языке. В примере 3 грамматический субъект «материал» влечет за собой русскоязычный предикат «собираю», хотя словосочетание *материал суглуулнаб* является грамматически корректным и отвечает требованию соответствия синтаксических структур двух языков в ближайшем окружении от границы переключения. Чем же тогда объясняется то, что ПК редко ограничивается одним словом и распространяется на его ближайшее окружение, и структурная возможность формулировки мысли на бурятском языке не реализуется? Думается, здесь действует механизм когезивно-когерентной инерции говорения: тема имеет большие шансы быть продолженной на том языке, на котором были высказаны ключевые для нее слова, поскольку отношения когезии и когерентности, в которых эти слова находятся, легче выразить на этом же языке. Можно сказать, что в определенном смысле слова, относящиеся к официально-производственной сфере, являются триггерами, а обусловленное ими ПК подкрепляется экономией речевых усилий.

Более детальное объяснение механизма тематически-обусловленного ПК может дать дискурсивный подход, а именно интерпретация дискурса в понимании М. Фуко. Известно, что специализация человеческого знания, существование юридических, экономических, медицинских и других дискурсов, выработанных соответствующими институтами, компенсируется интегративными элементами дискурса, в результате чего возникает *интер-дискурс*, который обеспечивает взаимопонимание в обществе. Интер-дискурс есть в любом обществе, но в многонациональном обществе, каковым является Россия, на взаимодействие институциональных сфер между собой накладывается фактор дву- и многоязычия. Поскольку система образования и СМИ – одни из самых мощных институтов современного общества, а все члены бурятской этнической общности получили образование на русском языке и большинство из них живет в русскоя-

зычном окружении, то частота говорения на русском языке, отсутствие обозначений новых реалий на бурятском языке ведет к появлению речевой привычки, закреплению паттернов категоризации мира на русском языке. В России доминантным вектором взаимодействия языков, несмотря на исторически взаимный характер (в русском языке присутствует множество заимствований из других языков), является движение от русского языка к миноритарным. Это выражается в массированном трансфере русскоязычных единиц из «внешних» институциональных сфер в миноритарные языки, включая бурятский. Сказанное иллюстрируется примером 4, в котором тема, с определенной долей условности обозначенная как «работа», является фактором ПК. Ввиду того, что тема приписывается не одному предложению, а протяженному отрезку текста и принадлежит к глобальным структурам дискурса, тематически-обусловленное ПК рассматривается на достаточно протяженном фрагменте устного дискурса (в масштабе реального времени его продолжительность – 1 мин 7 с).

(4)

Л 1: *М-м. Ехыэ абадаг юм гү тэндэ*? (‘Много ли они там получают?’)

И 2: *үгы те, хэдые* (‘нет, но, сколько’) – вот это я не знаю.

Л 3: просто чтобы в городе пожить, наверное

И 4: ему больше по практике че-то было, *тиигээд*.. (‘поэтому’) и по-моему, он тоже работал в японском ресторане--

Л 5: *ЯПОНСКО юундэ байһан байха, Алдар тиижэ байгаа һэн. Нэрыень хараад яана бэшэ аал* (‘в японском этом был наверняка, Алдар так говорил. По имени судит, наверное’).

И 6: могу соврать, aha

Л 7: вот *тиимэ газарнуудташ,* (‘в таких местах’) конечно, можно, aha, но, ресторан *юухэйндэ*\. (‘тому подобное’) А Макдональдс-*даш* (‘в’) там вряд ли чаевые--

И 8: а, нет, конечно--

Л 9: *теэд тэндэш үзэлэй юун*.. (‘и там чрезвычайно это..’) ЖЕСТКО *оройдоо*, (‘очень’) как в армии--

И 10: дисциплина, да?

Л 11: но многие идут--

И 12: aha

Л 13: *оплатаниинь* (‘у них’) я не знаю *хэды байгаа юм* (‘сколько’)

И 14: aha

Л 15: но в таких.. примерно все одинаково *тэрэ юун*.. (‘это вот..’) предлагают… *юун гэжэ*.. (‘это, говорят..’) шесть, семь где-то…

16: но *тэрээхэнтэйш* (‘наряду с этим’) чаевые, прямо так и говорят.

И 17: aha

Л 18: два часа, правда.. тоже хорошо, да? Два дня отработаешь, два дня отдыхаешь

И: 19: но

Л 20: *тиижэ байжа* (‘вот так вот’).

Не все случаи ПК в интерпретируемом дискурсивном фрагменте обусловлены глобальной темой разговора – трудоустройством родственника респондентки. Тем не менее, такие русскоязычные слова и словосочетания, относящиеся к уровню микроструктуры данного дискурса, как «по практике», «работал в японском ресторане», «чаевые», «как в армии», «дисциплина», «два дня отработаешь, два дня отдыхаешь» и т.п., вне всякого сомнения, имеют референциальную связь с двумя институциональными сферами – индустрия сервиса и армия. С когнитивной точки зрения, данные единицы эксплицируют сценарий «работа в индустрии сервиса», представляя собой личное знание респондентки Л. Некоторые единицы, относящиеся к этому же сценарию, выражены на бурятском языке или оформлены по правилам грамматики бурятского языка (*ихэ абадаг, хэдые, Макдональдс-даш, оплатаниинь хэды байгаа юм* и т.п.), но таких меньшинство. То, что реконструкция данного сценария осуществляется преимущественно в виде высказываний на русском языке, позволяет нам говорить о тематической и интер-дискурсивной обусловленности ПК с бурятского языка на русский в данном типичном для современных бурят-билингвов дискурсе.

В результате контактов разномощных языков возникает недостаточная языковая компетенция в $Я_а$ наряду с высокой языковой компетенцией в $Я_б$, тесно связанная с частотой употребления $Я_б$, например:

(5) *Мамашни гэртээ гү* (‘мама твоя дома?’)?

(6) *Тиигээд тэрэ другни ерээд лэ түргөөр лэ ошоё гэбэ* (‘И вот этот мой друг, придя, говорит: пошли скорей’).

(7) *Үгы, энэшни* (‘нет, этот’) плохо будет ловить.

(8) *Энэ манайшни гэр юун-э…* (‘наш дом наш это…’) пятьдесят четвертый, десятиэтажка.

Наиболее ярким свидетельством высокой языковой компетенции в $Я_б$ наряду с недостаточной языковой компетенцией в $Я_а$ вследствие тесных языковых и культурных контактов является постепенная замена даже базового вокабуляра русскоязычными единицами, каковыми являются термины родства и межличностных отношений (примеры 5 и 6). Русскоязычные лексемы воспринимаются уже как немаркированные, нейтральные, в то время как бурятские эквиваленты *эжы* ‘мама’, *нухэр* ‘друг’ и т.д. начинают восприниматься как этнически маркированные. Безусловно, автоматизация речевого навыка, связанная с частотой употребления, также играет здесь роль. В примере 7 незнание технического термина, эквивалентного русскому «ловить (волну, звук)», также является причиной ПК. В примере 8, наряду с недостаточной языковой компетенцией в $Я_а$ и достаточной языковой компетенцией в $Я_б$, связанной, в свою очередь, с автоматизированностью речевого навыка, действует и другой принцип – то, что мы назвали принципом *первичности номинации*. Двуязычные говорящие, конечно, знают о наличии кальки *арбан дабхар гэр* ‘десятиэтажный дом, десятиэтажка’, но вторичность кальки хорошо ощущается билингвами, обладающими достаточной языковой компетенцией в $Я_б$. Для таких билингвов выбрать лексическую единицу на языке-оригинале легче и естественней, чем при калькированном варианте, т.е. в первом случае выбор языка является стилистически немаркированным, а во втором – маркированным. Употребление маркированных единиц всегда сопряжено с бóльшими речевыми усилиями и интенциональностью, и при отсутствии последней говорящий не будет выбирать маркированный языковой вариант.

Цитирование как фактор ПК упоминается еще Д. Гамперцом [4; С. 75-84], но, по нашим данным, не только прямое цитирование, но и любая передача чужой речи, произнесенной на русском языке, выступает как лингвистический фактор ПК, например:

(9) Почему она.. ҮЗЭЛЭЙХЁОР (‘очень сильно’) буддизмом… сто лет мечтаю *гэнэ* (‘говорит’), и щас только-только претворяю. *Теэд..* (‘затем’) ВООБЩЕ не болею *гэнэ* (‘говорит’), совершенно, то есть не из-за каких-то проблем, просто вот внутреннее желание *гэнэ* (‘говорит’). Не знаю, кто-то, может, ей наговорил, *в общем-лэ, теэд хамбые харахаяа һанаа, тиигээд Австралиһаа Эдмонд ерэнэ* (‘в общем-то, хочет посмотреть хамбо, потом из Австралии приезжает Эдмонд’)--

Для бурят-билингвов проще и естественней передать чужую речь в ее первоначальном виде, чем переводить ее на свой национальный язык. Тем не менее, как мы видим в примере 9, некоторые слова и выражения все же переводятся, а слова, вводящие чужую речь, и метатекстовые конструкции даются на бурятском языке. На наш взгляд, это свидетельствует, во-первых, о том, что основным языком является все же бурятский, и, во-вторых, что тем самым говорящий отграничивает себя от иноязычного дискурса и сохраняет лингвистическую идентичность.

Помимо рассмотренных случаев, где возможно определить мотивировку ПК, анализ транскриптов естественных диалогов показал наличие большого количества ПК, когда говорящие без явных видимых причин, без рефлексии переходят с бурятского языка на русский, например:

(10) *Үсэгэлдэр орой болотор холодильник размораживала гэжэ* (‘Вчера допоздна, так

сказать, размораживали холодильник'). Поздно легли, так устали вообще.

В примере 10 естественным было бы продолжить высказывание на бурятском языке, поскольку для этого нет никаких лингвистических препятствий, использованная лексика является бытовой, ПК не несет никакой стилистической функции, т.е. является немаркированным, слова-триггеры в первом предложении отсутствуют, но тем не менее говорящий переключает код. В лингвистической литературе подобное неосознанное ПК определяется как *momentary inclination* – появляющаяся в определенный момент и часто неосознаваемая наклонность к использованию того или иного языка [2; С. 125]. Термин *соскальзывание*, использованный в исследовании переключения и смешения кодов в речи жителей г. Минск [1; С. 29], дает дополнительную характеристику при описании речевого поведения говорящих, у которых компетенция в $Я_б$ выше, чем в $Я_а$, что ведет к тому, что говорящие неосознанно «соскальзывают» к тому языку, который они знают лучше.

Мы интерпретируем такие явления как свидетельство того, что номинация окружающего мира и категоризация действительности уже имеет тенденцию к перекодировке, т.е. постоянное ПК стало уже нормой для двуязычных бурят. По свидетельству некоторых респондентов, они могут говорить на бурятском языке, не переключая коды, но для этого нужен постоянный самоконтроль и определенные усилия. При их отсутствии в естественном диалоге говорящие продуцируют именно двуязычный дискурс с автоматическим ПК. Безусловно, распространенность ПК варьируется в зависимости от разных факторов, в первую очередь, от места жительства, возраста и образования говорящих. Тем не менее, репрезентативность выборки, где населенные пункты отбирались с целью представительства всех типов поселений с учетом их национальной структуры [3; С. 54-63], позволяет нам говорить о том, что привычное, нерефлексируемое переключение кодов с бурятского языка на русский характеризует общую тенденцию речевого поведения бурятской этнической общности *(статья подготовлена в Институте этнологических исследований им. Макса Планка при финансовой поддержке Немецкой службы академических обменов (DAAD)).*

Литература

1. Лисковец, И.В. Переключение и смешение кодов в речи жителей г. Минск [Текст] / И.В. Лисковец // Вестник молодых ученых. – 2001. – № 4 (Серия Филологические науки 1, 2001). – С. 26-33.

2. Проценко, Е.А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике [Текст] / Е.А. Проценко // Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 1. – С. 123-127.

3. Хилханова, Э.В. Факторы коллективного выбора языка и этнокультурная идентичность у современных бурят (дискурс-аналитический подход) [Текст] / Э.В. Хилханова. – Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2007.

4. Гамперц, Д. Стратегии дискурса [Текст] / Д. Гамперц // Исследования по интеракциональной социолингвистике. – Кембридж, 1982.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Хилханова Э.В., канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков и общей лингвистики, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств (ВСГАКИ)
<erkhilkhan@yahoo.com>

Научные интересы: социолингвистика, дискурсный анализ

E. Khilkhanova, candidate of science (philology), associate professor, head of department of Foreign Languages and General Linguistics, East Siberian State Academy of Culture and Arts (ESSACA)

Research interests: sociolinguistics, discourse analysis

УДК 81.37, 81.367

Федяева Наталья Дмитриевна
Natalia Fedyaeva

СЕМАНТИКА НОРМЫ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ

THE «STANDARD» NOTION IN THE CHARACTERIZATION SENTENCES

Рассматривается реализация значения «норма» на синтаксическом уровне. Одним из способов выражения семантики нормы являются предложения характеризации. Характеризация предполагает сравнение с образцом, результаты сравнения отражаются в предложениях характеризации

In this article the realization of the meaning «standard» on the syntactical level is examined. One of this notion ways of expression is characterization sentences. The characterization concerns the comparison with the model; the sentences of characterization comprise the result of this comparison

Ключевые слова: *семантика, семантическая категория нормы, предложения характеризации*

Key words: *semantics, semantic category «standard», sentences of characterization*

Семантика нормы реализуется на двусторонних уровнях русского языка. На уровне синтаксиса в этой связи правомерно рассмотрение предложений определительной характеризации. Выбор объекта может быть обоснован следующим образом. Представления о норме для некоторого объекта формируются как совокупность знаний, мнений об отличительных и в то же время наиболее типичных массовых, обычных и т.п. признаках. Эти знания ложатся в основу лексического значения слова, которое может быть рассмотрено как сформированное нормативными представлениями об обозначаемом. Признаковая семантика и семантика нормы отчетливо взаимодействуют в лексических значениях слов, способных выполнять функцию предикации, т.е. характеризовать субъект. Посредством предложений определительной характеризации говорящий указывает на соотношение «реальный признак реального предмета – нормативные представления о соответствующем признаке – нормативные признаки класса, к которому принадлежит предмет». Предикат в предложениях определительной характеризации, как правило, имеет понятийную референцию. Понятие же есть результат типизирующей, обобщающей деятельности, невозможной без сравнения объектов между собой и нормой. Понятие – «мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности и связи между ними посредством фиксации общих и специфических признаков»; объект характеризуется в понятии обобщенно, что достигается применением в процессе познания таких умственных действий, как абстракция, идеализация, обобщение, сравнение, определение» [1; С. 514]. Рассмотрим «классические» (из общедоступной учебной литературы, в том числе: [2]) примеры предложений определительной характеризации в аспекте семантики нормы:

Он умный. – Предложение определительной характеризации по признаку приписывает

характеризуемому субъекту свойство «умный» и представляет собой завершающий этап процедуры восприятия признака. Невербализованная часть этой процедуры включает восприятие органами чувств неких признаков и сопоставление их совокупности с эталоном-нормой [3; С. 40-42]. Правомерность характеристики, выраженной предложением *Он умный*, определяется соотношением между уровнем интеллекта конкретного лица и неким абстрактно-нормальным умом – эталоном. Таким образом, содержание предложения *Он умный* может быть описано следующим образом: «комплекс некоторых воспринимаемых признаков лица соответствует коллективным и/или индивидуальным нормативным представлениям об определенном уровне интеллекта. Следовательно, правомерно считать, что лицо обладает соответствующим свойством». Конструкции с отрицанием и подразумевающимся противопоставлением типа *Он не умный* сообщают о несоответствии норме для названного признака и, как следствие, о необходимости сопоставления с другим эталоном.

Этот камень – гранит. – Предложение классифицирующей характеризации также подводит итог процедуры восприятия, завершающейся в данном случае отнесением объекта к некому классу. Представления о последнем сводятся к перечню характерных для него признаков; принадлежность/непринадлежность к классу определяется путем сопоставления его нормативных свойств и комплекса признаков объекта. Классы номинируются, как правило, существительными, которые «ставят клеймо» [4: 62], сигнализируют о последнем шаге аналитической деятельности – формировании понятия. Содержание квалифицирующего предложения характеризации типа *Этот камень – гранит* можно описать так: «все свойства характеризуемого объекта соответствуют представлениям о типичном объекте определенного класса, в связи с чем объект может быть отнесен к данному классу». Предложения с отрицанием, как и рассмотренные ранее, сообщают о несоответствии объекта по одному или нескольким признакам выбранному классу и, как следствие, о необходимости продолжения квалифицирующей деятельности.

Специфика нормы может быть определена через анализ семантики предиката. Чисто номинативная единица в позиции предиката называет норму, характеризующуюся высокой степенью объективности и коллективности. Знание нормы в таком случае фактически приравнивается к знанию лексического значения слова. Так, высказывания *Он учитель, Розы красные* и т.п. однозначно понимаются всеми представителями социума, т.к. значения предикатов восходят к общепринятым представлениям. Другая ситуация наблюдается, если позицию предиката занимает оценочная единица. В таком случае в полной мере проявляется объективно-субъективный характер нормы, которая складывается из коллективных знаний о том или ином признаке и индивидуальных воззрений, составляющих ценностную картину мира говорящего. Адекватное понимание высказываний типа *Она красивая*; *Она умница* требует не только общих знаний о характеризуемых качествах (=знаний лексического значения слова), но и представлений об оценочной системе субъекта оценки (=знаний индивидуальных смыслов слова). Таким образом, любой предикат в предложениях рассматриваемого типа эксплицирует соответствие характеризуемого объекта норме; при этом номинативный предикат устанавливает соответствие между объектом и коллективной нормой, оценочный – между объектом и индивидуально-коллективной.

В поле зрения лингвистов [5] в связи с семантикой нормы попали предложения таксономической характеризации, построенные по модели *X есть A Y,* где *X* – наименование объекта характеризации, *Y* – наименование класса, принадлежность к которому устанавливается, *A* – прилагательное, указывающее на меру обладания объектом родовыми свойствами класса или на степень соответствия объекта норме, установленной для членов класса (*Вася – типичный подхалим*; *Мы рядо-*

вые граждане; *Бальмонт – истинный поэт*; «*Гарри Поттер» – обычная сказка* и т.д.). Прилагательные этой группы эксплицируют результат соотнесения объекта и класса, знания о котором могут быть представлены в виде стандарта, стереотипа. В таком случае *типичный, нормальный, настоящий* и т.п. – знаки сходства со стандартом, доходящего практически до отождествления с прототипом; *странный, удивительный, незаурядный* и др. – знаки существенного расхождения (о сходной интерпретации см.: [6; С. 45-46].

Результат соотнесения с нормой эксплицирован и в предложениях типа *X есть A Y, где X* – название объекта, *У* – название класса, *А* – оценочное прилагательное, определяющее качество объекта по отношению к норме класса: *Вася – хороший (плохой, посредственный) ученик*, *Он прекрасный (ужасный, бездарный, талантливый) поэт* и др. В предложениях этих двух типов существительное в позиции предиката лишь называет класс, прилагательное же служит средством квалификации, оценки. Соответствие норме устанавливается дважды: посредством существительного номинируется класс, представителем которого является объект, посредством прилагательного указывается на степень и качество соответствия объекта стандарту класса. Такие предложения – очередное доказательство тезиса о норме как о диапазоне допустимых отклонений: можно соответствовать норме настолько, чтобы войти в класс, но при этом степень расхождения между конкретным объектом и стереотипом может быть от минимальной до весьма значительной.

Лексическое наполнение субъектно-предикатной схемы предложений рассматриваемого типа позволяет очертить предельно широкий круг объектов, способных быть охарактеризованными через сопоставление с нормой с точки зрения их признаков, а также оценить разнообразие аспектов характеризации. Рассмотрим основные случаи, выделяемые в базовой литературе.

1. При субъекте, выраженном антрополексемой, предикат представляет результаты:

а) характеризации по признаку: физическому, интеллектуальному, морально-этическому, поведенческому, деятельностному;

б) классифицирующей характеризации по принадлежности к социальной группе; классу людей со сходными признаками (физическими, интеллектуальными и др.).

2. При субъекте – имени существительном, называющем животных, птиц и проч. – предикат содержит:

а) характеристику по той же совокупности признаков, которые значимы и для человека;

б) классифицирующую характеристику по принадлежности к семейству, роду, породе, а также к классу с общими свойствами.

3. При субъекте, выраженном конкретно-предметным неодушевленным именем, предикат характеризует:

а) по признаку: физическому, функциональному; по принадлежности;

б) по принадлежности к классу.

4. При субъекте – абстрактном имени с типовым значением «результат, продукт мыслительной деятельности» – в предикате осуществляется характеризация:

а) по признаку интеллектуальной оценки (новизны, логичности и др.);

б) по принадлежности к классу.

При субъекте – абстрактном имени с типовым значением «психологические, физические и др. реалии» – предикат представляет результаты характеризации по оценочному признаку.

5. При субъекте – имени событийного субъекта – в предикате содержится характеризация по признаку протяженности; интенсивности; воздействия на человека.

Таким образом, объекты характеризации – разнообразные реалии, при этом множество личностных предложений может быть рассмотрено как очередное следствие антропоцентричности языковой картины мира: основным объектом внимания и оценки, а также центральным персонажем высказываний является человек. Наблюдения над семантикой

предиката позволяют выявить некоторые распространенные результаты характеризации, среди них следующие:

1) приписывание объекту какого-либо признака (атрибуция);

2) отнесение объекта к какому-нибудь классу (классификация). В обоих случаях результат напрямую зависит от соответствия/несоответствия объекта некой норме.

Типичность частно- и общеоценочных предикатов для предложений определительной характеризации делает обоснованным рассмотрение последних в свете теории оценок. Такой подход оправдан также содержанием (суждение о признаках и квалификации объектов) и формой (субъектно-предикатная схема) предложений определительной характеризации. Е.М. Вольф [7] отмечает, что в языке большое распространение имеют оценочные суждения типа *«X – хороший»*, представляющие оценочную модальность de re и приписывающие объекту оценки те или иные свойства. В предложениях этого типа эксплицированы такие компоненты оценочной модальности, как объект и оценочное отношение; в предложениях характеризации эти компоненты занимают позиции субъекта и предиката. Психолингвистическую основу оценочных высказываний создают представления об оценочном стереотипе, суть которого в следующем: в картине мира социума имеется некое постоянное усредненное представление о данном объекте. Результат оценивания, оформленный в предложении характеризации, таким образом, мотивируется сходством между конкретным объектом и абстрактной нормой.

Итак, результат характеризующей деятельности, вербализованный в предложениях рассмотренного типа, имеет своей предпосылкой установление соответствия объекта норме, стандарту, эталону. Несоответствие норме для выбранного первоначально признака или класса знаменует на ментальном уровне начало поисков нового признака или класса, на словесном – отказ от старой и выбор новой номинации. Установленное соответствие норме обосновывает выбранное словообозначение. Прилагательные, дополняющие схему N_1 *cop* N_1, обозначают меру и качество соответствия норме: полное, заслуживающее одобрение, или неполное, в том числе такое, которое угрожает выведением из класса и сменой характеристики. В целом предложения определительной характеризации, идеально приспособленные для выражения оценки, одновременно являются и одним из способов реализации семантики нормы.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

2. Современный русский язык / Л.А. Новиков и др. – СПб.: Лань,1999. –864 с.

3. Шрамм, А.Н. Аспекты семасиологического исследования качественных прилагательных (на материале русского языка): дис. … д. филол. наук / А.Н. Шрамм. – Калининград, 1981. – 362 с.

4. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

5. Крейдлин, Г.Е. Норма и оценка в предложениях таксономической характеризации [Текст] / Г.Е. Крейдлин // Норма в жизни человека и общества: Санкт-Петербургский ун-т; Независимая гуманитарная академия; АО «Глагол», 1993. – С. 8-9.

6. Бабаева, Е.А. Прилагательное «простой» как характеристика человека: особенности связи между лексемами [Текст] / Е.А. Бабаева // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С. 42-60.

7. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 228 с.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Федяева Н.Д., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, Омский государственный педагогический университет (ОмГПУ)
ndfed@yandex.ru

Научные интересы: семантика, когнитивная лингвистика

N. Fedyaeva, associate professor, department of Russian Language, Omsk State Pedagogical University

Research interests: semantics, cognitive linguistic

УДК 81’23

Чугунова Светлана Александровна
Svetlana Chugunova

ДИНАМИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DYNAMIC BASIS OF CONCEPTUAL TIME: EXPERIMENTAL INVESTIGATIONS

Рассмотрена проблема концептуализации времени. Представлены исследования психологического статуса когнитивных темпоральных моделей, построенных на метафоре движения, эксперименты на англо- и русскоговорящих демонстрируют сходства и различия результатов

The article focuses the problem of time conceptualization. The investigation of the psychological status of cognitive temporal models based on motional metaphor that are verified on English and Russian speaking subjects is presented

Ключевые слова: *темпоральное мышление, когнитивная модель, метафора, фиктивное движение, кинестезия*

Key words: *Temporal thinking, cognitive model, metaphor, fictive motion, kinesthesia*

В настоящее время в когнитивной науке все больше утверждается «корпореальный поворот», «поворот к телу», когда стало очевидно, что нельзя раскрыть закономерности устройства и функционирования сознания, интеллекта, языка, исходя из них самих. В этой связи М. Шитс-Джонстоун в книге «The Primacy of Movement» [11] подвергает критике современных когнитивистов и особенно приверженцев вычислительных теорий, у которых модели ума статичны и оторваны от жизни в ее историческом развитии и непосредственном проживании. Живые организмы, способ жизни которых предусматривает движение, не сводимы к нейронным сетям и нейронным процессам. Познание возможно только на основе опыта, который включает не просто смотрение подвижным глазом, а движение подвижным телом.

М. Шитс-Джонстоун развивает собственную концепцию движения, анимации тела в качественном аспекте. Мы не просто наблюдаем свое движение, мы ощущаем эти движения качественно и различаем их качественно: быстрые и медленные, напряженные и расслабленные, ограниченные и неограниченные и т.д. К сожалению, описывая процессы восприятия и мышления, ученые усматривают в движении или вспомогательное средство на службе у восприятия, или, относясь к нему как к чему-то тривиальному, вовсе исключают из предлагаемых моделей, несмотря на то, что жизнь любого человека начинается с движения и движений – глотания, зевания, плача и т.д. Мы буквально открываем себя в анимации – руки, которые вытягиваются, ноги, которые сгибаются, спины, рты и т.д. На основе данных кинестезии, т.е. «мышечного чувства», чувства положения и перемещения как отдельных членов, так и всего человеческого тела, формируются концепты вместимости, веса, силы, сопротивления и т.д., включая пространственно-темпоральные концепты [Op. cit.].

Динамическая основа концептов про-

странства и времени постулируется и в подходе Э. Энгберг-Педерсен [5], которая опирается на экологическую модель Дж. Гибсона [7]. Вместе с тем, несмотря на тесную корреляцию движения и восприятия в экологической концепции Дж. Гибсона, его интерес сосредоточен не на субъекте, а на объекте восприятия – среде, которая ригидна и неизменна, а все, что мы воспринимаем, это ее текстурные поверхности и их изменения (события). И хотя ученый делает кивок в сторону кинестезии мускулов и суставов, которую признает наряду с визуальной кинестезией, он не привязывает ее к движению как динамическим телесным ощущениям [11: 235-237]. Все же с учетом выводов Дж. Гибсона Э. Энгберг-Педерсен [5] полагает, что на этапе восприятия, на этапе генезиса первичных перцептивных категорий пространство и время нераздельны, и только в результате дальнейшей интеллектуальной переработки мы мыслим о них в отдельности, но в основе обоих – восприятие изменения или отсутствия такового.

Датская исследовательница уверена, что темпоральность изначально динамична и все когнитивные модели темпоральности динамичны на концептуальном уровне, как бы это не проявлялось на уровне языковых выражений. Только динамикой можно объяснить распределение отношений «прошлое–будущее» и «раньше–позже» в этих моделях, выделенных, прежде всего, на основе английского языка. В первой (*ego-moving*) движется наблюдатель вдоль временной линии из прошлого в будущее (*We are approaching Christmas*), во второй (*time-moving*) – время с темпоральными событиями, подобно реке, течет из будущего в прошлое (*in the years gone by*). Ряд исследователей дифференцирует модель «движущегося времени» на две: эгоцентрическую (*Christmas is coming up*) и лишенную наблюдателя (*February follows January*) [6: 227–236; 10]. Последняя чаще обозначается как модель «временной последовательности» [6]. Итак, если в предыдущих примерах динамика манифестируется глаголами движения, то в примерах *The worst is behind us* и *Monday is before Tuesday* этот признак мы не находим. Однако, если исключить аспект движения в выражении *The worst is behind us*, то невозможно понять, почему «прошлое» оказывается за спиной Эго (*us*), а будущее – перед его лицом, а не наоборот. В выражении *Monday is before Tuesday* оба темпоральных события выстраиваются «друг за другом», двигаясь в одном направлении – «лицом в сторону движения» [5].

Остановимся на экспериментальных исследованиях, нацеленных на изучение темпорального мышления и его непосредственной связи со структурами сознания, которые формируются в процессе активного, действенного взаимодействия субъекта с миром. Важно заметить, что все описанные нами экспериментальные исследования поддерживают гипотезу о том, что индивид симулирует в уме движение при понимании языкового стимула, причем не только от своего лица, но и от лица протагониста. Так, например, в экспериментах группы [4] испытуемые (далее – ии.) думали, что читали текст быстрее, если в нем глаголы или наречия содержали семантический признак интенсивной скорости движения: Ср.: *a man strolled* / *raced* / *travelled*, или *a walker following sluggishly behind* / *a cyclist following rapidly behind* / *a jogger following casually behind*. Точно так же экспериментальные исследования, направленные на изучение концептуальных опор при понимании языковой темпоральности, а именно признака упорядоченности времен (событий) по отношению друг к другу и говорящему (*time sequencing*), ясно показывают активизацию образных структур – следов кинестетического опыта, которые заставляют реципиента испытывать воображаемое движение.

Эксперименты исследовательской группы [9] показали зависимость между опорой ии. на когнитивную темпоральную модель «движущегося Эго» и репрезентациями, формирующимися в сознании после чтения вербального стимула о фиктивном движении: *The road runs along the coast*. Заметим, что под фиктивным движением понимается движение, которое че-

ловек приписывает предметам, не претерпевающим движение на самом деле [12]. Оно получает выражение, выражается и в языке: *The road goes from London to Leeds* / *The fence crosses the field* / *The Great Wall of China zigzags its way across a subcontinent*. Объяснением выступает динамическая природа нашего восприятия, а также «принцип активной детерминации» (*active-determinative principle*), по которому одни сущности признаются нами более активными по сравнению с другими. Так, в предложении *The tree threw its shadow across the valley* «дерево» признается активной сущностью по сравнению с «долиной», потому что дерево воздействует на удаленный предмет (долину) посредством тени, равно как человек посредством своей руки [6: 207-209].

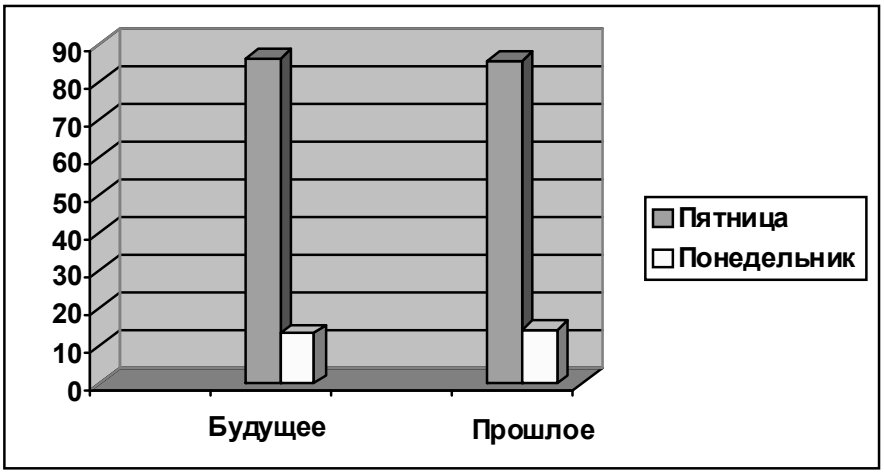
Итак, в экспериментах группы [9] ии. сначала читали предложение, а затем отвечали на вопрос: *Next Wednesday's meeting has been moved forward two days. What day is the meeting now that it has been rescheduled?* Одни ии. отвечали *Monday*, другие – *Friday*. Считается, что ответ обусловлен концептуальной опорой: «пятница» – темпоральной моделью «движущегося Эго», «понедельник» – моделью «движущегося времени». Если в предложении признак движения отсутствовал (*The road is next to the coast*), то количество ответов *Friday* резко сокращалось и, наоборот, резко возрастало, если этот признак присутствовал (*The road runs along the coast*). Опора на модель «движущегося Эго» также активизировалась под влиянием количественного признака в предложении (*Four* / *Eight* / *Twenty* / *Over eighty pine trees run along the edge of the driveway*) и признака направления движения (*The road goes all the way to New York* / *The road comes all the way from New York*). Однако, если количество «сосен» не превышало четырех или их было больше 80, то в этом случае, неблагоприятном для образного сканирования, «пятниц» и «понедельников» было примерно поровну. Если ии. читали предложение про «дорогу до Нью-Йорка», они в большинстве своем выбирали «пятницу», а те ии., что читали про «дорогу из Нью-Йорка», предпочитали «понедельник», опираясь на когнитивную темпоральную модель «движущегося времени». В экспериментах группы [8] «пятницы» заметно превалировали, если ии., перед тем как ответить на вопрос о перенесенном собрании, считали с 5 до 17, и сокращались, если ии. считали наоборот, с 17 до 5. Точно так же увеличению «пятниц» в ответах ии. способствовало повторение вслух части английского алфавита от *G* до *P* и не способствовало повторение букв в обратном порядке – от *P* до *G*.

Таким образом, во всех представленных случаях присутствует прайминговый эффект, или целенаправленный настрой темпорального мышления индивида, в ходе которого возбуждаются те же ментальные структуры, которые инициируются при непосредственном движении, перемещении в пространстве.

В собственных экспериментах мы исследовали психологическую валидность концептуальных моделей времени, построенных на метафоре движения, на взрослых русскоязычных ии. Всего приняли участие 287 молодых людей обоих полов (143 жен. / 144 муж.) до 30 лет. Часть ии. (128 чел.) опрашивалась в форме компьютерно-опосредованной коммуникации, часть – в очной форме. Обращение к Интернету обосновывается ничтожно малым влиянием формы эксперимента на его результаты (см. [1]). Всем участникам в обоих условиях задавался вопрос о перенесенном собрании, но одним ии. навязывалось будущее (*Собрание со следующей среды перенесли на два дня вперед. В какой день недели состоится собрание?*), другим – прошлое (*Собрание с прошлой среды перенесли на два дня вперед. В какой день недели состоялось собрание?*). По мнению Р. Нуньеза и соавторов [10], учет только будущего не позволяет уточнить, какая из моделей мотивирует ответ «понедельник» – эгоцентрическая модель «движущегося времени» или модель «временной последовательности». Напомним, что специалисты, учитывающие отдельность концептуальной модели «временной последовательности», настаивают

на исключении из нее Эго и, следовательно, концептов «настоящее», «будущее» и «прошлое». Здесь точкой отсчета для одного темпорального события выступает другое темпоральное событие, а не движущийся или неподвижный наблюдатель. При этом пространственный опыт «впереди» перерабатывается в темпоральный концепт «раньше», а «позади» – в «позже»: *Christmas follows Thanksgiving*. Задавая вопрос о прошлом, ученые полагали, что ответ «понедельник» мотивирован концептуальной моделью «временной последовательности», поскольку «понедельник» предшествует «среде» независимо от расклада времен. Ответ «пятница» мотивирован эгоцентрической концептуальной моделью с точкой отсчета в наблюдателе (*Ego-Reference-Point*). В этом случае *forward* понимается как «ближе к субъекту» независимо от того, что, собственно, движется – время относительно субъекта или сам субъект, поскольку всю «прошлую неделю» реципиент образно выстраивает за своей спиной.

Заметим, что из 287 ответов нами не учитывались ответы, в которых не фигурировал день недели (*Для меня уже никогда*; *Мне все равно, когда оно состоялось*; *Думаю, я в этом деле туг* и т.п. – 12 ии.), или указывались оба дня недели одновременно (2 ии.), или ответом была «среда» (5 ии.). Таким образом, учитывалось 268 ответов, из которых 142 воплощают будущее и 126 – прошлое. В результате мы видим, что, думая о будущем, ии. предпочитали отвечать «пятница» (86,6 % vs. 13,4 %) и, думая о прошлом, они также предпочитали «пятницу» (85,7 % vs. 14,3 %) (см. рисунок). Необходимо уточнить, что часть ии. опрашивалась нами в условии так называемого «нейтрального контекста». Имеется в виду, что при этом сознание индивидов предварительно не направляется заданиями, активизирующими пространственное мышление в том или ином направлении. Западные ученые, со ссылкой на экспериментальные данные, указывают, что в случае нейтрального контекста одна половина всех реципиентов при ответе на вопрос о перенесенном собрании выбирает «понедельник», другая половина – «пятницу» [2; 10]. В нашем эксперименте из 136 ии., которые работали в условии нейтрального контекста, 120 ии. предпочли «пятницу» (57 – «будущую» и 63 – «прошлую»), и только 16 ии.– «понедельник» (7 – «будущий» и 9 – «прошлый»). В процентом соотношении это составляет даже больше, чем по общему числу ии. – 88,2 % vs. 11,8 %.



Процентное соотношение ответов испытуемых

Что касается праймингового эффекта, то в нашем случае он мог проявиться, когда ии., перед тем как ответить на вопрос о перенесенном собрании, должны были ответить еще на один вопрос: «Мы часто говорим: *время идет* (*бежит*, *летит* и т.д.). А откуда и куда бежит (летит, идет) время?». При этом одни ии. отвечали в вербальной форме (15 ии.), другие рисовали стрелку (15 ии.), или ии. сначала отвечали с помощью стрелки, затем вербально, а потом отвечали на вопрос о дне недели (55 ии.). В других экспериментах мы просили ии. закрыть глаза и представить себя стоящим в поле без движения и вдруг «увидеть» постепенно приближающуюся машину (16 ии.), или ии. сначала смотрели на изображение стрелки, показывающей справа налево, а затем уже отвечали на вопрос (34 ии.). Таким образом, всего в эксперименте этого типа приняли участие 135 ии., из них 3 ответа не учитывались: *Собрание не могло состояться, т.к. прошлая среда уже прошла*; *Для меня уже никогда*; *В понедельник (или пятницу)*.

По нашему мнению, ответы ии. на вопрос о направлении времени в вербальной форме, которые выражают смысл «из прошлого в будущее», могли провоцировать опору на модель «движущегося Эго», как и направление стрелки справа налево, поскольку на рисунках «прошлое» обычно помещается слева, а «будущее» – справа, что принято связывать с европейской традицией написания (и чтения) текста. В этой модели индивид как бы проходит путь из «прошлого», обращаясь «лицом в будущее». С другой стороны, те ии., что представляли движущийся навстречу объект (машину) или смотрели на стрелку, указывающую справа налево, могли провоцироваться моделью «движущегося времени» (50 ии.). Однако вопреки ожиданиям, что, заметим, противоречит результатам в англоязычной аудитории (см. [3]), 43 ии. из 50 все равно предпочли «пятницу». В процентном соотношении это составляет 86 % vs. 14 %.

Таким образом, даже неполный анализ полученных результатов по эксперименту убедительно показывает, что русскоязычные реципиенты предпочитают опираться на эгоцентрическую модель «движущегося Эго» даже в условии прайминговой эффекта, когда, казалось бы, ии. должны были опираться на концептуальную темпоральную модель «движущегося времени» или «модель временной последовательности» (см. выше), которую выделяет ряд исследователей и которая также должна была провоцировать ответ «понедельник». Предпочтение метафорической модели «движущегося Эго» в качестве концептуальной опоры при понимании темпоральных отношений упорядоченности времен (событий) объясняется фундаментальным значением самодвижения как непременного условия развития всех форм восприятия, осознания субъектности, самости и источника формирования в том числе пространственно-темпоральных концептов (см. [11]).

Литература

1. Горошко, Е.И. Психолингвистика Интернет-коммуникаций [Текст] / Е.И. Горошко // Вопросы психолингвистики. – 2008. – Т. 7. – С. 5–11.

2. Boroditsky, L. Metaphoric structuring: understanding time through spatial metaphors / L. Boroditsky // Cognition. – 2000. –Vol. 75. – № 1. – Pp. 1–28.

3. Boroditsky, L. The roles of body and mind in abstract thought / L. Boroditsky & M. Ramscar // Psychological Science. – 2002. – Vol. 13. – № 2. – Pp. 185–188.

4. Connell, L. Time flew by: Reading about movement of different speeds distorts people's perception of time / L. Connell, L. Rayne & D. Lynott // S. Vosniadou & D. Kayser (Eds.), Proceedings of the Second European Cognitive Science Conference. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2007. – Pp. 437–441.

5. Engberg-Pedersen, E. Space and Time / E. Engberg-Pedersen // J. Allwood & P. Gärdenfors (Eds.), Cognitive Semantics: Meaning and cognition. – Amsterdam: John Benjamins Pub. Co., 1999. – Pp. 131–152.

6. Evans, V. The structure of time: Language, meaning, and temporal cognition / V. Evans. – Am-

sterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 2004. – 286 p.

7. Gibson, J.J. The ecological approach to visual perception / J.J. Gibson. – Boston: Houghton Mifflin, 1979. – 332 p.

8. Matlock, T. Even the most abstract motion influences temporal understanding, The 27th Annual Conference of the Cognitive Science Society, July, 2005b [Электронный ресурс] / T. Matlock, M. Ramscar & M. Srinivasan // Режим доступа: www.psych.unito.it/csc/cogsci05/frame/poster/3/ma361-matlock.pdf

9. Matlock, T. On the experiential link between spatial and temporal language / T. Matlock, M. Ramscar & L. Boroditsky // Cognitive Science. – 2005a. – Vol. 29. – № 4. – Pp. 655–664.

10. Núñez, R. Time after time: The psychological reality of the Ego- and Time-Reference-Point distinction in metaphorical construals of time / R. Núñez, B. Motz & U. Teuscher // Metaphor and Symbol. – 2006. – Vol. 21. – № 3. – Pp. 133–146.

11. Sheets-Johnstone, M. The Primacy of Movement / M. Sheets-Johnstone. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 1999. – 583 p.

12. Talmy, L. Fictive motion in language and "ception" / L. Talmy // P. Bloom, M. Peterson, L. Nadel & M. Garrett (Eds.), Language and space. – Cambridge, MA: MIT Press, 1996. – Pp. 211–276.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Чугунова С.А., канд. филол. наук, доцент, докторантка, Тверской государственный университет (ТвГУ)
chugunovasveta1@rambler.ru

S. Chugunova, candidate of science (philology), associate professor, Емук State University

Научные интересы: психолингвистика, когнитивная лингвистика, корпореальная семантика

Resarch interests: psycholinguistics, cognitive linguistics, corporeal semantics

Философия

УДК 1:2

Арзуманов Игорь Ашотович
Igor Arzumanov

СЕМАНТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА К КАТЕГОРИИ «РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОСТРАНСТВО»

CULTURAL AND CIVILIZATION APPROACH TO THE CATEGORY OF 'RELIGIOUS SPACE' IN SEMANTIC AND MORPHOLOGY DISCOURSE

Рассматриваются аспекты морфологии религиозного пространства как семантического ядра культур-цивилизационной маркировки пространства религиозной культуры. На базе конфессиональной стратификации выводится положение о полевой природе религиозного пространства, являющегося основной характеристикой культурно-цивилизационного подхода в геополитическом дискурсе

In this article, morphological aspects of religious space as a semantic core of cultural and civilizational marker of religious culture space are discussed. On the basis of confessional stratification, the field-nature of religious space, which is the main feature of cultural and civilizational approach in the geopolitical discourse, is detected

Ключевые слова: *культурно-цивилизационный комплекс, религиозное пространство, конфессиональное поле, границы религиозного пространства, границы конфессионального поля, феноменология, аксиология*

Key words: *cultural and civilizational complex, religious space, confessional field, margins of religious space, margins of confessional field, phenomenology, axiology*

Для уяснения семантического ядра понятия «религиозное пространство» как цивилизационной детерминанты рассмотрим некоторые подходы в ее определении в рамках временно-пространственных дефиниций современной философско-религиозной, философско-культурологической и геополитической парадигм. В философско-религиозном контексте *феноменологический подход* принимает исходный тезис теологии, рассматривая религию как трансцендентную, автономную в своей сущности реальность, недоступную эмпирическим методам исследования. По определению В.В. Винокурова, феноменология религии рассматривает проявление «святого» в «предметах, пространстве, времени, числах, словах и, наконец, в действиях, представлениях, переживаниях человека и общества» (2; С. 394).

По мнению М. Элиаде, сакральность и сакрализация мирского пространства обеспечиваются наличием или, соответственно, установлением в нем «центра», освящающего пространство (16; С. 45). По М. Элиаде, проявление священного онтологически сотворяет мир и является глубоко символичным. В свою очередь, проявление смыслообразов «священного» в чувственных, наглядных формах осуществляется во временно-пространственном кон-

тинууме средствами религиозной культуры.

Посредством религиозной культуры, как составной части религиозного сознания, происходит «трансляция» смыслообразов «священного», концептуально заложенных в конфессиональных вероучительных положениях. Конфессиональная стратификация религиозной культуры является методологически принципиальной с учетом следующих позиций:

1) «разновекторности» доктринального уровня религиозного сознания конфессиональных институтов мировых религиозных систем;

2) наличия у национальных форм религиозно-мировых институций социополитических границ (так называемых «канонических» территорий структурно-институциональных форм);

3) миссиологической составляющей доктринальных форм религиозного сознания, являющейся базовой в процессах последующей институализации и взаимодействия.

«Разнополюсность» мировоззренческих концепций, определяющих идентификацию в конфессиональной страте (как на личностно-субъективном уровне, так и на объективно-общесоциальном, цивилизационном), характеризуется автором как «поле спиритуальной цивилизационно-образующей «заряженности».

Под *«конфессиональным полем» (*КП) понимается *пространство социокультурного континуума, смысловые, мировоззренческие приоритеты которого определяются совокупностью взаимодействий конфессиональных страт религиозного пространства в их антропотеологической специфике.*

Социально-историческая, религиознообусловленная система конфессиональных мировоззренческих приоритетов в конкретном временно-пространственном измерении определяет не только социокультурные, но и *социополитические* характеристики КП. В рамках *геополитической концепции пространства*, рассматривающей его как функцию экзистенциональной идеи (11; С. 258), обеспечивающей социокультурное и социополитическое единство общества, методологически приоритетен цивилизационный (культурологический) подход в процессе определения границ КП и, соответственно, религиозного пространства в целом. Соотношение территории государства и религиозного пространства показательно в процессах анализа соотношения границ конфессионального поля и религиозного пространства. Территория в рамках политических границ РФ – сущностная социополитическая характеристика «канонических территорий» (например, Русской православной церкви), т.е. политические границы государства в отношении конфессиональных институтов выступают в качестве составной части сакральной территории (если рассматривать данное положение с позиций обыденного религиозного сознания). В этом «патриотический» потенциал всех «огосударствленных» конфессиональных институтов мировых религиозных систем в их национально ориентированной векторности.

Понимание «территории» как сущностной пространственной характеристики государства является базовой в геополитическом дискурсе. При этом собственно территория, как объективный географический фактор, сопрягается с пониманием пространства как многоаспектной, полисоставной категории. Вычленение полевой природы религиозного пространства:

1) характеризует социополитические составляющие взаимодействия конфессиональных институтов с институтами государства;

2) отражает проекцию категории пространства на социокультурологический уровень религиозного пространства как части общего;

3) раскрывается в контексте деятельностной функции, дифференцирует дефиниции религиозного пространства сообразно полевым векторам конфессиональных страт.

В данном ключе принципиально важным является понимание того, что процессы диффузии функциональных составляющих «внутреннего религиозного пространства» в социальное пространство «объективного» имеют базисным основанием геополитические интенции конфессиональной миссиологии. Ее антроподоктринальные положения, субъективно

сакрализующие аксиологические интенции «внутреннего религиозного пространства» адепта, в то же время являются составной частью идеологических форм политики государства в процессах структуризации социополитического пространства. Именно поэтому о границах КП религиозного пространства возможно говорить с различных позиций и уровней: с общепланетарного – поскольку все, что касается духовного пространства, касается и человечества в целом; с позиций определенных М. Вебером типов мировых хозяйственных систем, связанных с мировыми религиями (в том числе и с их конфессиональными стратами) и цивилизационными комплексами; с позиций национально-государственных образований, чьи границы в историческом процессе государственного структурирования определялись преимущественно моноконфессиональными мировоззренческими приоритетами КП.

Понимание границ не только как фактора, фиксирующего территориальную дифференциацию государств в общемировой политической практике, но и как характеристики «пространственных взаимоотношений» примечательно и для геополитического дискурса. Как отмечает Т.Е. Бейдина, «в геополитике важно не столько само пространство, сколько пространственные отношения между государствами, т.е. граница» (1; С. 109). В связи с геополитической подоплекой вопроса о границах государства (13; С. 80) возникает апория, касающаяся соотношения границ государства, религиозного пространства и конфессионального поля. Суть отмечаемой апории в том, что государство, исходя из концепции геополитического пространства страны как части мирового пространства, интенциально стремится сохранить политические границы в рамках своего внутреннего политического пространства. Религиозное же пространство изначально – в случае с миссиологическими составляющими мировых религиозных систем – транснационально. Границы конфессионального поля, как части политической системы, совпадают с границами внутриполитической государственной системы (отсюда, как мы рассмотрим далее, исходят концепты вероисповедной политики России имперского периода). Но, как и геополитические границы страны, границы ее религиозного пространства и конфессионального поля являются частью общерелигиозного пространства как совокупности мировоззренческих систем мировых религий и зависят от неравномерности геополитических процессов в пространственном и временном измерениях.

Для уточнения посыла о *конфессиональной детерминированности религиозного пространства как базиса цивилизационной парадигмы* рассмотрим историко-логическое соотношение понятий «культура» и «цивилизация» с учетом уже выявленных аспектов рассмотрения культуры. Аспект вычленения комплексных форм цивилизации и культуры, их взаимосвязи в общем течении человеческой истории является, по глубокому замечанию О. Шпенглера, «одной из важнейших причин, почему в хаотической картине исторической внешности не была усмотрена истинная структура истории, было неумение взаимно отделить друг от друга проникающие комплексы форм культурного и цивилизационного существования» (15; С. 74). В рамках *аксиологического, социологического, семиотического и деятельного* подходов в рассмотрении коннотации культуры и цивилизации выявляется четко выраженная оппозиция их друг другу, отмечаемая целым рядом философов (6, С. 97; 15, С. 74; 8, С. 248-249).

И.Я. Левяш отчасти снимает выявляемую оппозицию культуры и цивилизации синтезирующим термином – «культуро-цивилизационный комплекс». Данный стратификационный аспект наиболее четко выражает дихотомию аксиологического плана – разрыв между предельными ценностными философско-мировоззренческими критериями культуры и цивилизацией как комплексом средств их воплощения. Предлагаемое И.Я. Левяш определение *дисфункциональности* природы культуро-цивилизационной взаимосвязи позволяет эксплицировать дисфункциональные субъекты

«взаимодействия» без потери общего видения целокупности культуро-цивилизационного комплекса (4; С. 80).

Понятие *цивилизации* как «*сущностного или субстанционального носителя всех социальных, социально-экономических и культурных реалий* (выделено нами. – *И. А.*)» (12; С. 12), «застывшей культуры», совокупности ее результатов (4; С. 80) предполагает понимание религиозной доктрины как «одной из важнейших движущих сил, формирующих тот или иной цивилизационный тип» (4; С. 80).

В данном контексте методологически верной оказывается стратификация феноменологии светского и религиозного типов культуры, заложенная П.А. Сорокиным в исследовании «Социальная и культурная динамика». Сорокин выделяет два основных типа культурных систем:

1) «идеациональную», основанную на абсолютном примате сверхчувственного и сверхрационального;

2) «чувственную», ориентированную на реальность, постигаемую посредством органов чувств, где «эмпиризм, материализм, механицизм и детерминизм положительно ассоциируются и сопутствуют друг другу» (10; С. 313).

В идеациональной культуре, ориентированной на сверхчувственную и сверхрациональную реальность, основным способом познания становится мистическая интуиция. Соответственно, такая культура «является нетворческой в области науки и технологии, т.к. сосредоточивает свою познавательную энергию на изучении Царства Божия и реализации Его ценностей во время краткого земного путешествия человека к вечности. По этой причине она является творческой в сфере религии» (9; С. 18-19). Напротив, в культуре, ориентированной на реальность чувственного, сенсорного плана, функцию основного инструмента познания выполняет эмпирическая наука (наблюдение, эксперимент). По этой причине чувственная культура «интенсивно развивает научное познание физических и биологических свойств чувственной реальности, которая мало способствует творческому развитию мысли в сверхчувственных сферах религии и теологии». В этой связи, «хотя чувственное общество вполне успешно производит множество технологических открытий, имеющих целью увеличение телесного комфорта чувственной жизни, оно не достигает успеха в разработке эффективной техники для преображения душ и «производства» сверхчувственных ценностей Царства Божия» (9; С. 20-21).

С позиций рассмотренных философско-религиозных и философско-культурологических подходов к проблемам духовного пространства, увязывающим его с антропофилософскими мировоззренческими приоритетами, цивилизационный дискурс дает перспективы видения и социополитической дихотомии, складывающейся в центрально-азиатском регионе. В этом контексте религиозное пространство представляет собой конгломерат конфессионального спектра в рамках социополитических границ государства. Культуро-цивилизационный подход традиционен для российской политической мысли (в контексте историко-логического анализа геополитического дискурса).

В целом, актуальность осмысления данных методологических подходов исследования стратификации региональной социокультурной проблематики на современном этапе обострилась. Процессы социокультурной дезинтеграции (5; С. 5) сопровождаются интеграционными процессами геополитического порядка, в ряде случаев базирующихся на общности религиозных культур. Данные факторы актуализируют необходимость выработки методологических подходов к общероссийской этноидентификационной проблематике в ее культурно- и религиозно-детерминированной страте.

Подводя итоги анализа семантико-морфологического дискурса цивилизационного подхода исследования к процессам трансформации религиозного пространства, автор отмечает:

1) в основе цивилизационного подхода лежит философско-культурологический аспект с его базовыми аксиологическими компонен-

тами религиозной культуры. Определяя пространственные составляющие религиозной культуры в проекции философско-религиозной, философско-культурологической и социополитической парадигм, автор выходит на положение о полевой природе религиозного пространства. Конфессиональная детерминированность религиозного пространства как базиса цивилизационной парадигмы определяет коннотацию культуры и цивилизации в рамках аксиологического, социологического, семиотического и деятельного подходов, определяющих понимание религиозного пространства как конгломерата конфессионального спектра в рамках социополитических границ государства;

2) в условиях глобализационных процессов девиантность трансформационной динамики социокультурного пространства в условиях межцивилизационного трансграничья Россия – Китай на современном этапе носит характер цивилизационно-культурологической угрозы национальной безопасности России. Цивилизационный потенциал Китая в его буддо-конфуцианской страте позиционируется в качестве культурологического потенциала в процессах социокультурного и социоэкономического характера;

3) выявление цивилизационной специфики религиозного пространства Байкальского региона в трансазиатском контексте позволяет интерпретировать мировоззренческий базис российской цивилизации в качестве методологического фона при исследовании религиозных инноваций в региональном конфессиональном поле XX-XXI вв.

Литература

1. Бейдина, Т.Е. Региональная социально-политическая безопасность Читинской области: монография [Текст] / Т.Е. Бейдина. – Чита, 1999.

2. Винокуров, В.В. Феноменология религии // Яблоков, И.Н. Введение в общее религиоведение.

3. Дугин, А. Основы геополиики [Текст] / А. Дугин. – М., 1997.

4. Левяш, И.Я. Культурология [Текст] / И.Я. Левяш. – М., 2004.

5. Пишун, В.К. Политическая философия евразийства [Текст] / В.К. Пишун. – М., 2003.

6. Ницше, Ф. Воля к власти [Текст] / Ф. Ницше. – М., 1994.

7. Шпенглер, О. Закат Европы [Текст] / О. Шпенглер. Т. 1. – Новосибирск, 1993.

8. Бердяев, Н. Философия неравенства [Текст] / Н. Бердяев. – М., 1990.

9. Сорокин, П.А. Главные тенденции нашего времени [Текст] / П.А. Сорокин. – М., 1997.

10. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика [Текст] / П.А. Сорокин.

11. Тихонравов, Ю.В. Геополитика [Текст] / Ю.В. Тихонравов. – М., 2000.

12. Торчинов, Е.А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния [Текст] / Е.А. Торчинов. – 2-е изд., испр. – СПб., 2000.

13. Шершнев, Л.И. Проблема военной безопасности России [Текст] / Л.И. Шершнев // Россия в геополитическом пространстве. – М., 1994.

14. Шлейермахер, Ф. Речи о религии. Монологи [Текст] / Ф. Шлейермахер. – М.; Киев, 1994.

15. Шпенглер, О. Закат Европы [Текст] / О. Шпенглер: в 2 т. Т. 1. – М., 2003.

16. Элиаде, М. Космос и история [Текст] / М. Элиаде. – М., 1987.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Арзуманов И.А., канд. филос. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического института, Иркутский государственный университет (ИРГУ)
arzumanov@mail.ru

I. Arzumanov, candidate of science (philosophy), associate professor, department of History and Theory of State and Law, Institute of Law, Irkutsk State University (ISU)

Научные интересы: культурно-правовые аспекты вероисповедной политики России в Центральной Азии, проблемы религиозной культуры центрально-азиатского региона, доктринальная специфика религиозной антро-

Research interests: cultural and legislative aspects of Russian confessional policy in Central Asia, religious and cultural problems of Central Asia, doctrinal specificity of religious anthropology of mythical and religious and confes-

пологии мифо-религиозных и конфессиональных систем Байкальского региона, миссиологические доминанты конфессионального пространства Байкальского региона в геополитической проекции

sional systems of Baikal region, missionary dominants of confessional space of the Baikal region in the geopolitical field

УДК 11/13

Днепровская Инесса Викторовна
Inessa Dneprovskaya

СЛАВЯНОФИЛЫ О ЗАПАДНОМ И РОССИЙСКОМ ТИПАХ ПРАВОПОНИМАНИЯ

SLAVOFILS ABOUT WESTERN AND RUSSIAN TIPES OF LAW-UNDESTENDING

В статье рассматриваются философско-правовые взгляды ранних славянофилов. Опираясь на анализ философско-религиозных текстов этих мыслителей, автор показывает, как то или иное восприятие церковных догматов конкретной культурной традицией формирует разное восприятие социальных связей и различные типы правопонимания, а отсюда и способ действия по достижению личных и социально значимых целей, разные правовые практики

The article concerns Slavophil philosophic and legal view analysis. Slavophils consider law as normative model of social behavior. The author's analysis, based on Slavofil philosophic and religious texts, shows that religious dogmas perception by a certain cultural tradition forms different perception of social bonds and various types of law-understanding. Thus it also effects as the ways of personal and social goals pursuit, as different legal practices

Ключевые слова: *славянофилы, правопонимание, образ права, правовая культура, вера*

Key words: *Slavophil, law-understanding, law image, law culture, creed*

Эффективность права как социального регулятора зависит от места, которое отводится праву культурой в картине мира определенного социума. Тем самым проблема эффективности права непосредственным образом связывается с проблемой правопонимания.

Первая, собственно российская философско-теоретическая рефлексия российского правопонимания, принадлежит славянофилам. Определяющими началами в формировании типов правопонимания славянофилы считали характер и содержание веры народа и его культурно-исторические традиции. В концепции А. Хомякова первоначальный характер верования проявляется в действии двух племенных стихий, отражающих диалектику свободы и необходимости. Логика А. Хомякова, как считает В. Керимов, проста: если признается всемирное свободно творящее начало, то оно является гарантом свободы в мире; если же божество растворяется в мире или мир в божестве, то все подчинено органической необходимости [3; С. 13]. В противопоставлении двух племенных стихий – земледельческой, семейно-общинной и государственной, воинственной стихии – дружины можно проследить и два различных типа правосознания и правовой культуры.

В основе западного образа права, как считают славянофилы, лежали три начала: христианская вера, германский обычай и римская образованность. Социальная практика выстраивания человеческих взаимоотношений на принципах индивидуализма (германское начало) и рационализма (римское начало), присущая западной политико-правовой культуре, предполагает прагматичность и целесооб-

разность в качестве основных критериев выбора модели поведения, в наибольшей степени способствующей достижению личных интересов. Однако на уровне социального взаимодействия, а не межиндивидуального общения такой способ выстраивания отношений дает сбои. Отсюда принципом выстраивания отношений становится договор как ограничение свободы, как вынужденная необходимость. «На западе … все общественные отношения основаны на условии или стремятся достигнуть этого искусственного основания. … общественный договор не есть изобретение энциклопедистов, но действительный идеал, к которому стремились без сознания, а теперь стремятся с сознанием все западные общества под влиянием рационального элемента», – такой образ западного права рисует И. Киреевский [4; Т. 1. С. 41].

Правда, при этом он не совсем корректно сравнивает западную доктрину договорного права с нормами обычного права, существующими в России, отмечая, что в ней «никакое частное разумение, никакое искусственное соглашение не могло основать нового порядка, выдумать новые права и преимущества» [4; Т. 1. С. 40]. Действующая доктрина права в России была не менее отвлеченной, а в правовой культуре Запада имелись собственные механизмы, позволяющие нейтрализовать формальность нормы.

Мировоззренческой основой российского правопонимания славянофилы считают смысловые доминанты православной культуры и, прежде всего, принцип соборности, который предполагает не конкурентное взаимодействие индивидов, а солидарность в достижении как общественных, так и индивидуально-значимых целей. Социальная практика, основанная на солидарности, предполагает не рациональное объяснение, основанное на доводах рассудка, а понимание, основанное на сочувствии, сопереживании, соучастии. Отсюда принципом выстраивания отношения является любовь. Право воспринимается необходимым, но вспомогательным институтом.

Причем в определении исходных начал двух культур Киреевский считал важным моментом отсутствие в русской культуре «прививки» римской античности с ее рациональным отношением к миру. В результате славянофилы видят европейское право исключительно как закон, как действие отвлеченной нормы. «Римско-западная юриспруденция отвлеченно выводит логические заключения из каждого законного условия, говоря: форма – это самый закон, и старается все формы связать в одну разумную систему. … право обычное, – считает И. Киреевский, – напротив того, как оно было в России, вырастая из жизни, совершенно чуждалось развития отвлеченно-логического. … Закон в России не сочинялся, но обыкновенно только записывался на бумаге уже после того, как он сам собою образовывался в понятиях народа и мало-помалу вынужденный необходимостью вещей взошел в народные нравы и народный быт» [5; Т. 1 С. 110-111].

Однако славянофилы судят о европейском праве не по тем реальным правовым институтам, сложившимся на Западе и определяющим механизм правового регулирования, а по правовой доктрине, перенесенной на русскую почву в периоды модернизации, в основе которой лежало римское право. Современные исследования рецепции римского права показывают, что оно как основа доктрины европейского права изначально было отвлечено от реальной европейской практики. В Европе, по мнению Г. Бермана [1; С. 51-53], через доктрину рационализировалось обычное право европейских стран, т.е. нормы собственной культуры. Произошел синтез обычного права и заимствованной доктрины.

В России, как полагает Гайдеров, рецепция римского права в периоды модернизаций приводила к тому, что заимствовалась доктрина вместе с институтами, а не рационализировались собственные институты с помощью доктрины [2; С. 36, 78]. Критикуя навязываемые модернизацией правовые модели, славянофилы слишком тесно связывали форму (институт) с доктриной (идеей, образом права),

поскольку анализ правовых ценностей Европы проводился ими не на исследовании ее правовой жизни, а на анализе правовой доктрины. По сути, они рефлексировали не ценности западной правовой культуры, поддерживающие правовую практику, а идеи, фиксированные в философских учениях и религиозных догматах западных ветвей христианства. Можно сказать, что славянофилы в значительно большей степени мифологизировали Запад, а не Россию.

Обращая внимание на обычай как основу права, славянофилы связывали надежды на успешное реформирование политической и социальной системы России с возвращением к правовым традициям (не к отжившим формам, а принципам построения правовой системы). Однако для славянофилов была важна духовная легитимация правоотношений, фиксируемых обычаем. Требовалось не столько возрождение обычая, тем более, что многие модели, как они полагали, подспудно продолжали существовать в общине, сколько собственное доктринальное обоснование норм обычного права, апеллирующее к российским духовным ценностям. А для этого требовалась философско-теоретическая реконструкция российского образа права из-под спуда привнесенных чужеродных, как они считают, правовых моделей.

Пытаясь определить специфику европейского и российского типа общественных отношений и соответствующих им типов правопонимания, они, с одной стороны, обращаются к историческим корням российской правовой системы, с другой стороны – к религиозным текстам. Однако не с целью вывести из религиозной доктрины правила должного поведения, не с целью обосновать через религиозные тексты нормы должного позитивного права, возвести божественное право в качестве естественно-правовой настройки над позитивным. Славянофилы показывают, как то или иное восприятие церковных догматов конкретной культурной традицией формирует разное восприятие социальных связей и разный образ права, а отсюда и способ действия по достижению личных и социально значимых целей, разные правовые практики.

Они предложили отличную от западной трактовку правовых метафор, содержащихся в Христианском вероучении. И хотя их толкование не завершилось формулированием правовых норм и конструкций, оно позволяет наполнить уже состоявшиеся смыслом собственной правовой культуры.

Главное отличие между западными вероисповеданиями и православным вероучением славянофилы видят в отношении к церкви. Догматически это отношение выражено в различном толковании символа веры в догмате Троицы.

Славянофилы ни в коем случае не считали разницу в толкованиях простой формальностью. За словесной формулой выражения символа для них скрывался глубочайший смысл, определяющий отношение человека к себе, обществу, миру, Богу. Рационализм западного мышления, приведший к расколу западной и восточной церквей, определил, по их мнению, главный принцип человеческих отношений на Западе – внутреннюю отчужденность человека от Бога, мирян от клира, людей друг от друга. Напротив, единство разума и веры в православии, принципиальное признание непостижимости для человеческого рассудка единосущности Бога и возможности познания его только посредством единения с ним во Христе позволяет определить сущность православной церкви, основываясь на принципе соборности, т.е. единства во множестве. В основании отношения человека к Богу и другим людям лежит модель общения лиц Животворящей Троицы – отношения любви.

И здесь присутствует важный момент в трактовке символа, прояснение которого позволяет показать, на каких основаниях строится правовое общение в рамках российского типа правопонимания и каким образом понятие «любовь» приобретает правовой смысл. В Троице любовь – это пребывание Божества в безграничной полноте своих ипостасей. Любовь как отношение лиц Бога лишена процес-

суальности, а значит, она не может служить моделью, образцом человеческих отношений. Католическая трактовка догмата решает проблему тем, что вносит процессуальность в само Божество.

Указывая на возможность для более строгого обозначения лиц Троицы придавать им значение фазисов Божией мысли, Хомяков, тем не менее, замечает, что в немецкой философии сходный прием в трактовке привел к тому, что живое отношение лиц было заменено на «предположение последовательного развития, подобно развитию человеческой мысли» [10; С. 222-223]. Это, по меткому выражению Т.П. Матяша, исследующего догмат Троицы в контексте диалектики Гегеля, приводит к тому, что Бог откровения заменяется Богом мысли, не испытывающим любви к человеку и не спасающим его. [6; С. 135] В философии Гегеля произошло раздвоение Троицы на противоположности и последующее возвращение к синтезу – Духу Святому, как единству различенного. Т.П. Матяш считает, что Гегель увидел в Троице процессуальность самое себя мыслящей мысли, через которую (процессуальность) Абсолют с необходимостью объективирует себя в природе, перенося на эту «внешнюю сферу свою внутреннюю диалектическую процессуальность» [6; С. 141]. Акцент на процессуальности делает единство элементов Троицы формальным, подчиненным правилам формальной логики, а это позволяет перевести модель отношения сторон символа в плоскость правоотношений. Правовая норма в большинстве устоявшихся западных концепций и воспринимается как объективация либо ценностей (естественное право), либо отношений (позитивное право).

Однако славянофилы, находясь в рамках православных установок, отрицают такую трактовку и, соответственно, ее следствия. Формальному единству обезличенного божества они противопоставляют живое единство лиц в церкви, которое «следует необходимо из единства Божиего» [10; С. 39], означающего неразделенность и неслиянность. А это, как мы уже говорили, не позволяет перенести отношения в Троице на отношения людей в церкви. Славянофилы понимают это. Самарин пишет: «Церковь, будучи в каждую минуту своего бытия сама в себе этим полным и живым организмом, в отношении ко всей совокупности частных лиц, образующих человечество, никогда на земле вполне не осуществляется» [7; С. 300].

Славянофилы решают эту проблему тем, что обнаруживают процессуальность, а значит и возможность следования образцу не в символе, а в общении между людьми и лицами Божества. Описывая эти отношения, славянофилы размыкают круг самотождественных отношений лиц Бога, вынося их в сферу взаимоотношений человека с Богом, единым в трех лицах. Это существенно меняет сам характер любви. Человеческая любовь – эта любовь ограниченного существа, в силу чего неспособного соединиться с Богом в своей ограниченности. И только через любовь сына Божьего – Христа – возможно осуществление полноты человеческого бытия. Ограниченность преодолевается через церковь, которая, по словам Ю. Самарина, определяет себя как «духовное тело».

Здесь стоит привести полностью цитату из его защитного слова к диссертации: «Глава этого тела – Христос, все верующие – его члены, одушевляет его Дух Святой. В этих словах выражено все существо церкви. Итак, совокупность верующих, христианское человечество, которое, при взгляде на него извне, представляется множеством разъединенных лиц, возводится на степень живого, органического целого. Множество становится единством. И это не внешнее единство, условленное подчинением каждого внешнему закону необходимости, даже не единство стремлений, а внутреннее осуществленное благодатной жизни. Каждое отдельное лицо принадлежит церкви, получает определение члена, когда, поработив свою личность, перестав служить себе и жить для одного себя, оно становится живым сосудом благодати, одушевляющей целое. … Дух Божий

живет в совокупности христианского человечества, следовательно, не в одном каком-либо избранном лице и не в каждом лице, взятом отдельно в разобщении с целым» [7; С. 398].

Таким образом, отказ признать происхождение Духа святого и от Сына становится принципиальным в социологической концепции славянофилов, поскольку признание обратного – это признание самодостаточности лица, что ведет в конце концов к отчуждению внутри церкви и юридизации отношений как человека с человеком, так и человека с Богом.

Однако более важным здесь является другой момент. Чтобы оттенить его, приведем еще одну цитату Ю. Самарина: «Церковь … образует собою целое, живой организм, духовное тело. Частные лица получают в нем значение живых членов; их отношение к целому организму есть отношение внутреннего, свободного и постоянного подчинения. Вступая в Церковь, каждое лицо отрекается служить самому себе и жить для себя; оно приносит в жертву свою исключительную личность и дает обет пребывать в постоянном единении веры и любви с Церковью – жить для всех одною, благодатною жизнью со всеми» [7; С. 299].

Церковь – это сообщество верующих. Альтруистичное любовное начало, которое славянофилы кладут в основание отношений людей в церкви, здесь явно отличается от любви как психологического чувства. Момент обета, который звучит в словах Ю. Самарина, явно имеет аберрации к договору. Так что понятие любовь, взятое как обозначение общения лиц Троицы, перемещаясь на отношения человеческие, приобретает правовой смысл. Любовь как модель человеческого общения не замещает права, а акцентирует в праве другие смыслы. Право как подчинение закону как внешней норме заменяется правом как свободно принятой обязанностью. При этом эта обязанность не чисто моральная, ибо в основе церковного общения человека с Богом лежит обещанное обетование, т.е. встречное обязательство, правда, трактуемое славянофилами как дар.

Показательно в этом смысле разъяснение А. Хомякова к символу веры: «Каждое действие Церкви, направляемое Духом Святым, духом жизни и истины, представляет совокупность всех его даров – веры, надежды и любви; ибо в писании проявляется не одна вера, но и надежда Церкви и любовь Божия, и в деле богоугодном проявляется не любовь одна, но и вера, и надежда, и благодать, и в живом предании Церкви, ожидающей венца и совершения своего во Христе, проявляется не надежда одна, но и вера, и любовь. … как богоугодное дело наиболее принадлежит надежде, так богоугодное исповедание наиболее принадлежит любви, как богоугодная молитва наиболее принадлежит надежде, так богоугодное исповедание принадлежит вере и неложно называется исповедание Церкви исповеданием или Символом Веры» [10; С. 43]. В такой трактовке символа явно прослеживается специфика российского контекста развития концепта веры, вскрытая Ю. Степановым, который показывает этимологическую связь концепта веры с понятием договора и сближение его в готском и славянских языках с концептами любви и доверия как надежды [8; С. 378-380].

Практически, в той модели общения людей с Богом, которую описывают славянофилы, присутствуют правоотношения. Они не исчерпывают всего богатства смыслов этого общения, но и не устраняются из него. Правда, в этой модели правоотношение строится не на притязании, т.е. не на праве требования, а на добровольной обязанности. Однако это проясняет лишь то, что в восприятии славянофилами российского образа права последнее строится не на притязании, а на обязанности, а вовсе не свидетельствует о внеправовой трактовке ими должных взаимоотношений в социуме.

Подтверждением этого тезиса является обозначенный А. Хомяковым подход к предмету науки о праве: «Для того чтобы сила сделалась правом, надобно, чтобы она получила свои границы от закона, не от закона внешнего, но от закона внутреннего, признанного са-

мим человеком. Этот признанный закон есть признанная им нравственная обязанность. Она, и только она, дает силам человека значение права. Следовательно, наука о праве получает некоторое разумное значение только в смысле науки о самопризнаваемых пределах силы человеческой, т.е. о нравственных обязанностях». А. Хомяков полагает, идея права как договора, основанного на личной пользе, есть искажение и перенесение на торговую компанию понятия, принадлежащего только нравственному обществу» [9; С. 92, 93]. Однако именно такое искажение самого понятия права и произошло, по мнению славянофилов, в рамках западного типа правопонимания в связи со стремлением западной церкви рационально объяснить символ Веры.

Религия никоим образом не воспринималась славянофилами доктринальным обоснованием права. Однако обращение славянофилов к анализу православного, католического и протестантского мировидения, как составляющих стержень духовной культуры того или иного народа, позволило им не только выявить различия в основах, на которых зиждется правовая культура, но и наметить пути к формулированию юридических конструкций, отличающихся от конструкций римского права и отвечающих потребностям и особенностям российской правовой культуры.

Интерпретация славянофилов, далеко не всегда совпадавшая с официальным церковным толкованием, позволяла, с одной стороны, выявлять правовой смысл сложившихся моделей социальных взаимоотношений в российском обществе, а с другой – вела к пониманию того, как те или иные модели отражаются в правосознании российского общества и какие правовые идеалы лежат в основе такого восприятия. Критика ими западных вероисповеданий за излишнюю юридизацию церковной и общественной жизни была не всегда справедливой и обоснованной, но она позволяла при этом оттенить некоторые стороны вероучений, не замеченные западной мыслью. Тем самым славянофилам удалось показать, что при универсальности, с их точки зрения, христианского вероучения и ценностей, им проповедуемых, способы восприятия права могут быть различными.

Но при этом славянофилы отказывают западным принципам и западной духовной традиции в истинности, видя в них искажение общечеловеческих ценностей. В этом смысле они мало чем отличались от западников и были не менее тенденциозны в своих оценках западной правовой культуры, чем их противники в оценке российской, и оказались не меньшими универсалистами, чем западники.

Тем не менее, если за критическими упреками в адрес западного правопонимания и за излишне оптимистичными оценками возможностей российской правовой традиции видеть не идеологическую полемику, а поиск правообразующих начал в духовной традиции общества, то можно констатировать, что идеи славянофилов и до сих пор не утратили эвристического потенциала в области исследования права.

Литература

1. Берман, Г. Вера и закон: примирение права и религии [Текст] / Г. Берман. – М.: Ad Marginem, 1999. – 432 с.

2. Гайдеров, А.А. Традиционные и религиозные факторы в формировании правовой системы России: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Гайдеров. – М., 2003. – 190 с.

3. Керимов, В.И. Историософия А. Хомякова [Текст] / В.И. Керимов. – М.: Знание, 1989. – 60 с.

4. Киреевский, И.В. В ответ А.С. Хомякову [Текст] / И.В. Киреевский, П.В. Киреевский // Полное собр. сочинений: в 4-х т. Т.1. – Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 2006. – 368 с.

5. Киреевский, И.В. О характере просвещения Европы в его отношении к просвещению России [Текст] / И.В. Киреевский, П.В. Киреевский // Полное собр. сочинений: в 4-х т. Т. 1. – Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 2006. – 368 с.

6. Матяш, Т.П. Диалектика Гегеля: религиозный контекст / Т.П. Матяш // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 4. – С. 133-144.

7. Самарин, Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники [Текст] / Ю.Ф. Самарин // Избр. произведения. – М.: РОССПЭН, 1996. – 608 с.

8. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: изд. 2-е., испр. и доп. [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.

9. Хомяков, А.С. О старом и новом. Статьи и очерки [Текст] / А.С. Хомяков. – М.: Современник, 1988. – 461 с.

10. Хомяков, А.С. Сочинения богословские [Текст] / А.С. Хомяков. – СПб.: Наука, 1995. – 479 с.

Коротко об авторах ***Briefly about author***

Днепровская И.В., канд. филос. наук, доцент каф. теории и истории государства и права юридического факультета, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ) dneprovskajaiv@mail.ru

Научные интересы: история русской философии, философия права, этика

I. Dneprovskaya, candidate of science (philosophy), associate professor, department of Theory and History of State and Law, Transbaikal State Humanitarian Pedagogical University named after N.G. Chernishevsky

Research interests: history of Russian philosophy, philosophy of law, ethics

УДК 21: 316 (571.54/55)

Жуков Артем Вадимович
Artem Zhukov

РЕЛИГИОЗНОСТЬ, ЭТНИЧНОСТЬ И ПАТРИОТИЗМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

RELIGIOSITY, ETHNICITY AND PATRIOTISM OF THE ZABAIKALSKY KRAY MILITARY

Проведена попытка осмыслить особенности религиозной культуры Российской Армии и межкультурного взаимодействия между армией и населением Забайкалья. Исследование направлено на выявление структуры конфессионального поля, участниками которого являются военнослужащие, их религиозные предпочтения, зависимость от этнического или социального происхождения

According to the data of social poll held in December, 2008 – February, 2009 among the forces of the Siberian Military Okrug (District) located in Transbaikal region, the servicemen show religious preferences to traditional confessions, mostly to The Orthodox Church. At the time there are some other confessions in the Army, both traditional and non-traditional. On the one hand, it is an important mark of religious tolerance, on the other hand, it inevitably threatens with possible problems and conflicts between the military

Ключевые слова: *современная религиозная ситуация, религиозные идентификации, военнослужащие, Забайкальский край, конфессиональное поле, этничность, религиозность, патриотизм*

Key words: *Religious identifications, the military, the Zabaikalsky kray*

Забайкальский край – это важнейшая в стратегическом отношении территория России, на которой совместно проживают представители различных культур и религий. Поэтому изучение современной религиозной ситуации в крае является актуальной и насущной задачей. Кроме традиционно распространенных в крае конфессий, как правило, связанных с этническими традициями, интенсивные усилия для распространения прикладывают религиозные организации, прибывшие в край относительно недавно. Однако на религиозную ситуацию могут существенно повлиять организации, подразделения и службы разнообразных ведомств и учреждений, задействованных на территории края, с целями обеспечения функционирования общества и государства. Важную роль в духовной, культурной и религиозной жизни населения играет армия. Интерес к этому обусловлен тем, что, с одной стороны, армия выступает как основной инструмент защиты наших территорий и населения от разнообразных внешних и внутренних угроз. С другой стороны, зачастую вместе с вооруженными силами на территории края появляются люди, несущие с собой нетрадиционные идеи и религии.

Целью нашей работы стало выявление особенностей религиозной культуры Российской Армии и межкультурного взаимодействия между армией и населением Забайкалья. Своими задачами мы считаем исследование

конфессиональной структуры Российской Армии на территории Забайкальского края, сравнение основных характеристик религиозной культуры населения Забайкалья с субкультурами российского общества, представляющими государственную идеологию и вместе с этим несущими элементы глобализирующейся культуры. Кроме этого, исследование религиозной ситуации в Российской Армии способствовало бы выявлению структуры конфессионального поля, участниками которого являются военнослужащие, их религиозные предпочтения, их зависимость от этнического или социального происхождения.

В современной России теорию социологии религии разрабатывают И.Н. Яблоков [7; С. 168-181], В.И. Гараджа [2; С. 245]. Методологии проведения подобных исследований посвящены работы Д.М. Угриновича [6; С. 143-144], М.П. Мчедлова [4; С. 95-111]. На территории Забайкалья подобные исследования проводились довольно редко [3; С. 120-150; 8; С. 152-157]. В социокультурном пространстве армии на территории Забайкальского края они не проводились. В настоящей статье впервые обсуждаются проблемы религиозной культуры военнослужащих и религиозного взаимодействия ее в регионе.

Прежде чем обсуждать религиозную ситуацию в вооруженных силах, кратко охарактеризуем современную религиозную ситуацию в Забайкальском крае. Согласно мнению региональных исследователей [1; С. 205], современная религиозная ситуация в Забайкальском крае развивается в соответствии с общими тенденциями общероссийского конфессионального поля. На территории региона действуют 104 зарегистрированные религиозные организации, представляющие 16 конфессий, в том числе христианство, буддизм, ислам. Большинство населения края связывает себя с русской культурой, цивилизацией, языком и православием. Значительным влиянием в крае пользуется Буддийская сангха, которая имеет поддержку среди этнической группы бурят. Рост религиозного и этнического самосознания переживают группы населения, которые связывают себя с такими религиями, как ислам, иудаизм, буддизм и католицизм. Мы являемся свидетелями присутствия протестантских церквей, которые все активнее включаются в общественную жизнь региона. Протестантизм, не имея этнической поддержки, пользуется растущим влиянием среди молодежи. Не прекращаются попытки проникновения на конфессиональное поле Забайкалья новых религиозных движений, которые используют самые разнообразные возможности, включая ведомственные и организационные.

Объектом нашего исследования является конфессиональное поле Забайкальского края. Предметом – современная религиозная ситуация, конфессиональная структура и религиозная личность в частях Российской Армии на территории Забайкальского края.

Для выяснения религиозных предпочтений и конфессиональной структуры предмета исследования был проведен социо-психологический опрос военнослужащих Российской Армии на территории Забайкальского края. Исследование проходило в течение декабря 2008 – февраля 2009 гг. Оно носило целевой характер. Общее число участников опроса составило 185 военнослужащих на территории Читы, Читинского и Улетовского районов Забайкальского края в возрасте 18…39 лет.

В качестве постоянного места проживания респонденты отмечали: Приморский край (5,4 %), Забайкальский край (56,2 %), Республику Бурятия (0,5 %), Иркутскую область (3,3 %), Тыву (0,5 %), Алтай (7 %), Хакасию (1,1 %), Сибирь: включая Красноярский край, Западную Сибирь, Кемеровскую область, Омск, Новосибирск, Томск (18,9 %), Башкирию (0,5 %), Поволжье (0,5 %), Чечню (0,5 %), Центральная Россия: включая Ярославль (1 %), Краснодарский край (1 %). Респонденты, представленные в исследовании, подразделяются по трем основным образовательным категориям: имеющие высшие образование (21 %); имеющие среднее образование (21,5 %); имеющие среднее профессиональное, техническое и юриди-

ческое образование (51,8 %).

По отношению к религии респонденты отнесли себя к группам:

– верующие – 61,1 %, или 113 чел., из которых 39 чел. определили себя как православных (21,1 %), 48 – как христиан (25,9 %); 13 – как буддистов (7 %), 5 – как мусульман (2,7 %), 4 – как католиков (2,2 %). Не указали своего вероисповедания – 4 (2,2 %);

– колеблющиеся – 25,4 %, или 47 чел., из которых 10 чел. (5,4 %) имеют православные идентификации. К христианам себя отнесли 24 (13 %), к буддистам – 2 (1,1 %), к мусульманам – 2 (1,1 %). Не указали своего вероисповедания – 9 чел. (4,9 %);

– неверующие – 13,5 %, или 25 чел., среди которых 4 (2,2 %) определили себя как христиан и 21 чел. (11,4 %) никак не отразили своих идентификаций. Таким образом, доля православных составила 26,5 %, христиан – 41,1 %, буддистов – 8,1 %, мусульман – 3,8 %, католиков – 2,2 %.

Первый блок – вопрос посвящен выявлению представлений участников опроса о сущности и целях религии. В целом, религию как откровение Бога воспринимает 32,4 % опрошенных, куда входят как верующие (24,9 %), так колеблющиеся (4,6 %) и неверующие (3,2 %). В качестве продукта социальных отношений ее понимают 16,8 % респондентов, куда входят верующие (11,9 %), колеблющиеся (9,7 %), неверующие (2,7 %). Как плод человеческого ума религия понимается 27, 5 % респондентов, куда входят 11,9 % верующих, 9,7 % колеблющихся, 5,9 % неверующих. Остальные 21,2 % имеют собственное мнение, отраженное в открытых ответах, которые могут включать утверждения всех трех перечисленных категорий.

Второй вопрос о возможных целях религии вызвал широкий спектр ответов. Анализируя содержание ответов на вопрос о целях религии, мы пришли к выводу, что подавляющее большинство участников опроса (77,2 %) определяет религию как утилитарное и вполне светское явление, ожидая от нее разрешения вполне земных проблем (редко в совокупности с трансцендентными целями). В то же время, опрос показал возможность наличия на общем фоне мнения меньшинства (9,1 %), ориентирующегося на религию как на божественное откровение, и, кроме этого, возможность существования личностных точек зрения (8,1 %), которые в силу своей субъективности не поддаются никакой систематизации.

Третий вопрос касался сущности религиозного обращения, которое, согласно мнению подавляющего количества военнослужащих (73 %), является событием добровольным и ничем не провоцируемым. Влиянию традиции и воспитания отдают должное только 16,8 % респондентов. Еще меньшее количество считает, что причиной обращения должны быть соображения выгоды (3,8 %). Самое меньшее количество респондентов указывает на возможность непосредственного воздействия Бога (4,3 %). Преобладающая точка зрения указывает на необходимость свободы в противоположность влиянию традиции и воспитанию в осуществлении своего религиозного выбора, что может служить дополнительным указанием на особенности характеристик конфессионального поля Российской Армии, имеющего некоторые отличия от традиционных религиозных предпочтений забайкальцев.

Ответы на четвертый вопрос о том, как в действительности передается религия, показывают, что, по мнению респондентов, требование о свободном, не провоцируемом и не воспитуемом обращении, на необходимость которого многие указывали в ответах на предыдущий вопрос, не соблюдается. Обращение в большинстве случаев происходит согласно традиции (36,7 %), в несколько меньшей степени по механизму «от человека к человеку» – 31,4 %, гораздо менее распространено обращение посредством проповеди и миссионерства – 24,3 %.

Пятый, шестой, седьмой и восьмой вопросы были открытыми. Мы предлагали респондентам дать определение следующих религиозных организаций: «церковь», «культ»,

«секта», «деноминация».

В целом, и верующие, и колеблющиеся, и неверующие характеризуют такой термин, как «церковь» в основном с двух позиций: сущностной и описательной. Те, кто характеризует церковь с сущностной позиции, подразделяются на следующие направления: верующих в то, что функция церкви состоит в связывании человека с Богом, и верующих в то, что церковь является местом, где человек находит душевное, психологическое исцеление или облегчение. Эти веры являются равнонедоказуемыми эмпирически и основываются только на априорном убеждении того или иного респондента. Сосуществуют с ними описания церкви как архитектурного объекта, как места собрания верующих и как социокультурного института. Указанные подходы в силу своей описательности не могут противостоять ни друг другу, ни одному из сущностных подходов, а наоборот, существенно дополняют их.

Шестой вопрос исследования касался определения сущности термина «культ», который определяется с позиций верующих, колеблющихся и неверующих, во-первых, сущностно, т.е. религиозно-атеистически, ибо обе позиции дают отрицательные характеристики, совпадающие друг с другом дословно; во-вторых, описывающие функции культа в качестве социокультурного института, образа или символа.

Седьмой вопрос исследования имел целью собрать мнения респондентов, описывающие значение термина «секта». Оно двойственно. Первой точкой зрения на секту является сущностный взгляд, отражающий убеждение в антиобщественном, антирелигиозном и даже богоборческом характере секты. Вторая точка зрения отражает попытки обозначить организационные параметры этого явления без априорно-негативного контекста. Если рассматривать сущностные определения терминов «культ» и «секта», то согласно им эти «явления» противостоят церкви, т.к. понимаются как связанные с почитанием чего-либо богопротивного. Если рассматривать описательные определения, то они существенно дополняют высказывания о церкви и религии, т.к. включают понимания «культа» как элемента религиозной культуры, а «секту» – как организационное объединение верующих.

Восьмой вопрос направлен на выявление суждений респондентов в отношении термина «деноминация», являющегося четвертым термином, используемым в отечественном религиоведении для описания религиозных организаций [5; С. 78]. В целом, необходимо констатировать, что все группы опрашиваемых даже приблизительно не могут определить значения термина «деноминация». Вероятно, названный термин как обозначение современного религиозного движения, в этих кругах не существует. Таким образом, для определения религиозной организации в данной среде существуют только такие определения, как «культ», «секта» и «церковь». «Церковь» респондентами рассматривается расширительно, по сравнению с научными и православно-церковными взглядами, как распространенная в обществе и приемлемая им религиозная организация. В это понятие, таким образом, могут быть включены протестантские и нетрадиционные религиозные объединения, не противопоставляющие себя социуму.

Третий блок вопросов касался выяснения содержания мнений респондентов о роли религиозного культа в жизни человека. Мы выделили три группы обрядов жизненного цикла: обряды рождения, заключения брака и смерти и задали вопросы о том, обязательным или необязательным является их проведение для человека. Всего 54,6 % из 61,1 % верующих признают значение обрядов в жизни человека. Значительная часть колеблющихся – 22 % из 25,4 % признают значение обрядов в жизни человека. На важность обрядов указывает 10,2 % из 13,5 % респондентов – неверующих. В целом 73,4 % участников опроса указали на то, что считают обряды важными в жизни человека. На религиозном характере обрядов жизненного цикла настаивает 71,9 % респондентов, включая верующих, колеблющихся и неверующих, 17, 2 % – на светском.

На выявление сущностного для каждого человека ощущения в его жизни был направлен вопрос: «Присутствует ли в Вашей жизни ощущение внешней силы, намного превосходящей Вашу собственную, но в то же время осуществляющую опеку, контроль и помощь в Вашей жизни»? Признают ощущение существования Высшей силы и заботы о себе 45,8 % участников опроса, не признают 27,5 %, не ответили на этот вопрос 26,7 % респондентов. Постоянное ощущение запредельного, трансцендентного, не доказуемого эмпирически участия в своей жизни является одной из значимых составляющих религиозного чувства и религии в целом.

В следующем вопросе мы просили описать свое отношение к одному из явлений, которое часто связывается с возможностью воздействия Высших сил – к снам. Верят снам, придают значение их содержанию и руководствуются ими в своих действиях 32 % опрошенных военнослужащих, что указывает на определенную распространенность мистических настроений в этой среде.

Данные опроса показывают, что эти ощущения в той или иной степени доступны как верующим, так неверующим и колеблющимся. С другой стороны, значительными остаются группы, не испытывающие этого ощущения и в то же время принадлежащие к той или иной религии. В совокупности данные указывают на религию как социокультурный институт, выполняющий социальные функции, нежели на ее трансцендентный характер. В то же время необходимо отметить, что до тех пор, пока люди будут продолжать испытывать подобные ощущения, религия останется важнейшим социокультурным институтом общества.

Выявляя содержание мнений наших респондентов относительно связи религии и этничности, мы зафиксировали, что в необходимости данной связи убеждены 22,7 % участников опроса. В том, что не должно быть связи между этничностью и религией, убеждены 61,1 % от всех респондентов. Большая часть военнослужащих не считает религию этноконфессиональным явлением, указывая на ее личностное, суперсубъективное содержание.

Далее респондентам заданы вопросы о национальных, этнических и религиозных предпочтениях респондентов, в результате которых получены ответы, содержащие утверждения, которые возможно обобщить следующим образом. Для военнослужащих интересно, выгодно и приемлемо принадлежать к той этнической группе, в которой они рождены. Такая же тенденция наблюдается и в отношении религиозных предпочтений. Большинство респондентов либо являются русскими и принадлежат к православию, либо хотели бы исповедовать православие. В целом, можно указать на вполне ощутимую тенденцию взаимосвязи русской идентификации, православной веры и патриотических убеждений респондентов. Необходимо отметить, что, несмотря на то, что большинство (53,3 %) респондентов отметило в качестве наиболее предпочтительного места проживания Россию, на Забайкальский край, как место, в котором им было бы интересно, выгодно и приемлемо проживать, указало всего 4,5 % участников опроса. Считаем возможным предположить, что на фоне выраженных общероссийских идентификаций и патриотических убеждений отношение к Забайкальскому краю у военнослужащих является негативным и большинство военнослужащих респондентов в будущем себя с ним не связывает.

Пятая группа вопросов исследования посвящена выявлению отношения к официальным воинским ритуалам и неуставным ритуалам посвящения среди военнослужащих. Эти ритуалы не связаны с какой-либо традиционной религией. Однако они являются одним из ценностных звеньев, объединяющих армию в единое целое и придающих специфику всей армейской, в том числе и религиозной культуре.

На вопрос исследования: «Как Вы понимаете значение таких ритуалов, как присяга, почитание знамени части, отдача чести» верующие респонденты давали ответы, которые показывают, что большинство военнослужа-

щих объясняют существующую воинскую обрядность положительно, видя в ней подлинное выражение любви к Родине, гордость за нее, воинскую вежливость и исполнение долга. Только один из ответов фиксирует критическое отношение к официальной воинской обрядности, видя в ней выражение идеологии СССР. Функциональные объяснения описывают воинские обряды с точки зрения их ощущаемого значения и роли, под которыми чаще всего понимается культурообразующая функция. Существенно дополняет наше знание об отношениях военнослужащих – участников опроса, к воинской обрядности тридцать третий вопрос исследования о значении неформальных ритуалов перехода и других ритуалов, распространенных в воинской среде, но не признаваемых уставом. Значительная часть участников опроса выразила свое отношение в по этому поводу в сущностных объяснениях, подразделяющихся на приветствующее эти традиции как повышение боеспособности, и только некоторые негативно описывали эти ритуалы как уголовную традицию, которой не место в армии.

Анализ ответов на вопросы о воинских ритуалах, официальных и неофициальных, показывает определенную структурную схожесть этих ответов с теми ответами, которые давались в случаях описания религиозных явлений, в результате чего у нас появилось основание предположить, что на религиозную ситуацию в армии также влияет армейская и государственная идеология и связанная с ней культовая и ритуальная жизнь армии. Можно предположить, что основным функциям этой системы не противоречит, а наоборот, дополняет их неформальная система ритуалов и идеологии, существующая в армии, несмотря на меры, направленные на борьбу с ней.

Вопросы шестого блока, завершающего наше исследование, направлены на выявление социально-культурного и религиозного контекста, окружающего военнослужащих в их повседневной жизни, а также на выявление степени терпимости, открытости к межконфессиональному диалогу, отношению своей и иным религиозным организациям. Ответы на вопрос, целью которого было перечислить известные респондентам религии, показали, что участники опроса в основном указывают на такие религии как христианство, православие, католицизм, протестантизм, буддизм и ислам. Чаще всего эти же религии существуют в тех регионах, где проживают респонденты.

Подведем некоторые итоги.

1. Военнослужащие частей Российской Армии в Забайкалье представляют собой граждан, прибывших на территорию региона из различных областей и краев Российской Федерации. Подавляющее большинство участников опроса определяет религию как утилитарное и вполне светское явление. В то же время, наш опрос показал возможность наличия мнения меньшинства, ориентирующегося на религию как на божественное откровение, и, кроме того, возможность существования личностных точек зрения, которые в силу своей субъективности не поддаются никакой систематизации, но могут включать спектр отношений от полного принятия до тотального отвержения религии.

2. Исследование показало, что всякие попытки систематизации религиозных явлений являются умозрительными. Однако, как нам кажется, в целом они отражают более или менее общую идеологию, позволяющую делать некоторые замечания, главное из которых заключается в том, что культурное пространство Российский Армии не может быть отделено «железным занавесом», находящимся под наблюдением контрольно-пропускных пунктов, от культурного пространства гражданского сообщества. Религии, которые объясняют сущность процессов и потребностей, общих для громадного большинства населения, будут присутствовать в жизни военнослужащих.

3. Необходимо учитывать, что описанные нами переживания всегда касаются сугубо личностных переживаний каждого человека, в которые не все готовы посвящать посторонних. Эти ощущения делают религию человека настолько субъективной и не поддающейся

контролю и систематизации, что и для самих религий это конфессиональное поле является не полем контроля и распространения, а полем борьбы за конфессиональное влияние.

4. Эта часть составляет подавляющее большинство респондентов, что служит для нас основанием возможности реконструировать конфессиональное поле российской армии как отдельный пространственно-культурный локус среди конфессионального поля Забайкальского края. Этот локус не имеет четко обозначенных границ в силу тесной связи армии с общественными группами забайкальского населения. В то же время он имеет собственные ценности, являющиеся специфически армейскими, и отдельное пространство функционирования культуры, которое, несмотря на общность, существенно отличается от гражданского, культурного и конфессионального пространства Забайкалья.

5. На одно из отличий мы можем указать уже сейчас – это своеобразная интерсубъективность российских граждан, объединенных общей идеей служения государству, которая становится такой основой армейского культурообразования, которая, несмотря на все возможные этнические и конфессиональные различия внутри самой армии, все же придает особенность армейскому менталитету, ощущающему свою отчужденность от всего регионального. Вторым отличием является то, что среди военнослужащих довольно высоким является процент респондентов, которой в перспективе вполне может стать почвой для распространения внеконфессиональной религиозности, не признающей догматических и организационных рамок традиционных религий.

6. Все это важно учитывать не только представителям религиозных течений, рассматривающих население региона как своих потенциальных либо реальных приверженцев, но и руководству частей российской армии, которым не избежать проблем, связанных с необходимостью разрешения религиозной потребности военнослужащих.

Литература

1. Баринов, А.О. Религии [Текст] / А.О. Баринов, М.Н. Фомина, Н.Н. Константинова // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. – Новосибирск, 2000. – Т. 1. – С. 200-215.

2. Гараджа, В.И. Социология религии: учебное пособие для вузов: рекомендовано УМО по образованию... [Текст] / В.И. Гараджа; МГУ им. М.В. Ломоносова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 344 с.

3. Жуков, А.В. Современная религиозная ситуация в Восточном Забайкалье [Текст] / А.В. Жуков, А.Г. Янков, А.О. Баринов, А.В. Дроботушенко. – Чита: Полиграф–Сервис, 2003. – 150 с.

4. Мчедлов, М.П. Мировоззренческие предпочтения и национальные различия [Текст] / М.П. Мчедлов, Ю.А. Гаврилов, А.Г. Шевченко // СОЦИС. – 2004. – № 9. – С. 95-111.

5. Основы религиоведения: учебник / Ю.Ф. Борунков, И.Н. Яблоков, К.И. Никонов [и др.]; Под ред. И.Н. Яблокова. – 4.-е изд. перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 2005. – С. 78.

6. Угринович, Д.М. Введение в религиоведение [Текст] / Д.М. Угринович. – М.: Мысль, 1985. – С. 143-144.

7. Яблоков, И.Н. Социология религии [Текст] // И.Н. Яблоков. – М.: Мысль, 1979. – С. 168-181.

8. Янков, А.Г. Религиозная ситуация в Восточном Забайкалье (по результатам социологических исследований) [Текст] // Сибирь на перекрестке мировых религий: материалы третьей межрегиональной конференции. – Новосибирск: НГУ, 2006. – С. 152-157.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Жуков А.В., канд. филос. наук, доцент кафедры социальной антропологии, религиоведения и философии, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
ArtyomZh@yandex.ru

A. Zhukov, candidate of science (philosophy), associate professor, department of Social Anthropology, Religion and Philosophy, Chita State University

Научные интересы: религиоведение, этнология, краеведение

Research interests: Religion study, ethnology, regional study

УДК 81.1

Шевнин Анатолий Борисович
Anatoliy Shevnin

ЭРРАТОЛОГИЯ: ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ

ERRATOLOGY: WAYS OF DEVELOPMENT

Аргументируется целесообразность введения в парадигму лингвистических исследований нового направления под названием «эрратология» как теории ошибок и общей эрратологии как основы для прикладных исследований в разных сферах деятельности (лингвистика, методика, перевод и т.д.)

The article motivates the need for introduction of a new notion of "erratology" into linguistic paradigm as the theory of errors and «general erratology» as basis for applied research in various fields of human activity (linguistics, methodology, translation/interpreting, etc)

Ключевые слова: *эрратология, общая эрратология, ошибка, концепт «ошибка»*

Key words*: erratology, general erratology, error, the concept of "error"*

Ошибки всегда были предметом пристального внимания и эмоционального, заинтересованного обсуждения лингвистов, философов, психолингвистов, представителей естественных наук. При этом они до сих пор остаются одним из самых загадочных и малоизученных лингвистических объектов.

Философы с древних времён размышляли о том, что такое безошибочное знание, т.е. истина, и почему возникают ошибочные суждения. Анализируя логические построения, философы, начиная с древнегреческих, указывали, что признаком ошибочности суждения является наличие в нем противоречий. Истинное суждение свободно от противоречий. Однако философы-диалектики отмечают, что именно противоречия научных теорий способствуют развитию знаний. Макс Планк говорил по этому поводу: «Для настоящего теоретика ничего не может быть интереснее, чем такой факт, который вступает в противоречие с общепринятой теорией: ведь здесь собственно и начинается его работа» [7].

Английский философ Фрэнсис Бэкон выделил четыре категории ошибок на пути познания, которые он назвал идолами:

1) идол рода;
2) идол пещеры;
3) идол рынка;
4) идол театра.

Идолы рода – это ошибки, связанные с природой человека. Человеку свойственно судить о явлениях, основываясь на аналогии с самим собой. Идолы пещеры связаны с субъективными предпочтениями мыслителей. Идолы рынка возникают из-за несовершенства общения при помощи слов. Идолы театра отражают некритично усвоенные ложные мнения. Ф. Бэкон, критикуя ограниченный характер формальной логики, писал: «Логика, которой теперь пользуются, скорее, служит укреплению и сохранению ошибок, имеющих свое основание в общепринятых понятиях, чем отысканию истины. Поэтому она более вредна, чем полез-

на…Истина существует лишь постольку, поскольку существует ложь, а ложь существует лишь постольку, поскольку существует истина. Сказанное не выдумка мудрого, а то, что наблюдается в природе...» [2].

Особое отношение к ошибкам существовало в научных кругах. К научным ошибкам относятся логические ошибки в рассуждениях, неправильная интерпретация результатов эксперимента, принятие недостаточно обоснованной гипотезы как непреложной истины и др. Под научной ошибкой понимают также публикацию неверного результата (и сам этот неверный результат). Заблуждение в научной деятельности – это, как правило, последствия вовремя незамеченных и неустранённых ошибок. Следует различать добросовестное заблуждение, которое является следствием ненамеренно сделанных ошибок, и намеренную дезинформацию, которая обычно является результатом фальсификаций со стороны учёных. Согласно Г. Хону, ошибка представляется как указание, как средство выявления характерных особенностей подхода того или иного исследователя к науке. Ошибка – это выражение расхождения, признаком которого является несоответствие – несоответствие, возникающее в результате применения оценок, отличающихся от принятых. «Природа этого несоответствия, причина его возникновения, его трактовка и его эпистемологические следствия, вытекающие из его восприятия и понимания, составляют обширный предмет проблемы ошибки… Таким образом, важнейшим критерием является достижение соответствия, устранение расхождения между данными наблюдения и вычисления посредством процедуры сравнения, оценивания…» [13]. В своей работе Г. Хон, анализируя позиции Галилея и Кеплера в их трактовке ошибки, формулирует различие между представлениями о появлении ошибки у этих двух знаменитых мыслителей, обратившись к различию между понятиями погрешности (mistake) и ошибки (error). У Галилея в идеале присутствуют только погрешности, в то время как во взглядах Кеплера наряду с погрешностями есть и ошибки, являющиеся непреодолимыми. Галилей придерживается точки зрения, что помехи можно вычислить и устранить, так что идеализация сможет остаться точной. Кеплер, напротив, считает, что сохранится несоответствие. «Из-за погрешности вы отклонитесь от истинного пути, [тогда как] из-за ошибки вы заблудитесь» [13]. Представляется также важным привести глубокомысленное утверждение Кеплера: «Так или иначе, ошибка становится движущей силой на пути к открытию истины, позволяя выявить истину сравнением череды ложных путей («comparatione multorum falsorum eliciatur veritas») [14].

В наши дни проблеме ошибок уделяется не меньшее, а может быть, большее внимание. Представители разных наук и направлений деятельности пытались охарактеризовать данное направление исследований и дать ему соответствующее наименование. Писатель П. Амнуэль в своем фантастическом рассказе «Странник» повествует об истории жизни одного из персонажей Астахова, которого по аналогии с собственной неудачей заинтересовали неудачи других – ошибки не жизненные, а творческие, технические, научные. В результате Астахов выводит собственную теорему: «Вот принципиальное положение эрратологии, ее основная теорема: пользуясь только внутренней логикой развития ошибочных идей, изучая лишь ошибочные проекты, можно получить верное решение задачи. Неверных решений в истории науки накопилось так много, что появление нового качества неизбежно. В кризисной ситуации, когда правильных решений еще нет, существуют два способа выбраться из тупика. Первый: ждать, когда природа преподнесет открытие. Второй: применить методы эрратологии, найти новое самим. Первый способ эффективнее. Второй – надежнее...» [Амнуэль http://lib.ru/AMNUEL/ wanderer.txt.].

Другой писатель Г. Гуревич в научно-фантастическом рассказе «Свойственно ошибаться» предлагает назвать данное направление исследований «ошибковедением», которое для его героя «неисчерпаемо, бесконечно и

вечно. Бесконечно потому, что бесконечна природа. Вечно потому, что надо знать все, чтобы устранить все ошибки. Но чтобы узнать все, необходима вечность». Другой персонаж рассказа Степанов, полагая, что ошибковедение звучит «комично и фельетонно», предлагает термин «эррология»: «Солидность придают только античные корни, греческие или латинские. Эрраре – ошибаюсь! Наука об ошибках – эррология! Задача ее – нахождение безошибочной методики. Безошибочность – вот ее предназначение, вот в чем ценность. Ведь и в медицине нет науки о боли, нет специалистов-болевиков, есть обезболиватели – анестезиологи. Нам нужны обезошибливатели – анэррологи. Наука безошибочности – анэррология!» [Гуревич, 1967].

М.В. Никитин предлагал создать в рамках семиотики семиотическую дефектологию, которая изучала бы все виды ошибок на всех фазах коммуникативного акта [6]. Был также введен термин «эрратология», которым называют науку о том, как не повторять чужих ошибок в написании кандидатских и докторских диссертаций [5]. М. Дебренн, отказавшись от термина «эрратология» по причинам его «неполиткорректности», ввела более общий, с ее точки зрения, термин «девиатология» для обозначения науки об отклонениях от нормы – как случайных, так и систематических, вплоть до преднамеренных [4]. На Западе широкое распространение получил термин «error analysis» (анализ ошибок) – название направления, которое своим исследованием охватывает разнообразные сферы человеческой деятельности, в том числе сферу двуязычия и многоязычия.

Как философы древности, так и современные ученые обнаружили, что правильное и ошибочное не существуют друг без друга. Ученым стало ясно, что исследование ошибок – это необходимость. Но каждая наука изучает «свои» ошибки и не дает ответов на вопросы, что является общим для всех ошибок, как и почему они возникают, какие существуют виды ошибок и т.п. В этом направлении наиболее плодотворными, на наш взгляд, являются исследования профессора А.И. Селиванова, философа по образованию и профессии. А.И. Селиванов назвал данное направление исследований «эррологией», представляющей собой общую теорию ошибок, которая дает определение ошибке, классифицирует ошибки, вскрывает механизм и общее в причинах их возникновения, пути предупреждения и исправления их, меру ответственности за тот или иной вид ошибки и т.д. [8; 9].

Многие положения, высказывания и определения А.И. Селиванова представляются убедительными и аргументированными, созвучными нашим представлениям и пониманию как теории ошибок, так и ее составляющих. Поэтому позволим себе привести в тезисном виде основные постулаты общей теории ошибок А.И. Селиванова, тем более, что многие из них могут быть экстраполированы на исследования в конкретных науках и научных направлениях.

1. Лженаука – это непризнание ошибок. Ошибки – диалектический способ поиска истины. Не преувеличивать их вред и уменьшать их пользу.

2. Неправильность как антипод правильному существует как вид неадекватности, т.е. несоответствия. Адекватность и неадекватность существуют на любом уровне отражения и отношения предметов, действий к эталонам, образцам. Другими словами, понятия о них – категории всеобщего. Это значит, что не только термин «адекватность», но и «антиадекватность» применяют для характеристики взаимодействия в неживой и живой природе, в обществе.

3. Ошибка относится к неправильному, но отсюда не следует, что ошибка и неправильное тождественны. Ошибка всегда есть *непреднамеренная неправильность* (выделено нами – А.Ш.) и отличается от преднамеренной.

4. К преднамеренной логической неправильности относятся софизмы. Софизм – преднамеренная логическая неправильность, имеющая целью ввести кого-либо в заблужде-

ние. Утверждать, что ошибки делаются умышленно, преднамеренно, сознательно – допускать логическую несуразицу, логическое противоречие, ибо ошибка, как непреднамеренная неправильность, противостоит умышленной, преднамеренной неправильности.

5. Понятие об ошибке может быть выработано на основе обобщения материала специальных наук, теоретического осмысления этого материала. Такой подход исключает слепое перенесение какого-либо определения в эррологию, ибо в специальных теориях ошибки рассматриваются в соответствии с определенными (специфическими) задачами.

6. В объем понятия *ошибки* входят неправильности некоторых устройств (например, компьютеров), живых организмов, личностей, их объединений. Ошибки имеют место как в отображении, так и в действии из-за несоответствия их эталонам. Ошибка может иметь место там и только там, где есть информационное отражение или информационное отношение в собственном смысле этих слов, т.е. где есть «свободная» информация. Однако понятие *ошибки* неприменимо к любой системе. Ни в повседневном общении, ни в науке не говорят об ошибках кристаллов или водопроводных кранов.

7. У каждой ошибки своя причина, но в причинах есть общее, что обусловливает и общее в следствиях.

8. Ошибка – непреднамеренная неправильность, которую система с обратной связью в состоянии заметить и устранить (если существует возможность).

9. Истинность знания определяется единственным обстоятельством – правильно или нет воспроизведен предмет в сознании. Истина не зависит от субъекта, от того, как к ней относится личность, класс и т. д. Причина этого в том, что истина не является продуктом соглашения, произвола, пристрастия. Если субъект сочтет мысль, которая на самом деле (объективно) истинна ложной, то она от этого не превратится в ложную.

Рассуждая о классификациях ошибок, Ф.А. Селиванов допускает наличие разных классификаций (классификация грубых, систематических и случайных ошибок, дихотомическая классификация систематических и несистематических ошибок), поскольку каждая научная классификация служит определенной задаче и основывается не на произволе, а на общем в ошибках в определенном отношении. Собственная же классификация Ф.А. Селиванова призвана охватить ошибки действия, логические ошибки, заблуждения и распространяется на ошибки технических, кибернетических устройств и на ошибки живых организмов. Цель данной классификации – упорядочить ошибки для объяснения их на основе знания того, как они возникают. Данная классификация служит выяснению того, как возникают ошибки, и претендует на использование в специальных науках. Приведем основные классы данной классификации, которые имеют и подклассы:

1) ошибки расширения сферы существования признака (подклассы – ошибки увеличения, расширения видового признака и перенесение его с вида на род);

2) ошибки сужения сферы существования признака (подклассы – ошибки уменьшения, сужения родового признака до видового);

3) ошибки переноса признака, принадлежащего вещи в одном отношении, на другие стороны, элементы, вещи (подклассы – перенесение того, что принадлежит вещи в одном отношении, на другие отношения, отождествление признака единства с признаком элемента этого единства);

4) ошибки подмены одного предмета другим, не тождественным первому в данном отношении (подклассы – ошибки отождествления двух предметов на основании общего внешнего признака двух вещей, ошибки отождествления структур из-за наличия общих элементов и отношений, хотя структуры чем-то и отличаются). Простейшим случаем такой ошибки является фраза «обознался»;

5) ошибки элиминирования тождества предметов, т.е. отношение к предмету как к

другому. Когда мы не узнаем предмет, то в этом может сыграть роль какой-нибудь признак, присущий вещи, являющийся внешним для предмета, относительно которого совершена ошибка.

Таким образом, благодаря исследованиям Ф.А. Селиванова и ряда других ученых [10; 11; 12], можно говорить о становлении общей, или универсальной теории ошибок (эрратологии), которая призвана на основе исследований в конкретных науках и экстраполяции результатов этих исследований выявить и описать концепт «ошибка», выведя за его пределы сходные понятия, типологию ошибок, их причинно-следственные связи и закономерности их появления в зависимости от условий осуществления деятельности как живыми (человеческими), так и неживыми (техническими, кибернетическими) субъектами этой деятельности.

Литература

1. Амнуэль, П. Странник: научно-фантастический рассказ [Текст] / П. Амнуэль // Альманах научной фантастики. – М.: Знание, 1978. – Вып. 19. – С. 142-158.

2. Бэкон, Ф. Великое восстановление наук. Новый Органон [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt

3. Гуревич, Г. Свойственно ошибаться: научно-фантастический рассказ [Текст] / Г. Гуревич // Ордер на молодость. – М.: ДЛ, 1990. – С. 191-216.

4. Дебренн, М. Теоретические и прикладные аспекты межъязыковой девиатологии: дис ... д-ра филол. наук / М. Дебренн. – Новосибирск, 2006.

5. Марьянович, А.Т. Новая Эрратология, или Как получить ученую степень [Текст] / А.Т. Марьянович, И.В. Князькин. – СПб.: ДЕАН, 2005.

6. Никитин, М.В. Членение семиотического акта и задачи семиотической дефектологии [Текст] / М.В. Никитин // Проблемы обучения иностранным языкам. – Владимир, 1962.

7. Планк, М. «Лауреаты Нобелевской премии: энциклопедия» [Текст] / М. Планк; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1992.

8. Селиванов, Ф.А. Классификация ошибок и ее значение для теории деятельности [Текст] / Ф.А. Селиванов // Диалектический метод и этика. – Тюмень, 1973.

9. Селиванов, Ф.А. Ошибки. Заблуждения. Поведение [Текст] / Ф.А. Селиванов. – Томск, 1987.

10. Стрелков, Ю.К. Инженерная и профессиональная психология [Текст] / Ю.К. Стрелков. – М.: Академия, 2001.

11. Стрелков, Ю.К. Комплексная методика изучения взаимодействия в летном экипаже [Текст] / Ю.К. Стрелков // Методы исследования мышления и общения в производственной деятельности. – Ярославль: ЯрГУ, 1989.

12. Щедровицкий, П.Г. От «психологии ошибки» к «психологии развития» [Электронный ресурс] / П.Г. Щедровицкий. – Режим доступа: http://www.kros.ru/_libr/ped_bibl/shedp005/index.php.

13. Hon G. Going wrong: To make a mistake, to fall into an error \G/ Hong // Review of Metaphysics. – 1995. – V. 49.

14. Kepler J. The six-cornered snowflake / J. Kepler – Oxford: Clarendon Press, 1966.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Шевнин А.Б., канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой теории и практики перевода, Уральский гуманитарный институт (УрГИ)
Служ. тел. (343) 374 01 83

A. Shevnin, candidate of sciences (philology), associate professor, head of department of Theory and Practice of Translation, Ural Humanitarian Institute

Научные интересы: теория перевода, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, эрратология

Research interests: theory of translation, cognitive linguistics, lingvocultural studies, erratology

УДК 101.1::316; 323

Шерстянкина Татьяна Владимировна
Tatyana Sherstyankina

ДИАЛЕКТИКА ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ

DIALECTIC OF INTRAREGIONAL COOPERATION IN TRANSBAIKAL REGION

Рассматривается процесс укрупнения регионов России, а также проблемы внутрирегионального взаимодействия в Забайкальском крае после объединения двух субъектов РФ – Агинского Бурятского автономного округа и Читинской области. Делается вывод о том, что Забайкальский край – самодостаточное административное образование, обладающее экономическим, финансовым, социальным, культурным потенциалом, достаточным для выполнения возложенных государством функций

The author describes the process of Russian regional agglomeration and also the problems of regional development in Transbaikal region after integration of two federal subjects – Aginsk Buryat Autonomous Deistrict and Chita region. The author comes to the conclusion that Transbaikal region is self-sufficient administrative structure. Its economical, financial, social, cultural potential is sufficient to perform the functions which state entrusts to it

Ключевые слова: *глобализация, национальная безопасность России, национальные интересы, укрупнение регионов, региональное развитие*

Key words*: globalization, national security of Russia, national interests, agglomeration of regions, regional development*

Современный глобализирующийся мир представляет собой многообразную, сложную и диалектически противоречивую в экономическом, политическом и социокультурном отношениях систему, включающую множество взаимозависимых региональных образований макро-, мезо- и микроуровня.

Для современной России как многонационального государства федеративного типа особое значение имеет перегруппировка территорий на микроуровне (внутри страны), что обусловлено необходимостью модернизации государственно-территориального устройства в целях обеспечения безопасного устойчивого развития.

При обсуждении перспектив российской государственности актуализируется проблема исследования укрупнения российских регионов и вопрос осуществления качественно новых внутрирегиональных связей. В этом аспекте рассматривается объединение Тюменской области с входящими в нее Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами; Красноярского края с Таймырским и Эвенкийским автономными округами; Иркутской области с Усть-Ордынским Бурятским автономным округом. По результатам референдума от 1 марта 2007 г. состоялось объединение Агинского Бурятского автономного округа (АБАО) и Читинской области в Забайкальский край. Поэтому представляется целесообразным определить предметом нашего исследования данное новообразование как становящийся укрупненный регион.

Укрупнение регионов обосновывается как минимум двумя причинами. Во-первых, 89 субъектов Российской Федерации усложняют оптимальный баланс интересов, взаимоотношений, связей как между федеральным Центром и субъектами Федерации, так и между самими субъектами. Это также осложняет устойчивое, эффективное функционирование системы власти, системы управления страной. Во-вторых, существование так называемых составных субъектов РФ – краев и областей, на территории которых находятся автономные округа. Такое положение порождает множество экономических, социальных, управленческих и прочих проблем.

По мнению Е. Бухвальда, «сложноустроенный» (у некоторых авторов – «сложносоставной») субъект Федерации – нелепый административно-правовой феномен, порочное наследие советской эпохи, не имеющий никаких объективных истоков в основах новой российской действительности [1]. Поэтому объединение субъектов РФ логически явилось следующим (после создания федеральных округов) этапом повышения управляемости многочисленными субъектами государства. Этот процесс, в свою очередь, детерминировал новые подходы к определению самодостаточности регионов.

В мировой практике строительства федеративного государства исходят из того, что регион есть самодостаточное административное образование в том смысле, что он обладает экономическим, финансовым, социальным, культурным потенциалом, достаточным для выполнения функций, возложенных на него конституцией страны, федеральными и региональными законами.

Забайкальский край можно считать подобным самодостаточным образованием в силу ряда причин. Объединительные процессы в регионе начались задолго до референдума 2007 г. Бывшая Читинская область и АБАО в силу географического соседства, истории, сложившихся связей характеризовались тяготением друг к другу, направленностью вектора развития на углубление экономического, социального, культурного взаимодействия. Они характеризовались единой энергосистемой, единой дорожной сетью, единой системой здравоохранения и т.д. Значительных разделений, кроме бюджетных, не было. Катализатором в становлении взаимозависимости и взаимообусловленности двух субъектов послужил процесс глобализации, охвативший весь мир, существенно ослабивший «значимость географического пространства» [2; С. 9] и сделавший территориальные границы более прозрачными. Это послужило основанием создания единого, целостного «организма», части которого выполняют характерные для них функции. Другая причина – качество внутрирегионального взаимодействия, показатели которого находят свое выражение в социально-экономической, политической, социокультурной и других сферах.

Базовый сценарий развития Забайкальского региона увязан с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. Данный сценарий опирается на наиболее полное использование конкурентных преимуществ местной экономики, природно-ресурсного и транзитного потенциала, устойчивое наращивание экспорта конкурентных видов продукции региона, модернизацию транспортной инфраструктуры и т.д.

Социально-экономическое развитие региона как подсистемы нового качества дает возможность определить общие и секторальные ориентиры его внутреннего развития, учесть и «примирить» интересы и совместные стратегические планы хозяйствующих субъектов, точно взвесить и задействовать ресурсный, инфраструктурный и геоэкономический потенциал, получив, таким образом, синергетический эффект для развития региона на длительный период.

Однако без общих принципов и механизмов самоорганизации Забайкальский край не может состояться как самодостаточная единица в силу очевидного экономического различия входящих в его состав субъектов. По данным

Федеральной службы государственной статистики, АБАО на момент вступления в состав Забайкальского края обладал более мощным экономическим потенциалом, занимая лидирующие позиции в списках российских регионов по показателям экономического развития. Так, в первом полугодии 2007 г. увеличение объемов строительства составило 50 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Кроме того, зафиксирован рост таких показателей, как общий объем производства и уровень жизни населения [3]. В Агинском округе, единственном среди прибайкальских регионов, с 2003 г. наблюдалось положительное сальдо миграции [4].

Читинская область имела немалый потенциал экономического развития: природные ресурсы, транспорт, энергетика и т.п. Однако направленность на поддержку горнодобывающей отрасли и государственных предприятий повлекла за собой деиндустриализацию в промышленности. Согласно данным Комитета экономики Читинской области, в 2006 г. текстильное и швейное производство сократилось на 36,1 %, производство кожи, изделий из кожи и обуви – на 75,9 %, производство машин и оборудования – на 24,6 % [5].

Неоднородность экономического развития АБАО и Читинской области у многих аналитиков вызывала и продолжает вызывать сомнения в целесообразности и эффективности их объединения. Однако, на наш взгляд, оказавшись в точке бифуркации, Забайкальский край под влиянием поступающих в систему ресурсов и складывающихся внешних условий способен медленно накапливать количественные и качественные изменения. Это состояние, хотя пока и неустойчиво, но имеет перспективу в плане обновления системы: между ее отдельными элементами рвутся старые и возникают новые связи, разрушаются некоторые старые и зарождаются новые элементы. В этих условиях социально-экономическое развитие двух бывших субъектов Федерации приобретает взаимодополняющий характер.

Главными проблемами, сдерживающими реализацию экономического потенциала нового региона, являются его экономическая и инфраструктурная изоляция от остальной части России и наиболее развитых российских рынков, низкая внутренняя транспортная связанность территории при ее огромных размерах и высокодисперсном расселении [6].

Кроме того, модернизацию региональной экономики сдерживает распространившийся во всем мире экономический кризис. Долгосрочные договоры с генеральными инвесторами из Центра маловероятны. Поэтому важным фактором безопасного развития региона является ориентирование на самоорганизацию. Способом минимизирования издержек, связанных со стратегией развития края, является максимальная вовлеченность всех сфер в процесс регионального строительства.

Развитие Забайкальского края, как никакой другой территории России, зависит от эффективно действующей транспортной системы. Она объединяет край с другими регионами страны и зарубежья, что является необходимым условием успешного развития.

Постепенный рост транспортной обеспеченности населенных пунктов глубинных территорий региона на основе развития местной транспортной сети повышает привлекательность этих районов для предпринимателей, инвесторов и для жизни людей, создает условия для развития системы расселения и дополнительные рабочие места.

Транспортно-логистическая специализация Забайкальского края локализуется, в первую очередь, в поселке Забайкальск, в непосредственной близости от российско-китайской границы, и краевом центре. Через Забайкальск осуществляется основная часть грузооборота между РФ и КНР. Специализацией территории является торговля, развитие производств по глубокой переработке древесины, сбору автотехники, бытовой техники, лесоперерабатывающей промышленности.

Общий объем российско-китайских грузоперевозок в прошлом году составил 34,2 млн т. Из них на долю экспорта из России в Китай

пришлось 31,9 млн т, на долю импорта – всего лишь 2,1 млн т. По данным ОАО «Российские железные дороги», из России в основном вывозится лес (40 %), нефть (25 %), а также железная руда и лом (более 10 %). В Забайкальском регионе лесопродукция, например, является основой экспорта и дает более 80 % валютных доходов. КНР поставляет текстиль, бытовую электронику, продукты и игрушки. Несмотря на значительную внешнеторговую асимметрию, товарооборот между Россией и Китаем постоянно растет, превышая уже 30 млрд долларов в год [7]. Сохранение этой транспортной артерии, безусловно, является экономически выгодным для региона.

Развитие инфраструктуры на основных направлениях международных транспортных коридоров обеспечит потребности внешней торговли Забайкальского края и позволит реализовать его транзитный потенциал. Кроме того, наличие транспортной связи предполагает совершенствование приграничной инфраструктуры и развитие туризма.

Целостность и самодостаточность Забайкальского края сопряжены с энергетической инфраструктурой. Ее приоритетным направлением является обеспечение надежного электроснабжения краевого центра, а также удовлетворение растущих потребностей и реализация инвестиционных проектов по развитию и созданию промышленных зон, находящихся как на территории АБАО, так и бывшей Читинской области. Например, строительство третьего и четвертого энергоблоков Харанорской ГРЭС и системы линий электропередачи для выдачи ее мощности в западном направлении позволит повысить надежность электроснабжения Читы. Развитие системы линий электропередачи от Харанорской ГРЭС в восточном направлении создаст инфраструктурные предпосылки для развития перспективных предприятий горнодобывающей промышленности региона: Бугдаинский, Быстринский, Березовский ГОКи. Развитие энергетической инфраструктуры нацелено на получение положительного экономического и социального эффекта.

Таким образом, образование Забайкальского края позволило объединить природные, материальные, интеллектуальные и прочие ресурсы АБАО и Читинской области. Однако, на наш взгляд, наиболее значимой сферой интересов рассматриваемого региона выступает социокультурная, которую позиционируют в качестве детерминанты общественного развития.

Перед региональными представителями Забайкалья стоит задача скорейшего осмысления итогов объединения АБАО и Читинской области и, самое главное, выработки ценностных стратегических ориентиров для успешного завершения переходного периода не позднее 1 января 2010 г.

Укрупнение региона вызвало к жизни множество проблем, одной из которых является опасение по поводу утраты национальной идентичности бурятским народом. Но аргументацию, что с потерей АБАО статуса субъекта Федерации бурятская культура, язык и другие элементы национальной самоидентификации со временем исчезнут, можно считать узким подходом к пониманию действительности. Решить проблемы культурной самоидентификации можно только, диалектически осмысливая объективные и субъективные стороны этого процесса, основываясь на принципах толерантности, которые помогают выжить в современном мультикультурном мире.

Бывшие субъекты РФ, прежде имевшие право четко обозначать и сохранять собственное геокультурное пространство, выступая в условиях трансформации в новом качестве, проявляют способность принимать ценности и нормы бурятского и, соответственно, русского народа, структурно встраивая их в собственную культуру, расширяя, таким образом, ее потенциал. Следует согласиться с мнением губернатора Забайкальского края Р.Ф. Гениатулина, что это новая возможность взаимного развития составных частей региона в условиях глобализации, которая расширяет границы культурного пространства, выводит АБАО и

Читинскую область за рамки локальных образований, обеспечивая комфортное сосуществование народов разных национальностей.

Итак, механизмом объединения Забайкальского края выступают социально-экономическая и этнокультурная составляющие. Однако доминирующей остается политическая целесообразность, являющаяся основной предпосылкой появления идеи укрупнения регионов с целью выстраивания «вертикали власти», повышения контроля над территориями, региональными политическими элитами, финансовыми потоками и т.д.

Безусловно, в этом процессе можно выделить и ряд негативных моментов. Так, по мнению Ю. Янбаевой и Е. Минченко, укрупнение регионов влечет за собой:

– излишнюю централизацию власти, что грозит в будущем появлением центробежных сил;

– сложность в управлении крупным регионом;

– увеличение количества муниципальных образований, в результате чего снизится управляемость внутри региона;

– рост национального сепаратизма;

– создание самодостаточных регионов-монстров, способных в будущем угрожать национальной безопасности России [8].

Конечно, это может отрицательно сказаться и на безопасном развитии Забайкальского края. Однако, на наш взгляд, оценку процесса укрупнения региона следует осуществлять с точки зрения государственного строительства, а также возможности реализации региональной политики Забайкалья, которая охватывает все важнейшие отрасли материального производства, занятость населения, размещение сферы обслуживания, способствует выработке наиболее рациональных способов выравнивания уровня жизни бурятского и русского населения и т.д.

Таким образом, трансформация и укрепление пока еще достаточно слабых внутренних связей, объединяющих все сферы жизнедеятельности Забайкальского края, ведут к усилению взаимодействия АБАО и бывшей Читинской области и в конечном итоге к переструктурированию внутрирегиональной системы, что, в свою очередь, способствует укреплению национальной безопасности Российской Федерации в целом.

Литература

1. Бухвальд, Е. Укрупнение регионов: перспектива или суррогат реформирования федеративных отношений [Текст] / Е. Бухвальд // Федерализм. – 2004. – № 4. – С. 139-141.

2. Арсентьева, И.И. Глобализация и перспективы мирового развития [Текст] / И.И. Арсентьева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 12 (81): Общественные и гуманитарные науки. – СПб., 2008. – С. 7-15.

3. Регионы России. Социально-экономические показатели-2008 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: www.gks.ru.

4. Читинская область и Агинский Бурятский автономный округ (социальный портрет) [Электронный ресурс] // Социальный атлас российских регионов. – Режим доступа: www.atlas.socpol.ru/portraits/chita.shtm#economy.

5. Информация о социально-экономическом положении Читинской области за 2006 год [Электронный ресурс] // Комитет экономики Читинской области. – Режим доступа: www.economy.e-zab.ru/page/monitoring/lib/2006/ december.php.

6. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока, Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Министерство регионального развития Российской Федерации. – Режим доступа: www.minregion.ru.

7. Максимов, И. О транспортных коридорах [Электронный ресурс] / И. Максимов // Российские железные дороги. – Режим доступа www.pass.rzd.ru/wps/portal/press?STRUCTURE_ID=752&layer_id=463&id=200927.

8. Янбаева, Ю. Укрупнение регионов России:

экономическая и политическая целесообразность [Электронный ресурс] / Ю. Янбаева, Е. Минченко // Исследования Международного института политической экспертизы. – 16.01.2007. – Режим доступа: www.stratagema.org.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Шерстянкина Т.В., ст. преподаватель, каф. «Востоковедение», Читинский государственный университет (ЧитГУ) tanjasher@yandex.ru

T. Sherstyankina, Senior lecturer, department of Oriental Studies, Chita State University

Научные интересы: социальная философия, национальная безопасность Российской Федерации, регионоведение России

Research interests: social philosophy, national security of Russian Federation, Russian studies

Математика и информатитка

УДК 51

Абакумов Юрий Георгиевич
Yuriy Abakumov

О НЕКОТОРЫХ «ОПРОВЕРЖЕНИЯХ» ТЕОРЕМЫ Г. КАНТОРА О НЕСЧЕТНОСТИ МНОЖЕСТВА ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ЧИСЕЛ

ON SOME “DISPROOFS” OF G. CANTOR’S NONDENUMERABILITY OF REAL NUMBERS SET THEOREM

Обосновывается несостоятельность некоторых опровержений канторовского диагонального метода, появившихся в последнее время

The author proves inconsistency of some Cantor’s diagonal method’s refutations, which have appeared for the last period

Ключевые слова: *диагональный метод Кантора, несчетность*

Key words: *Cantor’s diagonal method, nondenumerability*

В работе [1] было намечено направление исследований современных концепций действительного числа в плане выяснения их соотношения между собой и отношения этих концепций к реальности. В предлагаемой статье, имеющей, в основном, критическое направление, мы отвлекаемся (заметим, вынужденно и с сожалением) от основной задачи.

Критика теоремы Кантора (точнее, доказательства ее с помощью «диагонального метода») была известна и ранее. Когда речь шла о явно дилетантских выпадах (например, [2]), то такую критику вполне естественно было проигнорировать.

Возможно, не стоило бы реагировать и на статью А.А. Зенкина [3], но этот автор весьма плодовит и имеет возможность печататься в авторитетных изданиях: добротно изданные сборники, журнал «Вопросы философии» и даже Доклады РАН. Критикует теорему Кантора и еще ряд исследователей: С.Н. Бычков с соавторами, В.К. Петросян и др. Критика у каждого своя. Может создаться впечатление, что они говорят от имени всего ученого сообщества. В силу этого стало невозможным далее отмалчиваться.

Сначала несколько вводных замечаний, чтобы пояснить суть дела.

Множество элементов (любой природы) называется счетным, если элементы этого множества можно перенумеровать с помощью ряда натуральных чисел 1,2,3, … . Выражаясь языком современной математики, множество M называется счетным, если существует взаимно однозначное соответствие (биекция) $\varphi : N \to M$, где N – множество натуральных чисел (пишут еще $N = \{1,2,3,...\}$).

Поясним, отображение $\varphi : N \to M$ называется однозначным (инъекцией), если из $n, m \in N, n \neq m$ следует $f(n) \neq f(m)$. Это можно записать: $(n \neq m) \Rightarrow (f(n) \neq f(m))$. Инъекция φ называется биекцией, если $M = \varphi(N)$. Поясним: последняя запись означает, что для любого $x \in M$ найдется $p \in N$, что $\varphi(p) = x$.

Любое бесконечное множество содержит счетное подмножество (отсюда, в частности, следует, что любое бесконечное подмножество множества натуральных чисел – счетное).

Теорема Кантора утверждает, что множество действительных чисел отрезка $[0,1]$ несчетно, или, по-другому, не существует биекции $\varphi : N \to [0,1]$. Заметим, инъекции такого вида существуют, например, $\varphi(n) = \frac{1}{n}$.

Прежде чем приводить доказательство Кантора (точнее, его современное изложение), оговорим некоторые моменты.

Мы будем оперировать с представлением действительных чисел в виде бесконечной десятичной дроби, то есть в виде последовательности десятичных цифр $a_0, a_1 a_2 ... a_n ....$ При этом $a_0 = 0$ или $a_0 = 1$ (в последнем случае при $n = 1,2,3,...$ все $a_n = 0$), если $a_0 = 0$, то при $n = 1,2,3,...$ a_n может принимать значение любой цифры, или $a_n \in \{0,1,2,3,4,5,6,7,8,9\}$. В таком представлении действительных чисел может возникнуть неоднозначность. Например, записи $0,1000...$ и $0,0999...$ (в первом случае все $a_n = 0$ при $n > 1$, во втором они равны 9) представляют одно и то же число. Чтобы избежать неоднозначности, не будем использовать бесконечную последовательность девяток.

Обозначим два взаимоисключающих утверждения:

B: существует инъекция $\varphi : N \to [0,1]$, являющаяся биекцией (это означает, что множество $[0,1]$ счетное);

$\neg\mathrm{B}$: любая инъекция $\varphi : N \to [0,1]$ не является биекцией.

Итак, рассмотрим произвольно взятую инъекцию $\varphi : N \to [0,1]$, $\varphi(n) = x_n = x_{0n}, x_{1n} x_{2n} ... x_{nn} ....$ Определим $y = y(\varphi) \in [0,1]$, $y = y_0, y_1 y_2 ... y_n ...$ по правилу: $y_0 = 0$, для $n > 0$ если $x_{nn} \in \{0,1,2,3,4,5,6,7\}$, то $y_n = x_{nn} + 1$, а если $x_{nn} \in \{8,9\}$, то $y_n = 1$. Имеем для любого $n \in N$ $y_n \neq x_{nn}$. А это значит, что для любого $n \in N$ $y \neq x_n$. Таким образом, инъекция φ не является биекцией. В силу того, что в качестве φ может быть взята любая инъекция, получаем утверждение $\neg\mathrm{B}$.

Доказательство закончено.

А.А. Зенкин дает несколько иное изложение доказательства. Этот вариант доказательства приводится в некоторых книгах, включающих разделы теории функций действительного переменного. Схема изложения такова: предполагаем, что есть последовательность $\{x_n\}$, содержащая все числа отрезка $[0,1]$; указанным способом образуем число $y \notin \{x_n\}$; делаем вывод, что наше предположение неверно, и, значит, последовательности, содержащей все действительные числа, не существует.

Перепутав предположение (которое подвергается проверке) с посылкой, А.А. Зенкин приводит схему доказательства Кантора в виде

$\mathrm{B} \to \neg\mathrm{B}$.(1)

(Правильней было бы написать $\mathrm{B} \Rightarrow \neg\mathrm{B}$). При этом он не замечает, что построение числа y ни коим образом на предположение B не опиралось. Таким образом, схема (1) к делу не относится.

Поясним теперь, что осталось в теореме Кантора «за кадром». Основной методологической установкой Кантора было использование абстракции актуальной бесконечности. В

доказательстве она была использована при произвольном выборе инъекции φ, т.е. мы исходили из того, что объективно существует множество $\Phi = \{\varphi\}$ всех инъекций вида $\varphi : N \to [0,1]$, а то, что это множество не пусто, мы оговорили, приведя пример $\varphi(n) = \frac{1}{n}$.

В адрес абстракции актуальной бесконечности было высказано немало критики. Заметим, что критика эта обычно носила философский характер и авторы не придавали ей статуса логических аргументов. Мнение этих авторов можно сформулировать так: «Хорошо бы построить математику без использования абстракции актуальной бесконечности». Альтернативой абстракции актуальной бесконечности является абстракция потенциальной осуществимости. Она заключается в следующем положении: бесконечное множество считается существующим, если мы знаем, как «построить», «сконструировать», «вычислить» любой его элемент. При этом мы абстрагируемся от наших практических возможностей, связанных с ограниченностью времени, трудоемкостью, нехваткой ресурсов. Так, например, мы считаем существующим число $F_{23471} = 2^{2^{23471}} + 1$, запись десятичного представления которого потребовало бы столько чернил, что чернильный шар многократно превысил бы размеры галактики.

Конкретизацией подхода, основанного на абстракции потенциальной осуществимости, явилось построение разделов конструктивной математики, в частности, конструктивного математического анализа (см. [4]). Основой конструктивного подхода явилось построение математической модели понятия «алгоритм» (было предложено несколько моделей, но все они оказались эквивалентными).

Применительно к действительным числам получается следующее. Конструктивное действительное число (КДЧ) считается определенным, если имеется алгоритм вычисления его с любой точностью (строгие определения приведены в [4]). Отсюда видно, что множество КДЧ с канторовской точки зрения счетно. В самом деле, алгоритм – это предложение, записанное конечным набором символов, а таких наборов (среди которых есть не только алгоритмы) счетное множество. Тем более, счетно множество КДЧ.

Возможно, когда-то и раздавались призывы «отменить» (или «запретить») классический анализ, основанный на абстракции актуальной бесконечности. Однако к настоящему времени классический математический анализ функционирует с конструктивным в режиме мирного сосуществования (это отнюдь не уникальный феномен, так же мирно сосуществуют статистическая физика и механика сплошных сред). Дело здесь, видимо, в том, что отказ от абстракции актуальной бесконечности сильно обедняет математику.

Вернемся к статье [3] и приведем из нее резюме: «Таким образом, мы можем утверждать, что доказательство теоремы Кантора о несчетности основано на парадоксе и представляет собой потенциально-бесконечное, т.е. нефинитное (в смысле Гильберта) рассуждение. Единственной причиной появления этого нового парадокса канторовской теории множеств является «объявление» (ибо доказать это невозможно) бесконечного пересчета актуальным. Следовательно, понятие актуальной бесконечности, а вместе с ним и все утверждения, основанные на применении ДМК к актуально-бесконечным множествам, является существенно, т.е. неустранимо, противоречивым. Все бесконечные множества в математике являются потенциально-бесконечными.

Сам же Диагональный Метод Кантора представляет собой вариант не совсем обычного и логически несостоятельного метода опровержения недостоверной гипотезы с помощью контр-примера, который формально дедуцируется из опровергаемой гипотезы. В классической логике такой прием называется ошибкой «недоказанного основания» или, точнее, ошибкой «порочного круга»» (здесь аббревиатура ДМК означает диагональный ме-

тод Кантора).

Мы уже пояснили, что «опровержение» доказательства Кантора основано на логической ошибке А.А. Зенкина. Вместе с «опровержением» теряют силу и остальные радикальные «оргвыводы». Добавим к этому, что опровержение доказательства (будь это опровержение даже верным) вовсе не влечет само по себе опровержение самой теоремы. Вспомним недавно доказанную теорему Ферма. Между тем, дилетанты в погоне за премией понаделали несметное количество неверных доказательств.

Интересно, пытались ли опровергатели Кантора получить алгоритм, выстраивающий в последовательность все действительные числа? Ведь этим была бы опровергнута как сама теорема, так и все ее доказательства: прошлые, настоящие и будущие. Теперь уже в рамках конструктивного анализа [4; С. 187-190] доказано, что такого алгоритма нет. Впрочем те, для кого Кантор не авторитет (а вместе с ним и А.Н. Колмогоров с С.В. Фоминым, И.П. Натансон, П.С. Александров и мн. др.), могут не поверить и Б.А. Кушнеру. В таком случае остается только пожелать успеха неутомимым искателям истины.

Среди других авторов, выступающих с опровержением теоремы Кантора, отметим (в пределах данной статьи) еще В.К. Петросяна. Этот исследователь еще более продуктивный, чем А.А.Зенкин. Им опубликовано несколько книг и большое количество статей. По затронутой теме мы располагаем лишь работой [5]. Эта работа достойна обстоятельного рассмотрения с подробным цитированием. Объем нашей статьи не позволяет это сделать (это предполагается сделать предметом отдельной публикации). Здесь же ограничимся краткими замечаниями.

Статью [5] условно можно разделить на две части: критическую и конструктивную.

Содержащаяся в первой части критика теорем Кантора основана на недоразумении. Дело в том, что В.К. Петросян понимает термин «счетное множество» по-своему. Он считает, что, нумеруя элементы множества, можно использовать бесконечно большие (трансфинитные) номера. С тем, что в этом смысле множество действительных чисел окажется «счетным», Кантор спорить бы не стал. В этом плане известен более общий результат Э. Цермело о том, что любое множество можно вполне упорядочить [6; С. 364, теорема 2].

Во второй части излагается теория числовой системы, включающей действительные числа и, кроме них, актуально бесконечно малые и бесконечно большие. Идея построения расширенного числового множества, включающего бесконечно малые и бесконечно большие числа, была реализована в 60-е гг. прошлого века в форме так называемого «нестандартного анализа». По нестандартному анализу имеется литература на русском языке (см. [7,8]). По всей вероятности, В.К. Петросян с ней незнаком (это видно по стилю изложения, по заявлениям рекламного характера и по различного рода поучениям в высокомерном тоне).

Литература

1. Абакумов, Ю.Г. О различных трактовках понятия «действительное число» [Текст] / Ю.Г. Абакумов // Вестник ЧитГУ. – Чита: ЧитГУ, 2007. – № 4 (45). – С. 57-60.

2. Очеретько, В.И. Ошибки Канторовской теории множеств [Текст] / В.И. Очеретько // АН УССР, Донецк, 1990. – 12 с. – Деп. в ВИНИТИ № 2843-90.

3. Зенкин, А.А. Принцип разделения времени и доказательство нефинитности некоторых правдоподобных рассуждений метаматематики [Текст] / А.А. Зенкин // Шестая национальная конференция по искусственному интеллекту (КИИ"98). – М.: Российская ассоциация искусственного интеллекта, 1998. – С. 278-286.

4. Кушнер, Б.А. Лекции по конструктивному математическому анализу [Текст] / Б.А. Кушнер. – М.: Наука, 1973. – 448 с.

5. Петросян, В.К. Основные положения концепции оснований гармонической арифметики

[Текст] / В.К. Петросян // Бесконечность в математике: философские и исторические аспекты. – М.: Янус-К, 1997. – С. 48-66.

6. Натансон, И.П. Теория функций вещественной переменной [Текст] / И.П. Натансон. – М.: Наука, 1974. – 480 с.

7. Девис, М. Прикладной нестандартный анализ / М. Девис. – М.: Мир, 1980. – 238 с.

8. Успенский, В.А. Что такое нестандартный анализ? [Текст] / В.А. Успенский. – М.: Наука, 1987. – 128 с.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Абакумов Ю.Г., канд. физ-мат. наук, профессор кафедры информатики, вычислительной техники и прикладной математики, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

Научные интересы: функциональный анализ, теория приближений, философские вопросы математики

*Y. Abakumov, c*andidate of science (physics and mathematics), professor, department of Informatics, Computer Science and Applied Mathematics, Chita State University (ChSU)

Research interests: functional analysis, approximation theory, philosophical questions of mathematics

Социология

УДК 316.6

Романова Нелли Петровна
Nelly Romanova

ФЕНОМЕН СТАТУСНОЙ НЕКОНСИСТЕНТНОСТИ

STATUS INCONSISTENCE PHENOMENON

С позиций различных авторов представлена статусная неконсистентность как ситуация неравенства, или несовпадения положения индивида в значимых измерениях стратификации, в разных фрагментах социальной структуры. Эффекты статусной неконсистентности могут проявляться в форме аффективных, когнитивных и поведенческих реакций

The author shows the phenomenon of inconsistence viewed by different researchers as a situation of inequality or incongruity of personal position in significant stratification levels, various fragments of social structure. Status inconsistence effects may reveal in form of affective, cognitive, and behavioral reactions

Ключевые слова: *социальная стратификация, статусная рассогласованность, система неравенства, статусная неконсистентность, дисбаланс, социальная среда, статусная кристаллизация*

Key words: *social stratification, status mismatch, system of inequality, status inconsistence, disbalance, social area, status crystallization*

Концепция статусной рассогласованности (неконсистентности) как одно из «ответвлений» теории социальной стратификации разрабатывается за рубежом с середины XX в. Опыт западных исследований по данной проблематике свидетельствует о необходимости специального изучения феномена статусной неконсистентности, который вносит определенный вклад в формирование системы неравенств.

В последние годы развитие концепции получило новый импульс в связи со значительным увеличением масштаба статусных рассогласований в условиях нестабильной социальной среды и их существенным влиянием на сознание и поведение людей в посткоммунистических обществах.

Феномен статусных рассогласований наблюдается в разных фрагментах системы неравенств. Как показывают результаты исследований восточно-европейских социологов, в период трансформации общества нарушается баланс между инвестициями и вознаграждением, который поддерживается рынком труда в рыночных обществах. Яркой иллюстрацией дисбаланса в современной России выступает положение научной интеллигенции, представители которой имеют высокий уровень образования и относительно низкий уровень доходов. Примером неконсистентности в другом фрагменте социального пространства может служить статусная ситуация индивида, кото-

рый занимает позицию, связанную с большим объемом властных полномочий и значительным формальным авторитетом, но не пользуется уважением окружающих за свои личные качества.

Практический интерес к изучению статусной рассогласованности в современной России связан с тем, что ее масштабность может порождать серьезные социальные проблемы или выступать катализатором обострения существующих противоречий.

Современное состояние российских исследований в данной области характеризуется множественностью трактовок и обозначений явления, известного в англоязычной литературе как «Status Inconsistency». Наблюдаемая в отечественных исследованиях плюралистичность во многом предопределяется разными вариантами перевода данного термина, которые можно систематизировать следующим образом [1]:

1) *статусная неконсистентность.* Обозначение используется в работе Л.А. Хахулиной [2], в которой консистентность статусных и мировоззренческих характеристик представителей средних слоев рассматривается как условие формирования полноценного среднего класса в России;

2) *статусные несоответствия.* Понятие используется в работе Л.Г. Зубовой и Н.В. Ковалевой, в которой идентифицирована ситуация статусных несоответствий между образованием и доходом в группе обеспеченных респондентов [3];

3) *статусная противоречивость.* Термин используется в работе В.Ф. Анурина, анализирующего экономическую стратификацию [4], а также в исследовании Л. Гордона, А. Терехина и Е. Будиловой при многомерном описании материально-экономической дифференциации населения России [5];

4) *статусная рассогласованность.* Понятие активно используется представителями Новосибирской экономико-социологической школы. Впервые было употреблено в 70-е гг. прошлого столетия группой исследователей образа жизни сельского населения под руководством Р.В. Рывкиной [6].

Статусная рассогласованность как аспект социальной стратификации становится предметом исследований в 80–90-е гг. XX в. в контексте изучения системы материальных неравенств. Данный термин использовался для обозначения ситуации несоответствия разных компонентов статуса материального благосостояния семьи (доходов, жилищных условий, имущественной обеспеченности). Такая трактовка представлена в исследованиях О.Э. Бессонова, С.Г. Крапчан [7], Т.Ю. Богомоловой, В.С. Тапилиной и А.Р. Михеевой [8], В.А. Лисова и А.Н. Шапошникова и других авторов.

Теоретическими истоками концепции статусной неконсистентности считаются работы основоположников многомерного подхода – П. Сорокина и М. Вебера. Такой подход к анализу, опирающийся на представления об относительной независимости основных измерений социальной стратификации, предполагал возможность несовпадения позиций субъекта в разных фрагментах системы неравенств. Эта идея объединяет взгляды основоположников, несмотря на существующие различия в идентификации системы стратификационных измерений.

П. Сорокин в работе «Социальная и культурная мобильность» фактически описал проблему статусной неконсистентности. Выделив три формы социальной стратификации (экономическую, политическую и профессиональную), он подчеркнул возможность несовпадения позиций индивида в данных фрагментах социального пространства: «самые богатые далеко не всегда находятся у вершины политической или профессиональной пирамиды, также и не во всех случаях бедняки занимают самые низкие места в политической и профессиональной иерархии» [9].

В работе «Система социологии» П. Сорокин четко идентифицирует феномен статусной неконсистентности при описании дифференциации населения на «нормальные и ненормальные кумулятивные социальные группы»:

представители первой занимали примерно одинаковые позиции в иерархиях богатства и власти, у членов второй эти позиции существенно отличались друг от друга [10].

М. Вебер в работе «Класс, статус и партия», опубликованной в начале 20-х гг. прошлого столетия, подчеркивал «два главных аспекта многомерного подхода: а) что существует несколько измерений стратификации, которые следует теоретически различать; б) что положение отдельного лица в одном измерении не обязательно совпадает с его положением в другом измерении, часто здесь возникает расхождение» [11].

Выделив три измерения стратификации (экономическое, социальное и политическое), М. Вебер описал ситуации несовпадения положения субъекта в данных фрагментах: «статусное уважение – престиж не связано с классовой ситуацией... И собственники, и неимущие могут принадлежать к одной и той же статусной группе» [12], «не всякая власть включает социальную репутацию: типичный американский босс точно так же, как и типичный крупный спекулянт, постепенно лишаются своей социальной репутации.

Распространение многомерного подхода как методологии анализа привело к фиксации явления статусной неконсистентности в различных фрагментах социального пространства, что подтверждало идеи, высказанные теоретиками. Своеобразную почву для возникновения концепции подготовили эмпирические работы американских исследователей, проведенные в первой половине XX столетия. Так, У.Л. Уорнер, проводя анализ классовой структуры американской общины в 30-40-е гг., обнаружил несовпадение положения индивидов в профессиональной иерархии и шкале по престижу [13].

Толчком для развития концепции статусных рассогласований послужила статья американского исследователя Г. Ленски «Статусная кристаллизация: невертикальное измерение социального статуса», опубликованная в 1954 г.

Г. Ленски считается родоначальником данной концепции, т.к. он первым ввел в научный оборот понятие «status incon-sistency». Точнее, в своей первой работе автор использовал обозначение «статусная кристаллизация», вошедшее затем в социологические словари в качестве синонима термина «статусная консистентность». Последнее получило наибольшее распространение в англоязычной литературе.

Опираясь на одну из трактовок понятия «статус», рассматривающую его в качестве ранга социальной позиции субъекта, Г. Ленски идентифицировал статусную неконсистентность как ситуацию неравенства, или несовпадения положения индивида в значимых измерениях стратификации. Согласно представлениям автора, высокая степень кристаллизации имела место в случае согласованности статусов индивида в различных иерархиях, низкая – в ситуации существенных различий его позиций.

В более широком контексте под статусной неконсистентностью понимаются существенные относительные различия положения субъекта (индивида, группы) в разных фрагментах социальной структуры [14]. Данное определение не противоречит разным традициям анализа этого феномена, которые получили развитие в западных исследованиях.

Основу концепции составляет утверждение Г. Ленски, согласно которому степень кристаллизации социального статуса индивида может выступать фактором, определяющим его поведение и установки. Первоначально интерес автора был связан с объяснением дифференциации политических предпочтений и электорального поведения людей.

Развитие концепции на протяжении более чем полувека свидетельствует о наличии различных этапов ее жизненного цикла. В одни периоды интерес к этой теме был весьма высок, в другие – более чем умеренный. Однако эта проблема в социологии всегда имела своего исследователя. Отсутствие поступательного развития концепции стимулировало появле-

ние обобщающих аналитических работ, которые продемонстрировали разработанность как теоретико-методологических, так и прикладных аспектов проблемы статусной неконсистентности. В зарубежной социологии с разной степенью интенсивности изучались причины возникновения, формы проявления и эффекты статусных рассогласований, разработаны методики идентификации данного явления и способы изучения его влияния на сознание и поведение людей. Несмотря на многочисленные исследования в данной области, на распространенность использования в западной практике терминологического комплекса концепции, в распоряжении социологов не оказалось «надежного» инструмента познания этого феномена.

Наблюдаемая в зарубежных исследованиях множественность интерпретаций базового понятия – статусной неконсистентности – привела к пессимистическим оценкам перспектив развития концепции и ее объяснительного потенциала. По мнению некоторых аналитиков, неоднозначность смысла во многом обусловлена отсутствием четкой идентификации методологических предпосылок исследования статусных рассогласований. Так, М. Хартман считал целесообразным обозначить ряд основных допущений, необходимых для получения достоверных результатов анализа:

1) в любой системе существует как минимум два измерения социальной стратификации, т.е. предполагается ее многомерность;

2) выбранные измерения должны быть значимыми в данной социальной системе, т. е. реально дифференцировать субъектов в иерархическом ранге. Существует два способа идентификации социально значимых иерархий: дедуктивный способ, использующий логику познания от теоретических представлений к эмпирическим индикаторам, и индуктивный, основанный на логике генерализации: от эмпирических показателей к обобщающим, теоретическим категориям. Вероятно, их комбинация дает наиболее достоверный результат;

3) необходимо наличие одинаковых способов ранжирования принятых измерений стратификации. Понятие неконсистентности предполагает сравнение рангов в разных иерархиях, поэтому оси должны быть сопоставимыми. Согласно представлениям Т. Парсонса, стратификация выступает одним из аспектов социальной системы. Интегрированность последней делает возможным существование одинаковых способов оценивания социально значимых статусов [15];

4) оцениваемые измерения статуса по природе своей должны быть однотипными – имеющими одинаковый уровень общности и значимости. Как подчеркивал Т. Парсонс, в социальной системе измерениям придается разное значение (например, наиболее значимы в американском обществе принадлежность к родственной ячейке и достижения в профессиональной сфере). Кроме того, необходимо сопоставлять категории одинакового уровня абстракции, например, общий экономический статус и доход как одна из его составляющих репрезентируют разные уровни общности;

5) корректность сравнения нескольких осей предполагает принятие некоего общего знаменателя, который делает технически возможным сопоставление разных позиций. Конструируемые шкалы должны быть соизмеримыми (ранговыми, метрическими и др.). Противоречивость результатов эмпирических исследований статусной неконсистентности во многом предопределяется непоследовательностью авторов в отношении основных методологических предпосылок анализа.

Наибольший интерес представляет не столько статусная ситуация как таковая, сколько ее влияние на сознание и поведение людей. Результаты многочисленных исследований в данной области свидетельствуют, что эффекты статусной неконсистентности могут проявляться в форме аффективных, когнитивных и поведенческих реакций.

Дж. Гешвендером была обоснована закономерность проявления эффектов, на основе которой возможно прогнозирование реакций людей на определенную статусную ситуацию [16; С. 169]. Согласно представлениям автора,

носители рассогласованных статусов пытаются изменить положение, и их действия принимают форму повторяющихся ответов, последовательность которых идентифицируется как движение от простого к сложному.

Самой обычной реакцией на неконсистентность считается эмоциональная, все последующие действия представляют собой различные попытки изменить ситуацию. Одним из способов трансформации действительности является изменение собственного статуса посредством мобильности. Только восходящая мобильность может снизить диссонанс от статусной рассогласованности, поскольку спуск по социальной лестнице может вызвать дискомфорт, связанный со сравнением положения в настоящем и прошлом.

Если эта попытка не может быть реализована, то субъект обращается к следующему способу – агрессивным действиям против индивидов или групп. Осуществляя такие виды поведения, носители рассогласованных статусов снимают напряжение, направляя враждебность против определенных субъектов (например, групп меньшинства).

Если не удается реализовать предыдущие попытки, то следует более сложная реакция – стремление изменить существующий социальный порядок: первоначально поддерживая взгляды политической оппозиции, а затем – принимая активное личное участие в ее деятельности. В случае невозможности снять напряжение такими способами поведение неконсистента будет принимать различные формы, избегания неприятных социальных взаимодействий.

Литература

1. Саблина, С.Г. Статусные рассогласования: методология анализа и практика исследований [Текст] / С.Г. Саблина. – Новосибирск: НГУ, 2000. – 60 с.

2. Хахулина, Л.А. Субъективный средний класс: Доходы, материальное положение, ценностные ориентации [Текст] / Л.А. Хахулина // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. – 1999. – № 2.

3. Зубова, Л. Г. Обеспеченные (основные характеристики группы) [Текст] / Л.Г.Зубова, Н.В. Ковалева // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. – 1994. – № 6.

4. Анурин, В.Ф. Экономическая стратификация: аттитюды и стереотипы сознания [Текст] / В.Ф. Анурин // Социологические исследования. – 1995. – № 1.

5. Гордон, Л. Опыт многомерного описания материально-экономической дифференциации населения [Текст] / Л. Гордон, А. Терехин, Е. Будилова // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. – 1998. – № 1, 2.

6. Рывкина, Р.В. Опыт изучения сельского образа жизни на основе его типологии [Текст] / Р.В. Рывкина, В.И. Герчиков, Ю.В. Новокшанов, М.Л. Суховский, В.С. Тапилина // Применение факторного и классификационного анализа для типологизации социальных явлений. – Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1976. – С. 69-117.

7. Бессонова, О.Э. Участие населения в приватизации жилья [Текст] / О.Э. Бессонова, С.Г. Крапчан // Социологические исследования. – 1994. – № 8-9.

8. Богомолова, Т.Ю. Социальная структура: неравенство в материальном благосостоянии [Текст] / Т.Ю. Богомолова, В.С. Тапилина, А.Р. Михеева. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1992.

9. Сорокин, П.А. Социальная и культурная мобильность [Текст] / П.А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество / Под ред. А. Ю. Согомонова: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. – С. 297-424.

10. Сорокин, П.А. Система социологии. Т. 2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов [Текст] / П.А. Сорокин. – М.: Наука, 1993.

11. Гордон, М.М. Социальный класс в американской социологии [Текст] / М.М. Гордон // Социальная стратификация: сб. статей. Вып. 3. – М.: Изд-во Ин-та народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992.

12. Вебер, М. Класс, статус и партия [Текст] / М. Вебер // Социальная стратификация: Сб. статей. Вып. 1. – М.: Изд-во Ин-та народно-

хозяйственного прогнозирования РАН, 1992.

13. Уорнер, Л. Социальный класс и социальная структура [Текст] / Л. Уорнер // Рубеж. – 1997. – № 10-11.

14. Саблина, С.Г. Кристаллизация статуса средних слоев в современной России [Текст] / С.Г. Саблина // Социологический журнал. – 2000. – № 1-2.

15. Парсонс, Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации [Текст] / Т. Парсонс // Социальная стратификация: Сб. статей. Вып. 1. – М.: Изд-во ин-та народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992.

16. Geschwender, J.A. 1967 "Continuities in Theories of Status Consistency and Cognitive Dissonance". Social Forces, Volume 46, Number 2. – P. 160-171.

Коротко об авторе ***Briefly about author***

Романова Н.П., д-р социол. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
rik@chitgu.ru

N. Romanova, doctor of science (Sociology), professor, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: философия одиночества, гендерные исследования, деловые коммуникации

Research interests: philosophy of loneliness, gender research, business communications

книгоград

Чеботарева А.А. *Средства массовой информации в сети Интернет: проблемы юридической ответственности: научное издание* / А.А. Чеботарева. – Чита: ЧитГУ, 2009. – 129 с.

Институт юридической ответственности в сети Интернет является тем правовым явлением, который практически неисчерпаем в качестве предмета научного анализа. Автор, опираясь на труды видных ученых, развивает идею ответственности средств массовой информации за распространение в сети Интернет диффамационных материалов, характеризует особенности реализации принципа свободы слова в балансе с соблюдением прав личности.

Ситуация осложняется тем, что сегодня можно говорить только о начальной стадии правоприменительной практики, что не может не сдерживать процесс разработки соответствующих дополнений и изменений действующего законодательства.

Монография адресована и интересна судьям, практикующим юристам, научным работникам, студентам юридических вузов, специалистам в области информационного права.

Русанова А.А. *Модели электорального поведения в Забайкальском крае: научное издание* / А.А. Русанова, В.И. Лыков, Е.В. Филиппова, М.В. Номоконов. – Чита: ЧитГУ, 2009. – 129 с.

Монография посвящена изучению регионального электорального процесса, поведению избирателей-забайкальцев в период федеральных и региональных выборов в Забайкальском крае в 2007-2008 гг.

В первой главе определены теоретико-методологические основы изучения электоральных моделей поведения избирателей. Здесь изложены принципы и особенности построения электоральных моделей поведения; рассмотрены классические и современные модели электорального поведения в зарубежной и российской социологии.

Во второй главе авторы раскрывают специфику электорального пространства Забайкальского края; анализируют модели электорального поведения в предвыборных кампаниях в Забайкалье; определяют специфику мотивации электорального поведения; проводят сравнительный анализ динамических моделей электорального поведения в Забайкальском крае.

Монография авторского коллектива весьма актуальна и своевременна, она заслуживает внимания профессиональных социологов, политологов, широкого круга читатлей, интересующихся политическими процессами в нашем обществе.

Содержание / Contents

Колонка редактора / Editor's column 3
Юбилейные даты. *Всю жизнь работать только на отлично* 4
Anniversary. *All life to work only very good.*
Научная жизнь / Scientific life 6
Работа диссертационных советов ЧитГУ в первом полугодии 2009 г.
Dissertation Councils Activity of ChSU in First Half-Year of 2009 7

Искусствоведение / Art History

Маточкин Е.П., Национальный музей республики Алтай
Проблемы преемственности в изобразительном искусстве народов Сибири
E. Matochkin. *Problems of continuity in the fine art of siberia people* 10

Науки о земле / Earth Sciences

Барабашева Е.Е., Стремецкая Е.О., ЧитГУ, г. Чита
Проблемы рационального природопользования в горнодобывающих районах Забайкальского края (на примере Кличкинского рудного узла)
E. Barabasheva, E. Stremetskaya
Efficient nature management in mining areas of Zabaicalsky krai (by the example of Klichkinsky ore node) 15

Донцов А.В., ГУЗ, г. Владивосток, **Родоманская С.А.,** ДальГАУ, г. Владивосток
Методические вопросы разработки карты эколого-хозяйственного районирования сельскохозяйственных земель Амурской области
A. Dontsov, S. Rodomanskaya
Methodology of ecological and economical zoning map devepolment of amur region agrycultural areas 21

Шарапов Н.М., ЧитГУ, г. Чита
К расчету доли внутриводоемных процессов в трансформации загрязняющих веществ в водотоке
N. Sharapov
On computation of intrabasin processeses' contribution to water-flow contaminants transformation..... 28

Педагогика / Pedagogics

Алексеева Е.Е., БГА РФ, г. Благовещенск
Отдельные концептуальные положения создания креативно ориентированной математической подготовки в вузе на примере раздела «Числовые ряды»
E. Alekseeva
Particular concepts of creativ mathemetical training introduction in universities by example of 'numerical series' unit 33

Гурулева Т.Л., ЧитГУ, г. Чита
Теоретико-методологические основы формирования поликультурной полилингвальной личности в системе высшего языкового образования
T. Guruleva
Theoretical and methodological principles of polycultural and polylingual personality formation within the system of higher linguistic education 37

Калина Н.Д., ВГУЭС, г. Владивосток
Инновационная технология формирования конструктивно-графических умений у студентов
N. Kalina
Innovative technology of students' constructive and graphi skills formation abilities formationat students 46

Политология / Politology

Деревянченко Ю.И., ОмГПУ, г. Омск
Политическая теология и правовое государство. Уроки Карла Шмитта
Y. Derevyanchenko
Political theology and law-based society. Karl Shmidt's lessons 50

Жбанова Е.А., ЧитГУ, г. Чита
История и современные тенденции развития информационных технологий в управлении
E. Zhbanova
The history and modern trends of information technology development in government management 55

Зуляр Р.Ю., ИрГУ, г. Ирк утск
Политическая социализация студенчества как неотложная проблема современной России
R. Zulyar
Political Socialization of Students as an Urgent Issue of Contemporary Russia 61

Право / Law

Лепехин И.А., ТвГУ, г. Тверь
Правовая природа института ипотеки
I. Lepekhin
On a problem of legal nature of mortgage services 67

Протасов Д.В., ТвГУ, г. Тверь
Охрана права на секрет поизводства (ноу-хау)
D. Protasov
Trade secret rights (know-how) Protection 70

Психология / Phsychology

Бондаренко И.В., ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского, г. Чита
Личностная обусловленность оформления внешности (на примере молодежных субкультур)
I. Bondarenko
Personal determination in image making (by example of youth subcultures) 73

Попова Н.Н., ЧитГУ, г. Чита
Взаимодействие этнических и личностных особенностей как факторов креативности
N. Popova
Ethnic and personal features interaction as a creativity factor 79

Чернявский А.А., МГУ им. адм. Г.И. Невельского, г. Владивосток
Эффективные менеджеры по продажам: психологические особенности
A. Chernyavskiy
Effective sales managers: personal features 84

Филология / Philology

Атсанавонг С.Г., ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского, г. Чита
Антропонимы в языке старомонгольского памятника «Эрдэнийн Сан Субашид»
S. Atsanavong
Language Anthroponomy of the antient Mongolian script «The Treasury of Wise Sayings»..... 89

Бринев К.И., АлтГПА, г. Барнаул
Судебная лингвистическая экспертиза как отрасль современной прикладной лингвистики
K. Brinev
The legal linguistic expertise AS a field of modern applied linguistics..... 93

Гизатова Г.К., Казанский ГАУ, г. Казань
«Ложные друзья переводчика» в лексико-фразеологических средствах русского, английского и немецкого языков
G. Gizatova
An 'interpriter false friends' in lexical and phraseological units of Russian, english and german languages..... 99

Гуревич Л.С., ИрГЛУ, г. Иркутск
Когнитивный подход в анализе перформативных глаголов
L. Gurevich
Cognitive method in analysis of performative verbs..... 105

Дворяшина Н.А., СурГПУ, г. Сургут
Проблема «Другого» в отношениях
«мать-дитя» в осмыслении З. Гиппиус
N. Dvoryashina
The issue of the "Other" in mother-child relationship in interpretation of Z. Gippius 112

Занина А.Н., ТвГУ, г. Тверь
Энантиоприрода эпентезы: на грани известного и неизвестного
A. Zanina
Enantionature of epenthesis: on the verge of known and unknown 120

Конарева Н.Н., ИвГУ, г. Иваново
Метафорическая репрезентация концепта «Любовь»
в поэтических текстах М. Цветаевой и Н. Гумилева
N. Konareva
The metaphorical representation
Of the "love" concept in the poetry of .M. Tsvetayeva and n. Goumilyev 124

Лунькова Л.Н., КГПИ, г. Коломна
Особенности текстового отражения в жудожественной литературе
L. Luncova
On features of fiction text content 128

Любимова Л.М., ЧитГУ, г. Чита
Социальные модули устойчивых формул деловых памятников
как объект исторической фразеологии
L. Lubimova
Social models of constant phrases of written
Archive texts as the object of historical phraseology 134

Серебрякова З.А., ВСКАГИ, г. Улан-Удэ
Национальный характер в бурятском историческом романе 1958-1965 гг.
Z. Serebryakova
National character in the Buryat historical novel (1958-1965) 141

Смолина М.Б., ИвГУ, г. Иваново
Полевая организация речевых жанров «Приветствие» и «Прощание»
(на материале драматургических произведений А.А. Потехина)
M. Smolina
Field-model construction of 'greeting' and 'farewell' speech genres
(by example of potekhin's dramatic art) 150

Соколова Т.А., ИрГЛУ, г. Иркутск
Степень концентрации словообразовательной
активности при чтении на иностанном языке
T. Sokolova
The concentration degree of word-formation activity during foreign text reading 154

Хилханова Э.В., ВСКАГИ, г. Улан-Удэ
Лингвистические факторы переключения кодов (на материале современной языковой ситуации в этнической Бурятии)
E. Khilkhanova
Linguistic factors of code-switching (by example of contemporary language position in ethnic buryatiya) 160

Федяева Н.Д., ОмГПУ, г. Омск
Семантика нормы в предложениях характеризации
N. Fedyaeva
The «standard» notion in the characterization sentences 165

Чугунова С.А., ТвГУ, г. Тверь
Динамическая основа концептуального времени: экспериментальные исследования
S. Chugunova
Dynamic basis of conceptual time: Experimental investigations 170

Философия / Philosophy

Арзуманов И.А., ИрГУ, г. Иркутск
Семантико-морфологический дискурс культурно-цивилизационного подхода к категории «Религиозное пространство»
I. Arzumanov
Cultural and civilization approach to the category of 'religious space' in semantic and morphology discourse 176

Днепровская И.В., ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского, г. Чита
Славянофилы о западном и российском типах правопонимания
I. Dneprovskaya
Slavofils about western and russian tipes of law-undestending 182

Жуков А.В., ЧитГУ, г. Чита
Религиозность, этничность и патриотизм военнослужащих на территории Забайкальского края
A. Zhukov
Religiosity, ethnicity and patriotism of the Zabaikalsky kray military 189

Шевнин А.Б., УрГИ, г. Екатеринбург
Эрратология: пути становления
A. Shevnin
Erratology: ways of development 196

Шерстянкина Т.В., ЧитГУ, г. Чита
Диалектика внутрирегионального взаимодействия в Забайкальском крае

T. Sherstyankina
Dialektic of intraregional cooperation in Transbaikal region 201

Математика и информатика / Mathematics and Information Science

Абакумов Ю.Г., ЧитГУ, г. Чита
О некоторых «опровержениях» теоремы Г. Кантора о несчетности множества действительных чисел
Yu. Abakumov
On some "disproofs" of G. Cantor's Nondenumerability of real numbers set theorem 207

Социология / Sociology

Романова Н.П., ЧитГУ, г. Чита
Феномен статусной неконсистентности
N. Romanova
Status inconsistence phenomenon 212

Книгоград / Knigograd 218

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4 (55) **2009**

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова
Литерат. редактор А.А. Шалавина
Технический редактор М.А. Витовская
Подписано в печать 25.09.2009
Сдано в производство 27.09.2009
Форм. бум. 60 х 84 1/8 Бум. тип. № 2
Печать офсетная Гарнитура литературная
Уч.-изд. л. 18,3 Усл. печ. л. 17,0
Тираж 500 экз. Заказ № 86

Читинский государственный университет
672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30

РИК ЧитГУ
672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30
41-67-18